

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»*

Великая Отечественная война

в современном
общественно-
историческом
сознании
историческая
память,
восприятие,
увековечение

**Материалы
Всероссийской научной конференции
Москва, Архив РАН, 16 мая 2016 г.**

УДК 94(47+57)<1941/1945>: 316.653(082)
ББК 63.3(2)622+ 60.561.3
В27

Утверждено к печати Ученым советом Архива Российской академии наук.

Ответственный редактор – чл.-корр. РАН Е.И. Пивовар;
ответственный составитель – к.и.н. В.Ю. Афиани;
составитель – к.и.н. И.Н. Ильина.

Рецензенты:
д.и.н. А.А. Киличенков
к.и.н. И.Г. Тараканова

В27 Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Е.И. Пивовар. — М.: Архив РАН, 2016. — 215 с.

В сборник включены тексты докладов участников Всероссийской научной конференции «Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение)», прошедшей в г. Москве 16 мая 2016 г. Они посвящены широкому кругу проблем формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне и современного общественно-исторического сознания.

Тексты докладов и выступлений публикуются в авторской редакции.

Издание осуществлено при финансовой поддержке и в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»;
направление: «Факторы этнокультурного развития и принципы самоопределения в современных условиях»;
проект 4.7.: «Пути и механизмы предотвращения конфликтов, выработки неконфликтных версий прошлого, политики коммеморации (почитания и увековечивания героев, побед, исторических драм)».

ISBN 978-5-9902500-0-0

© Архив РАН, 2016
© РГГУ, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Пленарное заседание

<i>Пивовар Е.И.</i> Великая Отечественная война и общественно-историческое сознание современной России	9
<i>Сенявская Е.С.</i> Освободительная миссия Красной Армии в 1945 г. и реформатирование исторической памяти о ней в современной Европе	12
<i>Афиани В.Ю.</i> Мемориал на Поклонной горе и проблемы коммеморации	21

Секция 1: Великая Отечественная война в документах, фактах, архивных собраниях

<i>Ащеулов О.Е.</i> Развитие гвардейских минометных частей в 1941—1942 гг. на основе постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР и архивных материалов из «особой папки Г.М. Маленкова»	29
<i>Бойко Н.В.</i> О начале Великой Отечественной войны в дневниках современников — С.И. Вавилова, В.И. Вернадского, И.М. Майского	36
<i>Быстрова О.В.</i> «Писатели на фронтах Великой Отечественной войны»: биобиблиографический словарь. Перспективы исследований военной темы в Отделе рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького	46
<i>Елина О.Ю.</i> Расхищение научных ценностей в годы Великой Отечественной войны: проблемы документации, этики и реституции	52
<i>Косырева Е.В.</i> Освещение истории Великой Отечественной войны в трудах Архива РАН	61
<i>Рахаев Дж.Я.</i> Вторая мировая война и оккупация Северного Кавказа в «Воспоминаниях» Н.Н. Поппе	66
<i>Самоделова Е.А.</i> Великая Отечественная война в меморатах о Е.В.Честнякове и других жителях Кологривского района Костромской области	71
<i>Федоров М.Л.</i> От Демьяна Бедного к Демьяну Боевому (по материалам ОР ИМЛИ РАН)	89

Секция 2: Академия наук и Великая Отечественная война

<i>Бухерт В.Г.</i> «В эти грозные дни надо было быть вместе». Письма академика Б.Д. Грекова. 1941—1944 гг.	95
<i>Гуськов А.Г.</i> Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941—1945 гг.: опыт создания специализированного интернет-портала	115
<i>Дроздов К.С., Лаптева Т.Н.</i> Новые документы о работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны в личном фонде И.И. Минца	121
<i>Киселев М.Ю., Крамаренко И.Б.</i> Документы о помощи семьям фронтовиков в Академии наук СССР в 1942—1945 гг.	127
<i>Кузьменко Т.А.</i> Ученые — фронту: деятельность академика Л.С. Штерн во время Великой Отечественной войны	131
<i>Осипова Н.М.</i> Обзор документов по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в фондах Архива РАН	136

<i>Мельников А.В., Полонский Д.Г.</i> Летопись Российской академии наук периода Великой Отечественной войны: источники и методические проблемы составления справочного издания	142
<i>Серазетдинов Б.У.</i> Вклад ученых РАН в становление и развитие военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы	155
<i>Тихонов В.В.</i> Комиссия по истории Великой Отечественной войны как крупнейший проект XX века по инициативному документированию	166
<i>Хартанович М.Ф.</i> Кунсткамера в блокадном Ленинграде: по воспоминаниям сотрудников.....	172

***Секция 3: Великая Отечественная война в памяти
и историко-патриотическом сознании***

<i>Бровина А.А., Лисевич Н.Г.</i> «Хочется оставить добрую память о днях военного лихолетья...»: письма и воспоминания ученого, ветерана Великой Отечественной войны А.Ф. Ануфриева.....	177
<i>Иноземцева З.П.</i> Великая Отечественная война в восприятии послевоенных поколений молодежи	182
<i>Мельтюхов М.И.</i> Советское военное планирование кануна Великой Отечественной войны в современных дискуссиях.	190
<i>Миронова Н.П.</i> Великая Отечественная война в исторической памяти современной молодежи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2007–2013 гг.)	201
<i>Садовников С.И.</i> О реализации межправительственного соглашения между Россией и Германией «Об уходе за военными могилами...»	204
Сведения об авторах	213

Предисловие

Изучение проблемы исторической памяти и идентичности в современной историографии — одно из активно развивающихся направлений исследований. Особую значимость эти вопросы приобрели в связи с процессами современного осмысления этих событий в общественно-историческом сознании россиян, а также с расширяющимися попытками пересмотра вклада нашей страны в победу во Второй мировой и Великой Отечественной войне. В отечественной и зарубежной литературе, в средствах массовой информации ведутся многочисленные дискуссии вокруг истории войны и оценки ее событий, оказывающие воздействие на формирование исторической памяти российского общества. Эти процессы показывают актуальность исследований по данным темам и в научном, и в общественно-культурном плане.

В рамках реализации Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Историческая память и российская идентичность», проект 4.7: «Пути и механизмы предотвращения конфликтов, выработки неконфликтных версий прошлого, политики коммеморации (почитания и увековечивания героев, побед, исторических драм)» (руководитель проекта чл.-корр. РАН Е.И. Пивовар), Архив Российской академии наук, совместно с Российским государственным гуманитарным университетом, организовал и провел в мае 2016 г. Всероссийскую научную конференцию «Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение)». К научной конференции была подготовлена специализированная одноименная документальная выставка из фондов Архива РАН, отразившая деятельность Академии наук СССР в военный период.

В Оргкомитет конференции поступило 35 заявок от ученых-исследователей, в том числе историков, филологов, архивистов. В заседаниях конференции были заслушаны 26 докладов и научных сообщений. В числе авторов докладов — сотрудники Архива РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Института российской истории РАН, Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Коми Научного Центра Уральского отделения РАН, Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела, Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, журналов «Вестник архивиста», «Исторический архив» и «Военная археология».

Сборник материалов конференции подготовлен на основе докладов, представленных в ходе пленарного и секционных заседаний. В них были затронуты различные аспекты исторической памяти о Великой Отечественной войне и современного общественно-исторического сознания. Авторами докладов были поставлены теоретические и методические проблемы исторической памяти, проанализированы концепции и основные тенденции в современных исследованиях о войне, представлены документальные свидетельства из архивных собраний, дневников и воспоминаний, освещена история Академии наук в военный период, а также проблемы отражения Великой Отечественной войны в искусстве и художественной литературе.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

Информация о научном мероприятии была размещена на сайтах «Архивы РАН» (www.aaran.ru) и журнала «Вестник архивиста» (www.vestarchive.ru).

Авторы-составители сборника: президент РГГУ, чл.-корр. РАН Е.И. Пивовар (руководитель проекта, отв. редактор), директор Архива РАН, к.и.н. В.Ю. Афиани (отв. составитель), заместитель директора Архива РАН, к.и.н. И.Н. Ильина (составитель).

Организаторы конференции и составители сборника надеются, что опубликованные доклады и сообщения будут способствовать научной разработке проблем исторической памяти и российской идентичности, вовлечению новых исторических источников и возникновению новых идей, противодействовать ошибочным и недобросовестным концепциям и оценкам.

Архив Российской академии наук выражает свою искреннюю признательность всем учреждениям и исследователям, принявшим участие в конференции.

Проведение конференции и издание материалов осуществлено на средства Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «*Историческая память и российская идентичность*», проект 4.7.: «*Пути и механизмы предотвращения конфликтов, выработки неконфликтных версий прошлого, политики коммеморации (почитания и увековечивания героев, побед, исторических драм)*».

Организационный комитет конференции

Пивовар Е.И., чл.-корр. РАН, президент РГГУ — председатель
Афиани В.Ю., к.и.н., директор Архива РАН — заместитель председателя
Ильина И.Н., к.и.н., зам. директора Архива РАН — ответственный секретарь
Осипова Н.М., к.и.н., ученый секретарь Архива РАН
Козлов В.П., чл.-корр. РАН, Архивный совет РАН
Толстикова А.Г., чл.-корр. РАН, Архив РАН
Анфертьев И.А., к.и.н., гл. редактор журнала «Вестник архивиста»
Девятов С.В., д.и.н., зав. кафедрой, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Пленарное заседание

Великая Отечественная война и общественно-историческое сознание современной России

Семидесятилетие Победы в Великой отечественной войне и окончания Второй мировой войны, безусловно, оказывают серьезное воздействие на общественно-историческое сознание современной России.

Отечественная историческая наука проделала огромную работу по подготовке значительного числа обобщающих работ, документальных публикаций, монографических исследований и сборников статей, посвященных данной проблематике. Было организовано большое количество выставок в ведущих музеях, архивах и библиотеках страны. Наша конференция проходит также параллельно с открывающейся в Архиве РАН выставке, посвященной юбилею Победы в Великой отечественной войне.

В качестве конкретных примеров этой многогранной деятельности можно привести и усилия Российского общества историков-архивистов. В последние два года мы провели ряд важнейших международных конференций, посвященных военной тематике. Прежде всего, следует отметить, например, конференцию, посвященную 70-летию Ялтинской конференции 1945 г., которая была организована Обществом в Симферополе и Ялте и проведена на базе Федерального Таврического государственного университета¹, а также международную конференцию, проведенную на базе Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве². По итогам этих встреч ученых и архивистов опубликованы обстоятельные сборники научных статей.

Всенародное празднование 70-летия Победы породило несколько массовых народных инициатив. Среди которых, прежде всего, следует отметить движение «Бессмертный полк», которое только расширяется и приобретает фактически мировой характер. В этом году в акции приняли участие жители всех континентов. Показательна и международная акция в память действий на фронтах Великой Отечественной легендарной Панфиловской дивизии под лозунгом «Нас миллионы панфиловцев». Акция, начавшаяся в РФ, была поддержана молодежью Киргизии, Казахстана, Белоруссии и должна завершиться массовым мероприятием в Москве в канун 75-летия контрнаступления Красной армии под Москвой, в декабре 2016 года.

Разумеется, активное участие широких кругов российского общества в акциях, направленных на сохранение исторической памяти о Великой победе, в значительной мере связано и с непрекращающимися ни на один день многочисленными попытками исказить подлинную историю Второй мировой войны в целом, и, особенно, историю Восточного фронта и Великой Отечественной войны, в частности. В последние два десятилетия к этим неблагоприятным действиям присоединились и представители радикальных националистических кругов стран постсоветского зарубежья и, прежде всего, стран Балтии и Украины.

Конечно, эти попытки замалчивания или преуменьшения роли народов Советского Союза в победе над фашизмом имели место на протяжении всех 70 послевоенных лет. Мне вспоминается подготовка к публикации в журнале «История СССР»

историографических статей об англо-американской историографии Второй мировой войны, которые мы готовили в 1975 году к 30-летию Победы. И тогда, как и сегодня, имели место попытки принижения решающей роли победы Советской Армии под Сталинградом, на Курской дуге или Берлинской наступательной операции. Приведу еще один конкретный пример сегодняшнего дня. Как известно, Гамбург серьезно пострадал в результате войны из-за бомбардировок авиации союзников, были разрушены или повреждены многие шедевры архитектуры. В знак памяти об этих трагических страницах новейшей истории несколько полуразрушенных величественных соборов и колоколен музеефицированы. И вот на вершине одного из таких памятников-жертв войны установлена табличка, на которой сказано: в память о бомбардировках городов Европы в 1939—1945 гг. И далее идет большой список таких городов. Но в нем не указано ни одного из тысячи населенных пунктов на территории Советского Союза или в современных терминах — постсоветского пространства. А ведь разрушения Киева, Минска, да и городов и сел России были колоссальными.

Празднование дня 9 мая, и, конечно, юбилейных дат со дня Победы стало в нашей стране всенародной традицией, оказывало и продолжает оказывать свое основополагающее воздействие на общественно-политическую атмосферу в нашем обществе. В этой связи, хотелось бы вспомнить первый такой юбилей, который на меня, еще школьника, оказал существенное влияние и, в определенной мере, определил дальнейшую судьбу.

Как известно, первый раз страна активно отмечала юбилей Победы в 1965 г. в год ее двадцатилетия. Одним из инициаторов этого движения был писатель С.С. Смирнов, автор «Брестской крепости» и телевизионной программы «Рассказы о героях», которую он вел на Центральном телевидении в канун праздника³. Именно тогда, из его уст, страна узнала о подвиге героя Сопrotивления Федора Полетаева⁴. И вот я, стараясь не пропустить ни одной его передачи, резко поменял свои планы. Дело в том, что еще с начальной школы увлекаясь историей, я готовил себя в археологи. Ездил в экспедиции, занимался в археологическом кружке при Государственном историческом музее. И вот вся атмосфера предстоящего праздника — двадцатилетия победы — подтолкнула, правда, вместе с советами моей учительницы истории в старших классах З.И. Чистяковой, обратиться к новейшей истории нашей страны, о чем я никогда не жалел, хотя до сих пор с огромным уважением отношусь к трудам и находкам своих коллег — археологов.

С каждым прошедшим после окончания Великой Отечественной войны годом остается все меньше живых участников тех героических событий. И, хотя для поколения конца 40-х- начала 50-х годов, то есть первого послевоенного поколения, к которому принадлежу и я, никогда эта память о войне, ее героизме и трагедиях, огромных невосполнимых потерях не станет «пустым» звуком, все-таки последние годы как-то было горько сознавать, что национальная, общественная память об этом может постепенно уйти вместе с последними участниками тех героических событий, будет заслоняться новыми радостями и горестями грядущих поколений.

Однако эти опасения, слава богу, оказались напрасными. Когда в Томске, никем не «организованные» люди вышли на площадь с портретами своих близких, участвовавших в войне, трудившихся в тылу в годы военного лихолетья, и эта народная инициатива была подхвачена сотнями тысяч наших граждан, я понял, что все усилия и наших литераторов, и наших журналистов, кинематографистов, художников, библиотекарей, учителей, и профессоров и, конечно, историков и архивистов оказались не напрасными.

И эта благодарная память новых поколений тем героям, кто обеспечил им само существование на своей родной земле уже невозможно уничтожить. Вместе с тем сами эти подлинно народные инициативы увековечивания общенационального подвига не снимают с нас — профессиональных историков гражданской и профессиональной ответственности продолжить научное исследование истории Великой Отечественной войны, которое таит еще много неизвестных героических и трагических страниц нашей общей истории.

¹ Великая Отечественная. К 70-летию народного подвига. Материалы Международной научной конференции «Ялта-45. Крымская конференция 1945г. в контексте острых вопросов окончания Второй мировой войны и начала войны “холодной”» Симферополь-Москва, 18–19 марта 2015 г. / Отв. ред. Е.И. Пивовар. Москва, 2015

² См. Великая Отечественная к 70-летию народной победы. Материалы международной научной конференции «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда Российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации». Москва, 15 апреля 2015г. / Отв. ред. Е.И. Пивовар. Москва, 2015.

³ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) — русский, советский писатель, историк, радио- и телеведущий, общественный деятель. Много сделал для увековечения памяти о Великой Отечественной войне, ее героев. Его публикации, выступления в печати, на радио и телевидении, в телеальманахе «Подвиг», внесли огромный вклад в поиск пропавших в годы войны, многое им было сделано для восстановления доброго имени солдат, попавших в годы войны в плен, позднее за это осужденных в СССР. Впервые сделал всеобщим достоянием героическую эпопею обороны Брестской крепости, собрал материалы о защитниках крепости. Его передачи на радио и телевидении породили массовое патриотическое движение по розыску неизвестных героев. Теме войны посвящены его книги: «На полях Венгрии», М., 1954, «Брестская крепость» (1957), «Сталинград на Днепре», М., 1958, «В поисках героев Брестской крепости», М., 1959, «Были Великой войны», М., 1966. «Семья», М., 1968, а также пьесы и киносценарии. За книгу «Брестская крепость» (второе, дополненное и расширенное издание — 1965 г.) С.С. Смирнов в 1964 г. был удостоен Ленинской премии. Награжден орденом Ленина.

⁴ Полетаев Фёдор Андрианович (1 [14] мая 1909 — 2 февраля 1945) — советский солдат, участник итальянского движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, Герой Советского Союза, Национальный герой Италии. См.: *Смирнов С.С. Загадка далекой могилы // Смирнов С.С. Рассказы о неизвестных героях. М.: Молодая гвардия. 1964; См. также: Башков В.П., Жданов А.В. Солдат Фёдор Полетаев. — М.: Московский рабочий, 1974. 2-е изд. 1978.*

Освободительная миссия Красной Армии в 1945 г. и переформатирование исторической памяти о ней в современной Европе

В обществе, в том числе и в международных отношениях, всегда идет борьба за интерпретацию истории. В XX веке — веке потрясений мирового масштаба, мировых войн, противостояния сверхдержав, идеологий и двух мировых систем, развернулась настоящая «битва за прошлое» в контексте «холодной войны». Особое значение в этом контексте имела память о войнах — периодах высшего напряжения сил общества и государства, цели, ход и результаты которых «встраиваются» в систему самооценки народов, нередко становясь ядром национального самосознания. Но и после формального окончания «холодной войны» борьба за интерпретацию прошлого не прекратилась, а, напротив, обострилась. После распада СССР и краха «социалистической системы» на первое место вышли проблемы, обостренные масштабными геополитическими сдвигами 1990-х гг.

Прошлый мир держался на модели мироустройства, возникшей в итоге Второй мировой войны, на Ялтинско-Потсдамской системе, закрепившей, в том числе в институциональной форме в виде ООН, послевоенное соотношение сил, сохранявшееся до конца 1980-х гг. С распадом СССР тот мир рухнул, а вместе с ним подвергся «коррозии» и «образ» истории, которая лежала в его основе. Более того, он сознательно подвергается яростным атакам международных сил, заинтересованных в еще более радикальных геополитических изменениях, теперь уже за счет современной России. Поэтому борьба за адекватную, правдивую историческую память имеет для России острую общественную актуальность.

Историческая память формируется разными путями, в том числе прямой передачей «исторических образов» на личностно-семейном уровне. Но в XX веке решающее значение имели институциональные формы — идеология, культура, СМИ, система образования, наука и др. Историческая наука является «институциональным» хранителем исторической памяти. От нее зависит, какой образ истории будет донесен до массового сознания через другие социокультурные институты общества.

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Эта война всегда имела особую значимость для исторической памяти, а значит, и национального самосознания целого ряда военных и послевоенных поколений. Прежде всего это относится к российскому историческому сознанию, которое, несмотря на все ухищрения развернувшейся против России информационной войны на историческом фронте, демонстрирует весьма значительную устойчивость. Так, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX века признается Великая Отечественная война, занимая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. В 1989 г., по данным репрезентативного обследования ВЦИОМ, самым выдающимся событием XX века ее назвали 77%, а в 1994 г. — 73% опрошен-

ных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70% молодежи в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет¹. В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование “Великая Отечественная война в исторической памяти народа”, в ходе которого более 90% респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы 9 мая является для них праздником². Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. В условиях идейной дезориентации современного российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, его ценностным ядром, которое отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны³. А в последние несколько лет многомиллионные шествия по всей стране и даже за её пределами «Бессмертного полка» — потомков уже ушедшего из жизни фронтового поколения — 12 млн. человек в 2015 г. и 24 млн. в 2016 г. — яркое свидетельство тому, что именно неформальная, наиболее устойчивая и менее всего поддающаяся идеологической обработке и пропагандистскому воздействию семейная память о войне вновь, как и в первые послевоенные годы, выходит на первое место среди других, как правило, формальных и институализированных инструментов сохранения исторической памяти.

Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая в деморализованном и утратившем прежние ценностные ориентиры обществе фактором его единения и мобилизации моральных сил народа на выдвижение позитивного и конструктивного сценария будущего развития. Поэтому “сражение за умы” в этом принципиально важном вопросе носит не только “абстрактный” характер, но всегда имело и имеет политическое значение.

В период существования СССР попытки “подправить” историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне, итогов совместной победы. Но с конца 1980-х гг. началась эскалация ревизии основных представлений о войне. Предметом “переосмысления” оказались инициаторы и виновники войны, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и др. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала, и в самом ее характере для разных сторон. Память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий рейх и Советский Союз.

Пик интереса ко Второй мировой войне и одновременно массированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005, 2010, 2015 гг. — годы 60-летия, 65-летия и 70-летия Победы над фашизмом, а также 70-летия и 75-летия начала Второй мировой и Великой Отечественной войн (2009, 2011, 2014, 2016 гг.). Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации, в которых регулярно и сознательно переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. Так, в специальном обзоре РИА Новости, подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на судь-

активную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие “темной стороны” освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»⁴. Эта тенденция демонизации и очернения СССР и советских войск является весьма устойчивой и к каждой новой юбилейной дате лишь нарастает.

При этом даже не упоминается главное — тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву. При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, “демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиниться за собственные преступления”⁵.

Наиболее ожесточенные «бои за историю» в последние годы связаны именно с темой Освободительной миссии Красной Армии в Европе в 1944–1945 гг. И перформативное формирование памяти о ней у современных европейцев достигается различными способами: системой школьного образования, заявлениями политиков и многотиражными изданиями исторической публицистики, публикациями во всех видах СМИ, включая электронные, музейными экспозициями и произведениями игрового кинематографа. И вот закономерный результат. Опрос жителей стран-участниц Второй мировой войны — Великобритании, Франции и Германии в 2015 г.⁶, показал, что только 13% опрошенных «отдали» ключевую роль в освобождении Европы от фашизма Красной Армии, причем в Германии таких 17%, в Великобритании — 13%, во Франции — 8%. В среднем около четверти опрошенных вообще не смогли ответить на вопрос о том, кто сыграл ключевую роль в освобождении Европы, большинство французов (61%) и немцев (52%) отдали её американским войскам, с чем согласно лишь 16% жителей Великобритании, а 46% отдали пальму первенства своей армии. Таким образом, знания и представления жителей Европы о Второй мировой войне кардинально расходятся с реальной историей, а говорить о какой-либо благодарности со стороны Европы по отношению к стране, потерявшей в борьбе с нацистской агрессией 27 млн граждан, понесшей невиданный в истории материальный ущерб, вообще не приходится.

Между тем, в 1944–1945 гг. народы Европы встречали советских воинов как долгожданных освободителей. Не считая европейской России, Красная Армия освободила почти 50% территории современных европейских государств: 11 стран Центральной и Юго-Восточной Европы с населением, значительно превышавшим 120 млн. человек, а в освобождении еще 6 стран участвовала вместе с союзниками. Свыше года около семи миллионов советских воинов сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли за освобождение народов Европы от фашизма⁷. И подвиг их нельзя поставить под сомнение. За освобождение Польши отдали свою жизнь 600 тыс. воинов, Чехословакии — 140 тыс., Венгрии — 140 тыс., Румынии — 69 тыс., Югославии — 8 тыс., Болгарии — ок. 1 тыс., Австрии — 26 тыс., Нор-

вегии — 3,5 тыс. чел., на территории Германии погибли 102 тыс. воинов Красной Армии⁸. Однако в сознании современных европейцев их образ целенаправленно превращается в полчища диких варваров, грабителей, насильников и убийц, растерзавших культурные страны и надругавшихся над несчастной Европой в целом и невинной овечкой Германией в частности.

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ с начала 1990-х гг. Так, в 2002 году вышла книга известного английского историка Энтона Бивора «Падение Берлина. 1945»⁹. О ее содержании можно судить по рекламной статье автора в газете «The Daily Telegraph» под красноречивым названием «Войска Красной Армии насиловали даже русских женщин, которых они освобождали из лагерей». Эта публикация вызвала гневное письмо в редакцию посла Российской Федерации в Великобритании Григория Карасина от 25 января 2002 г.¹⁰

В Центральном архиве Министерства обороны РФ хранятся материалы политотделов с донесениями о «чрезвычайных происшествиях и аморальных явлениях», следственные дела и приговоры военных трибуналов, где можно найти немало примеров девиантного поведения. Но виновные в этих преступлениях составляли не более 2% от общего числа военнослужащих. Кроме того, многие преступления совершались дезертирами, репатриантами, уголовными элементами всех национальностей, провокаторами и диверсантами, переодетыми в красноармейскую форму, с которыми советским войскам приходилось бороться в собственном тылу, неся при этом потери личного состава. А авторы, подобные г-ну Бивору, распространяют свои обвинения на всю Советскую армию в целом. Кстати, книга Бивора была переведена на русский язык и издана в России в 2004 г. — накануне юбилея Победы.

В 2005 г. последовала очередная разоблачительная «сенсация» от бывших союзников по Антигитлеровской коалиции: «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка Макса Гастингса “Армагеддон: Битва за Германию, 1944—1945”, посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его “первобытным изнасилованием целой нации”»¹¹.

В 2006 г. на русском языке выходит книга немецкого автора Иохима Гофмана «Сталинская истребительная война (1941—1945 гг.). Планирование, осуществление, документы»¹², широко распространявшаяся за рубежом с середины 1990-х годов и только в Германии выдержавшая четыре издания. Несколько глав посвящено последним месяцам войны под вполне определенным ракурсом, о чем свидетельствуют их названия: ««Ни пощады, ни снисхождения». Зверства Красной Армии при продвижении на немецкую землю», ««Горе тебе, Германия!» Злодеяния находят свое продолжение». Перечень литературы, возрождающей дух и букву геббельсовской пропаганды в новых исторических условиях, можно продолжать довольно долго.

Не менее мощными провокативными поводами становились художественные фильмы — «Безымянная. Одна женщина в Берлине» (2008), «Четыре дня в мае» (2011), «Наши матери, наши отцы» (2013) и другие, весьма талантливо использующие средства кинематографа для воздействия на эмоциональную сферу зрителя, в основном слабо знакомого с реальной историей и уязвимо для профессионально сработанной пропаганды.

70-летний юбилей Великой Победы и предшествовавшие ему многочисленные скандальные заявления политиков ряда европейских стран на тему Второй мировой войны ясно продемонстрировали короткую историческую память тех, кого в 1945 году освободила от фашистской оккупации Красная Армия, и кто, по большому счету, самим своим существованием (как в виде суверенных государств, так и собственно сохранивших национальную идентичность народов) обязаны советскому солдату. Последней каплей в те юбилейные дни мая 2015 г. стал даже не отказ многих глав государств от приглашения участвовать в торжественных мероприятиях в Москве, а откровенный и циничный демарш культурного комитета ООН (!), по требованию которого в Женеве была подвергнута цензуре выставка «Помни... Мир спас советский солдат!», организованная Российским военно-историческим обществом. Из экспозиции убрали стенды об освобождении стран Восточной Европы Красной Армией, так как их «не удалось согласовать с представителями Польши, Румынии и Болгарии», также были убраны стенды, посвященные освобождению Чехословакии и Югославии. Таким образом, в выставке, посвященной Освободительной миссии, не осталось места для рассказа об Освобождении. Кроме того, демонтажу подлежали стенды, где был отражён приход к власти нацистов, а также злодеяния Третьего рейха, связанные с массовым истреблением людей в концентрационных лагерях. «Представители ООН инспектировали каждую фотографию и каждую подпись...»¹³.

Юбилейные мероприятия прошли, но информационная война продолжалась. 2–4 июня 2015 г. в Высшей школе экономики в Москве состоялась Международная научная конференция «Европа 1945: Освобождение, оккупация, возмездие», в анонсе которой говорилось: «1945-й был годом новых ожиданий и годом сведения старых счетов. Для одних приход Красной Армии принес освобождение от нацистского господства, а установление советского правления открыло новые возможности и горизонты. В представлении других — этот год ознаменовался страхом новой оккупации и расплаты за прежние деяния, совершенные под нацистской властью. Оккупация и освобождение, нередко происходившее под знаменем реванша, имели далеко идущие последствия. Возникшие в тот период властные динамики и фобии продолжают ощущаться даже сейчас, семьдесят лет спустя»¹⁴. При этом тематические акценты в названиях заявленных докладов были заметно смещены с понятия «освобождение» в сторону описания «ужасов» «новой оккупации» и «возмездия». Несколько дней спустя, 8–9 июня 2015 г. в г. Катовице в Польше прошла организованная Институтом национальной памяти Международная конференция «Аспекты Советского присутствия в Восточной и Центральной Европе в 1945 году», главная тема обсуждения которой была обозначена как «отношение Красной Армии к народам, подвергшимся вторжению и впоследствии оккупированным, в особенности преступления, совершенные советскими солдатами против гражданского населения»¹⁵.

Вскоре в Европе развернулся очередной этап «войны с памятниками» советской эпохи, прежде всего на территории Польши. Так, в конце марта 2016 г. Институт национальной памяти Польши в лице своего директора Лукаша Каминьского, в рамках программы десоветизации Польши и борьбы с тоталитарным влиянием Советского Союза, озвучил планы по демонтажу около 500 памятников советским воинам-освободителям¹⁶. В том же марте 2016 г. в польский прокат вышел польско-французский художественный фильм «Невинные» — об изнасилованных в 1945 г. красноармейцами польских монахинях¹⁷.

Такая вот «историческая память» и «благодарность» за освобождение от фашизма... При этом потоки информационной грязи, которую европейские лидеры продол-

жают лить на армию-Освободительницу, не иссякают. И пора уже нам прекратить оправдываться перед этими забывчивыми господами, а, отставив политкорректность, заставить их взглянуть на себя в историческое зеркало. Тем более, что рассекреченные недавно архивные документы открывают для этого все возможности.

Красную Армию обвиняют в «преступлениях по отношению к мирному немецкому населению», раздувая отдельные случаи девиантного поведения военнослужащих (которые, кстати, в отличие от аналогичных поступков англо-американских союзников в Западной зоне оккупации Германии, как правило, остававшихся безнаказанными, строго карались советским командованием и военными трибуналами) до миллионных масштабов и навешивая ярлык «мародеров и насильников» на всех без исключения советских солдат. Что ж, давайте изучим поведение по отношению к побежденным немцам «культурных и цивилизованных граждан» европейских стран, которые в своей жажде мщения порой превосходили по жестокости действия самих немцев на оккупированных ими территориях. И обнаружится, что в 1945 г. гражданские немцы повсеместно обращались за помощью к советским военнослужащим, умоляя спасти их как от разношерстных банд из числа «близких соседей», так и от произвола польских властей на подконтрольных им территориях. И утверждали, что «видят защиту только в лице Красной Армии»¹⁸.

Еще в секретном докладе от 5 марта 1945 г. заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия подчеркивалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»¹⁹. Но и польское население, и даже новые польские власти отличились массовыми притеснениями и жестокостью по отношению не только к немецким военнопленным, но и к «гражданским» немцам. «Местные жители, поляки из онемеченных польских семей, пользуясь благоприятной возможностью, устремились на грабеж хозяйств своих бывших соседей-немцев. Советское командование даже вынуждено было принимать целый ряд мер по предотвращению массовых грабежей немецких дворов и разграбления промышленных и иных предприятий в зонах оккупации. ...Отношения между немцами и поляками в занятых советскими войсками районах были очень напряженными. Польские власти, принимая от Красной Армии переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах, ввели телесные наказания за неповиновение»²⁰. Не случайно в одном из политических донесений Военного совета 1-го Украинского фронта приводятся слова немецких жителей: «Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать»²¹.

Особенно обострилась ситуация в ходе передачи ряда территорий Германии под юрисдикцию Польши и выселения оттуда этнических немцев, что, по свидетельству очевидцев, происходило в крайне жестокой форме. Отчитываясь перед вышестоящим командованием об обстановке в местах дислокации своих частей, работники политотделов Красной Армии прикладывали к донесениям выдержки из перлюстрированных военной цензурой писем немецких граждан своим родственникам, где очень подробно и нелестно рассказывалось о том, что происходило между немцами и поляками на территории Восточной Пруссии, Силезии и Померании.

Так, в спецсообщении военного цензора НКГБ по Германии от 4 сентября 1945 г. приведены выдержки из писем немцев, где они жалуются на отношение к ним со стороны поляков: «Сразу восемь поляков вошли в квартиру, мама прибежала вниз, чтобы

не быть изнасилованной...»; «Поляки свирепствовали... Многие девушки и женщины изнасилованы и избиты; ночью ломали двери, стреляли и грабили все лучшее»; «Самыми плохими были, конечно, поляки...»; «Поляки стояли за нашими плечами с резиновыми плетками». И там же звучат признания: «У русских нам было очень хорошо...»; «Когда русские пришли, они нам ничего не сделали. Но поляки хуже, они у нас все отобрали, что у нас было...»; «Русские, которые действительно имеют основание на ненависть, слишком мягки»; «Русские лучше поляков...»; «Мои братья и сестры ... работали у порядочных русских, потом пришли поляки и прогнали их плетками»; «При русских, которые были до 13 июля, никто не хотел убегать из города, а при поляках все вынуждены это делать»; «...Наш дом был занят русскими. Позднее пришли поляки, которые в течение получаса выгнали нас из дома резиновыми нагайками. Никаких продуктов и вещей мы не могли взять с собой...»; «Однажды к нам пришли поляки и погрузили нас больных в течение получаса в товарные вагоны. Десять дней мы были в дороге... Питались краюшками хлеба, которые бросали русские детям...»²².

В докладе генерал-лейтенанта Щелаковского генерал-лейтенанту Бокову от 25 августа 1945 г. о беседе с бывшим президентом Рейхстага Павлом Лебе говорится, что *«немецкое население из районов, передаваемых полякам, выселяется, ничего на человечески похожего нет. Незначительное количество имущества, даваемое на руки, дорогой всё равно отбирается. Сам Лебе ехал в Берлин на эшелоне с углем. Там же ехали беженцы, кто как сумев пристроиться. Ввиду того, что поезд идет тихо, поляки ходят, скидывают последние вещи у беженцев. По дорогам царит безжалостный бандитизм со стороны поляков. Лебе просит к эшелонам с углем хотя бы 2—3 вагона выделять для беженцев, перевезя их через самую опасную зону грабежей, где хозяйничают поляки, чтобы эти вагоны, как и эшелоны с углем, охранялись охраной Красной Армии, так как население тех районов видит защиту только в лице Красной Армии»*²³.

Немилосердие и даже крайнюю жестокость по отношению к побежденным немцам проявляли и другие народы, побывавшие под фашистской оккупацией. Так, в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что *«За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления... Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»*²⁴. Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»²⁵.

Документы свидетельствуют и о поведении репатриантов, пестрые интернациональные толпы которых загрохотали дороги Германии: возвращаясь домой из немецкого рабства, они не упускали случая отомстить своим недавним хозяевам и просто поправить своё «материальное положение» за счет проигравшей стороны. Так, в докладе наркома внутренних дел СССР Л.Берия Сталину, Молотову и Маленкову от

11 мая 1945 г. о проводимых мероприятиях по оказанию помощи местным органам в городе Берлине говорилось: «В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества»²⁶.

Примеры такого рода приводятся и в дневниках австралийского военного корреспондента Осмара Уайта: «Военные власти сумели установить некоторое подобие порядка на освобожденных территориях. Но когда бывшие подневольные рабочие и узники концлагерей заполнили дороги и начали грабить один городок за другим, ситуация вышла из-под контроля... Некоторые из переживших лагеря собрались в банды для того, чтобы расчитаться с немцами. Малонаселенные районы, которые не пострадали во время боевых действий, нередко страдали от разбоя этих банд...»²⁷ Этот же военный корреспондент свидетельствовал: «В Красной армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием нервозности, вызванной неумеренностью манер русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, от которых волосы встают дыбом, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух или по бутылкам...»²⁸

Сегодня на Западе тема «бесчинств и преступлений» в отношении мирного населения и массовых изнасилований, якобы совершенных Красной Армией в Германии и других странах на завершающем этапе войны, является едва ли не самым модным трендом²⁹. Неблагодарная старушка-Европа, никогда не страдавшая целомудрием (как физиологическим, так и политическим), замаранная массовым коллаборационизмом в годы нацистской оккупации, не может простить победившему фашизму русскому солдату именно то, на что сама неспособна, — великодушие и гуманизм, отличавшие советского воина-освободителя в далеком 1945-м году. И из кожи вон лезет, чтобы облить грязью тех, кто жертвовал собственной жизнью, спасая не только свой, но и чужие народы от уничтожения и порабощения.

¹ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 12—13.

² См.: Меркушин В.И. Великая Отечественная война 1941—1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58, 60.

³ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.

⁴ «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиозфире. РИА Новости. № 46. 6—19 апреля 2005 г. С. 9.

⁵ Трубникова Н. Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С. 176.

⁶ Опрос проводило агентство ICV Recherche для агентства Sputnik в рамках проекта Sputnik с 20 марта по 9 апреля 2015 г.

⁷ См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 325—326; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419.

⁸ Там же.

⁹ Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L.: Viking, 2002.

- ¹⁰ Карасин Г. Ложь и инсинуации в статье, опубликованной в «The Daily Telegraph». Письмо редактору «The Daily Telegraph». 25 января 2002 // <http://www.inosmi.ru/translation/140008.html>
- ¹¹ Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С. 148, 157–158.
- ¹² Гофман Иоахим. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М.: АСТ, Астрель, 2006.
- ¹³ ООН подвергла цензуре выставку «Помни... Мир спас советский солдат!» // Известия. 2015. 21 мая.
- ¹⁴ Опубликована программа Международной научной конференции «Европа, 1945: Освобождение. Оккупация. Возмездие» // <https://www.hse.ru/war/news/150247352.html>
- ¹⁵ Новоселова Е. Как насилуют историю. В год 70-летия Победы над фашизмом поляки пригласили российских историков обсудить «вторжение Красной Армии» // Российская газета. 2015. 24 марта.
- ¹⁶ В Польше снесут 500 памятников, построенных «в благодарность СССР» // Вести.ру. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2737591>
- ¹⁷ «Невинные» – новая франко-польская драма Анн Фонтен // <http://cinewest.ru/nevinnye-novaya-franko-polskaya-drama-ann-fonten/>; Невинные (2016) <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/euro/119106/annot/>
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4883. Д. 19. Лл. 283–284.
- ¹⁹ Власть. 2000. № 6 (357). С. 47.
- ²⁰ Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 370–371.
- ²¹ Цит. по: Лавренов С.Я., Попов И.М. Указ. соч. С. 371.
- ²² ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 103. Л. 6–12.
- ²³ ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4883. Д. 19. Л. 283–284.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.
- ²⁵ Шерстяной Э. Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 399.
- ²⁷ *White Osmar*. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII, 221 pp. <http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html>
- ²⁸ *White Osmar*. Conquerors' Road...
- ²⁹ Сенявская Е.С. Красная Армия в Европе в 1945 г.: старые и новые стереотипы восприятия в России и на Западе // Обозреватель—Observer. Научно-аналитический журнал. 2012. № 2. С. 111–127; № 3. С. 85–101; Сенявская Е.С. Женщины освобожденной Европы глазами советских солдат и офицеров (1944–1945 годы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Май, 2012. №3 (124). С. 13–19. См. также: Сенявский А.С., Сенявская Е.С., Сдвижков О.В. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерки и документы / Отв. ред. Е.С. Сенявская. М.; СПб, 2015.

Мемориал на Поклонной горе и проблемы коммеморации

В деле сохранения в коллективной исторической памяти российского общества событий Великой Отечественной войны, формировании образа войны значительную роль играют и играли литература и искусство. Особое значение имеют усилия по увековечиванию важнейших событий периода войны и памяти погибших, создание скульптурных, архитектурных и других мемориальных объектов.

19 апреля 1995 г. Государственной Думой был принят специальный Федеральный закон № 80 «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изменениями на 9 февраля 2009 г.) о том, что объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны, относятся к категории «памятников Великой Отечественной войны», а органы власти обязаны сохранять их и поддерживать «в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне»¹.

Закон этот имеет особое значение в условиях, когда в России еще кое-где встречаются случаи нигилистического отношения к памятникам Великой Отечественной войны и даже акты вандализма, не говоря уже о той войне против монументов и мемориалов советской эпохи, которая развернулась во многих б. социалистических странах и даже б. союзных республиках.

В научной литературе проблемы теории «памятных мест», изучения истории памятных мест, памятников, монументов, их роли в формировании коллективной памяти, изучения периодизации и истории формирования образов и изменения смыслов, которые вкладывались в них в каждый исторический период и др., еще недостаточно разработаны.

В истории создания памятников и монументов, посвященных Великой Отечественной войне, можно выделить несколько периодов.

На первом этапе создание памятников обычно было связано с захоронениями погибших воинов Красной (Советской) Армии. Первые захоронения чаще всего возникали стихийно, когда воинские похоронные команды, а часто и местные жители (иногда по распоряжению оккупационных властей) хоронили погибших на месте их гибели, в окопах, в воронках. Если захоронения происходили достаточно организованно, особенно во второй половине войны, то по решению военных советов фронта, местных властей на братских могилах или отдельных захоронениях героев войны сооружались памятные знаки, обелиски и т.п.. Эти временные памятники представляли собой деревянные пирамидки с красными звездами или предметы вооружения, связанные со специальностью погибших: у танкистов — танки, у артиллеристов орудия и снаряды, у летчиков — винты и т.п. Многие из этих памятников в первые послевоенные годы не сохранились. Уже в ходе войны появлялись и первые более фундаментальные памятники. О том, как выглядел памятник на братской могиле в Орле в 1943 г., рассказывает сохранившаяся фотография². С середины 1950-х гг. постепенно

временные памятники начали заменяться на постоянные, с привлечением профессиональных скульпторов и архитекторов. Определенную роль сыграло восстановление и расширение жилищного строительства в городах и поселках, в ходе которых возникла необходимость перенесения первоначальных захоронений, а также обнаружение захоронений при проведении земляных работ. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. стали возникать общественные инициативы по поиску мест захоронения погибших в Великой Отечественной войне. В конце 1980-х гг. был создан всесоюзный координационный центр³. Найденные в ходе поисков останки воинов организованно хоронили, с установлением памятников.

Еще в ходе Великой Отечественной войны известные советские архитекторы и скульпторы начали создавать первые проекты будущих памятников и мемориалов. Центральное место среди такого рода памятников, посвященных Великой Отечественной войне, занимает мемориал на Поклонной горе в Москве.

История его создания, очень непростая, до сих пор еще мало привлекала внимания⁴. Она тем более важна еще и тем, что она совпадает с началом процесса систематической работы в СССР в области увековечивания памяти о Великой Отечественной войне и по-своему отражает процессы, которые происходили во власти и в обществе по отношению к этим событиям.

В 1942 г. в товарищеском конкурсе Союза архитекторов СССР на лучший проект-эскиз мемориального комплекса в честь Победы в Великой Отечественной войне было подготовлено около 70 проектов, которые, однако, не были реализованы⁵.

В истории сооружения памятников, посвященных Великой Отечественной войне, важную роль сыграл Г.К. Жуков. В новых общественных-политических и идеологических условиях середины 1950-х гг., он, в то время министр обороны СССР, 14 июня 1955 г. направил записку в ЦК КПСС с проектом постановления Совета Министров СССР. В записке говорилось, что «за десять лет, прошедших после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. у нас в стране не создано ни одного значительного памятника, который отображал бы великие подвиги советского народа и его армии, совершенные в борьбе с фашизмом за свободу и независимость нашей Родины, достойным образом увековечил бы память погибших советских воинов и служил символом воспитания нашего народа, особенно молодежи, на славных боевых традициях Советских Вооруженных сил». Отмечалось, что «места выдающихся сражений минувшей войны... посещаются многочисленными экскурсиями и иностранными делегациями», но эти места «не обозначены выразительными памятниками или монументами», хотя такая работа проводится в странах народной демократии и Китайской Народной республике⁶.

Строго говоря, Г.К. Жуков был не вполне точен. К этому времени, в 1946—1949 гг. уже был создан величественный ансамбль-памятник воинам Советской Армии в берлинском Трептов-парке под руководством скульптора Е.В. Вучетича, совместно с архитектором Я. Б. Белопольским. В 1954 г. открыт памятник молодогвардейцам на площади Молодой гвардии в Краснодоне, сооружен ряд других памятников. Но в записке Г.К. Жукова содержалась целая программа сооружения памятников-монументов в Москве (или в Подмосковье), в Ленинграде, Сталинграде, в Севастополе и Одессе, которые предлагалось осуществлять «в комплексе с благоустройством братских кладбищ». В записке рекомендовалось для мемориала в Сталинграде взять за основу проект Е.В. Вучетича.

Вопрос о сооружении мемориала на Поклонной горе был рассмотрен ЦК КПСС. 31 мая 1957 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление о сооружении в Мо-

скве на Поклонной горе Памятника Победы⁷. 23 февраля 1958 г, в день 40-летия Советской Армии на Поклонной горе был установлен закладной камень, с надписью: «Здесь будет сооружен Памятник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Но место сооружения памятника не было окончательно определено. По крайней мере, скульптор Е.В. Вучетич, разрабатывавший эти проекты, предусматривал возможность сооружения монумента на острове напротив Кремля⁸. После смерти Е.В. Вучетича разработка проекта была поручена творческой группе во главе со скульптором Н.В. Томским. 4 июня 1979 г. Министерство культуры СССР объявило новый конкурс, в котором участвовало три коллектива, кроме группы Н.В. Томского. Этот проект получил одобрение Секретариата и Политбюро ЦК КПСС в 1980-е гг., но строительство так и не начиналось, хотя подготовительные работы выполнялись. В феврале 1983 г. Политбюро ЦК КПСС, возглавляемое Ю.В. Андроповым, приняло новое постановление о сооружении на Поклонной горе мемориала и памятника Победы со сроком окончания строительства в 1989 г. Был одобрен проект, предложенный группой скульптора П. Томского, вскоре умершего. Поэтому ЦК КПСС приняло решения в 1983 и 1987 гг. о проведении Всесоюзного открытого конкурса по разработке главного монумента памятника. В то же время началось широкое общественное обсуждение концепции мемориала. Со своим видением выступали сторонники различных общественно-политических течений. По результатам этого общественного обсуждения власти приняли решение о новом конкурсе мемориала⁹. Вокруг концепции мемориала на Поклонной горе развернулись острые дискуссии. В отдельных средствах массовой информации публиковались статьи, ставившие под сомнение необходимость строительства мемориала. Вдруг стали появляться проекты строительства на Поклонной горе совсем других сооружений.

Например, член Политбюро и министр иностранных дел Э. Шеварднадзе предложил напротив строившегося мемориала построить комплекс Международного Конгресс-Центра. В 1986 г. первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцин распорядился остановить строительство¹⁰. Но споры продолжались. В 1987 г. на Манежной площади состоялся митинг с участием либерально настроенных известных писателей, журналистов, художников под лозунгом: «Восстановить Поклонную гору!», с призывами немедленно демонтировать все к тому времени построенные здания и сооружения¹¹. С другой стороны, против монумента на Поклонной горе выступили представители общества «Память», группы писателей, опубликовавших открытое письмо в журнале «Наш современник»¹².

16 июля 1987 г. постановление Политбюро ЦК КПСС поддержало предложение Московского горкома КПСС «о проведении нового Всесоюзного открытого конкурса на Памятник Победы в Москве», его размещение, и завершении работ по парку Победы¹³. В этом постановлении говорилось, что в процессе очередного конкурса будет решаться вопрос о месте размещения самого памятника, обсуждаться и решаться «вопрос о функциональном назначении строящихся на Поклонной горе зданий». Такая постановка вопроса могла закрыть саму идею мемориала. Не случайно в том же году в Киевском райкоме КПСС обсуждался еще один проект — «инициатива» об учреждении и сооружении в районе Поклонной горы т.н. Международного культурно-исторического центра — комплекса под громким названием — «Возрождение России». В него должен был входить целый ансамбль зданий культурного, туристического, экологического спортивно-оздоровительного и развлекательного назначения. В письме к министру культуры СССР Н.Н. Губенко ветеранов войны с протестом против этого проекта говорилось, что если проектные и строительные организации

будут одновременно заниматься возведением двух комплексов, то неизбежно произойдет перекачивание рабочей силы и стройматериалов с одного объекта на другой. Ветеранами осуждалась даже сама мысль о пристройке чего бы то ни было к памятнику Победы¹⁴.

Партийное руководство меняло свои позиции не только по вопросу о концепции мемориала, но и концепции экспозиции музея на Поклонной горе. Член Политбюро Л.Н. Зайков 30 июня 1989 г. заявил о том, что поскольку главный победитель в войне народ, то в экспозициях музея на Поклонной горе должен показываться только «народ», «и — никаких персоналий»¹⁵.

Пятидесятилетие Победы приближалось, а строительство мемориала все не могли закончить. Наконец М. С. Горбачев, избранный 15 марта 1990 г. президентом СССР, 8 февраля 1991 г. подписал Указ «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг», в котором Кабинету министров СССР предписывалось рассмотреть вопрос «о порядке и сроках завершения сооружения памятника Победы и музея Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов в городе Москве»¹⁶. Конкретные задачи были сформулированы в постановлении Кабинета Министров СССР во главе с Н.И. Рыжковым от 21 июня 1991 г.: Мосгорисполкому и Министерству культуры СССР с участием Министерства обороны СССР поручалось завершить в 1994 г. строительство на Поклонной горе в г. Москве памятника, поэтапно осуществить ввод в действие объектов этого мемориального комплекса.

Но и на этом злключения мемориала не закончились. В печати развернулись ожесточенные дискуссии¹⁷. В газете «Известия» была опубликована серия критических материалов. Известная в то время журналистка Э. Максимова в 1992 г. опубликовала статью под названием: «На Поклонной горе отливают в золоте сталинский миф о войне». В ней критиковалась официальная концепция будущего музея и пропагандировалась идея перепрофилирования мемориала под ««общедоступный, демократический» «Межгосударственный Центр искусств», с выставочным комплексом, народными художественными студиями, помещениями для фестивалей и встреч»¹⁸. Публикация рассматривалась на заседании коллегии Министерства культуры СССР под председательством министра Е.Ю. Сидорова, на которое были также приглашены члены комиссии экспертов, организованной министром, члены консультативного совета при министре, художники, историки, руководители ветеранских организаций. В опубликованном отчете об этом заседании утверждалось, что существующий проект мемориала, по мнению «большинства», отличает «забвение ужасов войны, пренебрежение горем и страданиями», что «кощунственно создавать подобие «военной ВДНХ», «демонстрировать железо вместо духа». А не соглашавшиеся с этим «большинством» в газетной публикации назывались «сторонниками сталинского толкования войны», за то, что выдвигали «свой обычный тезис: можно ли формулировать новую концепцию мемориала, если ученые еще не представили обществу современного прочтения истории ВОВ?»¹⁹.

В контексте критики официальной концепции мемориала продолжались попытки протолкнуть и другие идеи, например, создать «на базе уже сформированного комплекса Памятника Победы» Международный экспозиционный центр, с присвоением ему названия «Град Мира». «Протокол о намерениях» создания этого центра был подписан — генеральным директором ООО Агентства информационного сервиса (АИС) В.А. Полищуком и президентом Англо-Русского фонда помощи детям

России генералом КГБ О.Д. Калугиным, впоследствии сбежавшим в США. Для реализации этой идеи планировалось создать специальный фонд, в качестве одной из первоочередных его задач предусматривалось «внесение необходимых изменений в концепцию второй очереди Мемориала Победы на Поклонной горе». Планировалось также выделенную территорию поделить на равные части между странами — участниками этого проекта, включая Германию, США, Великобританию, Японию, Украину, Литву, Румынию, Китай и др. Каждая страна должна будет сформировать собственную экспозицию, посвященную Второй мировой войне, исходя из собственной концепции. Более того, планировалось присвоить этой территории статус «международной территории, находящейся под юрисдикцией ООН»²⁰.

Избранный президентом России Б.Н. Ельцин, однако, решил изменить свое более раннее решение о прекращении строительства. В апреле 1992 г. на письме мэра Москвы Ю.М. Лужкова он наложил резолюцию, адресованную министру финансов: «Строительство памятника Победы — престиж России. Прошу поддержать»²¹. 9 мая 1995 г. Мемориал был торжественно открыт.

Завершение строительства мемориала, однако, не остановило дискуссии вокруг него, к которой подключились и зарубежные историки. В 2005 году, к 60-летию Победы, журнал «Неприкосновенный запас» совместно с немецким изданием «Osteuropa», выпустил специальный номер: «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа». Материалы его были переизданы в виде объемистой книги²² и размещены в Интернете на сайте «Мемориала», где рекомендуются как «одно из лучших исследований, посвящённое не собственно истории Великой Отечественной войны». Участница этого издания, итальянка Мария Ферретти, в статье «Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему» делает далеко идущие выводы: «В России с конца 1990-х годов имело место возвращение к старому советскому патриотизму узко-националистического толка (решающий поворот состоялся в 1995 году, в 50-летний юбилей Победы, когда был наконец открыт мемориальный комплекс на Поклонной горе), и «память о войне, в той мере, в какой она неотделима от сталинизма, не может порождать в России ничего, кроме национализма и культа великой державы»²³. По-видимому, участники этого сборника разделяют оценки итальянской коллеги. Известный российский социолог Л.Д. Гудков в том же сборнике настаивал на том, что День Победы должен был стать только «днем поминовения, печальной памяти о погибших, человеческих страданиях и материальных разрушениях», а не днем, «торжества советской армии над гитлеровской Германией»²⁴.

Тем не менее, мемориал на Поклонной горе, соединяющий память обо всех погибших на войне и о погибших разных национальностей, разных религиозных конфессий приобрел и значение общероссийского центра, и большую популярность в российском обществе, стал местом проведения важнейших мероприятий, связанных с сохранением памяти о Великой Отечественной войне. Мемориал стал местом проведения и других общественно-политических и культурных мероприятий.

¹ Гарант// <http://base.garant.ru/1518946/>

² Портал «Победа. 1941–1945 гг.» Режим доступа: <http://victory.rusarchives.ru/tematicheskiy-katalog/bratskie-mogily-i-kladbishcha>

³ Были приняты документы: Директива Министра обороны СССР и Начальника Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота от 9 мая 1988 года № 30 «Об оказании помощи местным советским органам в работе по увековечению памяти защитников Родины»; Постановление Коллегии Министерства обороны СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ от 19 октября 1988 года №17/5а «Об усилении работы по увековечению памяти защитников Родины,

- воспитанию молодёжи в духе гражданственности и патриотизма, готовности к выполнению воинского долга»; Положение «О военно-патриотическом объединении, клубе (ВПО), создаваемом комитетами ВЛКСМ, ДОСААФ, военными комиссариатами», утвержденное Секретариатом ЦК ВЛКСМ и согласованное с Министерством обороны СССР и с ЦК ДОСААФ СССР. См.: История поискового движения // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5; Семенов В.В. К истории поискового движения // Проза.ру// <http://proza.ru/2013/06/10/1478>.
- ⁴ См.: Памятник Победы. Документы о сооружении мемориала на Поклонной горе в Москве. 1955–1991. (Публикуются впервые)/ Под ред. В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилиной. Составители: В.Ю. Афиани, Э.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, М., Департамент по делам печати Правительства Москвы. 1995. — 117 с. Ротапринт; Памятник победы. История сооружения мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве. 1943–1991 гг. Сб. документов / Гл. редактор Н.Г. Томилиная. Составители: Т.В. Домрачева, П.С. Карпов, Т.Г. Краснова, Г.П. Мещеряков, М.Ю. Прозуменщиков, М.: Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, 2004 г. — 510 с.; Белов М.И. Хранит память Поклонная гора. — М.: Академия исторических наук, 2006. — 636 с. — Библиотека исторических исследований.
- ⁵ См.: Из истории советской архитектуры 1941–1945 гг. М. Наука. 1978.
- ⁶ Памятник Победы. Документы о сооружении мемориала на Поклонной горе в Москве. 1955–1991. С. 5–6.
- ⁷ Там же. С. 21–23.
- ⁸ Там же. С. 50.
- ⁹ Там же. С. 62–69.
- ¹⁰ Белов М.И. Хранит память Поклонная гора// <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/119/62119/32027>
- ¹¹ Колодный Лев. Художник Зураб Церетели. Хроника с высказываниями героя. М. Голос-пресс. 2002. — 496 с. ; Колодный Лев. Поклонная гора. Глава восьмая, рассказывающая о том, как 27 марта 1993 года Юрий Лужков на новоселье в доме Церетели подписался под рисунком штыка, который отлили в бронзе и открыли 9 мая 1995 года по случаю 50-летия Победы// Сердце на палитре. Художник Зураб Церетели. Хроника с высказываниями героя// [nnre.ru. библиотека// http://www.nnre.ru/istorija/serdce_na_palitre_hudozhnik_zurab_cereteli/p1.php](http://www.nnre.ru/istorija/serdce_na_palitre_hudozhnik_zurab_cereteli/p1.php)
- ¹² Памятник Победы. Документы о сооружении мемориала на Поклонной горе в Москве. 1955–1991. С.70–74.
- ¹³ Там же. С. 66.
- ¹⁴ Белов М.И. Хранит память Поклонная гора// <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/119/62119/32027>
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик // <http://www.libussr.ru/>
- ¹⁷ См. публикации по теме: «Известия» 1992. 25 марта; Известия. 1992. 13 июня; Вечерняя Москва. 1992. 16 ноября; Голос Родины. 1992. № 28; Коммерсант. 1993. № 142. 29 июля; Ветеран. 1993. № 24; Патриот. 1993. № 18; Патриот. 1993. №5–6; Красная Звезда. 2000. 9 декабря.
- ¹⁸ Максимова Э. М. На Поклонной горе отливают в золоте сталинский миф о войне // Известия. 1992. №72// <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-avgusta-1992-goda>
- ¹⁹ Что же будет на Поклонной горе? Заметки с коллегии Министерства культуры РФ// Известия. 1992. 3 августа// Ельцин—центр// <http://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-3-avgusta-1992-goda>
- ²⁰ Белов М.И. Хранит память Поклонная гора// <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/119/62119/32027>
- ²¹ Там же.
- ²² Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. Новое литературное обозрение. 2005. — 800с.
- ²³ Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему// Неприкосновенный запас 2005. №№2–3(40–41); См. также: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fer8.html> Опубликовано в журнале Неприкосновенный запас 2005, 2–3(40–41).
- ²⁴ Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян// Неприкосновенный запас 2005, 2–3(40–41); См. также: Журнальный зал// <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html>.

Секция 1:

Великая Отечественная
война в документах, фактах,
архивных собраниях

Развитие гвардейских минометных частей в 1941 – 1942 гг. на основе постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР и архивных материалов из «особой папки Г.М. Маленкова»*

Одним из самых известных и популярных символов оружия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне являются реактивные системы залпового огня БМ-8 и БМ-13, получившие в народе ласковое прозвище «Катюша», и ставшие основным вооружением для гвардейских минометных частей в 1941–1945 годах. Обстановка повышенной секретности, в которой создавался новый тип оружия и формировался новый род войск, привела к тому, что реальная история советской реактивной артиллерии периода Второй мировой войны оказалась мало исследованной и мало доступной для широкого читателя. Большинство публикаций о гвардейских минометных частях были написаны более 40 лет назад и имели ряд недостатков. Основными из них являлись: отсутствие четких сведений о формировании и организации гвардейских минометных частей и их численности (особенно в первый, самый тяжелый для Советского Союза период Великой Отечественной войны), описание боевого применения «катюш» в героических тонах и преувеличение их успехов. В связи с этим существует необходимость повторно и объективно рассмотреть процесс формирования гвардейских минометных частей в 1941–1942 годах и оценить их роль в двух крупнейших битвах первого периода Великой Отечественной войны – Московской и Сталинградской.

В связи с этим большой интерес имеют архивные материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Существенный интерес в нем представляет дело № 26 из фонда Г.М. Маленкова (№ 83), которое содержит записки, донесения и справки Наркомата обороны СССР, командиров минометных частей на имя И.В. Сталина и Г.М. Маленкова о формированиях и действиях на фронте гвардейских минометных частей в период с 2 августа 1941 года до 10 августа 1944 года. Эти документы носили гриф «секретно» и «совершенно секретно» и стали доступны для исследователей совсем недавно. В них содержатся ранее не опубликованные в печати подробные сведения о боевом применении и расходе боеприпасов реактивной артиллерии в Курской битве, ее участии в других операциях Великой Отечественной войны периода 1941–1944 годов, а также организационной структуре данного рода войск.

Кроме того, интерес также представляют постановления Государственного комитета обороны, являвшегося высшим органом власти в СССР в 1941–1945 гг. (Ф. 644).

Началом формирования гвардейских минометных частей послужило постановление ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 года о развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок М-13 и начала формирования частей реактивной артиллерии. Первой отдельной батареей, получившей семь установок БМ-13, командовал капитан И.А. Флеров.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-01-50148).

Успешные действия батарей реактивной артиллерии способствовали бурному росту этого молодого вида оружия. Уже 8 августа 1941 года по приказу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии, которое было закончено к 12 сентября того же года. Дополнительно к этим полкам до конца сентября был создан девятый по счету полк.

Элитность и значимость батарей дивизионов и полков реактивной артиллерии Красной Армии подчеркивалось тем обстоятельством, что сразу при формировании им присваивалось почетное наименование гвардейских. По данной причине, а также в целях соблюдения секретности советская реактивная артиллерия и получила свое официальное название — «гвардейские минометные части» (ГМЧ). В массовом сознании за установками полевой реактивной артиллерии БМ-8 и БМ-13 закрепилось другое название — «Катюши».

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. Уже 8 сентября 1941 года вышло постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 642¹, которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии. Согласно данному постановлению гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно Ставке Главного Верховного Командования (СВГК) Советского Союза. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ был сформирован штаб, главное управление вооружений минометных частей М-8 и М-13, а также оперативные группы на основных направлениях.

Основной тактической единицей гвардейских минометных частей стал гвардейский минометный полк. Организационно он состоял из трех дивизионов реактивных установок М-8 или М-13, зенитного дивизиона, а также подразделений обслуживания. Всего в полку числилось 1414 человек, 36 боевых машин, двенадцать 37-миллиметровых зенитных пушек, 9 зенитных пулеметов ДШК и 18 ручных пулеметов. Однако тяжелое положение на фронтах и снижение выпуска зенитных артиллерийских орудий привело к тому, что в 1941 году некоторые части реактивной артиллерии в реальности не имели зенитного артиллерийского дивизиона. Переход к штатной организации на базе полка обеспечило повышение плотности огня по сравнению со структурой на базе отдельных батарей или дивизионов. Зап одного полка реактивных установок М-13 состоял из 576, а полка реактивных установок М-8 из 1296 реактивных снарядов².

Очередным шагом в формировании частей полевой реактивной артиллерии Красной Армии послужило постановление ГКО № 889 от 11 ноября 1941 года. В нем предписывалось сформировать для стрелковых дивизий 80 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13 двухбатарейного состава. Сроки окончания формирования указанных 80 отдельных гвардейских минометных дивизионов БМ-8 и БМ-13 были четко регламентированы: 25 дивизионов должны были быть сформированы к 15 декабря 1941 года, 30 дивизионов — к 1 января 1942 года и 25 дивизионов — к 15 февраля 1942 года³.

Анализ постановлений Государственного комитета обороны позволяет сделать вывод о стремительном развитии гвардейских минометных частей в первой половине 1942 года. Приведем лишь несколько примеров. Постановлением ГКО № 1152⁴ от 15 января 1942 года на командующего гвардейскими минометными частями возлагалось формирование в Москве 20 полков М-13 в период с 15 января по 5 марта 1942 года. Следует отметить, что данные полки формировались уже по новому шта-

ту, утвержденному Наркоматом обороны СССР 13 января 1942 года. 9 марта того же года вышло постановление ГКО № 1413⁵, в котором В.В. Аборенкову приказывалось сформировать до 25 апреля 20 новых полков М-8 и М-13. При этом вновь создаваемые полки оснащались установками реактивных снарядов, смонтированными на автомобилях иностранного производства «Форд Мармон» и «Остин». Постановление ГКО № 1713⁶ от 08 мая 1942 года поручало В.В. Аборенкову в период с 05 июня по 05 июля 1942 года сформировать дополнительно 15 гвардейских минометных полков и 15 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13.

Вскоре у «катюши» объявился «младший брат». В мае 1942 года группа офицеров Главного управления вооружений разработала снаряд М-30, в котором к ракетному двигателю от М-13 присоединялась мощная надкалиберная головная часть, выполненная в форме эллипсоида, с максимальным диаметром 300 мм. После успешных полигонных испытаний 4 июня 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление № 1867⁷ о принятии на вооружение М-30 и начале его серийного производства.

В течение июня и первой половины июля 1942 года было сформировано 20 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-30. Каждый дивизион состоял из трех батарей, по 32 рамы в батарее. Дивизион М-30 (96 рам) в течение двух-пяти минут мог выпустить 384 снаряда при стрельбе на дальности 2600 м. Семь дивизионов М-30 в порядке опыта были объединены в два полка и направлены на Западный фронт. К концу августа уже имелось более 70 дивизионов М-30, из них основная масса была сосредоточена в войсках Волховского, Калининского, Западного и Сталинградского фронтов.

Теперь от организации гвардейских минометных частей перейдем к рассмотрению их участия в боевых действиях первого периода Великой Отечественной войны.

Согласно официальным данным, первое применение «Катюш» состоялось 14 июля 1941 года. Батарея капитана И.А. Флёрова произвела из семи пусковых установок два залпа по железнодорожной станции Орша, на которой скопилось большое количество немецких эшелонов с войсками, техникой, боеприпасами, горючим. В результате огня батареи реактивных установок железнодорожный узел был стерт с лица земли, противник понес тяжелые потери в живой силе и технике.

Появление «катюши» явилось полной неожиданностью для руководства Вермахта. Первоначально применение советских реактивных установок БМ-8 и БМ-13 воспринималось немцами как сосредоточение огня большого количества артиллерии. Например, Главное командование сухопутных войск Германии 14 августа 1941 года отметило следующее: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку... Выстрел производится электричеством. Во время выстрела образуется дым... При захвате таких пушек немедленно сообщать». Через две недели появилась директива, озаглавленная «Русское орудие, метающее ракетаобразные снаряды». В ней говорилось: «...Войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3—5 секунд может быть произведено большое число выстрелов... О каждом появлении этих орудий надлежит донести генералу, командующему химическими войсками при верховном командовании, в тот же день».

Важную роль сыграли молодые гвардейские минометные части в обороне Москвы. К осени 1941 года основная часть реактивной артиллерии была сосредоточена в войсках Западного фронта и Московской зоны обороны. Под Москвой находились 33 дивизиона из 59, числившихся на тот период в Красной Армии. Для сравнения: Ленинградский фронт имел 5 дивизионов, Юго-Западный — 9, Южный — 6, а остальные по 1—2 дивизиона. В битве под Москвой все армии усиливались 3—4 дивизионами, и только 16-я армия располагала 7 дивизионами.

Советское руководство придавало большое значение применению «Катюш» в битве под Москвой. В вышедшей 1 октября 1941 года директиве Ставки ВГК «Командующим войсками фронтов и армиями о порядке использования реактивной артиллерии», в частности, отмечалось следующее: «Части действующей Красной Армии за последнее время получили новое мощное оружие в виде боевых машин М-8 и М-13, являющихся лучшим средством уничтожения (подавления) живой силы противника, его танков, моточастей и огневых средств. Внезапный, массированный и хорошо подготовленный огонь дивизионов М-8 и М-13 обеспечивает исключительно хорошее поражение противника и одновременно оказывает сильнейшее моральное потрясение его живой силы, приводящее к потере боеспособности. Это особенно верно в данный момент, когда пехота противника имеет гораздо больше танков, чем мы, когда наша пехота более всего нуждается в мощной поддержке со стороны М-8 и М-13, могущих быть с успехом противопоставленными против танков противника»⁸.

После залпов «катюш» противник нес значительные потери в живой силе, но еще более значительным было моральное потрясение попавших под огонь солдат и офицеров вермахта. Об эффективности этого секретного и новейшего на тот момент оружия Красной Армии свидетельствует ряд фактов.

Например, яркий след в обороне Москвы оставил дивизион реактивной артиллерии под командованием капитана К.Д. Карсанова. 11 ноября 1941 года этот дивизион поддерживал атаку своей пехоты на населенный пункт Скирманово. После залпов дивизиона данный населенный пункт был взят почти без сопротивления. При осмотре района, куда были даны залпы, оказалось 17 подбитых танков, более 20 минометов и несколько орудий, брошенных противником в панике. В течение 22 и 23 ноября 1941 года этот же дивизион, не имея пехотного прикрытия, отражал многократные атаки противника. Несмотря на огонь автоматчиков, дивизион капитана К.Д. Карсанова не отошел назад до тех пор, пока не выполнил боевую задачу.

В оперативной сводке от 27 октября 1941 года № 13 штаба оперативной группы минометных частей Западного фронта отмечалось следующее: «за 27.10.1941 г. 1/3 гмп в течение дня произвел пять батарейных залпов и 4-й отдельный дивизион М-13 — три батарейных залпа в полосе 60 сд, 194 сд по скоплению пехоты в районах Троицкое, Потенино, Юратино. В результате огня уничтожена колонна пехоты противника до 70 человек и несколько кавалеристов. В Потехино уничтожено до батальона пехоты, остальная часть рассеяна. В Волховское уничтожено до 2-х рот пехоты в роще юго-западнее Потенино подавлена гаубичная батарея и группа минометов до 8-ми пушек штук. В Юратино батарейным залпом накрыта колонна пехоты и кавалерии...»⁹.

Однако эффективность этого мощного и новейшего на тот момент оружия снижалась за счет недостаточного количества снарядов для реактивных установок М-8 и М-13. В частности, в ходе переговоров маршала СССР Б.М. Шапошникова с генералом армии Г.К. Жуковым последний заявил следующее: «залпов для РС. (*реактивных снарядов-авт.*) требуется не менее 20, чтобы хватило на два дня боя, а сейчас даем ничтожно мало. Если бы было их побольше, я ручаюсь, что можно было бы одними РСами расстрелять противника»¹⁰.

Такая переоценка реактивной артиллерии наблюдалась и у ряда других высокопоставленных начальников Красной Армии. Вместе с тем реактивная артиллерия могла эффективно использоваться только при решении конкретных, свойственных ей задач, и имела некоторые недостатки. Об одном из них указывалось в письме члену ГКО Г.М. Маленкову: «Серьезным боевым недостатком машин М-8 является большое мертвое пространство, не позволяющее вести огонь на дистанции ближе

трех километров»¹¹. Особенно ярко этот недостаток выявился в период отступления наших войск, когда из-за угрозы захвата этой новейшей секретной техники экипажи «катюш» вынуждены были взрывать свои реактивные установки.

В начале контрнаступления под Москвой советские войска располагали 45 дивизионами реактивной артиллерии, что составляло 68% от всех имеющихся на тот момент в действующей советской армии гвардейских минометных частей. В ходе контрнаступления под Москвой обладавшие большой подвижностью части реактивной артиллерии неотступно преследовали врага, нанося ему большой физический и моральный урон. Во время советского контрнаступления перед гвардейскими минометными частями встали новые задачи. Теперь объектами их огня стала не только пехота и боевая техника противника, но и укрепленные рубежи обороны, пользуясь которыми руководство вермахта стремилось задержать советские войска. Реактивные установки БМ-8 и БМ-13 полностью оправдали себя и в этих новых условиях. Например, 31-й отдельный минометный дивизион под командованием политрука Орехова израсходовал 2,5 дивизионных залпа по уничтожению немецкого гарнизона в деревне Попково. В этот же день деревня была взята советскими войсками практически без сопротивления. В протоколе допроса немецких военнопленных было отмечено, «что взятые в плен два солдата в деревне Попково сошли с ума от огня реактивных установок, а пленный ефрейтор заявил: «...случаев сумасшествия в деревне Попково было много от артиллерийской канонады советских войска»¹².

В отражении непрерывных атак противника на Сталинград весомый вклад также внесли гвардейские минометные части. В общей сложности Сталинградский фронт на 18 июля 1942 года имел в своем распоряжении 9 полков и один отдельный дивизион реактивной артиллерии. В них насчитывалось 67 установок М-8 и 156 установок М-13¹³.

Количество гвардейских минометных частей, участвовавших в боях за Сталинград, возрастало в ходе всего оборонительного этапа Сталинградской битвы. К 12 сентября 1942 года советские войска на сталинградском направлении располагали уже 27 полками и 3 отдельными дивизионами М-8 и М-13, а также 16 отдельными дивизионами М-30. Таким образом, всего на 12 сентября 1942 года войска сталинградского направления имели 98 дивизионов полевой реактивной артиллерии. В октябре 1942 года на сталинградское направление дополнительно прибыли с Западного фронта еще два отдельных гвардейских минометных дивизиона М-30, которые приняли участие в оборонительных боях за Сталинград. Гвардейские минометные части, прибывавшие на сталинградское направление в первой половине ноября 1942 года, поступали в распоряжение вновь сформированного в конце октября 1942 года Юго-Западного фронта.

В ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы для удобства управления были созданы две оперативные группы гвардейских минометных частей.

Участие реактивной артиллерии в обороне Сталинграда можно проследить на примере боевых действий 19-го гвардейского минометного полка под командованием полковника А.И. Ерохина.

Лично В.И. Чуйков в своих воспоминаниях писал, что «он никогда не забудет полк «катюш» во главе с полковником Ерохиным»¹⁴. В этом полку направляющие рамы (рельсы) для снарядов были смонтированы на гусеничной базе Т-60, которая давала этим установкам хорошую маневренность на любом месте и местности. Боевые реактивные установки полка находились вместе с передовыми подразделениями нашей пехоты и уничтожили большое число немецких и румынских солдат и офицеров. 26 июля на правом берегу Дона полк А.И. Ерохина участвовал в отражении наступления 51-го армейского корпуса фашистов. В начале августа дан-

ный полк вошел в южную оперативную группу войск. В первых числах сентября во время немецких танковых атак на реке Червленая в районе деревни Цибенко полк опять на самом опасном месте дал залп 82-миллиметровых «Катюш» по основным силам врага. Когда 62-я армия вела уличные бои с сентября до конца января 1943 года, полк «катюш» полковника А.И. Ерохина постоянно получал боевые задачи командарма В.И. Чуйкова от командующего артиллерией армии генерала Н.М. Пожарского. Находясь в самом Сталинграде, выбрав позиции за крутым берегом Волги, этот полк был неуязвим от артиллерийского обстрела противника. Свои же боевые установки на гусеничном ходу Ерохин быстро выводил на огневые позиции, давал залп и с такой же быстротой снова уходил в укрытие. Поддерживая части 62-й армии Чуйкова при обороне Сталинграда, реактивные установки полка А.И. Ерохина производили 10–20 залпов в сутки. В качестве доказательства приведем отрывок из отчета о боевой деятельности 19-го гвардейского минометного полка в оборонительных боях Сталинградской битвы: «...4-го октября получено боевое распоряжение опергруппы ГМЧ Сталинградского фронта : полку в полном составе выйти из подчинения 64-й армии и войти в подчинение 62-й армии, сосредоточиться в районе завода «Красный октябрь» г. Сталинград. В обороне г. Сталинграда 112 дивизион 19-го гвардейского минометного полка показал образцы борьбы с немецкими захватчиками, личный состав, не щадя своей жизни и сил, громил немецкие полчища — производил от 10 до 20 залпов в сутки, несмотря на усиленный минометно-артиллерийский огонь и бомбежку противника. Весь личный состав, находившийся на правом берегу Волги, за мужественную борьбу с врагом командующим 62-й армии генерал-лейтенантом В.И. Чуйковым награжден правительственными наградами, орденами и медалями...»¹⁵.

По подсчетам, за время оборонительных боев под Сталинградом вышеуказанным полком А.И. Ерохина было отбито свыше 40 атак, сожжено и подбито более 50 танков, уничтожено 160 автомашин и 14 минометных батарей, а также большое количество живой силы противника. Эти данные выглядят завышенными, но они дают представление о той напряженной работе, которая выпала на долю советской реактивной артиллерии.

Части полевой реактивной артиллерии приняли участие во всех этапах оборонительного сражения Сталинградской битвы. Они обеспечивали боевые действия передовых отрядов советских частей на дальних подступах к Сталинграду; уничтожали войска противника в районах сосредоточения и на марше, а также участвовали в отражении атак пехоты и бронетехники на оборонительных рубежах вокруг Сталинграда. Кроме того, реактивные установки активно применялись в уличных боях в самом Сталинграде.

Согласно официальной статистике, в общей сложности за период оборонительных боев под Сталинградом было произведено 45 полковых, 1400 дивизионных, 1120 батарейных залпов и сотни залпов отдельными боевыми машинами реактивной артиллерии. Всего по немецким войскам за оборонительный период Сталинградской битвы было выпущено свыше сотни тысяч реактивных снарядов. Реактивная артиллерия пользовалась огромной любовью защитников Сталинграда и, прежде всего, пехоты. Боевая слава гвардейских минометных полков Н.В. Воробьева (4-й гмп), Л.З. Парновского (5-й гмп), Т.Ф. Черняка (18-й гмп) и А.И. Ерохина (19-й гмп) гремела на весь фронт.

Подведем краткие итоги.

Анализ постановлений ГКО СССР периода второй половины 1941 года — середины ноября 1942 года позволяет сделать следующие выводы. Для первого периода Великой Отечественной войны характерной чертой стало бурное развитие реактивной артиллерии. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. К 4 июля 1941 года

была сформирована первая экспериментальная батарея из 7 реактивных установок, получившая впоследствии название «батарея Флерова». В августе 1941 года началось формирование первого гвардейского минометного полка, а с сентября 1941 года на основных направлениях были созданы оперативные группы минометных частей. На 1 января 1942 года в фронтах и резерве Ставки Верховного Главнокомандования насчитывались 31 отдельный дивизион М-8 и 43 отдельных дивизионов М-13, а также 3 полка реактивных установок М-8 и 2 полка реактивных установок М-13 (всего 87 дивизионов). По состоянию на 4 июля 1942 года Красная Армия располагала уже 23 отдельными дивизионами М-8, 19 отдельными дивизионами М-13 и 12 отдельными дивизионами М-30. Кроме того, к этому числу следует прибавить 10 отдельных полков М-8 и 44 отдельных полка М-13. Таким образом, всего на 1 июля 1942 года насчитывалось 216 дивизионов реактивной артиллерии.

К 19 ноября 1942 года в общей сложности на фронтах и резерве СВГК было 365 дивизионов реактивной артиллерии. Из них 204 (56%) составляли дивизионы М-13 и 76 (21%) дивизионы М-8. На долю тяжелых реактивных установок М-30 приходилось 85 (23%) дивизионов. При этом 186 дивизионов М-13, 57 дивизионов М-8 и 16 дивизионов М-30 организационно входили в состав полков, а остальные 106 дивизионов (30%) были отдельными.

Гвардейские минометные части внесли существенный вклад в победу советских войск под Москвой и Сталинградской битве — противник нес большие потери в живой силе и технике. Однако, кроме материального ущерба, огонь реактивных установок оказывал также на врага сильное морально-психологическое воздействие.

В ходе оборонительных боев под Сталинградом было задействовано почти втрое больше гвардейских минометных частей, чем их было в оборонительный период битвы под Москвой. В отличие от боев под Москвой, части реактивной артиллерии под Сталинградом обычно действовали в полном составе. Командиры гвардейских минометных полков непрерывно руководили боевыми действиями дивизионов и использовали в полной мере их маневренные и огневые возможности. Дивизии, которые вели боевые действия на главных участках сталинградского направления, обычно усиливались 1-2 гвардейскими минометными полками. Кроме того, командующий армией в зависимости от обстановки имел в своем резерве дивизион или полк реактивной артиллерии.

В заключение следует отметить, что «катюши» успешно применялись до самого окончания Великой Отечественной войны, заслужив любовь и уважение советских солдат и офицеров — с одной стороны, страх и ненависть военнослужащих вермахта — с другой. Реактивная артиллерия за время Великой Отечественной войны прочно заняла свое место в составе Красной Армии и по праву стала одним из символов победы Советского Союза во Второй мировой войне.

¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 188—189.

² Там же. Л. 191—198.

³ Там же. Д. 14. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 95—100.

⁵ Там же. Д. 24. Л. 1—14.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 37.

⁷ Там же. Д. 38. Л. 89—91.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 88—90.

⁹ Там же. Ф. 59. Оп. 12196. Д. 20. Л. 196.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Там же. Л. 45.

¹³ Там же. Л. 76.

¹⁴ Чуйков В.И. Сражение века. М., 1975. С. 181.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 12713. Оп. 1. Д. 10. Л. 234.

О начале Великой Отечественной войны в дневниках современников — С.И. Вавилова, В.И. Вернадского, И.М. Майского

Желание проанализировать записи дневников этих неординарных личностей, ученых возникла у меня, когда в руках оказался сборник «Академическая наука — фронту. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹. Во втором разделе книги, содержащей воспоминания членов Академии наук — участников войны и тружеников тыла, председатель Совета ветеранов Президиума РАН академик Е.П. Челышев назвал свои воспоминания «Нужна только правда, а не вымыслы и домыслы о Великой Отечественной войне»². Именно этим требованиям отвечают дневники современников событий — С.И. Вавилова, В.И. Вернадского и И.М. Майского. Они содержат огромный массив информации не только о ходе военных действий, о деятельности и состоянии Академии наук в военный период, отношении авторов к событиям, о страданиях и силе духа нашего народа, но и философские выводы ученых, прогностические записи о послевоенном устройстве мира и роли СССР во второй половине XX века. В кратком сообщении невозможно отразить все события, затронутые в дневниковых записях, поэтому основное внимание будет уделено отдельным ключевым моментам военной и дипломатической истории, личностной оценке событий начала Великой Отечественной войны — 1941 года. Ведь именно он в сознании многих поколений граждан России, останется годом величайшей трагедии³, когда решалась не только ее судьба как государственного образования, но и возможность существования всех населявших ее народов.

Несколько слов об авторах дневников. Сергей Иванович Вавилов — к началу Великой Отечественной войны 50-летний известный ученый-физик, академик АН СССР (с 1932), научный руководитель (с 1932) Государственного оптического института, директор Физического института Академии наук СССР им. П.Н. Лебедева (с 1934), плодотворно работал по созданию многопрофильного научного физического центра. Он единственный был участником Первой мировой войны, имел военный опыт, в 1914—1916 годах прошел в составе саперного батальона русской армии по территории России, Белоруссии, Польши. Его интереснейшие дневниковые записи того периода вышли в свет в марте текущего года⁴.

С.И. Вавилов вел записи постоянно с детских лет. Безусловно, дневники писал для себя. В них был беспощаден в оценке своих человеческих качеств, научной работы, а также характеристик других ученых, положения в Академии наук, в советском государственном аппарате и т.д. Никогда не планировал их издавать. Однако изредка как, например, в июле 1942 года, он сделал следующую запись: «Для чего все это пишется? Какая-то, очевидно, самому неясная надежда на то, что кто-нибудь прочтет, и так ускользнуть со всеми несчастиями своими на некоторое время от разрушения?»⁵.

Владимир Иванович Вернадский — всемирно известный ученый, энциклопедист, академик еще с дореволюционных времен (1906), директор Биогеохимической лаборатории. В 1939 году был избран членом трех отделений Академии наук (химического, биологического, геолого-географического), что свидетельствовало о признании его научных работ в разных сферах исследований. Он пользовался в академической среде

авторитетом не только как талантливейший ученый, но и как совесть академии, благороднейший человек, который готов был протянуть руку помощи каждому, кто о ней просил. К началу войны он перешагнул 78-летний рубеж. Дневники вел всегда, писал их для себя. Они содержали откровенные характеристики окружавших его людей, многих ученых, партийных и государственных деятелей, анализ функционирования учреждений, личные переживания и не предназначались для всеобщего обозрения.

К началу войны Иван Михайлович Майский — полный сил, 57-летний дипломат, полпред СССР в Великобритании (с октября 1932 года), что свидетельствовало о признании успешности его работы в этой должности. Он — один из трех старейших дипломатов Наркомата иностранных дел СССР, уцелевших со времен чисток 30-х годов, наряду с Александрой Михайловной Коллонтай, послом СССР в Швеции (1930—1945) и Яковом Захаровичем Сурицем, послом СССР во Франции (1937—1940). Его дневники были задуманы им как источник будущей основы для воспоминаний, а, учитывая постоянный надзор за послами со стороны компетентных органов, не могли содержать никаких откровений. По информативности за военный период они намного превосходили камерные академические записи Вавилова и Вернадского, опиравшихся на ограниченные официальные источники советских газет и радиосводок Информбюро. Только сообщения очевидцев военных событий дополняли бесцензурной информацией записи ученых.

* * *

Война застала С.И.Вавилова в Ленинграде, куда он постоянно приезжал для руководства научной деятельностью Оптического института. Именно там он вывел первые строки 22 июня 1941 года. Они поражают лаконичностью. Очевидно, из-за потрясения человека, который уже прошел одну войну и видел своими глазами ее ужасы и беспощадность: *«Гитлер начал войну с нами»*⁶. Только через год в первую годовщину начала войны, он был более раскован: *«Завтра год войны. Прошлогоднее 22 июня помню во всех подробностях. Встал рано, собираясь дописывать доклад для люминесцентной конференции. Умывшись (часов в 7 утра), включил радио на английскую станцию и сразу узнал все. Наше радио почти до 12 часов продолжало передавать гармошку, лекции о сеянии картофеля по Лысенке, “народные песни и пляски”. ... Так до 12 часов и не мог оповестить Институт. Мировое сумасшествие в полном разгаре. Гитлер, конечно, лопнет, но в результате энтропия земной поверхности, по-видимому, возрастет до геркулесовых столбов»*⁷.

В.И. Вернадский же, вспоминая обстоятельства первого дня войны, подробно описал его в Хронологии за 1941 год, частично процитировав текст официального сообщения: *«В 4 часа утра — “без предупреждения и объявления войны” в воскресенье “22 июня германские войска” двинулись на нашу страну, “застав ее врасплох”. Мы узнали об этом в Узком в санатории через радио, из речи В.М. Молотова. Он сообщил, что в этот час немецкие аэропланы бомбардировали Киев, Житомир, Каунас и [атаковали] с румынской границы ... Одновременно произошло нападение на наши пограничные войска на западной границе и в Финляндии. Из речи как будто выходит, что хотя немцы и были отбиты, не застали врасплох — но находятся на нашей территории. Граф Шуленбург в 5 часов утра сообщил, что это вызвано средоточием наших войска на немецкой границе. Речь Молотова была не очень удачной. Он объявил, что это вторая Отечественная война и Гитлера постигнет судьба Наполеона — призвал сплотиться вокруг большевистской партии. Ясно, что застали врасплох. Скрыли все, что многие, по-видимому, знали из немецкого и английского радио. Они говорят, что Германия предложила Англии заключить мир (Гесс? — я не верил)... Мне кажется мало вероят-*

ным, чтобы Англия могла пойти на заключение мира с Германией в этой обстановке — за счет нас. Начало мировой революции?... (Узкое. 22. VI. 1941)»⁸. На следующий день, 23 июня, Вернадский сделал неутешительный вывод: «Ясно, что опять, как с Финляндией наша власть прозевала»⁹. Это абсолютно выверенное заключение, сделанное в первые часы после начала войны. Так же оценивал ситуацию и сам Сталин, который самоустранился от руководства страной после гитлеровского нападения и только после обращения членов Политбюро ЦК ВКП (б), по свидетельству внука В.М. Молотова В.А. Никонова, вернулся к руководству страной. В исторической литературе есть свидетельства о «подавленности и крайней угнетенности» Сталина, когда выяснилось истинное положение на фронте, спустя несколько дней после начала Великой Отечественной войны, что повлияло на тактическую управляемость войсками и принятие организационных и стратегических решений в июне 1941 года¹⁰.

Начало Великой Отечественной войны, судя по дневниковым записям, стало для И.М. Майского потрясением. Он не верил в безрассудство Гитлера и ведение войны на 2 фронта, которую Германия уже однажды проиграла в начале XX века, хотя только вчера, 21 июня, на встрече с послом Великобритании в СССР Ст. Криппсом, тот вновь предупреждал Майского о неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшее время¹¹. Советский посол узнал о начале войны, в 8 часов утра после звонка из полпредства. Он находился за городом в Бовингдоне. Дипломат срочно выехал в столицу, где его ожидал министр иностранных дел Великобритании Э. Иден¹². Однако главным событием этого дня стало выступление премьер-министра Великобритании. Его речь Майский назвал «боевой, решительной», не оставляющей «никаких компромиссов и соглашений. Война до конца!»¹³. Подводя итог дня, Майский записал: «Мы не хотели войны, очень не хотели войны. Мы делали все возможное для того, чтобы ее избежать. Но раз германский фашизм навязал нам войну, пощады быть не может. Будем драться твердо, решительно, упорно, до конца, ...Сначала с германским фашизмом, а там дальше видно будет»¹⁴. 27 июня, через пять дней, дипломат с удовлетворением констатировал выигрыш СССР на первом этапе политического обеспечения войны. Расчет Гитлера на невозможность объединения Великобритании и СССР в борьбе против Германии, его надежда на заключение сепаратного мира «полностью провалился»¹⁵. Важное наблюдение сделал Майский и о замешательстве в общественном мнении Великобритании. «Только недавно “Россия” считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, и вдруг на протяжении 24 часов она стала другом! Переход был слишком крут...»¹⁶. Но подобный же шок испытало население СССР после заключения в сентябре 1939 года Договора о дружбе и границе между СССР и Германией, когда противник был переименован в союзника. Несмотря на все усилия советской пропаганды, этот договор не был популярным в обществе. Поэтому Вернадский с удовлетворением встретил заключение советско-английского соглашения о совместных действиях СССР и Великобритании в войне против Германии 12 июля 1941 года¹⁷. 16 июля 1941 года, получив эту информацию, он записал: «Общее удовлетворение, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»¹⁸.

Судя по дневниковым записям, осознание народом надвигающейся войны происходило с большим запозданием. С.И. Вавилов через неделю 29 июня отмечал: «Если бы мне не сказали, что началась страшная война, если бы в Москве и в Ленинграде окна не были заклеены бумажками от бомб, я никак не догадался бы о происходящем. Люди идут не торопясь, в магазинах обычная “мирная” картина без всякой толкучки. Что это? Выражение очевидной уверенности в том, что все кончится хорошо? Дисциплина? Такое спокойствие народа поражает больше всего. А по городу вдалеке слышны пу-

шечные выстрелы ... В силу народную верю. В такие дни проще и легче быть на фронте и там, в случае нужды, умереть, несмотря на все нерешенное»¹⁹.

12 июля В.И. Вернадский принял решение об эвакуации из Москвы вместе с Академией. Однако он высказывал опасение, что переезд *«может кончиться развалом большой научной работы»²⁰*, учитывая непрофессионализм, как аппарата Академии, так и правительственного аппарата. Здесь же наряду с практичными замечаниями, ученый, с его философским восприятием действительности, впервые дал превентивный анализ создавшегося положения, обладая лишь дозированной официальной информацией: *«Что происходит на фронте? Начало развала гитлеровской силы? Или обстановка перед применением последнего отчаянного средства — газов или урановой энергии?»²¹*.

Это предположение Вернадского поражает прозорливостью. Опасность использования Германией запрещенных международными договорами после Первой мировой войны отравляющих веществ, подтвердил впоследствии И.М. Майский в дневниковой записи за 12 октября 1941 года, когда оценивал обстановку на фронтах, в том числе и под Москвой. *«...Гитлер, несомненно, бросит в бой все, что может. Он играет ва-банк. Не буду удивлен, если он пустит в ход газ...»²²*. Он считал необходимым обнародование информации о намерениях Германии применить химическое оружие в военных целях, для предотвращения массовой гибели военнослужащих антигитлеровской коалиции и мирного населения в период Второй мировой войны. Эта опасность не оставляла И.М. Майского длительное время. Он настойчиво работал над тем, чтобы вопрос о применении химического оружия рассматривался в переписке Сталина и Черчилля в марте 1942 года. Британское правительство гарантировало в случае применения газов на восточном фронте ответные аналогичные действия при бомбардировках немецких городов, благо запасов отравляющих веществ в Англии было накоплено достаточное количество. Оно предложило сделать публичное предупреждение Германии²³. Вновь вопрос о намерениях использования химических отравляющих веществ поднимался в переписке союзных лидеров в апреле 1943 года в связи с ухудшением положения германских войск на восточном фронте. В письме Сталина Черчиллю от 19 апреля он писал: *«Ваши сведения о намерениях немцев применить газы на нашем фронте подтверждается также сведениями, поступающими к нам. Разумеется, я всецело поддерживаю Ваше предложение, чтобы Вы выступили с предупреждением Гитлеру и его союзникам и пригрозили бы им мощным химическим нападением в случае их газового нападения на нашем фронте. Советские войска в свою очередь готовятся к отпору»²⁴*. Такое заявление о применении США и Великобританией химического оружия в случае применения отравляющих веществ на восточном фронте было сделано в апреле 1943 года заместителем министра обороны США П. Паттерсоном²⁵.

Также удивительным представляется уверенность В.И. Вернадского в военном применении ядерного оружия, разработанного на базе расщепления урана и создания ядерной бомбы. Это оружие впервые было создано в США и применено в Японии в августе 1945 года для подавления убежденности японской нации в дальнейшем сопротивлении. Если Вернадский и оказался неточным, то только в адресном определении. Ученые Германии имели все шансы создать атомную бомбу, как считают специалисты, если бы своевременно получили государственный заказ гитлеровского руководства.

Еще несколько слов о предвидениях Вернадского. В самом начале войны он сделал прогноз о победе антигитлеровской коалиции над фашистской Германией и ее сателлитами, и предсказал послевоенное разделение Европы на восточно-европейские государства, ориентирующиеся на СССР и западноевропейские страны, под военным и экономическим протекторатом США. Ученый записал:

«На континенте — мы и Гитлер. Мы в союзе с США и Английской империей. Кто будет решать? Очевидно и для Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Польши, Чехословакии, Румынии, Греции, Болгарии, Югославии, Италии явится вопрос: с кем сговариваться? Плебисцитные правительства под контролем нашим, США и Англии»²⁶.

Записи дневников С.И. Вавилова и В.И. Вернадского лета — осени 1941 года свидетельствовали о полном отсутствии достоверной информации о положении на фронтах. Вернадский, уезжая 17 июля в санаторий Боровое (Казахстан), собирался вернуться из эвакуации в Москву к осени, когда положение немцев станет безнадежным. 20 июля С.И. Вавилов, напротив, готовясь к эвакуации, занес в тетрадку запись полную отчаяния: *«Ощущение совершенно разорванной жизни. В Институте заколоченные ящики, которые отвозят на вокзал. Впереди странные перспективы казанских лесов. Чувство горечи, беспомощности, бесперспективности и разорванности всех связей. ... Моя жизнь разрушена»²⁷.* Он, воевавший с германской армией в 1914—1916 годах, не испытывал той успокоенности, которая характеризовала настроение основной массы населения, воспитанной советской пропагандой в духе превосходства Красной Армии.

В.И. Вернадский зафиксировал в дневнике первый налет авиации на Москву в ночь с 21 на 22 июля, подчеркнув, что Совинформбюро замолчало эти сведения. *«Молчание информбюро не означает, что налетов не было. Во главе стоят бездарные, ограниченные люди ... Мы знаем об окружающем только по таким фальсифицированным данным. ... Если правительство не сделает грубой ошибки — гибель гитлеризма в ближайшее время неизбежна и быстро — немногие месяцы»²⁸.* Здесь научная интуиция ученого в отсутствии достоверных фактов его подвела. Сейчас мы знаем, что война с Германией продолжилась 46 месяцев и оказалась тяжелейшим испытанием, как для советской системы, так и для каждого человека. 17 августа Вернадский отметил: *«Привезенные из Москвы впечатления — непрерывное, хоть и медленное движение немцев, особенно оставление Смоленска — и, надо сказать, бездарно составленная информация, радио, письма — явно увеличили тревогу за ближайшее будущее. А между тем, я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом — благодаря сознанию ноосферы»²⁹.* Таким образом, В.И. Вернадский под впечатлением разрушительного опыта новой мировой войны попытался заново осмыслить ход мировой истории и “выйти мыслью в будущее”. Это искомое будущее предстало перед ним, как движение в ноосферу. На протяжении последующих военных лет он постоянно возвращался к этой мысли и продолжал обдумывать последствия войны для человечества и его вступления в начало ноосферы. В январе 1943 года ученый решил изложить свои мысли в статье³⁰. Это намерение ему удалось осуществить. 21 июля 1944 года В.И. Вернадский записал: *«Моя статья о ноосфере подписана на днях к печати. ... Я думаю, я сжато, но подошел к закону природы — новому»³¹.*

Вернадский, несмотря на отсутствие полноценной информации о положении на фронтах и о *«резком противоречии между действительностью и официальными сводками»*, провел предварительный анализ причин неудач в начале войны:

«Для меня ясно, что теоретически — раз не было измены и нет внутри страны движения против правительства и можно понять происходящее только лучшим военным снаряжением ... и слабостью генерального штаба сравнительно с немецким. Мне кажется, патриотизм, мужество, авиация — на нашей стороне. Теоретически гитлеровская авантюра должна кончиться для них катастрофой». Однако ему было непонятно: *«Отчего инициатива все время в руках немцев? Что будет через месяц? Я думал, что война кончится к зиме. Теперь появляются опасения. Кончится к зиме в том смысле, что движение будет остановлено»³².* Обратимся к тому, как виделась война из Лондона. 10 ав-

густа 1941 года Майский подвел итоги 7 недель войны: «Основное — это то, что Красная Армия устояла перед Рейхсвером. Гитлеровская военная машина не сумела смять, опрокинуть, размолоть Красную Армию, как она это до сих пор делала со всеми другими армиями, включая французскую. ... Раз так, гитлеровская Германия по существу бита, хотя реализация поражения, займет еще немало времени и будет стоить нам немалых жертв — людьми, вооружением, территорией»³³. И.М. Майский считал, что для сокращения потерь, нужна полноценная помощь со стороны Англии и США. Пока ее нет. Идея второго фронта в Европе отвергнута. «Даже в области снабжения англичане стараются ограничиться минимумом. Не хотят давать достаточных кредитов, не хотят давать наиболее нужного нам вооружения... С величайшим трудом я вырвал у них 200 американских томагавков³⁴. За 10 недель войны (26 августа) — большие потери: 700 тыс. человек, свыше 5 тыс. танков, 4,5 тыс. самолетов, свыше 1 тыс. орудий³⁵. Приведенные цифры потерь в сравнении с данными, опубликованными в современной исторической литературе, занижены. По официальным данным, в течение трех недель были потеряны 11,7 тыс. танков свыше 18 тыс. орудий и минометов и около 4 тыс. боевых самолетов³⁶.

На этом фоне заключение Атлантической хартии между США и Великобританией 14 августа 1941 года, в которой говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, а также о послевоенном устройстве мира, без информирования СССР, выглядело весьма недипломатично. В разговоре с министром иностранных дел Великобритании Э. Иденом Майский попенял ему: «Если бритпра действительно хочет улучшить отношения — добрый совет: не принимать ответственных деклараций среди Атлантического океана. Дело не в содержании (это ОК), а в способе рождения. Создалось впечатление: Англия и США вообразили себя господом богом, который судит весь остальной грешный мир, в том числе и СССР. На такой базе дружбы не построят»³⁷. Следует отметить, что эта оценка И.М. Майского весьма современна. Уже тогда он уловил зарождающиеся принципы мировой политики, которую будет проводить США на международной арене, провозгласив себя единоличным вершителем судеб отдельных государств, политических лидеров и т.д.

30 августа 1941 года Сталин прислал Майскому телеграмму, в которой сообщал о резком ухудшении ситуации на Украине и под Ленинградом по причине переброски с запада 30 дивизий. Сейчас вместе с 20 финскими и 22 румынскими дивизиями, против нас стоит до 300 дивизий. Информация заканчивалась словами: «Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом»³⁸. Аналогичную озабоченность Сталин высказал и в письме Черчиллю от 3 сентября, хотя министр иностранных дел Великобритании Э. Иден охарактеризовал его в своих мемуарах «криком о помощи»³⁹. Советский дипломат срочно встретился с английским премьер-министром, но Черчилль отменил все надежды советского руководства на открытие второго фронта в ближайшее время и обещал значительный поток вооружений из Америки только во второй половине 1942 г.⁴⁰ В ответном письме Черчилль, успокаивая Сталина, писал, что зенит германского наступления пройден, и зима даст «вашим героическим армиям передышку»⁴¹. Не было поддержано Черчиллем и новое предложение Сталина, который 13 сентября настаивал на отправке в СССР британского экспедиционного корпуса в 25—30 дивизий для совместных операций с Красной Армией против германских войск на восточном фронте⁴². Вспоминая события осени 1941 года, У. Черчилль «назвал запрос Сталина “абсурдным” и счел бесполезным “спорить с человеком, оторванным от реальности”»⁴³. В таких чрезвычайных ситуациях И.М. Майского поддерживало отношение простых англичан. Когда положе-

ние продолжало оставаться чрезвычайно опасным, он описал небольшое событие, которое вселило в него дополнительную надежду: *«Когда я уходил из парламента, ко мне подошел какой-то незнакомый мне молодой человек в солдатской форме и с болью в голосе произнес: “Мистер Майский, я хотел вам только сказать, что мне стыдно за мою страну, за ее поведение в эту минуту”. Я крепко пожал юноше руку»*⁴⁴.

В итоге, второй фронт в Европе был открыт в июле 1944 года, когда исход войны был уже очевиден. Таким образом, та информация о подавляющем союзническом вкладе в победу во Второй мировой войне, усердно распространяемая по всему миру с замалчиванием истинных фактов, не соответствует действительности. Не удивлюсь, если в недалеком будущем мы познакомимся с новыми фактами, в том числе, самоосвобождения Европы от германского нашествия.

С.И. Вавилов, как бывший военный человек, отмечал в августе и сентябре 1941 года: *«На фронте, по-видимому, положение очень тяжелое». ... «О фронте и войне мало что известно, чувствуется только тревога». ... «В течение целой недели стереотипная фраза “бои на всем фронте ...”*⁴⁵. Аналогичные мысли высказывал в своих записях и В.И. Вернадский: *«Сводки все больше возбуждают недоумение. Никаких сведений о боях (бои на всех фронтах) — и в то же время постоянное “отступление”. Сводки наполнены партизанами, где, возможно, много выдуманного. В то же время ополченцы уже в бою ... Где войска? Опять растут зловещие слухи...»*⁴⁶. В октябре 1941 года Вавилов занес в тетрадь свои впечатления о выставке трофейной техники, которые устраивались повсеместно для поднятия боевого духа населения, и отмечал, что орудием уничтожения является не машина, а человек, управляющей ею: *«В Казани смотрел страшные, черные, исковерканные “трофейные” немецкие танки. ... Черная с белым крестом стилизованная машина с оптическими прицелами, радио, фосфоресцирующими составами — реализовала образ страшной войны. Но понятие о страшном само становится бессмысленным. Машина, автоматика, а психика со страхом только часть машины»*⁴⁷.

В этот же день, 12 октября, на отдыхе в Бовингдоне Майский также оценивал последнюю прошедшую неделю и характеризовал ее, как тяжелую. Захвачен Орел, бои идут под Вязьмой и Брянском, на юге оставлены Бердянск и Мариуполь. Несмотря на то, что удалось снизить скорость германского наступления в центре, оно продолжается. И главным лейтмотивом записей была мысль: *«Удастся ли удержать Москву»*⁴⁸.

Весьма интересен анализ настроений в английском обществе за прошедший период по отношению к Красной Армии, который дал Майский в этот период. За 16 недель войны он выделил 3 основные фазы. Первая — до середины июля, характеризовалась крайним пессимизмом. Красной Армии до полного разгрома отводилось от 3-х до 4-х недель. Вторая — от середины июля до середины сентября, наоборот, проходила под знаком излишнего оптимизма. *«...Красная Армия “неожиданно” оказалась огромной силой, что все планы Гитлера ... опрокинуты, что немцы неизбежно застрянут в России или даже будут разбиты...»*⁴⁹. Третья фаза — с середины сентября (особенно после падения Киева), проходит под знаком растущих разочарований и тревоги. Разочарования связаны с крушением надежды на комфортное завершение войны без огромных и тяжелых усилий со стороны самой Англии. И тревоги за исход войны вообще.

В ночь с 15 на 16 октября состоялась эвакуация правительственных учреждений СССР и дипломатических представительств иностранных государств из Москвы в Куйбышев (ныне Самара). Это подтвердило наличие огромной опасности для столицы. В.И. Вернадский отмечал, что резко упала уверенность в успешном конце войны. *«У меня этого нет — я считаю положение Германии безнадежным. А с другой стороны, для меня ноосфера не фикция, не создание веры — а эмпирическое обобщение. ... Как бы*

там ни было, занятие всей Украины, и исчезновение нашей южной армии всех смущает. Получается такое впечатление, что Одессу, Киев, Ленинград, Москву защищают партизаны и население, частью Одессу и Ленинград — моряки. Но где армия? Какая территория занята?»⁵⁰. Он очень переживал о возможности гибели «архива и библиотеки. Когда я уезжал в июле — мысль о возможности [их] потери и гибели мелькала, но [это] не чувствовалось реально, как она выступает сейчас»⁵¹. Вернадский видел причины крупных неудач в бездарности государственной власти и партийной номенклатуры, резком ослаблении морального и интеллектуального уровня коммунистов-управленцев, бездарных генералах Красной Армии. «Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первом столкновении — в финляндской войне — сейчас сказывается катастрофически ... Будущее неясно. ... Сейчас мы не знаем всего происходящего. Информация делается так, чтобы население не могло понять положения. Слухи вызывают иное, чем слова и правительственные толкования»⁵².

В начале ноября, оценивая итоги 19-той недели войны, И.М. Майский пришел к заключению, что, несмотря на тяжелое положение на фронтах, «...унывать нельзя. Цела армия, цело правительство, крепко единство народа. ... Есть все элементы для конечной победы. Нужны лишь мужество, выдержка и терпение»⁵³. В свою очередь, В.И. Вернадский, прослушав 7 ноября речь Сталина, наполненную уверенностью в победе, отметил ее огромное впечатление на слушателей: «В связи с речью Сталина — значительное успокоение», «Речь, несомненно, умного человека»⁵⁴. 15 ноября ученый, вновь обращаясь к последствиям войны, записал: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается [поворот], мне, и вижу многим, тоже кажется огромного значения: 1) союз с англосаксонскими государствами — демократиями, в которых в жизнь вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы; 2) в мировом столкновении мы — тоталитарное государство, вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию...»⁵⁵. На следующий день Вернадский продолжил рассуждать о будущем нашей страны, отметив: «... впереди неизбежны коренные изменения — особенно на фоне свободы нашей и англосаксонских демократий, мне представляются несомненными. Будущее ближайшее принесет нам много неожиданного и коренные изменения условий нашей жизни. Найдутся ли люди для этого?»⁵⁶. Тот союз, построенный на равных условиях с взаимным учетом интересов сторон, который видел Вернадский между освобожденной Европой, Великобританией, США, мог бы состояться только после внутригосударственных преобразований в СССР в 90-е годы XX века, но не довелось. Как отмечал ранее Майский, США и Великобритания ни во время войны, ни позже никогда не рассматривали Россию равноправным партнером, государством с собственными интересами и взглядами на международные отношения. В настоящее время, заявления нынешнего президента США Б. Обамы о доминирующей роли его страны в мире, еще более отдаляют эту перспективу. А посему вера В.И. Вернадского в торжество человеческого разума после ужасов мировой войны, не позволяющего вновь оказаться на пороге смертельной конфронтации, не осуществилась.

В отличие от философических предчувствий В.И. Вернадского И.М. Майский был озабочен очередным недельным анализом ситуации и с воодушевлением писал об улучшении положения на наших фронтах, накоплению опыта борьбы, как он выражался «с “панцирными” дивизиями и другими нововведениями германской военной техники. ... У Гитлера есть победы — много побед, крупных побед, но нет победы — той единственной решающей победы, которая приводит к счастливому концу войны.

... Германия уже миновала зенит своих военных усилий и возможностей, мы же к нему еще далеко не подошли...»⁵⁷. Этот анализ И.М. Майского оказался абсолютно верным. 5–6 декабря 1941 года Красная Армия начала наступление под Москвой. 11 декабря была освобождена Истра, а 15 — Клин. Это была первая крупная победа в Великой Отечественной войне. В.И. Вернадский по этому поводу с радостью записал: «*Впервые на двух фронтах благоприятные известия, и под Ростовом-на-Дону, и под Москвой. Наконец-то поворот. Начало конца Гитлера*»⁵⁸. 13 декабря он продолжил: «*Поворот в военных событиях — [сильное] впечатление. Сегодня утром — радио, которое указало, что немецкое наступление, начавшееся 6. XII, от Москвы отбито с огромными потерями немцев в людях и вооружении. Впечатление такое, что немцев стремятся уничтожить, чем брать в плен. Варварство немцев — я думаю — не может пройти без той или иной формы суда*»⁵⁹. Очередное предвидение ученого, до которого он не дожил. В августе 1945 года был создан Международный военный трибунал, который на протяжении целого года в Нюрнберге, судил группу из 24 главных немецких военных преступников за «преступления против человечества». К сожалению, бывший кабинет министров Германии и Верховное командование вермахта не были признаны преступными организациями.

31 декабря в Йошкар-Оле С.И. Вавилов занес в дневник жизнеутверждающие строки: «*Перевернул прошлогоднюю запись за это же число и приходится снова повторить, что кончился год, самый тяжелый в жизни. ...А между тем война переменяла знак, Гитлер на глазах трещит и, вероятно, скоро кончится как “умирающий черт”*»⁶⁰ (с.138).

В заключение процитирую Ивана Михайловича Майского, который выразил настроение всех здравомыслящих представителей человечества: «*Иногда мне хочется вырваться из кровавого моря современности и унести мыслью к далеким будущим временам, когда блеск человеческого гения будет тратиться не на изобретение наиболее совершенных способов самоуничтожения, а на дела действительно творческие, конструктивные ... В XXI или XXII столетии ... встанет проблема о создании единого человечества. Не то, чтобы национальные различия должны быть совсем устранены, — нет, это трудно, да, пожалуй, и нежелательно. Пусть в мире будет разнообразие. Пусть будут разные характеры, разные внешности, разные песни, разные вкусы. Без них жизнь стала бы очень скучной, а прогресс человечества затормозился бы. Вместе с тем, однако, надо будет как-то слить эти пестрые национальные ручейки в едином многоводном потоке человечества. Надо будет создать такие формы жизни, чтобы национальные различия обогащали общую жизнь человечества, но не раздирали ее на враждебные друг другу элементы». ... Как все это далеко от современности!»⁶¹. К сожалению, человеческая цивилизация также далека от чаяний дипломата Майского. Доминантой ее развития остается не мирное, а военное соперничество, пагубное для нее самой; и вероятность новой мировой войны, в которой не будет победителей, не отступает. История последних лет в очередной раз показала близорукость мировых политических элит, не способных рассматривать Землю как планетную сущность, которую необходимо сохранить для будущих поколений.*

¹ М.: Наука, 2015. Под ред. В.Е. Фортова. Сост. В.И. Васильев, А.А. Макошко.

² Там же. С.95.

³ Романичев М.Н. Невиданное испытание // Война и общество, 1941–1945. В 2 кн. Кн.1. М.: Наука, 2004. С. 58.

⁴ Вавилов С.И. Дневники. 1909–1951. В 2 кн. Кн.1. 1909–1916. М.: Наука, 2016 — Научное наследство. Т. 35.

⁵ Вавилов С.И. Дневники. Кн.2. 1920, 1935–1951. М.: Наука, 2012. С.152 — Научное наследство. Т. 35.

- ⁶ Там же. С.124.
- ⁷ Там же. С.153.
- ⁸ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. М.: РОССПЭН, 2010. С. 105.
- ⁹ Вернадский В.И. Дневники. 1935—1941. В 2 кн. Кн.2. 1939—1941. М.: Наука, 2006. С. 260.
- ¹⁰ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2, ч.1. М., 1989. С.154—157, 160—162, 164—175.
- ¹¹ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943. В 2 кн. Кн.2, ч.1. М.: Наука. 2009. С.412. — Научное наследство. Т.33.
- ¹² Там же. Кн.2, ч.2. С.5.
- ¹³ Там же. С.6.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С.7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С.14, 338.
- ¹⁸ Вернадский В.И. Дневники. 1935—1941. Кн.2. С.270.
- ¹⁹ Вавилов С.И. Дневники. 1909—1951. Кн.2. С.124.
- ²⁰ Вернадский В.И. Дневники. 1935—1941. Кн.2. 1939—1941. С.263.
- ²¹ Там же. С.263, 266.
- ²² Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.57.
- ²³ Там же. С.111, 117.
- ²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т.1. М.: Госполитиздат, 1957. С.118.
- ²⁵ Известия. 1943. 25 апреля.
- ²⁶ Вернадский В.И. Дневники. 1939—1941. С.263.
- ²⁷ Вавилов С.И. Дневники. 1935—1951. С.126.
- ²⁸ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.28.
- ²⁹ Там же. С.39.
- ³⁰ Там же. С.8,41,276,288, 404, 411.
- ³¹ Вернадский В.И. Собр. соч. Т.23. Дневники В.И. Вернадского. 1943—1944. М.: Наука, 2013. С.366.
- ³² Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.45, 46.
- ³³ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.31.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С.36.
- ³⁶ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 338, 613.
- ³⁷ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.37.
- ³⁸ Там же. С.37, 38, 341.
- ³⁹ Печатнов О.В. Переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем осенью 1941 года (по новым документам российских и британских архивов) // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С.89.
- ⁴⁰ Там же. С.43, 47.
- ⁴¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т.1. С.20.
- ⁴² Там же. С.22.
- ⁴³ Печатнов О.В. Переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем. С.93.
- ⁴⁴ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.70.
- ⁴⁵ Вавилов С.И. Дневники. 1920, 1935—1951. С.127, 128, 131.
- ⁴⁶ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.48.
- ⁴⁷ Вавилов С.И. Дневники. 1920, 1935—1951. С.131, 132.
- ⁴⁸ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.57.
- ⁴⁹ Там же. С.58.
- ⁵⁰ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.53.
- ⁵¹ Там же. С.123.
- ⁵² Там же. С.59.
- ⁵³ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.75.
- ⁵⁴ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.66, 68.
- ⁵⁵ Там же. С.69.
- ⁵⁶ Там же. С.71.
- ⁵⁷ Майский И.М. Дневник дипломата. С.86.
- ⁵⁸ Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943. С.84.
- ⁵⁹ Там же. С.87, 88.
- ⁶⁰ Вавилов С.И. Дневники. 1920, 1935—1951. С.138.
- ⁶¹ Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.2, ч.2. С.152, 153.

«Писатели на фронтах Великой Отечественной войны»: биобиблиографический словарь.

Перспективы исследований военной темы в Отделе рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького

Семьдесят первая годовщина со дня окончания Второй мировой и Великой Отечественной войны вновь напомнила миру о великой трагедии XX столетия, масштабы которой в полном объеме не осмыслены до сих пор; не оценены до сих пор и человеческие, и материальные потери народов бывшего Советского Союза.

О Второй мировой войне написаны десятки тысяч книг, но еще многое предстоит узнать, осмыслить и объяснить. Особую тревогу вызывает проявившаяся в последние годы, как за рубежом, так и на постсоветском пространстве тенденция к искажению исторических фактов с целью принизить политическое и военное значение Советского Союза в этой войне, неотъемлемой частью которой была Великая Отечественная война, в конечном итоге предопределившая исход мирового конфликта. В установлении исторической истины неоценимую помощь могут оказать и оказывают отечественные архивы. Наш неоплаченный долг перед прошлым обязывает вводить в научный оборот материалы, свидетельствующие о той страшной войне.

Свой вклад в формирование непредвзятого взгляда на крутые повороты нашей истории века минувшего вносит Отдел рукописей Института Мировой Литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописных и книжных фондов начал формироваться как научная фундаментальная база постановлением ВЦИК от 17 сентября 1932 г. Фонды Отдела рукописей содержат документы и материалы советских писателей и писателей Русского зарубежья. Архивохранилище на сегодняшний день насчитывает 640 личных фонда и около 50 фондов литературных организаций, издательств и редакций журналов.

Первый выпуск «Путеводителя по фондам ОР ИМЛИ РАН (личные фонды)»¹ отражает степень участия и сохранности документов, посвященных войне: каждый второй упомянутый писатель имеет непосредственное отношение к тем далеким событиям. Это А. Бек, Вс.Иванов, М. Исаковский, Л. Леонов, А. Твардовский, М. Шолохов, М. Светлов и многие др.

Документы нашего архива свидетельствуют, что важнейшей формой активного участия писателей в защите Родины от гитлеровских захватчиков стала повседневная работа в газете — от центральной до дивизионной. Еще в 1934 г., выступая на Первом съезде советских писателей, поэт А. Сурков говорил: «Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц журналов и поэтических сборников перейдут на страницы фронтовых и дивизионных полевых многотиражек»².

В дни войны его слова подтвердились. По состоянию на ноябрь 1941 г. писателей, призванных в РККА, и прикрепленных к газетам и журналам, насчитывалось 109 человек. Сохранился список писателей, призванных в ряды РККА на 1 ноября 1941 г. в качестве сотрудников органов военной печати. Среди них корреспонденты «Красной Звезды» Л.И. Славин, К.М. Симонов, В.П. Ильенков, Ф.И. Панферов; «Газеты Юго-Западного фронта» В.А. Кондратенко, Б.Д. Палийчук, А.Т. Твардовский; «Газеты

Карельского фронта» Ф.М. Левин, С.И. Кирсанов, Ф.А. Ваграмов, В.В. Гольцев; «Газеты Южного фронта» С.В. Михалков, Я. Френкель, В. Поляков; «Газеты 51-й армии» В.Ц. Гоффеншефер; «Красный воин МВО» Ю.Н. Либединский; «Газета 24 резервной армии» М.В. Лузгин, О.Е. Черный и многие другие. К концу 1943 г. в действующей армии выходило ежедневно около 3 000 газет, свыше 600 газет, выходило три раза в неделю³.

Активная творческая деятельность была важнейшим вкладом советских писателей в дело защиты Родины. Важнейшим, но не единственным. Сколько их погибло с оружием в руках, сколько было казнено фашистами. Согласно документам, хранящимся в Отделе рукописей, на полях сражений Великой Отечественной войны погибли или пропали без вести 362 писателя. В первые месяцы войны погибли Б.М. Лапин и З.Л. Хащевин (под Киевом), М.И. Серебрянский (под Москвой), в 1942 — П.Д. Коган (под Новороссийском), Г.С. Железняк (под Ленинградом), Дж. Алтаузен (пропал без вести в боях под Харьковом), в 1943 — В.Н. Афанасьев (пропал без вести в партизанском отряде под Смоленском), в 1944 — Ю.П. Севрук (в боях на правом берегу Днепра), Муса Джалиль казнен фашистами в военной тюрьме Плетцензее в Берлине.

Скорбный список потерь пополняется и сегодня: ушел из жизни С.А. Дангулов, В. Быков, М.Н. Алексеев. А.И. Солженицын, С.В. Михалков... Тех, кто защищал Отечество своим талантом и пером, остается все меньше и меньше.

Среди материалов Отдела рукописей по истории Второй мировой войны особо следует отметить фонд 575 («Литературное наследство»), в котором хранятся ответы писателей-фронтовиков на анкеты, разосланные редакцией «ЛН» в декабре 1964 — январе 1965 г. в отделения Союза писателей СССР. Заполненные анкеты предназначались для публикации в справочном труде—спутнике к 78-му тому «Литературного Наследства», посвященному 20-летию Победы над гитлеровской Германией.

Именно эти материалы легли в основу Био-библиографического словаря «Писатели на фронтах Великой Отечественной войны».

Помимо заполненных анкет писателей—участников Великой Отечественной войны в этом фонде хранятся картотеки писателей — участников боевых сражений на фронтах, в партизанских соединениях и членов редакционных коллегий военных изданий, а также картотека писателей — Героев Советского Союза. Эти справочные материалы были подготовлены сотрудниками ИМЛИ РАН — А.Г.Коганом, И.Е. Гитович, С.А. Добринским, Е.А. Кречетовой, Л.Р. Ланским, Н.А. Трифоновым в начале 1960-х гг. и потому потребовали значительной корректировки и дополнительных архивных изысканий. К примеру, не учитывались те авторы, которые оказывались в числе перемещенных лиц, или арестованных в годы войны НКВД. Так, член Московского отделения Союза писателей СССР, киносценарист А.Я. Каплер не был включен, т.к. в 1943 г. был репрессирован, писатель Н.Д. Вигилянский репрессирован в 1942 г. (восстановлен в СП в 1956 г.) и некоторые другие.

В число участников Великой Отечественной войны не попали те писатели, которые в годы войны не принимали непосредственное участие в военных событиях, но все-таки своим пером и талантом приближали победу. Так, в списки не попали Н.К. Доризо, хотя служил литературным сотрудником военной газеты «Слово бойца», В.А. Каверин, работавший корреспондентом ТАСС и газеты «Известия». Е.Н. Герасимов, служивший вольнонаемным в Управлении военного издательства НКО г. Москвы и некоторые др.

Немалый объем работы потребуется и для выявления тех литераторов, которые не успели стать членами Союза, но ушедших на фронт с писательским ополчением в Москве и Ленинграде, а также авторов, погибших на фронте и принятых в члены писательской организации посмертно. Обращает на себя внимание и тот факт, что при

составлении справочника в 1965 г. существовали своеобразные квоты на количество лиц, представляемых в сборнике; большее число «мест» было отдано писателям Москвы и Ленинграда, остальным писательским организациям было выделено не более 30 единиц на всю организацию.

В настоящее время выявлены и описаны 2 074 имени писателей, чьи библиографические сведения будут включены в издание. Это сведения о том, в каких частях и соединениях проходили они воинскую службу, в каких воинских званиях состояли, в каких военных изданиях сотрудничали, какие награды получали, какие книги написали в годы войны. Библиографический словарь-справочник — первое издание такого рода. Разумеется, писателям—фронтовикам посвящена обширная справочная литература. Но биографические данные об их участии в защите Отечества в годы Великой Отечественной войны пока еще крайне скупы. Это своего рода «белые пятна» в истории литературы военных лет. Собранные в готовящемся издании материалы существенно дополняют общую картину большого многогранного напряженного труда советских писателей в условиях войны; сделают очевидным подвиг писателей-фронтовиков — военных корреспондентов, ополченцев, партизан, командиров подразделений, политработников, рядовых бойцов.

Рассылаемые анкеты состояли из одиннадцати вопросов: «1. Фамилия, имя, отчество; 2. Литературный псевдоним; 3. Год рождения; 4. Национальность, на каком языке пишет; 5. Партийность; 6. Военное звание (первое и последнее за годы войны); 7. С какого по какое время был в Советской армии в годы войны, в качестве кого (военная должность)? На каких фронтах (когда)? Какие задания выполнял в качестве писателя?; 8. Участвовал ли в боевых действиях? Где, когда? Был ли ранен? 9. В каких газетах сотрудничали в годы войны; 10. Какие правительственные награды получили за годы войны? За что?; 11. Какие книги вышли в годы войны; 12. Какие значительные произведения опубликованы в эти годы в газетах, журналах сборниках? 13. Какие книги, написанные на материале Отечественной войны, вышли после 1945г.»⁴.

Ответы были разные. Позволим привести полностью анкеты, отличающиеся друг от друга, прежде всего полнотой материала о себе. Так, А.А. Тарковский написал письмо в редакцию «Литературного наследства», датируемое январем 1965 г.:

«Уважаемые товарищи!

Писать о себе чрезвычайно неприятно, и, конечно, было бы лучше, если бы редакция не заставляла литераторов этого делать. Ваши письма, впрочем, так настоятельны, что и мне приходится изменить своему правилу, чтобы не лишиться Вас нужных Вам сведений.

Отвечаю по пунктам вопросника:

1. Тарковский Арсений Александрович.
2. В военной печати так же, как и много ранее (20-е годы, в газете «Гудок») — дядя Тарас, Тарас Подкова, А. Т. и прочее.
3. 25 июня (н. ст.) 1907 г.
4. Поэзия, в том числе — стихотворный перевод.
5. Русский (зачем Вам этот вопрос?).
6. Пишу по-русски.
7. Б/п
8. Декабрь 1941
9. Ранен в декабре 1943, в отставке после ранения и ампутации ноги.
10. Техник—интендант (не помню, какого ранга: сначала — соотв. старшему лейтенанту, кончил войну — в соотв. капитану (гвардии техник—интендант какого-то ранга, какого — не помню).

11. Писатель армейской газеты.

12. Редакция газеты армии.

13. Под Москвой, Западный, Брянский, I—ый Прибалтийский.

14. Не был.

15. Я служил и работал в газете «Боевая тревога» 16-ой, впоследствии — 11-ой гвардейской армии. Во время войны что-то печатал в центр. газетах и журналах, а также в военной печати, но вырезок у меня не сохранилось.

16. Орден Красной звезды и медали.

17. Не был.

18. Книг только о войне у меня нет. В моем сборнике стихов «Перед снегом» («Сов. писатель», Москва, 1962) есть раздел, в который вошли стихи о войне.

С уважением А. Тарковский⁵.

А вот другая анкета отличалась краткостью. Это анкета писателя Н.Ф. Колотилова:

«1. *Фамилия, имя и отчество* — Колотилев Николай Федорович.

2. *Литературный псевдоним* — <прочерк — О.Б.>.

3. *Год рождения (для умерших дата смерти)* — 1919.

4. *Партийность* — б/п.

5. *Национальность. На каком языке пишет* — русский.

6. *Военное звание (первое и последнее)* — рядовой.

7. *С какого времени и по какое был в Советской Армии в годы войны? В качестве кого? (военная должность) На каких фронтах, когда? Какие задания выполнял в качестве писателя?* — В 1941 г.

8. *Участвовал ли в боевых действиях? Где, когда. Был ли ранен?*

Да, на Украине, под Львовом, Винницей, Киевом.

9. *В каких газетах сотрудничал в годы войны (Когда) под какими псевдонимами?* — Нет.

10. *Какие правительственные награды получил за годы войны? За что?* — Медаль «За победу над Германией».

11. *Какие книги изданы в 1941—1945 гг.?* — Нет.

12. *Какие значительные произведения опубликованы в эти годы в газетах, журналах, сборниках?* — Нет.

13. *Какие наиболее значительные произведения написаны после войны на военном материале?* — Нет⁶.

Но к своей анкете Колотилев приложил письмо, в котором и была объяснена краткость его материала для анкеты участника войны:

«Уважаемый товарищ Ланский!

Право, не знаю, стоит ли меня считать участников Великой Отечественной войны. Да, с 1939 года я служил в стрелковой части, которая находилась в Западной Украине, вблизи границы. В бой вступили в первый день войны. Беспорядочно отступали до Львова. Возле местечка Бобрики бой был жестокий. От нашей роты остался один взвод. Я был стрелком-автоматчиком, имел ППД, и мне приказали прикрывать отступление взвода. До старой границы не было почти никаких схваток с противником — просто бежали. Потом был в нескольких атаках, даже ходили в наступление, посылали и в разведку. Был несколько дней санитаром. После того, как контузило (засыпало так, что товарищи откапывали), доставлял пищу на передовую. В первых числах августа наши две армии (кажется 6-я и 12-я) оказались в окружении. Находились мы в Кировоградской области. Возле села Подвысокое много раз пытались прорваться, но все наши атаки не имели успеха. Были мы без патронов и снарядов (снаряды были, правда, но не под-

ходили к пушкам). Были мы все голодные, измученные, в большом селе съели все, что можно было съесть. Вечером 7 августа командиры начали надевать снятое с мертвых солдатское обмундирование, стричь волосы. Но не все. Плена боялись страшно, однако всех нас в ночь на 8-е или 9-е переловили. Я был простужен, находился в температурной лихорадке. Взяли лежачего. Все это сейчас тяжело вспоминать... Среди пленных видел восемь генералов. Два генерала будто бы (шел тогда разговор) улетели на самолете. На этом и кончилось мое участие в войне... Из той громадной массы народа (помню, от кого-то слышал, что в селе Подвысокое попало в плен 470 тысяч. Шутка сказать, почти полмиллиона), наверно, редко кто остался в живых. В Виннице ежедневно умирало 100—150 человек. Совершенных дохляг перевозили в Шепетовку. 25 сентября 1941 г. нас куда-то погнали. Как только вывели за ворота лагеря, все бросились бежать. Перестреляли сотню — не меньше, но кой-кому, в том числе и мне, удалось уйти.

Вдвоем с москвичом Володей Маркеловым мы прошли Каменец-Подольской, Житомирской, Винницкой областями. Потом (по Украине нельзя было идти из-за полицаев) свернули на... Искали партизан возле Брянска, но не нашли. Оказались в Смоленской области, где идти было легче. Добрались почти до фронта, но нарвались на каких-то гадких городских полицаев, которым якобы за каждого пойманного немцы давали по пуду муки, они рыскали по деревням и лесам. Снова лагеря... До 15 марта 1945 года.

Сейчас, товарищ Ланский, мне приходится читать книги о лагерных организациях. Читаю и удивляюсь. Я прошел более двадцати лагерей — и ничего подобного у нас, мне кажется, не было. Все не хотели работать на врага, все саботировали и симулировали (об этом я написал в рассказе «Колхоз на Рейне», Верхне-Волжское издательство, сборник «Встречи»), но ни о каких организациях я нигде не слышал и потому не мог принимать в них никакого участия. Все были одиночками.

Летом 1945 года наш 7-й батальон находился на Западной Украине, где-то недалеко от Львова. В боях с бандеровцами мы почти не участвовали, были в заслоне. В сентябре, когда я стоял на посту, меня обстреляли из двух автоматов, но серьезных ранений не получил. В госпиталь слег по болезни (сказались последствия плена), лежал долго. Демобилизовали досрочно — по инвалидности. Стал работать в редакции районной газеты. Да так с тех пор и работаю в районных центрах. Сейчас корреспондент-организатор сельского радиовещания в г. Нерехте, Костромской области. Здоровье неважное, но считаю себя военнообязанным, летом 1959 г. призывали в армию: в Одессе, в окружной газете, с большим удовольствием поработал в отделе культуры. Редактор написал в райвоенкомат бумажку, порекомендовало мне присвоить звание младшего лейтенанта, но военком сказал: «Зачем оно тебе в 40 лет?». И так числюсь в рядовых. Извините. Считать себя участником Великой войны нахожу неудобным, хотя и медаль имею «За победу над Германией»⁷.

Таким образом, получается, что сделать общую схему подачи материала для всех писателей, приславших анкеты, действительно, сложно. В процессе долгих поисков карточка писателя для словаря может выглядеть следующим образом:

«Абдашев Юрий Николаевич.

27.11.1923 г. Русский, на русск.яз.; прозаик; член СП СССР с 1961 (Краснодар.ОСП).

В действующей армии с 1941 г.; воевал на Калининском, Кавказском и Северо-Кавказском фронтах; воинское звание: рядовой — гвардии лейтенант, командир батареи Истребительного противотанкового полка.

Награжден орденом «Отечественная война» I степени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над фашистской Германией».

В годы войны книги автора не издавались».

Но это, все-таки, предварительное решение оформления информации об отдельно взятом авторе.

Несомненно, будущий словарь писателей будет дополнен подготовленными сегодня сотрудниками ИМЛИ материалами, оформленными в виде приложений следующего характера: 1. Список писателей, призванных в РККА (на 1 ноября 1941 г.) с подробным комментарием; 2. Список газет фронтов и флотов; 3. Список армейских газет; 4. Список гражданских корреспондентов и фотокорреспондентов на фронтах (по состоянию на 24 мая 1942 г.). Это материалы первого раздела «Приложения».

Разработка структуры второго раздела «Приложения», в который будут включены список писателей, погибших в годы войны и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны; список (в черновом варианте перечень) фронтовых газет и журналов; списки писателей, призванных на военную службу (по состоянию на 1 ноября 1941 г.).

По многоплановости и информационной насыщенности Биобиблиографический словарь первый в ряду изданий подобного рода. Он послужит источником важнейших и большей частью неизвестных сведений об этом сложном периоде нашей истории не только для литературоведов, изучающий литературный процесс XX века, но и для всех, кто сегодня занимается отечественной литературой и историей, как в России, так и странах дальнего и ближнего зарубежья.

Сегодня особенно важно (материалы анкет наглядно свидетельствуют об этом!) в защите Родины участвовали литераторы из всех союзных и автономных республик Советского Союза: русские и евреи, белорусы и украинцы, азербайджанцы и грузины, татары и башкиры, узбеки и казахи, литовцы и латыши, армяне и эстонцы, киргизы и туркмены и многие-многие представители других наций и народностей нашей страны. В чем бы ни проявлялось их участие в этой жесточайшей схватке с фашизмом: в литературном труде или на поле боя с оружием в руках, каждый внес свой вклад в нашу Победу. Вступив в XXI век, думается, мы стали мудрее и осознали наши ошибки беспамятства. До тех пор, пока мы вновь не станем защищать память о людях, спасших мир от фашистского рабства, пока мы сами в полной мере не осознаем, насколько важна наша Победа в Великой Отечественной войне, попытки пересмотра истории будут предприниматься вновь. А она у нас была одна — история, в которой мы победили коричневую чуму XX столетия.

Теперь, в XXI веке, мы знаем, какой ценой была достигнута.

¹ Путеводитель по фондам Отдела рукописей Института мировой литературы РАН / Редактор-составитель А.А. Кутейникова. Вып. 1. Личные фонды. — М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. 336(2) с.

² Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. — М., 1934. С. 515.

³ Об этом подробнее см.: *Кутейникова А., Быстрова О.* Писатели и Великая Отечественная война: (Из материалов Отдела рукописей ИМЛИ РАН) // Библиофилы России: Альманах. — М., 2010. Т. VII. С. 455–472.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. 1.

⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. 28. Л. 388.

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Единица хранения находится в обработке.

⁷ Там же.

Расхищение научных ценностей в годы Великой Отечественной войны: проблемы документации, этики и реституции

В данной работе пойдет речь о расхищении в годы войны немецко-фашистскими захватчиками материальных результатов научной работы в области селекции. Будут освещены три основных вопроса: 1) что именно и почему было расхищено; 2) документирование процесса расхищения, в том числе оценка ущерба; 3) этические проблемы, возможности «реституции».

История советской науки в годы Великой отечественной войны — самостоятельная, важная тема, пока еще не нашедшая адекватного отражения в отечественной историографии. Есть отдельные историко-научные работы о сохранении в блокадном Ленинграде бесценных коллекций мировых растительных ресурсов Всесоюзного института растениеводства (ВИР).¹ Имеется обширная публицистическая и мемуарная литература с описаниями героических судеб ученых-блокадников, отвечавших за образцы семян и плодов.² В настоящем исследовании нас интересовало не столько сохраненное, сколько утраченное: об обстоятельствах и последствиях нацистской оккупации селекционных институтов и опытных станций известно очень мало.³

Каждая научная дисциплина в СССР пережила свою собственную военную драму, связанную с разрухой, голодом, эвакуацией. Но если математикам достаточно было просто оказаться в тылу со своими бесценными знаниями, то селекционерам, у которых и объект, и результат исследований практически не существуют в отрыве от конкретного участка земли с посевами экспериментального материала, эвакуация научного продукта в полном объеме практически невозможна.

Однако, именно селекция — единственная из научных дисциплин в Советской России — оказалась в ракурсе первоочередного внимания тех, кто формировал научную политику Германии. Это не удивительно, если вспомнить об успехах советской селекции и сельскохозяйственной генетики до войны, о несомненном лидерстве СССР в этой области.⁴ Немецкие селекционеры конца 1920-х — начала 1940-х гг. во многом ориентировались на результаты и стандарты исследований своих советских коллег. Напомним, что перед наукой Германии в рамках политики автаркии была поставлена важная задача — обеспечить самодостаточность в области пищевых ресурсов.⁵ В период между мировыми войнами этого собирались достичь внутренними силами — в том числе путем подъема урожайности на основе использования достижений селекции, внедрения в сельскохозяйственную практику новых усовершенствованных сортов. Селекция, как и в СССР, стала приоритетным направлением сельскохозяйственной науки в Германии. В одном из главных селекционных центров страны — Институте селекционных исследований Общества Кайзера Вильгельма (Институте селекции ОКВ), следили за тем, чтобы не отстать от русских. Директор института, известный селекционер Эрвин Баур, посетив СССР в 1929 г., отмечал заслуги советских ученых в развитии теории и практики селекции.⁶ В Германии полностью разделяли представления выдающегося генетика и селекционера, главы ВИРа Николая Ивановича Вавилова о значении для селекции сбора материалов в

центрах происхождения культурных растений: скрещивание культурной формы растения с найденной в таких центрах дикой исходной позволяло привнести в культуру ценные свойства «дикарей» (устойчивость к болезням, вредителям и т.д.). Доступ к генным центрам, где дикие формы сельскохозяйственных растений существуют в максимальном разнообразии, являлся для селекционеров главной стратегической задачей; ботанические экспедиции рассматривались, как вопрос национального престижа.⁷ Здесь Н.И. Вавилов и его соратники по ВИРу были вне конкуренции: 180 экспедиций (в том числе 30 зарубежных), которые поддерживало и финансировано советское правительство, позволили собрать самую крупную в мире коллекцию растительных ресурсов в более чем 200 тысяч образцов.⁸ Масштаб работы ВИРа вызывал у немцев восхищение. Вероятно, восхищение смешивалось с завистью. Но в довоенные годы соперничество Баура и Вавилова не выходило за рамки научной этики, было весьма плодотворным для обеих стран, предполагало множество контактов двух институтов.

В годы войны ситуация изменилась. Известно, что нацистские программы эксплуатации восточных территорий отводили СССР роль сырьевого придатка «третьего рейха»: развитие науки в этом регионе не входило в планы послевоенной доктрины эксплуатации восточных территорий (Ostordnung); предполагался вывоз отобранного материала на немецкие «культурные» территории.⁹ Но сначала необходимо было разобраться в том, что досталось оккупантам.

Германское военное командование отдало приказ о захвате селекционных институтов и станций в СССР осенью 1941 г. Ученые Института селекции и других институтов ОКВ стали ведущими экспертами при оценке главного советского селекционного продукта — мировой коллекции растений, а также многочисленных образцов селекционных сортов, полученных, в том числе, на основе ее использования. Немецкие ученые легко переступили через нравственные барьеры, присваивая результаты работы вчерашних партнеров, оправдывая сотрудничество с нацистами «спасением коллекций от большевиков». Однако, как показала С. Хайм, истинные мотивы участия в захвате иные: профессиональное честолюбие, возможность быстрого карьерного роста, конкуренция с другими институтами и пр.¹⁰ Так, В. Рудольф, преемник Баура в Институте селекции, осматривая селекционные институты Украины, писал: «нельзя упустить возможность заполучить уникальный материал, который мы так долго ждали».¹¹ Для координации научных работ на оккупированных территориях, найма советских служащих и пр. был создан специальный Центр восточных исследований (ЦВИ, *Zentrale für Ostforschung*); отдел сельского хозяйства в ЦВИ возглавил зять Баура, К. фон Розенталь, до этого — простой научный сотрудник института. Другой пример карьерного роста — сотрудник того же института Ф. фон Менгерсен, который, благодаря работе на Украине, достиг ранга военного администратора (*Militärverwaltungsrat*). ЦВИ был лишь одним из ряда учреждений и организаций, конкурирующих за советские селекционные материалы. Среди других — Имперский исследовательский совет, Оперативный штаб (Штаб специальных операций) (*Einsatzstab*), Специальный отряд СС (*Sonderkommando*), и даже секретная организация СС «Аненэрбе» («*Ahnenerbe*»), знаменитая, в частности, экспедициями по поиску «арийских корней» «германской расы» на Тибете.¹²

Судьба селекционных центров на оккупированных территориях СССР варьировала. Можно выделить, по крайней мере, три модели оккупации. В рамках первой, учреждение продолжало функционировать, вместо эвакуированных русских специалистов работами руководили немцы, но к сотрудничеству привлекались и русские;

наиболее ценные научные ресурсы вывозили на территорию рейха. Другая модель предполагала использование селекционного учреждения, как источника пищевых ресурсов. Наконец, в третьем случае, после короткой оккупации при вынужденном спешном отступлении учреждение просто уничтожали.

Сведения о конкретных параметрах расхищения нами получены из нескольких источников. Основной — документы фонда Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, и учету причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, 1942—1951 гг. (ЧГК). Положение о ЧГК было утверждено 16 марта 1943 г. В нем сообщалась, что комиссия собирает документальные данные, проверяет их и публикует материалы о нацистских преступлениях и материальном ущербе. При этом предполагалось, что к работе ЧГК должны привлекаться представители советских, хозяйственных, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций, рабочие, колхозники и служащие: факты злодеяний должны были устанавливаться актами на основе заявлений советских граждан, опроса потерпевших, свидетелей, врачебных экспертиз и осмотра места совершения преступлений. ЧГК имела своих уполномоченных в союзных республиках. Председателем комиссии стал секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник, ее членами — А.А. Жданов, писатель А.Н. Толстой, историк Е.В. Тарле, нейрохирург Н.Н. Бурденко, гидроэнергетик Б.Е. Веденеев, агроном Т.Д. Лысенко, юрист И.П. Трайнин, летчица В.С. Гризодубова, Митрополит Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич). Был создан специальный Отдел по учету ущерба, причиненного культурным, религиозным, научным и лечебным учреждениям (зданиям, оборудованию и пр.). ЧГК рассмотрела около 4 млн актов об ущербе, причиненном немецкими захватчиками; прямой ущерб был оценен в сумму 679 млрд рублей. Был составлен список руководителей и непосредственных исполнителей преступлений, лиц, эксплуатировавших советских граждан. Было опубликовано два тома документов, в которых приводились наиболее крупные и яркие примеры ущерба. Акты и сообщения ЧГК стали одним из важных доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе. Тем не менее, историки отмечали ряд проблем и недостатков в работе комиссии: неадекватность и неполноту оценок, влияние на процесс работы спецслужб и др.¹³

Материалы ЧГК отложились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Ф. Р-7021). Используются также материалы архива ВИРа, ЦГАНТД С.-Петербурга, MPG-Archiv; частные собрания, воспоминания, дневники. Существовали определенные трудности при унификации данных: документы ЧГК и научных учреждений фиксировали разные параметры. В первом случае ущерб оценивался не только с точки зрения научных потерь; в едином списке фигурировали как научные материалы, так и оборудование, приборы и пр. Тем не менее, более или менее адекватная оценка утраченного и расхищенного оказалась возможна.

Разумеется, мировая коллекция растительных генетических ресурсов ВИРа была главной в реестре научных целей, предназначенных немцами для захвата. Значительную часть коллекций с расположенных около города станций к зиме успели перевезти в главное здание института в Ленинграде.¹⁴ Сотрудники ВИРа сосредоточились на задаче перемещения в восточные районы страны посевов культур, имеющих оборонное значение. Удалось переправить по воздуху за Урал, преимущественно в Красноуфимск, коллекции «стратегически важных» культур: кок-сагыза (источника природного каучука), дубильных, лекарственных и других технических растений.

¹⁵¹⁶ В феврале 1942 г. по дороге через Ладогу началась эвакуация сотрудников в Красноуфимск; каждый должен был везти пакеты с коллекционными материалами; по некоторым данным, так переправили 3000 образцов.¹⁷

Оставшаяся часть коллекции хранилась в Ленинграде — со всеми описанными очевидцами и историками трудностями — весь период блокады, с июня 1941 г. по январь 1944 г. «Вся работа проходила под лозунгом сохранения коллекции. Остальные вопросы считаются второстепенными», — писал в своем отчете за первую половину 1943 г. сотрудник института Р.Я. Кордон.¹⁸ Крысы, холод, влажность сделали свое дело — по подсчетам сотрудников, примерно 30 % коллекционных семян потеряли всхожесть.¹⁹ По данным ЧГК было утрачено 40 тыс. образцов коллекции, которые оценивались в 1.8 млн. руб. Другой ущерб — зданию, архиву, гербарии — оценен в 250 тыс. руб.; общие потери ВИРа только в Ленинграде составили 14.4 млн. руб.²⁰

Центральная генетическая и селекционная станция ВИРа в Детском селе, т.н. Пушкинские лаборатории ВИРа (б. Царское село, сейчас — Пушкин) оказалась в зоне оккупации. Станцию возглавил В. Херцш, глава Восточно-Прусского отделения Института селекции ОКВ; он должен был наладить работу лабораторий, следить за пересевом и сохранностью коллекций. Для этих целей были привлечены некоторые русские сотрудники, оставшиеся на станции.

При отступлении немецких войск Херцш и его подручные эвакуировали и увезли основные коллекции. Количественный объем утраченного в Детском Селе точно неизвестен: существуют данные М. Флинтера по зерновым, согласно которым было вывезено 10 тыс. коллекционных образцов пшеницы, ячменя и овса.²¹ По данным ГЧК, немцы вывезли озимой и яровой пшеницы, ржи, овса, овощных культур, кок-сагыза, люпина и др. на 2.3 млн. руб.²² Другое расхищенное — научное оборудование, библиотека и бесценная коллекция цветов в 66 тысяч растений (начало которой было положено известным Царкосельским цветоводом Фрейндлихом), оценено в более чем 900 тыс. руб.²³ Общий ущерб станции, согласно материалам ЧГК, составил 8.6 млн. руб.²⁴

Та же участь постигла Экспериментальную базу ВИРа по селекции плодовых, ягодных и кормовых растений «Красный Пахарь» под Павловском. По понятным причинам, эвакуация элитных деревьев и кустарников практически невозможна. Однако, на основании материалов, полученных по другим регионам (в частности, Белоруссии), известно, что немцы имели технические возможности для вывоза взрослых деревьев.²⁵ Так или иначе, по данным сотрудников станции, представленным в ЧГК, в Павловске была наполовину утрачена коллекция яблонь (250 образцов), полностью — коллекция стелющихся южных сортов (225 образцов); утрачена полностью коллекция груш (4000 растений); утрачена ценная коллекция гибридов между китайской вишней и абрикосом, китайской вишней и персиком Амеди, вишней Владимирской и миндалем и пр. (всего около 700 образцов). Кроме этого, утрачена наполовину (1000 растений) мировая коллекция крыжовника, полностью — мировые коллекции земляники и клубники (80 тыс. растений), малины (2000 растений), многолетних цветковых растений (12 тыс.). В архивных документах нет указаний на то, были ли коллекции уничтожены или вывезены немцами; общий ущерб оценен в 4.5 млн. руб.²⁶

Упомянем также Майкопскую станцию ВИРа на Северном Кавказе. Она была «под немцами» с февраля по август 1942 г. Работа с рядом культур не прекращалась. Так, картофелем продолжала заниматься Вера Акселевна Сансберг, этническая немка. Она имела мужество выставлять на селекционных участках плакаты с предупреждениями на двух языках «Немцам вход воспрещен!». Всю документацию ей удалось спрятать, а таблички с пояснительными записями Сансберг попросту за-

била в землю. Недостаток информации, неясность с ведомственной подчиненностью (в Майкопе за селекционную область конкурировали два ведомства) спасли станцию от разграбления. Что касается Сансберг, несмотря на героические усилия по сохранению материалов, ей не удалось избежать ареста за «пособничество нацистам».²⁷

Вне системы ВИРа селекционные станции и институты испытали на себе все варианты оккупационного существования. Некоторые, преимущественно на Украине и в Белоруссии, где оккупация длилась дольше — Харьковская, Днепропетровская, Ивановская, Минская — сохранялись как опытные учреждения.²⁸ Задачи станций, поставленные оккупационным руководством, объем и характер научных работ, варьировали от учреждения к учреждению.

Например, Харьковская селекционная станция, одна из старейших в стране, была эвакуирована в сентябре 1941 г., но озимые культуры, в том числе коллекции и селекционный материал, остались высеянными на площади 28 га. Весной 1942 г. станция была занята немцами и получила название «Растениеводческой селекционной станции». Оккупанты быстро возобновили работу, свезя со всех окрестных колхозов и опытных полей оборудование, инвентарь и скот. В 1943 г. засеяли уже 1000 га, из них 35 га использовались для селекционных материалов (яровых и озимых хлебных культур, картофеля, сахарной свеклы). Работы возглавлял офицер Грей и его помощник Дитрих; на станции работали немецкие колонисты братья И.А. и А.А. Фрухауф и специалист-селекционер В.П. Оробченко с сыном. Когда в 1943 г. началось немецкое отступление, станция была ликвидирована: немцы вывезли в свой тыл все оборудование, посевной материал, селекционные коллекции, сотрудников и технический персонал. Ущерб коллекциям, насаждениям и оборудованию оценен в 775 тыс. руб. Общий ущерб, нанесенный станции — 7 млн. руб.²⁹

Сильно пострадал Всесоюзный селекционно-генетический институт в Одессе, с октября 1941 г. превращенный в штаб оккупационных войск Румынии. Румыны не имели специальных планов даже по временному сохранению института как научного учреждения: в нем была устроена казарма; солдаты использовали книги для топки печей, в результате чего была уничтожена уникальная библиотека в 40 тыс. томов. Опытные поля должны были снабжать армию продуктами. Ситуация изменилась, когда в марте 1943 г. институт перешел к немцам. Новый глава станции Ф. фон Менгерсен, сотрудник Института селекции ОКВ, потребовал составить список наиболее ценного из сохранившихся научных ресурсов.³⁰ Однако эвакуировать институт не успели; отступая, немцы пытались взорвать здание. Среди пострадавших помещений — прекрасно оборудованная лаборатория генетики. По данным ЧГК, потери селекционного материала составили более 860 тыс. руб.; общий ущерб оценен в 6 млн. руб.³¹

Шатиловская селекционная станция в Орловской области, также одна из старейших в России, была уничтожена полностью. Некоторую часть оборудования и коллекционных материалов удалось эвакуировать; значительная часть ресурсов осталась на станции. Трагедия произошла после месяца оккупации, при спешном уходе немцев в ноябре 1941 г. Вернувшись на станцию в марте 1942 г. ее директор А.В. Пухальский застал лишь обгоревшие трубы: весь научный городок был сметен с лица земли. Ущерб, нанесенный станции, оценили в 20 млн. руб., из которых собственно научные ресурсы — селекционные и другие коллекции, посевы, научная библиотека, оборудование и пр. оценены в почти 3 млн. руб. Это одна из самых крупных сумм ущерба, нанесенного селекционным учреждениям.³²

Места пересылки, хранения и использования похищенных коллекций до сих пор точно не установлены. Среди возможных — Институт селекции ОКВ в Мюнхебер-

ге, Институт изучения культурных растений ОКВ в Вене (был специально создан в 1943 г. для аккумуляции научных ресурсов СССР), Институт генетики растений под Грацем, относившийся к системе СС и др.³³

Однако, некоторые следы перемещения коллекций удалось проследить. Так, вировская коллекция озимых и яровых пшениц в 800 образцов со станции в Детском селе было отправлена в 1942 г. в Тарту, затем в Латвию, где в 1943–1944 гг. пересевалась в опытном хозяйстве «Большая Меэнитне» под Ригой. Эту работу выполняла вировский селекционер Евдокия Ивановна Николаенко, сопровождавшая коллекции на всем пути. После завершения работ Николаенко удалось бежать от немцев, но это не спасло ее от дальнейшего ареста советскими властями.³⁴ Однако, еще находясь в Тарту, она передала дубликаты образцов семян своему другу врачу К.Н. Бежаницкой, которая бережно их хранила. После войны Бежаницкая неоднократно обращалась в ВИР, пытаясь вернуть коллекцию, но ответа не получила. Вскоре и ее арестовали; коллекционный материал погиб во время обыска в квартире. Что касается коллекции, высеянной под Ригой, она так и не досталась немцам — в сентябре 1944 г. советские войска освободили Латвию. Остались ли коллекции зерновых в республике или вернулись в ВИР — неизвестно.

После войны советское правительство инициировало «демонтаж» немецких научных институтов. Теперь русские ученые оказались в роли экспертов. Но в большинстве случаев победителей интересовали не научные, а технические ресурсы побежденных. Так, из Института селекции ОКВ забрали не коллекции растений и библиотеку, а оборудование для теплиц, рефрижераторы, оптику и т.д.³⁵ То, в чем страна нуждалась больше, чем в селекционных материалах. Так или иначе, похищенные коллекции никто и никогда не пытался вернуть.

Война, оккупация и грабежи помогли «замаскировать» те потери, которые понес ВИР и других селекционные учреждения в годы «лысенковщины». По воспоминаниям сотрудников ВИРа, еще в 1940 г. Т.Д. Лысенко дал неофициальную команду сократить коллекции пшениц с 35 до 7 тыс. образцов; по всей видимости, это распоряжение не было выполнено (по крайней мере, в полном объеме).³⁶ Известно также, что после войны ценные коллекции ряда культур из ВИРа были переданы в отраслевые институты (в ВИРе после серии сокращений сторонников Вавилова не осталось соответствующих специалистов). По воспоминаниям Н.Р. Иванова «после реэвакуации институт — за отсутствием специалистов — прекратил работу с табаком, чаем, эфирно-масличными, лекарственными и новыми культурами. По перечисленным группам растений коллекция составляла около 30 тысяч образцов. Они были переданы отраслевым институтам, которые, не имея навыков в восстановлении коллекций, быстро утратили исходный фонд. Интродукцию по большинству перечисленных культур никто не ведет и не собирает по СССР местные сорта-популяции».³⁷ Война, безусловно, была главной, но не единственной причиной потерь. Как «развести» и оценить собственно военные и «лысенковские» потери — вопрос, на который еще предстоит ответить.

Еще один сложный вопрос: как научное сообщество рассматривало коллекции растительных ресурсов. В соответствии с традициями научной этики, коллекции, несомненно, считались достоянием мирового сообщества (с поправкой на национальный приоритет). Как мы уже отмечали, для немецких ученых в определенный момент они превратились в источник далеко не символических дивидендов. Остается открытым вопрос, почему многие советские ученые, вопреки здравому смыслу и безопасности, продолжали работать с коллекциями в оккупированных институтах.

Фактически, сотрудничали с немцами, т.е. подписывали себе смертный приговор. Что стояло за этим: желание выжить, давление оккупантов, или абсолютное служение науке? Скорее всего, на этот вопрос ответ получить не удастся — по понятным причинам воспоминаний о таких событиях никто не оставил.

Другой вопрос, также требующий изучения — возможность процесса, похожего на реституцию в области научных ценностей. Основания для таких размышлений есть. Дело в том, что ЧГК подсчитывала ущерб, нанесенный всем отраслям народного хозяйства и другим сферам жизни, включая науку и искусство. При оценке потерь научные селекционные материалы часто оказывались в одних списках с произведениями искусства: для послереволюционного размещения научно-опытных учреждений часто использовались опустевшие царские и помещичьи усадьбы — памятники архитектуры, наполненные если не шедеврами, то несомненными художественными ценностями. В частности, такое соседство имело место при оценке ущерба по Ленинградской области, где в списках рядом с похищенными коллекциями подсчитывали потери от разрушения Царскосельского парка и загородного коттеджа (дворца), построенного по проекту известного архитектора Шенбронна — подарка великому князю Борису Владимировичу от королевы Виктории. Если возвращение утраченных культурных ценностей продолжается (правда, требуя иногда долгих переговоров) — возможен ли аналогичный процесс в области «произведений науки»? Этот вопрос сейчас только начинает обсуждаться.

Оказалось, что разные группы специалистов отвечают на него по-разному.

Любопытно, что ученые-селекционеры оказались в числе тех, кто скептически относится ко всем вариантам реституции, в том числе — финансовой или иной компенсации, получении каких-то символических дивидендов. Их главный аргумент — давность событий: ученый-практик мыслит сегодняшним и завтрашним днем. Другая часть аргументов, как это ни странно, лежит все в той же области научной этики. Научные открытия, плоды научного труда всегда принадлежали научному сообществу в целом. Разумеется, существуют приоритеты и авторство. Тем не менее, результаты — достояние всего человечества вне государственных границ. Если война сместила акценты и привела к расхищению, это — исключение, которое не нарушает правило. К тому же, говорили нам ученые-практики, материалы 1940-х гг., попавшие на территорию Германии (как ФРГ, так и ГДР), Австрии и других государств, в настоящее время едва ли вообще возможно вычленить и оценить в составе распыленных по всему миру тех новых генетических форм, которые будут оцениваться экспертами.

Иначе смотрят на проблему дипломаты. Они вообще не видят предмета для разговора. Насколько можно было судить по короткому обсуждению с отечественными специалистами, эта проблема представляется им слишком незначительной для обсуждения на высоком межгосударственном уровне. Как нам дали понять, материальный объект, по сути, не существует, не вычленяется и не поддается экспертной оценке. Куда, спросили нас, следует приводить экспертов, чтобы его оценить? В магазины? На картофельные поля? В генетические банки данных — международные хранилища генетических материалов? К тому же, в отличие от произведений искусства, налицо проблема «неуникальности» — селекционные материалы всегда присутствуют во множестве «копий».

Что касается германских дипломатов, проблемы реституции научных ценностей поднимала на совместном с ними заседании коллега из Германии Сюзанна Хайм. По ее словам, последовал молчаливый шок и заявление, что не следует «поднимать волну», создавать лишние сложности.

Лишь историки науки поднимают вопрос о перемещении материальных объектов науки, научном воровстве и шпионаже. В частности, эта работа выполнялась как часть большого проекта по научной миграции в годы Второй мировой войны, в который были вовлечены ведущие европейские страны и США.

- ¹ Krivchenko V.I., Alexanyan. Vavilov Institute scientists heroically preserve world plant genetic resources collection during World War II siege of Leningrad // Diversity. 1991. Vol. 7 (4). Pp. 10–13. Loskutov I.G. Vavilov & his institute. A history of the world collection of plant genetic resources in Russia. IPGRI (International Plant Genetic Resources Institute). Rome. Italy. 1999; Бальдыш Г.М., Панизовская Г.И. Николай Вавилов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л.: Лениздат, 1987.
- ² Основным источником сведений о событиях тех лет служат мемуары сотрудников института. См. статьи Н.Р. Иванова и В.С. Лехновича в сборнике: В осажденном Ленинграде. Воспоминания участников героической обороны о борьбе с голодом и создании в условиях блокады продовольственных ресурсов. / Сост. Н.Р. Иванов, В.С. Лехнович, К.А. Никитин. Л.: Лениздат, 1969; Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. Л., 1985; Горышина Т.В. Ради жизни // Нева. 1999. № 3. С.191–194;
- ³ В последние десятилетия появились работы, посвященные судьбе коллекций ВИРа. Это, прежде всего, статьи немецких историков науки, в первую очередь, У. Хосфельда: Хосфельд У. Захват немецкими фашистами генного материала Вавиловских институтов в 1943 году // На переломе. Отечественная наука в первой половине XX века. Вып. 2. Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб., 1999. С. 244–259. Hossfeld U. Das Botanische Sammelkommando der SS nach Rußland 1943 oder: Ein Botaniker auf Abwegen // Armin Geus u.a. (ed.), Repräsentationsformen in den biologischen Wissenschaften. Berlin, 1999. S. 291–312; Hossfeld U., Thornstrom C.-G. 'Rasches Zupacken'. Heinz Brucher und das botanische Sammelkommando der SS nach Russland 1941 // Autarkie und Ostexpansion. Pflanzenzucht und Agrarforschung im Nationalsozialismus / Hg. S. Heim. Göttingen, 2002. S. 119–144; Flinter M. Sammler, Rauber und Gelehrte. Die politischen Interessen an pflanzen genetischen Ressourcen, 1895–1995. Frankfurt/Main, 1995; Muller R.-D. Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943: der Abschlussbericht des wirtschaftsstabes Ost und Aufzeichnungen eines Angehörigen des Wirtschaftskommandos Kiev. Vöppard, 1991. В части оценки конкретного ущерба эти материалы содержат далеко не полные сведения, поскольку написаны, в основном, по материалам немецких источников. Значительно более объемно и детально материал по коллекциям ВИРа представлен в публикациях В.Д. Есакова: Есаков В.Д. Ботаник Николай Вавилов и судьба его коллекций по генетике в годы Второй Мировой войны // Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах. Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордогова, А. Фольперт. Москва: АИРО-XXI, 2010. С. 488–511; Jessakow W. Die Petersburger Akademie der Wissenschaften und der Umbruch in den Russisch-Deutschen Wissenschaftsbeziehungen 1914–1917 // Russen und Deutsche im und Zweiten Weltkrieg / Hgs. K. Eimermacher, A. Volpert, G. Borgjegov. Paderborn: W. Fink Verlag, 2005. S. 531–549. Отметим также международный проект «Ученые и институты Общества Макса Планка при национал-социализме», результатом которого стало исследование, посвященное проблеме научного грабежа советских селекционных институтов в целом: Елина О.Ю. Советские селекционные станции в годы войны (1941–1945 гг.) // *Годичная научная конференция ИИЕиТ им С.И.Вавилова РАН*. М., 2004. С. 190–194; Елина О.Ю. Селекция на фронте: судьба советских селекционных станций в годы второй мировой войны // *История социокультурных проблем науки и техники*. Вып. 3. М., 2004. С. 49–68; Elina O., Heim S., Roll-Hansen N. Plant Breeding on the Front: Imperialism, War, and Exploitation // *Osiris. Special Issue. Politics and Science in Wartime: Comparative International Perspectives on the Kaiser Wilhelm Institute* / Ed. C. Sachse and M. Walker. 2005. Vol. 20. P. 161–179.
- ⁴ Елина О.Ю. «Наш учитель» Дионисий Леопольдович Рудзинский: к истокам дисциплинарного строительства селекции растений в России // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 3–4. С. 575–590; Elina O. Planting Seeds for the Revolution: The Rise of Russian Agricultural Science, 1860–1920 // *Science in Context*, 2002. Vol. 15 (2). Pp. 230–237.
- ⁵ См. об этом: Heim S. Forschung für die Autarkie. Agrarwissenschaft an Kaiser-Wilhelm-Instituten im Nationalsozialismus // *Autarkie und Ostexpansion. Pflanzenzucht und Agrarforschung im Nationalsozialismus* / Hg. S. Heim. Göttingen:Wallstein, 2002. S. 145–177.
- ⁶ Об этом, в частности, вспоминал А.И. Купцов: Купцов А.И. У нас не было нормированного рабочего дня // Николай Иванович Вавилов. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1987. С. 219–225.
- ⁷ Heim S. Forschung für die Autarkie. S. 154–156.
- ⁸ Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Наука, 1988. С. 206
- ⁹ Heim S. Forschung für die Autarkie. S. 163.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. S.165
- ¹² Там же. S.164.
- ¹³ Sorokina M. People and Procedure: Toward the History of the Soviet Investigations of the Nazi War Crimes // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. N 4. P. 797–831; Sorokina M. On the Way to Nuremberg: The Soviet Commission for the Investigation of Nazi War Crimes // *The Nuremberg War Crimes Trial and its Policy Consequences Today* / Ed. Beth A. Griech-Poelle. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2009. P. 33–42.
- ¹⁴ Центральный государственный архив научно-технической документации СПб (ЦГАНТД СПб). Ф. 318. Оп. 1–1. Д. 1908. Л. 24; см. также: Бальдыш Г.М., Панизовская Г.И. Николай Вавилов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л.: Наука, 1987.
- ¹⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1–1. Д. 1908. Л. 27–28.
- ¹⁶ См., например, о вывозе кок-сагыза: Вахрушева Т.Е. Вера Алексеевна Королева-Павлова // Сора́тники Николая Ивановича Вавилова — исследователи генофонда растений. СПб., 1994. С. 261.
- ¹⁷ ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1–1. Д. 1970. Л. 1.
- ¹⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1–1. Д. 1993. Л. 45
- ¹⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 318. Оп. 1–1. Д. 1993. Л. 45–57. См. также: Иванов Н.Р. Сохранение коллекции культурных растений в Ленинграде в годы блокады. Рукопись, оригинал. Предоставлено Т.К. Лассан. Автор благодарит Татьяну Кимовну за архивные изыскания в частных собраниях, проведенные в Санкт-Петербурге.
- ²⁰ Здесь и далее приводятся данные Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков ... и учету причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, 1942–1951 гг. (ЧГК). Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. В данной сноске: ГАРФ. Ф.7021.Оп. 2. Д. 1016. Л. 1–11.
- ²¹ Flinter M. *Sammler, Rauber und Gelehrte*. S. 119.
- ²² ГАРФ. Ф. 7021 (ЧГК). Оп. 2. Д. 973. Л. 149.
- ²³ Там же. Л. 148.
- ²⁴ Там же. Л. 136об.
- ²⁵ См.: Gerlach Ch. *Kalkulierte Morde: Die Deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944*. Hamburg, 1999.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 973. Л. 115–120.
- ²⁷ Приведенные сведения базируются на беседе, проведенной Т.К. Лассан с Д.И. Тупицыным, сотрудником станции и зятем ее директора Н.В. Ковалева. Оригиналы записи хранятся у Т.К. Лассан.
- ²⁸ Об истории Минской помологической опытной станции см. Gerlach Ch., *Kalkulierte Morde*. S. 289–291; об активности СС по разграблению некоторых украинских селекционных центров см.: Hossfeld U., *Das Botanische Sammelkommando*. S. 291–312.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 1012. Л. 15–18.
- ³⁰ О Менгерсене см: Heim S. *Forschung für die Autarkie*. S. 166–167.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 985. Л. 182–191.
- ³² ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 2. Д. 988. Л. 44–46.
- ³³ Heim S. *Forschung für die Autarkie*. S. 156–175.
- ³⁴ Яковлева М.А., Лассан Т.К., Филатенко А.А. Николаенко Евдокия Ивановна // Сора́тники Н.И. Вавилова: исследователи генофонда растений / Ред. В.А. Драгавцев, Д.В. Лебедев и др. СПб.: ВИР, 1994. С. 392–398.
- ³⁵ *Archiv zur Geschichte der Max-Planck-Gesellschaft, Berlin*. (MPG-Archiv). V. Abt. Rep. A5 (Kaiser-Wilhelm-Institut für Züchtungsforschung) Ordner 1. Demontage KWI 1945. S.1–20.
- ³⁶ Воспоминания И.Н. Ельницкого. Рукопись. Архив ВИРа.
- ³⁷ Иванов Н.Р. Сохранение коллекции культурных растений. Рукопись.

Освещение истории Великой Отечественной войны в трудах Архива РАН

В 2015 г. наша страна отпраздновала 70-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. Весомую роль для завоевания победы сыграл научно-технический потенциал страны в лице ведущего научного учреждения Советского Союза — Академии наук СССР. Слаженная деятельность большой разветвленной сети академических учреждений имела огромное значение для оперативного решения задач военного времени. Архив Академии наук СССР не стал исключением.

С началом Великой Отечественной войны перед архивом встала задача сохранения ценнейших документальных сокровищ Академии наук и организации их использования в интересах обороны страны. С помощью приехавшего из Москвы академика С.И. Вавилова¹, тесно связанного с работой Архива АН СССР через Комиссию по истории Академии наук, удалось договориться с директором Эрмитажа академиком И.А. Орбели² об эвакуации основных ценностей Архива вместе с вывозившимися из Ленинграда собраниями Эрмитажа. «Сегодня отправили из Архива в Эрмитаж самые большие наши ценности — рукописи Ломоносова, Кеплера, рисунки Кунсткамеры и т.п. Они будут отправлены со вторым эрмитажным эшелонem в надежное место... Всего запаковали 30 ящиков. Приняли все меры против сырости и проникновения пыли (рубериод, целлофан, клеенка, папки, бумага). Работали всем составом Архива в течение 2-х недель. На все материалы составили поящичные описи. Ящики перевязали проволокой и запломбировали. Проводил из ворот до набережной грузовик с ящиками. Так провожают кого-то родного: сына, дочь, жену»... Долго смотрел, как медленно грузовик (я просил шофера быть осторожным) двигался по Дворцовому мосту... осиротелый вернулся в Архив», — такую запись оставил в дневнике Г.А. Князев³ 15 июля 1941 г.⁴

В Московском отделении архива подготовка документов к эвакуации началась в последних числах июня 1941 г. Были отобраны наиболее ценные документы личных фондов академиков и членов-корреспондентов Академии наук, подлинные протоколы и стенограммы заседаний Президиума АН СССР, годовые планы и отчеты Академии наук, распоряжения по учреждениям Академии наук, личные дела сотрудников — всего 1500 дел, которые 22 июля 1941 г. были эвакуированы вместе с учреждениями Академии наук в Казань.

В первые же дни войны сотрудники Архива П.Н. Корявов⁵, А.М. Черников⁶ и заведующий Московским отделением Архива АН СССР Ф.Д. Гетман⁷ ушли на фронт: «... Но Архив дал и настоящего полноценного бойца — и политически подкованного, и с большим кругозором — А.М. Черникова. Дал и добровольца, который дерется на линии огня, — П.Н. Корявова, скромного и честного партийца, правда неудачника. В Московском отделении Архива ушел на фронт добровольно Гетман. Таков наш гражданский и военный актив Архива»⁸. Оставшиеся сотрудники участвовали в строительстве оборонительных сооружений, боролись с пожарами от зажигательных бомб, выполняли другие оборонные работы. Г.А. Князев, несмотря на тяжелое

состояние здоровья, сумел так организовать работу, что фонды Архива не только не уменьшились, но даже пополнились. Сотрудники перенесли в архив многие ценные архивные документы и целые личные фонды — академиков С.А. Жебелева⁹, Ф.И. Щербатского¹⁰, А.А. Ухтомского¹¹, Б.М. Ляпунова¹² и других выдающихся ученых, умерших в блокаду.

12 августа 1942 г. на самолете в Москву был вывезен директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Старшей в Архиве осталась И.С. Лосева¹³, но в 1943 г. она была мобилизована на трудовой фронт и пропала без вести.

В Москве в трудные дни середины октября 1941 г. в Архиве оставалась только одна сотрудница — А.Н. Прокофьева¹⁴, которая помогла сохранить документальный фонд Московского отделения Архива.

В декабре 1942 г. распоряжением Президиума АН СССР перед Архивом была поставлена задача сохранения архивных ценностей, организации помощи академическим учреждениям в постановке документальной части делопроизводства, а также помощи учреждениям, работавшим на оборону страны. В этих целях по заданию Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии, которая работала под руководством академика А.Е. Ферсмана¹⁵, архивом были выявлены документы по водоснабжению и стройматериалам. Эти документы были использованы Командованием Красной Армии при проведении инженерных работ. В январе 1944 г. Московским отделением Архива АН СССР за оказанную помощь была получена благодарность от Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии¹⁶.

Придавая большое значение охране и сохранению архивных ценностей в условиях военного времени, Президиум АН СССР в июне 1943 г. преобразовал Музейную комиссию¹⁷ в Музейную и архивную комиссию¹⁸. На комиссию было возложено «общее руководство и контроль от имени Президиума АН СССР по учету, специальному надзору и хранению музейных и архивных ценностей и проверке их состояния на местах, а также подготовке к плановому сосредоточению по окончании войны всех разрозненных материалов»¹⁹.

Под руководством представителей этой Комиссии учреждения Академии наук должны были провести учет и описание всех архивных и музейных материалов, хранящихся на местах, погибших и эвакуированных. В состав Комиссии, работавшей под председательством академика П.И. Степанова²⁰, входили видные деятели и крупные ученые Академии наук: С.И. Вавилов, Н.С. Державин²¹, Б.Д. Греков²², И.Ю. Крачковский²³, А.Е. Ферсман и др. Заместителем председателя Комиссии являлся директор Архива АН СССР Г.А. Князев, ученым секретарем — научный сотрудник Архива Л.Б. Модзалевский²⁴.

Выявление документальных материалов для организации обороны закончилось в основном в первой половине 1944 г. Со второй половины 1944 г. началось выявление документов для восстановления народного хозяйства и культурных ценностей в освобожденных от немецких войск районах.

Помимо тематических карточек были составлены предметно-тематические ориентировки и краткие характеристики документов, которые были разосланы в соответствующие отделения Академии наук и в заинтересованные учреждения других ведомств. Выявление документов проводилось и по инициативе Архива, и по запросам учреждений. Например, по инициативе Московского отделения Архива в Академию архитектуры были посланы фотографии г. Воронежа. Они были использованы как исторический материал, характеризующий архитектурный облик города, при разработке проекта строительства нового Воронежа.

Сведения о месторождениях полезных ископаемых, по электрификации, автоматике, водному, рыбному, дорожному хозяйствам и другим вопросам были посланы в ряд наркоматов: угольной промышленности, земледелия, речного флота, рыбной промышленности, автомобильного транспорта и др.

Документы Московского отделения Архива АН СССР были использованы при строительстве Симеизской обсерватории. Архив выявил чертежи, планы, рисунки и другие документы для восстановления Главной астрономической обсерватории в Пулкове, сожженной немцами.

Основное внимание уделялось поиску документов, относящихся к деятельности Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. Были выявлены документы, освещающие научную, научно-организационную, культурно-просветительскую деятельность Академии наук в этот период. Архив составил более 3500 хронологических записей, собрал и систематизировал газетные вырезки и копии многих архивных документов.

В Москву из эвакуации документы были возвращены в 1943 г., в Ленинград — только после окончания войны, 20 октября 1945 г.

Роль в освещении истории Великой Отечественной войны в трудах Архива РАН в первую очередь принадлежит Б.В. Левшину²⁵, бессменному директору архива на протяжении полувека. Малоизученная и неразработанная тема вклада Академии наук в оборону и народное хозяйство СССР в годы войны стала основной в библиографии его трудов: «Я уже говорил о том, что архивисты не должны ограничивать свою деятельность организацией хранения документов. Я свою работу сочетаю с работой историка, меня интересует в области исторической науки прежде всего состав и содержание тех документов, которые архив хранит. Это касалось истории Академии наук СССР. Над этой проблемой я начал работать под руководством крупнейшего историка, члена-корреспондента АН СССР М.П. Кима, которого я считаю своим учителем»²⁶. В 1964 г. Б.В. Левшин защитил кандидатскую диссертацию²⁷, которая через два года была издана в виде небольшой монографии²⁸, а в 1984 г. — докторскую²⁹.

В монографии Б.В. Левшина «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» рассматриваются основные направления участия Академии наук в обороне страны, ее научно-техническая помощь армии, промышленности и сельскому хозяйству, участие ученых в мобилизации природных ресурсов на нужды фронта. В работе освещены процесс перестройки работы Академии наук в связи с военной обстановкой, вызванные войной изменения в организации научных исследований и в системе академических учреждений. Стоит заметить, что деятельность гуманитарных учреждений Академии наук не рассматривается, освещается только деятельность естественнонаучных и технических отделений академии, результаты которых находили практическое применение в обороне и народном хозяйстве страны. В основу работы положены документальные материалы Президиума АН СССР, институтов, лабораторий и других учреждений АН СССР.

В 1974 г. вышла в свет коллективная монография «Академия наук СССР. Краткий очерк»³⁰, изданная к 250-летию юбилею Академии наук. В книге кратко освещены основные этапы развития Академии наук и ее учреждений, рассказывается о крупнейших ученых, оставивших заметный след в отечественной науке. Во введении дается обзор имеющейся на тот момент литературы по истории Академии наук.

Двухтомная монография «Академия наук СССР. Краткий исторический очерк»³¹ явилась дополненным и переработанным вариантом книги под тем же на-

званием. В данном издании книги более подробно освещена деятельность Академии наук в годы Великой Отечественной войны.

Следующая монография Б.В. Левшина — «Советская наука в годы Великой Отечественной войны»³² написана на основе обширного документального материала. Автором использованы многочисленные архивные документы из Центрального государственного архива Октябрьской революции, Архива АН СССР. Для написания работы был привлечен широкий круг опубликованных источников, газетной и журнальной периодики, мемуаристики и т.д. В книге приведены количественные и качественные показатели, раскрывающие динамику роста численности научных учреждений и их кадров в годы войны, показана деятельность крупнейших ученых — В.Л. Комарова³³, А.Ф. Иоффе³⁴, А.Е. Ферсмана, Л.А. Орбели и других, возглавлявших специальные комиссии по различным направлениям науки, которые были созданы для решения вопросов, связанных с военными нуждами страны.

В 2009 г. сотрудниками Санкт-Петербургского филиала Архива РАН был подготовлен к печати и опубликован объемный труд — дневники военных лет директора Архива АН СССР Г.А. Князева. Уникальное научное издание, получившее название «Дни великих испытаний. Дневники. 1941—1945»³⁵, позволяет исследователям и читателям буквально по дням проследить перипетии академической жизни в осажденном Ленинграде и в эвакуации. Через призму собственных переживаний и размышлений автора запечатлена картина драматических военных будней, в которых вплоть до бытовых мелочей отражены судьбы виднейших представителей советской академической науки.

В настоящее время в Архиве РАН сосредоточен комплекс ценнейших материалов по истории Академии наук в годы Великой Отечественной войны. В его основе лежат не только документы по организационной и научной деятельности учреждения, но и документы личного происхождения — письма, заметки, дневниковые записи и пр. Многие из этих материалов требуют от архивистов дальнейшей работы по обработке и описанию, результат которой позволит ввести в научный оборот новые сведения о событиях тех лет.

¹ Вавилов Сергей Иванович (1891—1951) — физик, специалист в области оптики, академик АН СССР (1932), Президент АН СССР (1945—1951).

² Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961) — востоковед, академик АН (1935).

³ Князев Георгий Алексеевич (1887—1969) — историк-архивист, кандидат (1936), доктор (1960) исторических наук *honoris causa*. Заведующий (1929—1936), директор (1936—1963) Архива АН СССР, старший научный сотрудник-консультант ЛО Архива АН СССР (1963—1969).

⁴ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941—1945. СПб., 2009. С. 76.

⁵ Корявов Петр Николаевич (1905-?) — младший, старший научный сотрудник, ученый секретарь в 1936—1941, 1944—1972 гг., заместитель директора с 1951 г., заведующий ЛО Архива АН СССР с 1963 г.

⁶ Черников Александр Митрофанович (1907—2002) — научный сотрудник в 1930—1941 гг., ученый секретарь в 1960—1963 гг. Архива АН СССР.

⁷ Гетман Филипп Дмитриевич (1897—1992?) — заведующий Московским отделением Архива АН СССР в 1939—1956 гг.

⁸ Князев Г.А. Дни великих испытаний... С. 221.

⁹ Жебелев Сергей Александрович (1867—1941) — историк-эллинист, археолог, эпиграфист, филолог-классик, академик АН (1927).

¹⁰ Щербатский Федор Ипполитович (1866—1942) — востоковед-индолог, академик АН (1918).

¹¹ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875—1942) — биолог, физиолог, академик АН (1935).

¹² Ляпунов Борис Михайлович (1862—1943) — филолог-славист, языковед, академик АН (1923).

¹³ Лосева Ирина Сергеевна (1904-?) — научный сотрудник, ученый секретарь в 1935—1943 гг., и.о. директора Архива АН СССР в июле 1942-сентябре 1943 гг.

- ¹⁴ Прокофьева Александра Николаевна (1891-?) — младший научный сотрудник МО Архива АН СССР в 1941—1951 гг.
- ¹⁵ Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945) — минералог, геохимик, академик АН (1919).
- ¹⁶ АРАН. Ф. 7м. Оп. 1 (1936—1963). Д. 22. Л. 1.
- ¹⁷ Музейная комиссия была образована 4 ноября 1939 г. с целью координации музейной работы в системе Академии наук СССР под председательством академика П.И. Степанова.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 41. Л. 89.
- ¹⁹ Там же. Л. 89—90.
- ²⁰ Степанов Павел Иванович (1880—1947) — геолог, академик АН (1939).
- ²¹ Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог-славист, академик АН (1931).
- ²² Греков Борис Дмитриевич (1882—1953) — историк, академик АН (1935).
- ²³ Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — филолог-арабист, академик АН (1921).
- ²⁴ Модзалевский Лев Борисович (1902—1948) — литературовед-пушкинист, библиограф, архивист, д.ф.н., ученый архивист Архива АН СССР в 1925—1948 гг.
- ²⁵ Левшин Борис Венедиктович (1926—2012) — историк-архивист; кандидат (1964), доктор (1985) исторических наук; профессор (1993). Выпускник МГИАИ (1951), младший научный сотрудник (1951—1952), ученый секретарь (1952—1956), заведующий Московским отделением, заместитель директора (1956—1963) Архива АН СССР, директор Архива АН СССР/РАН (1963—2003), советник РАН (с 2003 г.).
- ²⁶ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 222. Л. 100.
- ²⁷ Левшин Б.В. Академия наук СССР и ее вклад в оборону и народное хозяйство страны в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964.
- ²⁸ Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1966. 188 с.
- ²⁹ Левшин Б.В. Мобилизация научного потенциала советского государства и вклад ученых в разгром фашистских агрессоров. 1941—1945 гг.: автореф. дис. ... д. ист. наук. М., 1984
- ³⁰ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий очерк. М., 1974. 524 с.
- ³¹ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк: в 2-х т. Т. 2. 1917—1976. М., 1977. 455 с.
- ³² Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983. 383 с.
- ³³ Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — ботаник, географ, флорист-систематик, академик АН (1920), Президент АН СССР (1936—1945).
- ³⁴ Иоффе Абрам Федорович (1880—1960) — физик, академик АН (1920).
- ³⁵ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941—1945. СПб., 2009. 1220 с.

Вторая мировая война и оккупация Северного Кавказа в «Воспоминаниях» Н.Н. Поппе

Николай Поппе родился 8 августа 1897 г. в китайском городе Чифу (современный Яньтай) в провинции Шаньдун, в семье секретаря русского консульства Николаса Эдвина Поппе (1870–1913) и Елизаветы Моравиц (1878–1955). Отец Николая — выпускник восточного факультета Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду занимался различной дипломатической работой в Китае вплоть до своей трагической гибели в 1913 г.

В 1916 г. Николай Поппе закончил гимназию и поступил на медицинский факультет Петроградского университета. В 1918 г. Поппе, по предложению монголоведа А.Д. Руднева (1878–1958), переводится на восточный факультет университета (после реорганизации — факультет общественных наук). В 1919 г. Н. Поппе, как специалист по финским языкам, поступил лаборантом в Географический институт к этнографу Л.Я. Штернбергу (1867–1927) для изучения этнографического быта финского населения России. Несколько позднее Н. Поппе был приглашен академиком А.А. Шахматовым (1864–1920) в Топонимическую комиссию Государственной академии истории материальной культуры. Одновременно с этим он устроился преподавателем русского и монгольского языков в ленинградский Институт живых восточных языков. Осенью 1921 г. Н.Н. Поппе успешно завершил университетское образование и остается на факультете для подготовки магистерской диссертации. Позднее, в своих мемуарах, он так оценивал свою студенческую жизнь: «Я узнал, что только знания и способности не всегда ведут к цели, часто еще нужна умелая дипломатия»¹.

В 1921 г. Н.Н. Поппе по приглашению академика С.Ф. Ольденбурга (1863–1934) поступает на службу в Азиатский музей (с 1930 г. — Институт Востоковедения) для описания хранящейся там коллекции монгольских рукописей. Уже в 1923 г. Н.Н. Поппе блестяще защитил магистерскую диссертацию. В мае 1924 г. Николай Николаевич женился на Наталье Валериановне Белолипской (1894–1949), библиотекарке Азиатского музея². От этого брака у него родилось два сына: в 1926 г. Валерьян и в 1928 г. Николай.

С 1924 г. Николай Николаевич начинает активную публикаторскую деятельность: почти ежегодно выходят фундаментальные труды, брошюры, учебники, популярные пособия, научные статьи в зарубежных журналах по монголистике, тюркологии, тунгусо-маньчжурской и финно-угорской проблематике. Вместе с тем, в течение 1926–1932 гг. Поппе ведет фольклорно-языковую экспедиционную работу в регионах распространения монгольских языков СССР и Монгольской народной республике.

В августе 1931 г., после скоропостижной кончины востоковеда, академика Б.Я. Владимирцова (1884–1931), Н.Н. Поппе становится во главе советской монголистики: в 1931 г. он возглавляет кабинет монголоведения Института Востоковедения, а в 1932 г., в возрасте 35 лет (!) избирается членом-корреспондентом АН СССР. Новое положение вынуждает Поппе совмещать научно-организационную, научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу. Тем не менее, именно в 1930-е гг.

выходят самые значительные исследования Николая Николаевича. Достаточно упомянуть, что только в серии «Труды Института востоковедения АН СССР» он издал восемь книг (!). Обратная сторона успешной академической карьеры талантливого востоковеда — постоянная опасность подвергнуться репрессии. В середине 1930-х гг. арестованы коллеги Н.Н. Поппе, монголоеды — А.И. Востриков, Ц. Жамцарано и В.А. Казакевич. В «Воспоминаниях» Поппе достаточно подробно описывает «академические чистки» — уголовные дела, сфабрикованные ОГПУ в 1929—1931 гг. против группы ученых и краеведов Ленинграда. К началу 1940-х гг. Н.Н. Поппе, по всеобщему признанию, входил в число востоковедов мирового уровня.

22 июня 1941 г. Н.Н. Поппе находился в Ленинграде, в то время как его семья уже неделю как отдыхала в Кисловодске. Война резко усилила эмигрантские настроения Поппе: «Я предпочитал временно присоединиться к немцам, отступив с ними в Германию, чтобы эмигрировать в Великобританию или США. Но тогда у меня не было ни малейшей идеи о том, как это осуществить»³. Однако последовавшие в первые месяцы войны аресты коллег Н.Н. Поппе — монголоведа А.М. Бурдукова (1883—1943) и тюрколога С.Л. Волина (1909—?) сформулировали эмигрантские настроения Поппе в определенный план действий.

18 июля 1941 г. Н.Н. Поппе как монголист был направлен в эвакуацию в Элисту. Путь до столицы Калмыцкой АССР занял больше месяца: «25 июля... покинул Ленинград, добрался до Волги и отправился на пароходе в Астрахань, откуда на грузовике доехал до Элисты (300 миль через пустыню)»⁴. В конце лета Поппе сумел устроиться на работу в местный пединститут и научно-исследовательский институт. Вскоре он перевозит в Элисту семью. 26 августа 1941 г. советское правительство ликвидировало Автономную Республику немцев Поволжья, свыше 446000 советских немцев были депортированы в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию⁵. В этих обстоятельствах немецкое происхождение Н.Н. Поппе существенно осложняло проживание в Элисте: «Власти были весьма насторожены и арестовывали людей с нерусскими фамилиями. Я не стопроцентный немец, поскольку мой дедушка родился в Эстонии и был балтийским немцем, который женился на эстонке, не говорившей даже по-немецки. Но положение людей, происходящих из подобных смешанных браков, было не лучше, известно, что после аннексии Эстонии в 1940 году более 40000 эстонцев были сосланы в Сибирь. К счастью, национальность, указанная в моих документах, гласила: «Русский». Но я оставался под подозрением и дважды вызывался в милицию в течение 1941 года»⁶. В Калмыкии, в крайне стесненных обстоятельствах, семья Поппе провела чуть меньше года.

В конце июля 1942 г. Н.Н. Поппе с семьей переезжают в Микоян-Шахар (современный Карачаевск). Формальным поводом к переезду послужило приглашение на работу директором карачаевского пединститута. На новом месте семья Поппе получила хороший прием. Между тем немецкие войска стремительно продвигались: 24 июля был оккупирован Ростов-на-Дону. 15 августа советские и партийные органы Карачаевской АССР начали спешную эвакуацию, однако уже 18 августа 1942 г. согласно мемуарам Поппе «вспыхнуло восстание местных горцев. Советы ушли из города»⁷. По словам Поппе, уезжавшие из города местные руководители не взял его как беспартийного: «Я отправился к командиру русского гарнизона и умолял его вывезти меня из города, но он отвечал, что в его распоряжении лишь один автомобиль. Он уехал из города, однако, через три часа его тело было найдено в лесу в 10 милях от города. Он и его спутники были атакованы горцами и погибли. Все кавказцы (карачаевцы, черкесы, балкарцы и пр.) и многие русские казаки подняли восстание. В лесах

и горных деревнях было полным-полно повстанцев. Местное население разрушило институт, одну библиотеку и партийное здание. Все, пытавшиеся бежать, были схвачены и убиты»⁸.

Поппе остался в городе в ожидании германских войск. Как немец по происхождению и не коммунист он считал возможным не опасаться преследований со стороны оккупантов. В августе 1942 г. 49 корпус немецкой армии занял Микоян-Шахар. По свидетельству Н.Н. Поппе нацисты «произвели довольно хорошее впечатление, поскольку вели себя вежливо и дисциплинированно. Местное население горячо приветствовало их, уже после недели оккупации кавказцы и казаки создали несколько добровольческих отрядов и воевали в горах против остатков советских войск... В целом, немцы вели себя прилично по отношению к кавказцам, возможно, потому, что те были, в свою очередь, дружелюбны к ним»⁹.

Между тем семья востоковеда, оставшегося без работы, оказалась в отчаянном положении: «Не было денег и почти не было ценностей, годящихся для продажи. К счастью, наступило время сбора урожая, и крестьяне нуждались в подсобных работниках. Мой старший сын работал у крестьян и получал за свою работу картошку и кукурузу. Мы продали часы и одежду и таким образом получили средства к существованию, на которые покупали картошку на черном рынке»¹⁰.

Случай помог Н.Н. Поппе выправить ситуацию. В сентябре 1942 г. его вызвал русский бургомистр и попросил отправиться вместе с ним и немецким начальником медслужбы в госпиталь, где размещались 3000 эвакуированных из Крыма детей. «Мы пошли в госпиталь, и начальник медслужбы... приказал давать госпиталю пайки из запасов немецкой армии. Я радовался, переводя этот приказ на русский. Начальник медслужбы спросил меня, кто я такой, я рассказал ему. Он посоветовал мне поехать в Кисловодск, поскольку жизнь там была лучше»¹¹.

Н.Н. Поппе последовал совету немецкого офицера и переехал с семьей в Кисловодск. В городе, где «оказалось 2000 эвакуированных ученых» Поппе нашел своих друзей. По приказу немецкого коменданта русский бургомистр Кисловодска выдавал эвакуированным советским ученым «картошку и хлеб, а также 1000 рублей в месяц»¹².

В сентябре 1942 г. Поппе вызвал к себе бургомистр Кисловодска и предложил прочитать лекции об истории и этнографии народов Кавказа немецким офицерам и эвакуированным советским ученым. «Я обдумал предложение, — пишет Поппе, — и решил, что не вижу в подобных лекциях сотрудничества с немцами, поэтому согласился. Я прочел две лекции, на которых присутствовали немецкие офицеры, мне пришлось переводить им сказанное»¹³.

Немецкое командование обратило внимание на талантливого востоковеда. «Вскоре меня посетил один офицер из местной комендатуры и предложил подготовить краткие описания всех кавказских племен (их история, происхождение, обычаи, занятия и пр.), добавив: «Вы знаете, что местные жители очень любезно относятся к нам, и мы не хотим вести себя неправильно по отношению к ним; кошмарно, но мы не имеем о них ни малейшего понятия». Я подготовил описания карачаевцев, черкесов, балкарцев, кабардинцев, осетин, а также упомянул так называемых «горских евреев»¹⁴.

В конце октября 1942 года немецкие войска заняли Нальчик. С первых дней оккупации в Нальчике появляется коллаборационистское «Представительство интересов Кабардино-Балкарии», руководство которого призывало население к сотрудничеству с немцами «с целью наладить нормальную жизнь». Германские власти старались избежать сопротивления со стороны местных народов, привлекали их на свою сторону, разработав с этой целью довольно либеральную политику. В середине ноября 1942 г.

Поппе был направлен в Нальчик для выяснения этнического происхождения горских евреев: «В Нальчике существовала колония «горских евреев». Немцы, убивавшие всех евреев, узнали, что в городе живет 3000 горских евреев. Первым делом немцы приказали закрыть все магазины, принадлежащие горским евреям, и назначили внушительную контрибуцию. Горские евреи протестовали, утверждая, что они не евреи, их поддержали и жители других национальностей. У офицера-эсэсовца была книга под названием «Кавказ», напечатанная Ванзее-институтом, но в ней эти евреи не упоминались. Он показал мне книгу, неплохую и содержащую не так много ошибок. Конечно, она была весьма тенденциозна и выдержана в строго нацистском духе. «Горские евреи» или таты — племя иранское. Они покинули Персию в VIII веке. Они говорят на персидском диалекте и живут подобно другим горцам. Но они исповедуют иудаизм. Тем не менее, они не ущемлялись в правах при царе. Им разрешалось селиться в любой местности, они обладали правом занимать государственные должности. Это обстоятельство было очень важным. Я объяснил немцам происхождение татов и подготовил описание этого народа. Эсэсовцы захотели посмотреть на татов, и я сказал «горским евреям», что они должны произвести хорошее впечатление. Евреи устроили праздник с национальными плясками, понравившийся немцам. Немцы разрешили им продолжать торговлю и отменили выплату контрибуции. Таты получили все права. Конечно, они были счастливы. Я был доволен, что сумел помочь им, потому что после закрытия магазинов и выплаты контрибуции они, конечно, были бы расстреляны как евреи на Украине. Но мое положение еще больше усложнилось, ведь «горские евреи» рассказывали всем и каждому, что я помог им, говоря «этот профессор — человек влиятельный, ему даже немцы повинуются». Подобная репутация вряд ли пошла бы мне на пользу после возвращения Советов. Они бы вряд ли оценили мои усилия на благо гуманизма, зато сочли бы меня коллаборационистом. И я решил покинуть Россию»¹⁵.

Вскоре после Нового года началась эвакуация германских войск с Северного Кавказа. Теперь уже у семьи Поппе мог быть лишь один вариант действий. С женой, младшим сыном и собакой Джонни. Старший сын был призван немцами в армию. Участвовал лишь в одно бою и попал в французский плен. Поппе выехал из Нальчика. Жена Поппе уже была тяжело больна (рассеянный склероз). Около трех месяцев семья добиралась до Львова. Там все резко переменялось. Профессора с семьей поселили в хорошем отеле, вскоре его самолетом отправили в Берлин (жена и сын некоторое время еще оставались во Львове). Шефство над ним взяла организация, помогавшая этническим немцам, эвакуированным из других стран. В СССР в 1943 г. еще не знали, где Поппе. В сентябре 1943 г. он выдвигался в академики на очередных академических выборах. Впрочем, он не прошел. Выбрали его конкурента, монголоведа С.А. Козина (1879—1956).

В июне 1943 г. Поппе начал работать в Вазее-институте. В институте он занимался вопросами изучения советской политике в национальном вопросе, системой высшего образования СССР и начал книгу «Население Сибири» (статистика, происхождение, национальности, история и пр.). В сентябре 1943 г. Ванзее-институт был эвакуирован в Австрию. В январе 1944 г. Поппе перешел в Институт Восточной Азии, где работал по март 1945 г. В это время он написал книгу «Монголия» (общее описание страны) и две коротких статьи «Пантюркизм» и «Психология монголов»¹⁶.

Падение гитлеровской Германии Н.Н. Поппе встретил в американской зоне. В 1945—1949 гг. Н.Н. Поппе, как выдающийся знаток восточных, финно-угорских и европейских языков оказывал содействие американской и английской разведке. Сыновьям Поппе удалось переехать в Великобританию.

Тем временем советское правительство наконец сумело получить достоверные сведения о Н.Н. Поппе и принять соответствующие меры. 18 июня 1946 г., академик-секретарь Президиума АН СССР Н.Г. Бруевич на заседании Президиума Академии наук СССР выступил с сообщением о судьбе Н.Н. Поппе: летом 1942 г. находившийся в командировке с лета 1941 г. в Элисте (Северный Кавказ) Поппе перешел на сторону гитлеровцев в районе Кисловодска, был назначен «официальным сотрудником гестапо и руководителем отдела пропаганды при немецкой комендатуре». В информации также говорилось, что Поппе «консультировал немецкие комиссии по регистрации коммунистов, комсомольцев и евреев и принимал участие в допросе советских граждан, арестованных оккупантами», более того, «являлся одним из вдохновителей инсценировки так называемых похорон жертв НКВД» в Нальчике. В заключение отмечалось, что при отступлении немецких войск с Северного Кавказа в 1943 г. Поппе «бежал вместе с ними и обосновался в районе Берлина. О дальнейшей судьбе Поппе точных сведений нет»¹⁷. В июле 1946 г. на сессии общего собрания Академии наук СССР член-корреспондент Н.Н. Поппе был исключен из состава Академии¹⁸.

Весной 1949 г. супруга Н.Н. Поппе, Наталья Валерьяновна скончалась. В мае 1949 г. Поппе получил приглашение в университет штата Вашингтон г. Сиэтла и переехал в США. Здесь он женился во второй раз на эмигрантке Эдит Циглер, с которой прожил до самой ее смерти.

Николай Николаевич Поппе умер в г. Сиэтле 8 июня 1991 г. в возрасте 93 лет.

¹ Рорре. 1983. Р. 50.

² АРАН. Санкт-Петербургский филиал. Ф. 152. Оп. 003. Д. 490. Поппе (Белолипская) Наталья Валерьяновна, старший библиотекарь. Личное дело.

³ Рорре. 1983. Р. 154.

⁴ Рорре. 1983. Р. 52.

⁵ Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 37

⁶ Рорре. 1983. Р.

⁷ Рорре. 1983. Р. 134.

⁸ Рорре. 1983. Р. 131—132.

⁹ Рорре. 1983. Р. 134.

¹⁰ Рорре. 1983. Р. 137.

¹¹ Рорре. 1983. Р. 133.

¹² Рорре. 1983. Р. 139.

¹³ Рорре. 1983. Р. 140.

¹⁴ Рорре. 1983. Р. 141

¹⁵ Рорре. 1983. Р. 137.

¹⁶ Рорре. 1983. Р. 12.

¹⁷ Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 411. Оп. 4а. Д. 33. Л. 28—30 (выписка из постановления Общего собрания; личное дело Н.Н. Поппе). Л. 26—27.

¹⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 17. Л. 77.

Великая Отечественная война в меморатах о Е.В.Честнякове и других жителях Кологривского района Костромской области

Ефим Честняков (Евфимий Васильевич Самойлов, 1874—1961) — художник, артист-кукольник, фотограф и писатель Серебряного века. Он жил в деревне Шаблово Кологривского уезда, учился и учительствовал в уездных и губернских городах Костромской губ., несколько раз приезжал в Санкт-Петербург в 1899—1903, 1904—1905 и 1914 гг., а в 1903—1904 гг. обучался живописи в Казани. Между тем биография Честнякова (Честненкова-Самойлова) известна далеко не полностью.

Документированные сведения об активной творческой деятельности заканчиваются июнем 1926 года — последней выставкой его работ в Кологриве; следующая и окончательная официальная дата — 27 июня 1961 г., зафиксировавшая кончину художника. Еще отмечен 1928 год — период нескольких приездов к Честнякову в Шаблово белорусского поэта Кузьмы Герасимовича Павловича, гостившего в Кологриве¹; также имеются данные о нескольких творческих вечерах Честнякова в Народном доме (бывшем особняке князя Абашидзе) уездного центра². С начала Первой мировой войны — с осени 1914 г. — Честняков навсегда поселяется в своей родной деревне Шаблово.

Расспросы старожилов Кологривского района о Честнякове в нашей фольклорной экспедиции 2015 г. выявили множество типично народных сюжетов, касающихся Великой Отечественной войны. Все эти мемораты, «слухи и толки», предания, легенды и сны высвечивают образ Честнякова в определенном свете, а именно как народного праведника и провидца. Жители Кологривского р-на именуют Честнякова такими словами: «ясновидец» и «прозорливец»³; «угадывальшышкы»⁴; «лекарь-кудесник»⁵; «святой був человек»⁶; «старец», «великий старец», «Господий Ефим», «Ефим-Серафим»⁷ и «Господний Ефим-Серафим»⁸; «великий чудотворец»⁹; «батюшко Ефим святой»¹⁰.

О его психологической помощи крестьянам рассказывали: «предсказывал»¹¹; «предсказывав» и «наворожив»¹²; «он приткам <притчами> предсказывав»¹³; «всю душу целовека знау, прозорлив быу. Молодым предсказывау их судьбу»¹⁴; «Дак он, он тебе предскажет всё! Если вот такая беда, он тебе скажёт! Намекнёт! Не скажет он, видно, ну что вот, что случится, а знать даст тебе. И на самом деле сбывалось всё»¹⁵; «как-то намёком. Догадывайтесь сами: уж там чего!»¹⁶; «мы как за Бога ево считали»¹⁷; «со святым даром провидения, данным от Бога Ефиму Васильевичу» и «старец Православной церкви»¹⁸ (хотя он не канонизирован Церковью).

В.П.Лебедев, земляк Честнякова, запомнил его фразу и уверен, что она приложена к самому художнику: «Это душевное ясновидение — он так и называл. “Это есть, говорит, люди, которые обладают душевным ясновидением”. Ну, это он про себя. Это его слова я слышал. Это он про себя, значит, — я так понял»¹⁹.

Перечислим типовые сюжеты устных меморатов, связанные с деятельностью Е.В.Честнякова в период Великой Отечественной войны:

- 1) предсказание близкого начала войны;
- 2) проводы на фронт односельчан, которые различаются для тех, кто вернется с войны и кто погибнет;
- 3) рисование портрета человека, которому суждено вскоре погибнуть, и отказ другому, который возвратится с войны;
- 4) предвестие гибели, ранения или невредимости находящихся на фронте жителей Кологривского р-на;
- 5) исполнение народных песен (непреренно жизнерадостных и жизнеутверждающих) как антитеза унынию, особенно в период войны; развивающая и обучающая работа-игра с детьми;
- 6) лечение заболевшего человека самым простым и одновременно необыкновенным способом (оно практиковалось как в военное, так и в мирное время);
- 7) проникновение в тайные помыслы и чаяния людей, обращающихся за помощью или являвшихся просто знакомыми;
- 8) предсказание будущей судьбы для временно вернувшихся на «малую родину» фронтовиков или оставшихся в тылу людей, в том числе просителей «гаданий»;
- 9) предложение ребенку не поиграть, а пообщаться с глиняным человечком как с реальной личностью (покормить, посочувствовать ему);
- 10) предвестие скорого окончания войны.

Это самые яркие и наиболее частые сюжеты, связанные с войной. Вероятно, при внимательном изучении всего массива фольклорных сведений о Честнякове могут быть обнаружены и другие, более редкие сюжеты.

Общность указанных сюжетов обнаруживается в ряде признаков:

- 1) все прогнозы делаются не напрямую, а иносказательно (с использованием лексико-синтаксических повторов, кратких рифмованных фраз, звукоподражаний) или вообще без слов, но обязательно в сопровождении действий (движений, телодвижений, жестов), а часто еще и атрибутов (глиняных «куколок», масок, свистулеч и живописных картин);
- 2) все предвестия осуществляются нарочито напоказ, либо предназначены для лицезрения большим количеством людей, либо хотя бы парой лиц (чтобы свидетель предсказания мог подтвердить его).

И все-таки определенная часть таких фольклорных устных сообщений, хотя и обладает типичным набором жанровых признаков и повествовательных функций, оказывается применимой только к личности Честнякова — художника и провидца, обусловлена особенностями его биографии и не имеет аналогов. Другая часть мемуаров о Честнякове являет собой типовую жанровую модель и находит подобное воплощение в сюжетах о других народных праведниках.

Заметим, что все подобные сюжеты многократно и во множестве вариантов и версий записаны нашими предшественниками и опубликованы как в Интернете (публ. А.Г.Назаровой)²⁰, так и в статьях²¹ и книгах о Е.В.Честнякове (В.Я.Игнатьева, Н.С.Ганцовской, Р.Г.Обухова); также записи хранятся в архивах (в Центре народного творчества и туризма «Горница» в г. Кологрив).

Итак, *первый сюжет* — о предсказании скорого начала войны провидцами — относится к широко распространенным сюжетам. Однако применительно к личности Честнякова он связан с одним из его любимых занятий — с лепкой малых скульптурных форм (в том числе свистулеч) из глины, с обжигом в печи и с разрисовыванием их масляными красками. Такие маленькие фигурки составляли Ефимов кордон (это авторское название), насчитывавший до 800 штук, совершенно неповторимых.

Обычно они использовались в кукольных спектаклях, как стационарных, устраиваемых в доме-«овине», так и в выездных в другие деревни на престольные и другие важные христианские праздники. Честняков называл их «глинянками», народ именовал «куколками». Перед началом войны, примерно за год, художник собрал множество куколок, сложил их в короб и на тележке вывез в окрестности соседней деревни, где около дороги, специально дождавшись случайных прохожих, прилюдно разрушил их: кому оторвал руку, кому ногу, кого целиком разбил, а потом похоронил их. (Имеются версии этого сюжета о похоронах куколок на реальном кладбище, о кидании их зимой под лед в прорубь.)

Местные жители, оказавшиеся свидетелями такого неординарного случая, стали передавать его из уст в уста, сначала с недоумением по поводу чудачеств художника. Потом принялись трактовать событие как пророчество провидца, когда действительно через год разгорелась война и начали поступать похоронки («умбрии»). Между тем Честняков, оставаясь крестьянином, даже не вступившим в колхоз и выезжавшим лишь в районный центр, был высокообразованным человеком, привыкшим читать газеты в избе-читальне, выписывать их себе на дом, беседовать с местными и заезжими интеллигентами, вести переписку с жителями Ленинграда. Безусловно, он умел делать правильные выводы из любой доступной информации, почему и не сомневался в скором начале войны с фашизмом, особенно после уже случившейся войны 1939 года с белофиннами и дружественной военной помощи советского народа в Испании.

В.П. Лебедев, сосед художника в д. Шаблово, вспоминал в 2015 г. о том, что Честняков носил газеты в кармане: «Да, он газеты все, газеты выписывал всякие. И вот этот карман большой у него, он газеты свяжет, с газетами приходит. <...> Да, читает вот. Почитает, расскажет чего»²². Известны и другие воспоминания об этом: «Много читал газет, любил слушать первый тогда приемник “Родина” на батареях, просиживал ночи в канцелярии колхоза»²³. И еще: «Была у нас почтальонка, девка... молодая, крепкая... почитай, всю войну почту носила здись по деревням. И к Ефиму, это значит, ходила, от сестры заключенной письма носила... и газеты там, журналы, много он читал, может, что еще...»²⁴.

В книге «Пути в избах», составленной Р.Е.Обуховым (2008), приведен экспедиционный дневник директора Костромского художественного музея-заповедника В.Я.Игнатьева, который в 1970—1980-е годы в полуразрушенной постройке обнаружил ящик с «глинянками» Честнякова, которые были представлены исключительно женскими и детскими фигурками. Искусствовед недоумевал: почему среди скульптурок нет мужских фигурок, а также полагал, что Честняков не мог разрушить свои творения беспричинно. Игнатьев полагал, что скульптор мог избавиться только от неудачных скульптурок, как бы проводя ревизию в своем хозяйстве. Вот эти рассуждения В.Я.Игнатьева, записанные в его дневнике: «Во время экспедиции 1977 года в Кологриве Г.А.Смирнова (племянница Ефима Честнякова) все как-то не решалась сказать адрес, где еще находятся произведения “крестного”. А потом, все с той же оговоркой, чтобы не ссылались на нее, все-таки сказала: нужно обратиться к бывшей их невестке... она, мол, знает. А не решалась она говорить потому, что все в округе убеждены были в том, что на этих “куколках” (речь идет о глиняной скульптуре) Ефим Честняков гадал: кому оторвет голову, значит, человек на фронте погибнет... если руку оторвет, значит, человеку на фронте оторвет руку и т.д.

По всему было видно, что и сама Смирнова в это верила. В Шаблово нам показали ящичек, где лежала перебитая и сломанная скульптура; в овине старом хранилась

(на дверях был кованный секретный замок!). При внимательном рассмотрении уже в первый момент улавливается какое-то несоответствие: в коробках в основном были женские, детские фигурки. Но если это не вносит объяснения и сомнения в легенду, то, вероятней всего, объясняет сам характер художника»²⁵.

На наш взгляд, отсутствие мужских фигурок в найденном ящике как раз свидетельствует в пользу намеренного разбивания их скульптором: Честняков мог разрушить их напоказ, когда демонстрировал таким образом скорое начало войны. Кроме того, он мог разбивать «глинянки» постепенно, отрывая им руки, ноги, головы и используя таким способом их для индивидуальных предсказаний прихода с фронта раненных солдат или их гибели. Это уже четвертый сюжет по нашей условной классификации: среди местных жителей он получил название «гадания» о мужьях, отцах, сыновьях, братьях, воевавших в Великой Отечественной войне. В фольклоре такие гадания относятся к окказиональным, то есть к обусловленным экстремальными обстоятельствами и не связанным с календарными праздниками (Святками, Иваном Купалой, Покровом и др.).

Земляки Честнякова на рубеже XX—XXI веков разделились во мнениях о том, портил и уничтожал ли художник свои глиняные «куколки» перед войной или нет. Известно множество меморатов жителей Кологривского р-на о предсказании Честняковым скорой войны 1941—1945 гг. с помощью разрушения скульптурок и захоронения их. Большинство местных жителей, касающихся этого эпизода в жизнедеятельности художника, уверены в его предсказательном характере. Однако имеются и другие точки зрения. Так, В.П. Лебедев, сосед Честнякова, сомневается в правильности трактовки такого случая:

«Не знаю, миф такой вроде, как я считаю. Я-то ведь и до войны как будто вот... До войны, значит, он как будто... Значит, кто-то видел, кто-то чего-то, что он отламывал у своих кукол руки-ноги, значит, и закапывал. Вот. И вроде как что вот это, ну, что война нача(лась). Будет война, значит, что будут калеки и всё такое. А я вот что-то не верю в это. (А Вы это не видели? — *Е.С.*) Нет, не видел. Я рядом жил, но до войны всё равно 10 лет было мне, всё равно я бы мог запомнить чего-то, значит! И вот ходят-ходят такие слухи! Даже и у Обухова тут книга была — “Пути в избах”, Вы читали? (Да. — *Е.С.*) Вот, Обухов, там написано, что вот, значит! А я, я с недоверием отношусь к этому.

(А вот не могло быть такое, что вот эти игрушки — они обожжённые, они раскрашенные, они произведения искусства, да? — *Е.С.*) Да. (То есть на них не поднимется рука ломать? — *Е.С.*) Конечно! <...> Ну зачем это ему, значит? Ну, может быть, чего-то он, ну, избавлялся от каких-то, ну, ненужных вещей. Может, чего-то куда-то подзакопал: ну, ненужные вещи когда-то! Ведь не было раньше мусорных там контейнеров или ещё чего»²⁶.

Обнародованы мемораты рубежа XX—XXI веков о предугадывании Честняковым будущей войны 1941—1945 гг. за год, получившие первый номер по нашей условной систематизации: «Перед войной взял все куклы, увёз в поле, поставил и стал бить палкой. Затем стал хоронить, кого кучей, какую по одной похоронил. Ево спросили: “Чево, Ефим, делаешь?” А он отвечал: “Война идёт, война идёт!” А через год началась война с Германией»²⁷.

Вот еще версия, отличающаяся местом уничтожения «куколок» — киданием под лед: «Перед войной Ефим возил куклы да в прорубь кидал, да ревел. А весной война и началась»²⁸.

Записан и опубликован краткий меморат о похоронах «глинянок» (это первый сюжет), причем в двух разных местах — ритуальном и окказиональном (неприспо-

собленным и случайном), то есть на реальном кладбище и около деревни: «Перед войной Ефим Васильевич все куколок своих хоронил за деревней, ходил в Илешево на кладбище и там хоронил»²⁹. Имеется подобный лаконичный меморат о захоронении Честняковым «глинянок» за деревней: «Перед войной уходил за село и хоронил кукол»³⁰.

Известен еще один меморат о похоронах «глинянок», который можно трактовать как относящийся к условному первому или четвертому сюжету:

«А в войну приехал с разбитыми куклами и заставил нас хоронить: какую куколку одну, а которые — кучей. Жалеет:

— Вот теперь-то жив бы был!

А раньше-то не понимали, смеялись некоторые»³¹.

Существует вариант этого мемората:

«Он войну предсказу. Перед войной вынес куколу прямо на дорогу, из глины прямо фсе обжигу. Взяу пауку и прямо по им: “Ой, голова болит. Ой, рука болит”»³².

Возвращаясь к первому сюжету с «глинянками», хотелось бы предложить официальным лицам Костромской области — музейным работникам, краеведам и школьным учителям — использовать методику проведения раскопок, принятую среди военных поисковиков, с целью обнаружить остатки разбитых керамических скульптурок. Для этого необходимо уточнить у старожилов Кологривского района, где конкретно разбивал Честняков свои «глинянки». Такая информация будет более понятной именно местным жителям, которые прекрасно ориентируются в мельчайших народных топонимах (вплоть до названий сельхозугодий), обычно отсутствующих даже на подробных географических картах. Результативность последующих раскопок будет наблюдаться лишь в том случае, если искомые фигурки действительно являлись керамическими, то есть выполненными из обожженной глины, а не просто слепленными из сырой глины и потерявшими свои очертания за много десятилетий нахождения в сырой земле.

Пока же местные жители просто говорили, что Честняков зримо демонстрировал скорое начало войны с помощью уродования «куколок» и их последующего захоронения — без учета материала таких фигурок. Необходимость проведения поисковой работы (аналогичной розыскам неизвестных солдат и военных машин) направлена не только на доказательство правдивости меморатов о похоронах куколок, но и на находки ценных скульптурок Честнякова, которые и в разрушенном виде могли бы стать ценными музейными экспонатами. Здесь работа поисковиков перекликается с раскопками археологов.

Что касается фольклорного сюжета о предвестии близкой войны, то обычно он реализуется широким спектром версий: о появлении на небе огненного столба или тройки столбов, объятого пламенем креста или тройки крестов, Богородицы или какого-либо святого и т.д. Грандиозность и одновременно трагичность предрекаемого события демонстрируется чрезвычайным небесным явлением, смысл появления которого, тем не менее, легко поддается разгадке, поскольку базируется на фольклорном сознании, наполненном традиционными мифологическими и религиозными архетипами.

Как видим, в случае с предсказанием Честнякова избрана иная, вполне земная версия сюжета. Вероятно, Честнякову было важнее остаться в памяти кологривчан предсказателем большого масштаба, нежели сберечь собственные керамические произведения. Если сюжеты с небесными явлениями совершенно независимы от человеческой воли, то сюжет с похоронами «куколок» прямо замыслен и реализован худож-

ником. Исполнение такого сюжета (ставшего меморатом) было подобно кукольному спектаклю, который до начала войны Честняков многократно и с совершенно другими фабулами и разными словесными текстами разыгрывал с участием детей и взрослых в крупные православные праздники в Шаблово и соседних деревнях.

Имеется и иная версия первого сюжета — о предсказании войны Честняковым без применения «глинянок», но с помощью печальных повторяющихся возгласов:

«Накануне войны пришел он к нам в Хапово в белом костюме и бегаёт по деревне:

— Ой, горе-то, горе-то, — приговаривает.

Бабы с сенокоса пришли, спрашивают:

— Что, что ты, Ефимушко?

Он опять:

— Ой, горе-то, ой, горе-то! Война ведь!

А на другой день объявили о начале войны»³³.

Записана версия первого сюжета, согласно которой Честняков предсказывал скорое начало войны не только взрослым, но и детям:

«У Ефима Васильевича большая коляска с четырьмя колесами — была Баба Яга — ступа из дерева, куклы глиняные. Детей соберет — показывал все, что война будет»³⁴.

Тематической разновидностью первого сюжета выглядит версия об эвакуированных женщинах с детьми, что предвидел и предрекал Честняков с помощью некоего подобия спектакля:

«Приежажу перед самой войной к нам в эту деревню. Девчонки-подроски, нарядиу их цыганам, и всех как вакуированных повёз. Кто и ревьёт. “Поревитё, поревитё”, — заставляю»³⁵.

Второй сюжет меморатов о роли Честнякова на войне является более простым в исполнении, но более загадочным в его трактовке. Старожилы рассказывают, что Честняков выходил провожать до околицы и даже далее новобранцев, призванных на фронт. Однако не всех, а по собственному выбору, первоначально непонятному для его односельчан и соседей. К сожалению, далее обнаруживалось, что именно те мужчины и парни, которых Честняков провожал в армию, не вернулись с войны. Он как бы предчувствовал их гибель и оказывал самые высокие почести, которые был в состоянии оказать. Соответственно пропадала обида тех жителей деревни, которых Честняков, почитавшийся мудрым старцем, не проводил на фронт и таким как бы магическим образом гарантировал им жизнь.

Вот пример такого мемората: «А когда провожали мужиков и ребят на фронт, так он одних далеко за околицу провожал, а к некоторым и на проводы не приходил. А потом разобрались: кого провожал, тот ни один не вернулся с войны»³⁶.

Однако также записаны воспоминания, сообщающие о проводах Честняковым всех жителей д. Шаблово на войну — без исключений: «И Ефим, Ефим всё время провожал. До ворот — это уж он обязательно проводит. Он, значит, ну, чего он мог сказать? Ничего он мог не сказать. Переживал, конечно! Переживал, переживал за всех»³⁷.

Ко второму сюжету меморатов близок **третий** — о создании портрета человека, которому суждено вскоре погибнуть. Этот условный третий сюжет можно считать функциональной разновидностью второго сюжета — с их общим смыслом: оказывать честь обреченному герою.

Четвертый сюжет сводится к так называемому «гаданию» по «куколкам», изредка и по другим предметам, а также просто по иносказанию, без соответствующей

атрибутики. Схема чрезвычайно проста: женщина, обычно с подругой, родственницей или соседкой, приходит (иногда из далекой деревни) к Честнякову с просьбой узнать чудодейственным способом жив ли ее муж (отец, брат, сын), находящийся на фронте, особенно когда долго нет от него писем. И происходило следующее: Честняков мог оторвать у «куколки» руку, ногу и голову и при этом ничего не сказать. А мог совсем не прикасаться к «куколке», но повести речь о кукушке, образ которой в фольклоре и вообще в крестьянском менталитете обозначает горькую вдову с сиротами. В арсенале художника имелся целый спектр подобных иносказательных образов (в том числе и позитивных), используемых в таком гадании.

Интересен четвертый сюжет, реализованный в двусоставном варианте про предсказание Честнякова об отсутствии крыши у дома и о звукоподражании художника кукованию кукушки. Смысловая доходчивость этого варианта усилена синонимичной народной символикой:

«Однажды пришла баба: ну, не было от мужика писем из армии. Она пошла к ему. Принесла тоненьких пирожков — напекла и принесла, и говорит: “На, Ефим Васильевич, вот я пироги пекла!” Он взял, да и говорит: “Хороши пирожки-то, а крыши-то не покроёшь!” Ну, походил-походил с этим пирожком, ушёл. Несёт куколку и вроде у его котомка на спине. И спел: “Ой, ку-ку, ку-ку, горькая кукушка! Ку-ку, горькая кукушка!” Ну, баба посидела-посидела у его — ничего он ей не сказал — про мужика она это думает, и пошла домой. Пришли. Пришли, идут домой. А у её дом горит: ребятишки подожгли на сарае. Вот “крыши-то и не покроёшь!” Ну. А кукушкой закуковала — от мужика пришла умёршая, что погиб на войне. Вот тебе и евонные все присказульки такие были»³⁸.

Вот еще вариант четвертого сюжета мемората:

«Взяла пирог, разрешила пополам: весь-то — много будет. Пришла и говорит:

— От Леньки (от мужа) писем нет и нет. На фронте он.

Ефим выставил человечков глиняных много-много, все их переставлял. Ничего толком мама не поняла.

Потом пришло от папы письмо. Мы поняли, что написал он его перед боем. И погиб он в том бою, не дожив до Победы два месяца.

А полпирога Ефим повертел, повертел, разрешил еще пополам. Половину себе взял, а другую отдал маме:

— Девоньке унеси»³⁹.

Также приведем подобный вариант, ясно показывающий восприятие жителями Кологривского р-на предсказаний Честнякова как притч, подобных библейским: «Он приткам предсказывав. Моей племяннице в войну показывает глинянку — солдатика, который хромаёт. Так и было: муж пришов с войны раненой»⁴⁰.

Даже в Островском районе Костромской области, далеко отстоявшем от Кологривского района, в 1982 г. был записан меморат о предугадывании Честняковым судьбы фронтовика и о ее наглядной демонстрации с помощью «куколки»:

«Во время войны приходили женщины на мужа гадать. <...> Он дал ей с собой фигурку: мужичок на пне и набок голову склонил. А потом, когда убили её мужа в Белоруссии, в партизанских лесах, — тогда она присмотрелась к фигурке и поняла: может, он там похоронен или так погиб»⁴¹.

Для предсказаний судьбы ушедших на фронт жителей Кологривского р-на Честняков из доступной ему самодельной атрибутики использовал два вида «глинянок»: «куколки» и маски. О применении второй разновидности «глинянок» сообщается в варианте четвертого типа мемората с трагическим концом:

«Показал половинки (маски) трех мужских голов: старика и двух молодых мужчин.

— Какие хорошие были головы, — сказал.

Я поняла, что речь идет о моем отце и братьях.

Отец умер, а братья погибли: один — под Москвой, другой — под Смоленском»⁴².

Известна версия четвертого сюжета мемората, согласно которой Честняков применял для наглядности не «глинянки», а свои картины:

«Однажды я пришла к нему со своей тетей Татьяной. Она очень беспокоилась о своем сыне Анатолии, который находился на фронте. Все близкие тети знали, что Анатолий погиб, что служил с земляком из деревни Бурдово.

Когда мы пришли к Ефиму Васильевичу, он показал нам рисунок: на опушке леса лежит молодой солдат-лыжник, раскинув руки. Было понято, что лыжник мертв (убит).

— Веревошка оборвалась, — сказал Ефим Васильевич, обращая внимание на лыжника.

Мне стало понятно, что этот рисунок он показал нам не случайно. У Ефима Васильевича ничего не было случайного. Все его работы: и картины, и скульптурки (глинянки), и слова — носили глубокий, иносказательный смысл.

<...> Как потом оказалось, на ночлег тетя была отправлена к родителям сослуживца своего сына, уже погибшего к тому времени»⁴³.

Имеется и позитивная версия мемората условного четвертого типа, с использованием «глинянок»-фигурок:

«Дроздова Анна Арсентьевна тоже ходила к нему:

— От Ваньки писем давно нет.

Тоже на фронте был Дроздов Иван Васильевич. Ефим выставил кукол глиняных, переставляет их, а сам за щеку держится:

— Ой, ой, — стонет. — Ой, ой, — и ходит по комнате.

И что бы вы думали? Пришло письмо от Ивана, пишет, что зубы замучили, сильно болят»⁴⁴.

Существуют также позитивные версии четвертого сюжета — без использования «глинянок», но сопровождаемые иными подручными наглядными средствами:

«Отца взяли на фронт зимой, давно не было вестей. Мать плакала. Однажды пошла к Ефиму. Тот ей:

— Садись, Анна.

Взял листы чистой бумаги, скручивает в трубку молча. Мать не спрашивала, знала, что нужно молча смотреть и слушать, если хочешь что узнать. Пока мама ходила к Ефиму, домой пришла бандероль — вот вам и рулончик белой бумаги...»⁴⁵

Спустя семь десятилетий в исполнении некоторых современных жителей Кологривского р-на (особенно воспроизводящих меморат с чужих слов) условный четвертый сюжет стал абстрактным: «Бабушки придут из деревни, во время войны вот например, ну, все пойдут. Он предсказывал им, что-то говорит. Всё каким-то намёкам. Вот идут бабушки — мы девчонки были — идут бабушки, рассуждают: “Вот тебе, Мань, то-то говорил! А тебе вот то-то!” И рассуждают. Кто про кого и скажет как. Про тех мужчин, которые в армии. Всё поговорит чего-нибудь. Всё как-то намёком. Догадывайтесь сами: уж там чего!»⁴⁶

Однако имеются версии условного четвертого сюжета о предвестии скорого поворота в судьбе человека на фронте, и в некоторых вариантах нет обычной иносказательности:

«Одна женщина ходила к нему спрашивать, что с ее мужем, долго вестей нет с войны. А он говорит:

— Не беспокойся, там девочка ходит с письмом тебе от мужа.

Действительно, моя тетя была почтальоном и попросила меня по пути этой женщине письмо передать»⁴⁷.

Очевидно, отсутствие иносказательности, символичности более характерно для версий меморатов со счастливым концом, поскольку герою (Честнякову) нет надобности беречь нервы земляков, интересующихся судьбой своих близких.

Относительно второго, третьего и четвертого сюжетов меморатов о Честнякове остается непонятным, как описываемые события оказывались пророческими. Действительно ли Честняков обладал чудесным даром предвидеть судьбу конкретных людей, или в народной памяти сохранились только случаи реального предугадывания индивидуального будущего? Из сбереженных рукописей художника известно, что он был намерен развить в себе провидческие способности, писал об этом.

С **пятым сюжетом** — о пении песен во время войны — все понятно: в условиях чрезвычайно тяжелых необходимо поддерживать бодрость духа, по возможности продолжать соблюдать привычные условия жизни, а песни этому благоприятствуют. Вот пример такого мемората:

«Было это во время войны. Я пришла к Ефиму Васильевичу. Он сказал мне:

— Ну что ты, матушка, какая грустная. Когда тебе тяжело, попой песенок»⁴⁸.

Разновидностью пятого сюжета является меморат о занятиях Честнякова с детьми, как в мирное время: «В войну собирал Ефим — Фимка меня звал, Фима <Серафима>, соберет нас и водил на ключик, варили кашу, картошку, бегали, играли»⁴⁹.

Другой вариант того же мемората: «Е.В.Честняков ходил к нам, игры проводил с нами в войну <...>»⁵⁰.

Касательно **шестого сюжета** — о лечении народными методами — интересно, что Честняков обычно дважды приговаривал перед лечением: «Я не лекарь, я не лекарь» («Я на фельдшер, я не лекарь. Я на фельдшер, я не лекарь»⁵¹), как бы желая снять с себя возможные обвинения людей в использовании профессиональных знаний без врачебного диплома или упреки в знахарстве, а также будто стремясь отогнать подальше нечистую силу, запутать ее приговоркой-отрицанием. Далее Честняков все-таки лечил с помощью поглаживания, или смазывания скипидаром, или советом использовать обливание в роднике, настоем трав и т.д. В одних случаях он кричал вслед уходящей и уже отчаявшейся женщине, что надо делать. В других случаях он действовал как врач. Сохранились устные рассказы о том, что у Честнякова имелся лечебник целебных трав. Кроме того, учитель по образованию и призванию, наблюдательный человек, интересовавшийся всеми науками, которые могли бы пригодиться в глухой деревне, Честняков, безусловно, знал многое из хотя бы начальной фельдшерской подготовки.

Вот меморат о лечении у Честнякова во время войны:

«Мы ходили в войну-ту на Ужугу работать ишчо дифиёнкам-то. С Ужуги пойдём и зайдём к ему. Шчо-нибудь там заболело, спина али шчо вот, Ковда пусьгит, а ковда и не пусьгит. Зайдут к Ефиму Васильевичу: “Ой, батюшки, спина болит!” Нынче называют радикулит. Возьмёт голик, веник большой, и поцнёт по спине голиком лупить. Уж оттуда пойдут — от ево всё зажыло»⁵².

В этом меморате (и подобных) показательно сообщение жителей Кологривского р-на о том, что лечение приходивших к нему людей Честняков начинал только после их помощи ему по хозяйству, даже если никакой необходимости в этом не было: «Ешчо в первую очередь заставит, прежде чем polecить-от: “Идите вот в огородец,

прополите, да мусор-от не выносите, кладите в бороски, это буэт навос, это удобрение”. Или кирпичи носить. Не надо, да и то заставит перенашивать с места на место, кирпичи перекладывать»⁵³. Вероятно, Честняков понимал, что людям захочется отблагодарить его за лечение, а он не имеет права брать деньги за свой лекарский божий дар, да и у крестьян лишних денег нет. Если же постоянно оказывать помощь бесплатно, то у людей может развиваться желание жить на дармовщинку. Именно поэтому Честняков или заставлял просителей помогать ему по хозяйству, или принимал лишь половину или меньшую часть приносимого ему угощения.

Некоторые информанты, чье детство пришлось на 1940-е годы, помнят о лечении Честняковым их близких, хотя и не знают подробностей: «Ну, он даже лечил! Лечил даже он. Больных много было в войну-то всё равно. И как-то всё помогало. Всё помогало. (А лечил он какими-то травами? Или как он лечил? — *Е.С.*) Вот уж я не знаю»⁵⁴.

Сохранились воспоминания, в которых дается индивидуализированное понимание важной психологической миссии Честнякова во время войны:

«Женщины отовсюду шли к нему и несли свое необъятное горе: потерю своих сыновей, мужей, братьев. А кто от недугов не находил себе места — тоже шли к нему. А Ефим Васильевич погладит больное место и успокоит:

— Пройдет.

Шли к нему избавиться от невыносимой тоски, чтобы облегчить свои страдания и во что-то уверовать.

Эти посещения и его помощь были у всех на устах, и я помню многие-многие рассказы. Много горя несли ему женщины, и он, очевидно, устал и занемог от большого всеобщего горя»⁵⁵.

Седьмой сюжет показывает способность Честнякова глубоко проникать в душевное состояние своих знакомых, причем вызванные важными психологическими причинами поступки оказываются традиционными, что и способствовало угадыванию их тайного содержания художником:

«С 1942 года, когда мужа взяли в армию, я перестала употреблять в пищу мясное (дала обещание). Ефим Васильевич часто спрашивал меня:

— Мясо-то ешь?

Я отвечала, что мяса не ем, вот сало, когда меня кормят за мою работу,— приходит. О своем обещании не есть мяса я Ефиму Васильевичу не говорила. <...>

В отношении другого моего обещания сказал:

— Обещаний больше никаких не давай. Тебе хватит.

В очередной раз была удивлена словами старца, так как никогда не говорила, что дала обещания»⁵⁶.

Сюжеты четвертый, шестой и восьмой по нашей условной классификации, то есть о предугадывании возвращения или невозвращения фронтовика домой и о лечении болезней, обязательно сопровождалась подношением угощения, которое Честняков брал или отказывался от него (заменой угощения могло стать выполнение домашней работы). Соответственно такой «сюжетный довесок» сам порождал новые сюжеты:

а) о таинственных и необъяснимых причинах Честнякова взять или отказаться от угощения, поделить его надвое и отдать вторую часть дарителю;

б) о предвидении необходимости вручить гостинец первому голодному встречному, а им, например, оказывается неожиданно вернувшаяся с фронта дочь;

в) о дословном повторении Честняковым фразы самой дарительницы или ее спутницы о сомнениях в размере дара, чего художник никак не мог слышать, но чу-

десным образом, каким-то «духовным слухом» улавливал ее. Обычно фраза сводилась к тому, что поднести целый пирог — значит обделить собственных голодных детей, а принести половину — мало и потому неудобно будет.

г) о просьбе Честнякова выполнить какую-либо хозяйственную работу, даже бессмысленную, что в функциональном отношении служит заменой (аналогом) мотива преподнесения угощения приходящими людьми.

Также существуют еще некоторые близкие сюжетные разновидности меморатов. Большинство указанных сюжетов относится и к устным повествованиям о мирном времени, когда люди (не только женщины) шли к Честнякову уже не гадать на сохранность мужей на войне, а спрашивать совета о важных жизненных грядущих событиях (типа поступать в институт, уезжать из деревни на работу, выходить замуж и т.п.).

Восьмой сюжет меморатов входит в общую схему предсказаний будущей судьбы, однако имеет разные версии и свои особенности, обусловленные военным временем: в частности, малочисленностью женихов для девушек военного поколения. Об этом рассказала уроженка соседнего Мантуровского района в 2015 г.:

«У нас на работе была женщина Веселова Мария. Вот она, говорит, ходили к нему. (Ну старше меня!) (Да-да-да! — *Е.С.*) Мы ходили к Ефиму с подружкой. Когда, значит, на войну забрали всех. (У нас тоже всех забрали: и папу, и всех.) Мы ходили к нему узнать дальнейшую судьбу. Ну, пришли — он ничего не говорит. И они не спрашивают, зачем пришли. Он сам догадывался — такой был. Ну вот всего-навсего — двое их пришло — дал им две шишки еловых. Одной от молоденького дерева — молодую шишку, а другой — старую. Одной Марии, ну нашей работнице, дали старую шишку. Идут, хохочут. Ну, пешком надо было идти, может, километров восемь или больше. Идут и хохочут: ну чего он дал эти шишки? Чего нам: одной от молодого дерева, а другой — от старухи. Ну, она не то что уж старуха была, но старше. Ну а потом и узнали причину, почему. Одна вышла замуж за молодого, а другая — за старого. Вот та, которой-то старую шишку дали. Ну так и жила с ним до конца, пока не похоронила, со старым. (А потом она не вышла замуж за следующего? — *Е.С.*) Нет, она уже пожилая была тоже. У нас-то она на пенсии была, работала! (А вот эти две женщины — они были девушки ещё? — *Е.С.*) Конечно. <...> Потому что всех мужчин тогда уже более-менее забирали на фронт. Ну и ихних всех забрали: в деревне-то молодых вообще не было уж! Ну вот так и жила Мария наша со стариком. А та за молодого вышла. Шишечки-то как потребовались! (Да. — *Е.С.*) Они разгадали после этого, что вот такое дело»⁵⁷.

Другой пример условного восьмого сюжета, рассказанный самим главным героем — А.Г. Кудрявцевым, 1919 года рождения.

«Мать запричитала, как Ефим пришел:

— Погляди-ко, Ефимушко, пришел раненый Олешка-то с войны, а опять туда же просится! Что делать-то?

Я сидел на табуретке, Ефим обошел вокруг меня несколько раз и все приговаривал:

— Кусточки, пенечки... свои-то — лучше.

Мы, конечно, ничего не поняли. Он все время намеками говорил. Только потом, спустя какое-то время, поймешь, что к чему, А то сразу бы сказал: “Не езд, вернешся”. Так нет, так-то не сказал. Только после мы уж разгадали его слова. Как ни хорошо где-то, а свое-то, родное, все равно лучше: домой вернулся»⁵⁸.

Этот сюжет показывает убежденность Честнякова в том, что каждый человек должен принять неявное повеление судьбы и при принятии собственного решения

не рассчитывать на совет даже уважаемого человека, чтобы потом не сетовать на возможные ошибки и не упрекать себя или других людей в неверных подсказках и поступках. Каждый человек должен пройти собственный жизненный путь, не пытаясь предугадать все его извивы и зигзаги.

Третья версия условного восьмого сюжета о предвидении судьбы человека, возвращающегося с фронта еще до победы, представляет Честнякова провидцем, однако имеющим суровый характер:

«Женщина из Зеленина к Ефиму пришла, принесла пирог, еще чего-то. У нее дочь на фронте была, она и просится к Ефиму, в дверь стучится. А он вышел на крыльцо и гонит ее прочь:

— Иди, иди... Некогда мне. А это по дороге голодному подашь.

Заплакала женщина, что Ефим ее прогнал и ничего не принял.

Ворочается домой, в Зеленино, а как поднялась на горку, тут из-за поворота, из кустов, выходит девушка в шинели, дочь ее, которую ждала...

Обнялись расплакались, а первое, что дочь сказала:

— Мама, дай мне что-нибудь покушать»⁵⁹.

Записан второй вариант такого восьмого сюжета:

«Мама ходила к Ефиму (у нее умер тогда мальчик), он гнал ее домой, “тебя ждут”, хлеб велел домой нести, “первого голодного покормишь” — а в это время Валя шла (отпустили с фронта, мама рывкала на могиле, она как будто слышит голос мамы, встретила с дочкой, она и просит: “Мамонька, я так есть хочу” — вот как Ефим видел это?»⁶⁰

Известен третий вариант этого мемората, отличающийся временем и местом совершения событий — после победы и около кладбища:

«В войну у одной женщины дочка в армии была. Война кончилась, а дочка не вернулась: “Не тоскуй, не переживай, скоро должна притти”. Стала ему пирога давать. А он ей: “Не надо, у тебя голодной с час встретитца”. Пошла в Илешово через кладбище, там у её сын. Вдруг дочка идёт: “Ой, мамонька, я есть хочу”. Голодным-голодехонька»⁶¹.

Четвертая версия условного восьмого сюжета о предсказании судьбы человека во время войны касается нахождения в глубоком тылу, но оттуда тоже нет вестей:

«Марию <сестру> направили в школу ФЗО, в Горький. После окончания школы ФЗО она вышла замуж за военного, они уехали в Прибалтику. Шла война. Известий от Марии нет и нет. Я вся извелась: жива ли?

Пришел к нам Ефим, стал рисовать Катерину, а я к нему с вопросом:

— Фим, ну-ко, Манька-то все не пишет. Жива ли? Не знаю, что и думать.

Ничего не ответил на это Ефим. Порисовал, порисовал, стал собираться домой. Я опять к нему:

— Фим, жива ли хоть Манька-то?

Ефим опять ничего не ответил, а достал глиняную куколку, подает ее и говорит:

— На-ко, поводишь.

— Да неохота еще водиться-то,— говорю.

А он опять повторяет:

— Поводишь, поводишь.

С тем и ушел. А вскоре приехала Мария с четырехмесячной девочкой. Вот вам и предсказание Ефима»⁶².

Еще один вариант восьмого сюжета с «глинянками» (в данном случае — свистульками), которые были использованы как дар и символизировали собой благу

весть для женщины: художник подарил ей две свистульки, и они оказались пророчеством рождения еще двух дочерей после войны, когда муж вернулся с фронта⁶³.

Закономерно, что в позитивных версиях разных сюжетных типов меморатов тоже используются «глинянки», но без их разрушения и с другими игровыми функциями, иногда даже с дарением их, поскольку предвещается возвращение невредимого человека с фронта и рождение детей.

Записана и опубликована еще одна версия условного восьмого сюжета — о перемещении уже не отдельных людей, но целых народов в связи с военными событиями, и такое переселение предсказал Честняков:

«Это было в июле 1944 или 1945 года. Пришел к нам однажды Ефим Васильевич, говорит:

— Скворцы прилетели. Скворечники надо строить.

Мы недоумевали — какие скворцы в июле? Погадали, погадали, что бы это значило, и забыли.

А через две недели на химзавод привезли репрессированных татар. Где поселять-то? И начали они своими силами шалаши да домики за оврагом строить — скворечники, значит»⁶⁴.

Девятый сюжет меморатов о Честнякове демонстрирует прекрасное знание детской психологии, свойства ребенка воспринимать игрушечный мир как реальный, а в игре воспроизводить действительные жизненные ситуации — в том числе трагические, обусловленные войной. Например, в 2015 г. нами записан такой меморат:

«Конечно, он к нам приходит, приносит всяких игрушек — этих кукол всяких налепит из глины, и поставит всё это где-нибудь на завалину вот. Ну, у дома завалина. На завалину расставит всё вот так по доскам-то, и вот показывают: это — это, это — это. “Вот видите? Он и ногу потерял. Без ноги стоит”. Вот. (Это про какую-нибудь глиняную игрушку, да? — Е.С.) Да. Да. Да-да, про глиняную. Глиняные, из глины всё у него было настряпано! Вот. И отколь ни возьми, лук вытащит нам. “Вот теперь садитесь коло него и кушайте, и его кормите”»⁶⁵. Этот горестный сюжет в своем сообщении дважды представила рассказчица, очевидно, сильно сочувствовавшая одноному мужчине, послужившему прототипом глиняной скульптурке: «Вот расставит, я говорю, и что, по завалине-то, и вот рассказывал. Уж я сейчас забыла, что рассказывал, конечно. Да ногу-то — вот сказал: “Вот видишь, нога-то у его, нет у его ноги-то, нету”»⁶⁶.

Десятый сюжет меморатов о Честнякове и войне представлен текстом о демонстрации художником картины с «говорящим» названием: «Зимой 1945 года Ефим Васильевич наряду с другими картинами показал мне картину “Мир”. Я заплакала. У меня не было сомнений в том, что картина показана не случайно, скоро кончится война»⁶⁷.

Заметим, что постоянные приходы людей из соседних деревень к Честнякову за пророчествами были опасны для художника: могли навлечь на него подозрение местных властей в незаконной деятельности. Этим отчасти объясняется суровость Честнякова по отношению к приходящим крестьянкам, его первоначальное молчание и проговаривание слов ободрения уже вдогонку уходящей женщине. Так он пытался снять с себя возможные обвинения в запретных занятиях.

Однако имеются сведения, наоборот, о создавшемся благоприятном отношении председателя колхоза к Честнякову после войны — очевидно, помня о его заслугах в сохранении психологического здоровья односельчан: «После Великой Отечественной войны отношение к художнику изменилось: преследования прекратились, к

нему стали относиться уважительнее. Когда колхоз экономически поокреп, ему стали снова оказывать самую необходимую помощь, обеспечивать дровами и картофелем. Шабловские приносили молоко»⁶⁸.

У Е.В. Честнякова вроде бы нет словесных художественных произведений, в которых отобразились бы военные события (или пока такие тексты не найдены и не обнаружены). Интересно другое: самым известным и любимым народом сюжетом в его творчестве является сюжет о волшебном (чудесном, щедром) яблоке. Этот сюжет представлен в сказке «Чудесный яблочко» (авторское название) 1914 г. (в преддверии Первой мировой войны) и в картине с условным названием «Щедрое яблочко». Образ яблока встречается в народных волшебных сказках, свадебных песнях, а также в изображении рая в церковной книжности и иконописи, что, безусловно, было известно Честнякову с детства. Фольклорный и народно-христианский сюжет переосмыслен и творчески переработан Честняковым, а само яблоко является редким, почти экзотическим плодом для Кологривского р-на с его суровым климатом и заповедной тайгой. Яблочных садов при жизни Честнякова не было на его «малой родине». Художник рассказывал учителю А.Г. Громову о том, как иногда женщины мечтают вкусить реальное яблоко и с его помощью излечиться, или просто насладиться прекрасным вкусом⁶⁹.

В нашей экспедиции 2015 г. нас поразил рассказ местной жительницы о том, как спустя многие десятилетия поисковики Северо-Запада России обнаружили могилу ее отца, сообщили об этом и пригласили на перезахоронение. Дочь с матерью поехали туда, их торжественно встретили, предоставили ночлег в детском доме, всячески заботились, щедро угощали и на дорогу предложили разную вкусную еду. Однако мать согласилась взять только яблоки, которые поразили ее своим ароматом и спелостью. В трудном обратном пути мать случайно рассыпала яблоки и, чуть не плача и опасаясь опоздать на поезд, стала подбирать их; к сожалению, успела поднять далеко не все. Вернувшись в деревню, мать разрешила каждое яблоко на четыре части и обнесла всех жителей такими гостинцами, прося помянуть погибшего супруга⁷⁰.

Помимо сугубо фольклорных мемуаров о Честнякове жители Кологривского района сохранили память о нем как о тонком ценителе высокохудожественных и правдивых произведений о Великой Отечественной войне:

«Мы с ним в соседях жили. Ещё война не кончилась, а вышла книга Твардовского “Василий Тёркин”. Ещё война не кончилась. И вдруг он — ну, мне было, наверно, 12—13-ть лет, значит, ну, пацан ещё я был! Чего?! Учился, я не знаю, в 6-ом, может, в 5-ом классе. Приносит вот эту книжечку: “Талька! — говорит. — Вот прочитай!” Мне, пацану: я сейчас-то понимаю — как он так! Мне, пацану, значит, приносит эту книжечку: “Вот, — говорит, — почитай, — говорит, — эту книжечку! Никто так ещё, никто так не писал о солдате! С такой доброй, с таким добрым юмором, с такой доброй жалостью! Очень, — говорит, — хорошая книжка!” В общем, он отнёсся очень хорошо»⁷¹.

Также имеются воспоминания о реальной помощи Честнякова фронту, о его организационной работе с ребятишками:

«Бывало, собирал мальчиков и говорил им, что надо помогать фронту. С подростками ходил собирать лекарственные растения, учил, показывал нужные растения, рассказывал об их пользе. И я с ним ходила за травками. Собранные растения он сам относил в Кологрив, сдавал в аптеку. Там ему предлагали деньги в оплату лекарственного сырья. Он никогда не брал, отказывался, сердился:

— Это не моя работа, это дети собрали...»⁷²

Возникает вопрос: служил ли Честняков в армии (естественно, не в 1941—1945 годы, когда ему было около 70-ти лет, а в юности)? Сведений о призыве Чест-

няка на действительную службу нет. Полученное учительское образование (в Новинской учительской школе) и работа учителем в Костромской губернии в школах разного типа освобождали его от службы в армии (согласно действовавшему тогда законодательству). Однако сохранились мемораты о том, будто бы сам Честняков вспоминал о своей армейской стезе, что было особенно актуально в военную пору:

«В течение всего летнего дня, что я была у Ефима Васильевича, он несколько раз озабоченно говорил:

— Письмо бы надо опустить. Вот дурачье-то — на мертвячий голос орут, когда армию провозжают. Вот я уходил. Посмотрел в одну сторону, посмотрел в другую... взял мешочек, прослезился и пошел. И, смотри-ка, счастливо домой пришел.

Смысл этих слов я полностью поняла только тогда, когда, вернувшись из Шаблова в свою деревню, я получила письмо от мужа, в котором он сообщал, что броня снята, он отправляется на фронт»⁷³.

Этот меморат ценен тем, что в нем прослеживается символическое указание художника о необходимом нормативном поведении при проходах в армию даже в чрезвычайно опасную военную пору. Честняков специально примерил на себя ситуацию призыва в армию, которой, вероятно, не было в его реальной жизни, но которая являлась типичной и могла бы произойти с ним, как с любым крестьянским парнем.

Показательно, что Великая Отечественная война оказалась наивысшей точкой напряжения жизненных сил всех россиян, живших в ту эпоху, в том числе уроженцев Кологривского района и Е.В. Честнякова. На это указывает то обстоятельство, что местные жители начинают свои устные воспоминания о художнике по преимуществу с одного из двух важных моментов: 1) о приходе Честнякова с тележкой с «глинянками» и устраивании кукольного представления на храмовый праздник; 2) об особенном поведении художника во время войны, что ощущается даже в повествованиях спустя многие десятилетия после ее окончания.

О восприятии Великой Отечественной войны как главного нравственного мерила в жизни каждого человека свидетельствует афористическая фраза Честнякова, донесенная до наших дней в меморате о нем: «Он метлой гнав тех, которые выжидали робят, говорив: “Велика война была, а эта война боле”»⁷⁴. Речь идет об отношении Честнякова к женщинам, которые избавились от еще неродившихся детей: мотив выпроваживания метлой таких крестьянок является достаточно частотным для меморатов о художнике-провидце⁷⁵.

В итоге хотелось бы подчеркнуть: в экспедиции 2015 г. в Кологривский р-н Костромской обл. мы не ставили специальной задачи записывать многожанровый фольклор о Великой Отечественной войне. Региональный фольклор о Честнякове выдвинулся на первый план постепенно, оказавшись многочисленным и заняв достойное место среди устно-поэтических произведений другой, самой разнообразной тематики. А уже в фольклоре о Честнякове обнаружился большой пласт фольклорных произведений о Великой Отечественной войне, которые продолжают жить в памяти местных жителей спустя более семи десятилетий после войны.

Характерной особенностью многих меморатов о роли Честнякова в 1941–1945 гг. в жизни жителей Кологривского района оказалось сообщение местных носителей фольклора о сопровождении словесного текста художника разного рода произведениями искусства: 1) «глинянками» — «куколками», свистульками и масками; 2) картинами (в зависимости или нет от их исходного сюжета). Безусловно, применение собственных художественных творений характеризует фигуру художника, однако сам прием демонстрации какой-либо подручной атрибутики для утверждения

угадываемых неизвестных событий (уже произошедших вдали от места действия или только намеченных в будущем) не относится к уникальным. Наоборот, такой прием использования бытовых предметов в прогнозировании событий типичен для деятельности многих народных провидцев и местночтимых святых и изображен в мемуарах о них.

Другой разновидностью мемуаров о Честнякове, связанных с Великой Отечественной войной, являются словесные тексты, в которых главную роль играют символические формулы, дважды повторенные художником (часто сопровождаемые телодвижениями, мимикой и внедренные в короткие сценки) и разгаданные лишь позднее, когда предсказываемое событие свершилось. Это также типичная композиция мемуаров о провидцах.

Мемуары о Великой Отечественной войне наследуют многовековую традицию устной сказочной прозы, которая сформировала целый комплекс сюжетов военной и тыловой тематики, создала особую манеру повествования и стилистику подачи словесных текстов в сопровождении каких-либо подходящих подручных предметов. Сюжетные схемы мемуаров об общественной роли Честнякова в глубоком тылу в 1941–1945 гг. являют собой типологические модели, описывающие экстраординарное поведение особо одаренных личностей, как бы «посвященных» в неумолимые законы войны и мира, жизни и смерти, способных воспринять таинственные знаки еще неявного будущего и являющихся медиаторами между реальным крестьянским обществом и фронтовой полосой. В подобных мемуаратах легко вычленяется композиционно-фабульная канва, общая для многих устных прозаических историй о войне предшествующих исторических периодов и основанная на мифологических архетипах, фольклорном сознании с его религиозной составляющей, и в конечном счете — на народном менталитете.

- ¹ Громов А.Г. Воспоминания о Е.В. Честнякове // Честняков Е. Поэзия / Сост., вст. ст. Р.Е. Обухова. М.: Компьютерный аудит, 1999. Сер. Сокровища российские. С. 295, 298.
- ² Архив Центра народного творчества и туризма «Горница» в г. Кологрив. Папка «Воспоминания о Е.В. Честнякове» (далее — «Горница») — Осипова Зоя Ивановна, род. в д. Шаблово.
- ³ Записи автора. WS760496.wma — Голубцова Алевтина Николаевна, 82 г., учительница химии, род. в д. Морхино, живет в г. Кологрив, 30.08.2015, № 74.
- ⁴ Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. С. 122 — Кудрявцева Анна Ефимовна, 1924 г. р., д. Шаблово.
- ⁵ Пути в избáх. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове /Сост., автор предисл. и коммент. Р.Е. Обухов. М.: Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. С. 136.
- ⁶ Там же. С. 137.
- ⁷ Там же. С. 295, 299, 310–312, 314, 332, 334–335 и др. — Смирнова Мария Васильевна, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁸ Там же. С. 354 — Молчанова Анна Васильевна.
- ⁹ «Горница» — Смирнова М.В., эвакуированная в деревню Кологривского р-на из г. Ярославль.
- ¹⁰ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 120 — Орлова Валентина Ивановна, 1923 г. р., род. в д. Хапово.
- ¹¹ Записи автора. WS760485.wma — Лебедев Виталий Павлович, 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 28.08.2015. № 69.
- ¹² Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 118 — Смирнова Пелагея Яковлевна, г. Кологрив.
- ¹³ Там же. С. 118 — Смирнова П.Я., г. Кологрив.
- ¹⁴ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 113 — Беляева Мария Дмитриевна, 1905 г. р., род. в д. Денюгино, жила в д. Шаблово.
- ¹⁵ Записи автора. WS760498.wma — Серова Анна Гавриловна, 86 лет, родом из д. Спирино, живет в г. Кологрив 30.08.2015.
- ¹⁶ Записи автора. WS760447.wma — Репина Галина Васильевна, 1926 г. р., род. в д. Красный Октябрь, живет в г. Кологрив 22.08.2015.

- ¹⁷ «Горница» — Кудрявцева (дев. Долбакова) Наталья Васильевна, 1926 г. р., д. Хапово. Зап. Е.В. Ярыгина.
- ¹⁸ «Горница» — Веселова Мария Александровна, пос. Ужуга. Самозапись.
- ¹⁹ Записи автора. WS760485.wma — Лебедев В.П., 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 28.08.2015.
- ²⁰ Назарова А.Г. О Ефиме Честнякове. Экспедиционные записи — <http://cosmograph.ru/efim-chestnyakov-3702/> — время доступа: 15.03.2015.
- ²¹ Шангина И.И. Ефим Васильевич Честняков — святой человек кологривских крестьян // Живая старина. М., 1997. № 4. С. 26—30.
- ²² Записи автора. WS760486.wma — Лебедев В.П., 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 28.08.2015.
- ²³ Пути в изб́ах. С. 214.
- ²⁴ Там же. С. 175.
- ²⁵ Там же. С. 117—118 — Игнатъев В.Я., директор Костромского художественного музея-заповедника.
- ²⁶ Записи автора. WS760486.wma — Лебедев В.П., 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 28.08.2015.
- ²⁷ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 130 — Веселова Александра Александровна, 1931 г. р., род. в д. Бурдово.
- ²⁸ Там же. С. 129 — Голубева Анна Андреевна, 1918 г. р., род. в д. Хапово.
- ²⁹ Пути в изб́ах. С. 238 — Смирнов Николай Арсентьевич, 1929 г. р., д. Шаблово.
- ³⁰ Там же. С. 242 — Чистякова Нина Николаевна, 1931 г. р., д. Окатово.
- ³¹ Там же. С. 223 — Фролова Дина Васильевна, 1937 г. р., д. Окатово.
- ³² Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 119 — Орлова В.И., 1923 г. р., д. Хапово.
- ³³ Пути в изб́ах. С. 236 — Ярунина Клавдия Васильевна, 1932 г. р., род. в д. Хапово.
- ³⁴ «Горница» — Орлова Валентина Ивановна, 1923 г. р., род. в д. Хапово. Зап. Ф.А. Киселева в 2004 г.
- ³⁵ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 122 — Кудрявцева А.Е., 1924 г. р., д. Шаблово.
- ³⁶ Пути в изб́ах. С. 238 — Смирнов Николай Арсентьевич, 1929 г. р., д. Шаблово.
- ³⁷ Записи автора. WS760494.wma — Лебедев В.П., 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 20.08.2015.
- ³⁸ Записи автора. WS760450.wma — Сорокина Анна Павловна, 1929 г. р., родом из д. Михалёво, жила в д. Бурдово, живет в г. Кологрив, 22.08.2016.
- ³⁹ Пути в изб́ах. С. 249 — Шмелева Валентина Алексеевна, 1939 г. р., д. Хапово.
- ⁴⁰ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 118 — Смирнова П.Я., г. Кологрив.
- ⁴¹ Архив МПШ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ). Тетр. 1982. Эксп. 2. № 16. Опу́бл.: Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Хрестоматия: Для высших учебных заведений. М., 1998. (2001 — 2-е изд., 2002 — 3-е изд., 2003 — 4-е изд.).
- ⁴² Пути в изб́ах. С. 289 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁴³ Там же. С. 296—297 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово, 3 тетр. записей от нее.
- ⁴⁴ Там же. С. 249 — Шмелева В.А., 1939 г. р., д. Хапово.
- ⁴⁵ Там же. С. 243 — Н.Н. Чистякова, 1931 г. р., д. Окатово.
- ⁴⁶ Записи автора. WS760447.wma — Г.В. Репина, 1926 г. р., род. в д. Красный Октябрь, живет в г. Кологрив, 22.08.2015.
- ⁴⁷ Пути в изб́ах. С. 244 — Нечаева Валентина Дмитриевна, 1932 г. р., д. Тодино.
- ⁴⁸ Там же. С. 321 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁴⁹ «Горница» — Цветкова Серафима Николаевна, 1931 г. р., д. Шаблово. Зап. Ф.А. Киселева в 2004 г.
- ⁵⁰ «Горница» — Невзорова (дев. Крутикова) Екатерина Степановна, 1923 г. р., род. в д. Денюгино. Зап. Ф.А. Киселева в 2004 г.
- ⁵¹ Пути в изб́ах. С. 187 — Осипова Зоя Ивановна, род. в д. Шаблово.
- ⁵² Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 125 — Хватова Мария Васильевна, 1927 г. р., д. Хапово.
- ⁵³ Там же. С. 125—126 — Хватова М.В., 1927 г. р., д. Хапово.
- ⁵⁴ Записи автора. WS760498.wma — А.Г. Серова, 86 лет, родом из д. Спирино, живет в г. Кологрив, 30.08.2015.
- ⁵⁵ Пути в изб́ах. С. 261 — Бурдина Галина Васильевна, 1929 г. р., д. Суховерхово.
- ⁵⁶ Там же. С. 312—313 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁵⁷ Записи автора. WS760510.wma — Соколова Нина Михайловна, 1938 г. р., род. в д. Карпово Мантуровского р-на, ветеринарный врач, с 1967 г. живет в г. Кологрив, 01.09.2015.
- ⁵⁸ Пути в изб́ах. С. 197 — Кудрявцев Алексей Гаврилович, 1919 г. р.
- ⁵⁹ Там же. С. 242 — Киселева Валентина Константиновна, 1939 г. р., д. Шаблово.
- ⁶⁰ «Горница» — Е.С. Невзорова (дев. Крутикова), 1923 г. р., род. в д. Денюгино. Зап. Ф.А. Киселева в 2004 г.

- ⁶¹ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 122 — А.Е. Кудрявцева, 1924 г. р., д. Шаблово.
- ⁶² Пути в избáх. С. 240 — Бойцова Валентина Николаевна, 1915 г. р., д. Вонюх.
- ⁶³ См.: Пути в избáх. С. 290 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁶⁴ Пути в избáх. С. 233 — Некрасова Надежда Павловна, 1935, род. в г. Кологрив.
- ⁶⁵ Записи автора. WS760498.wma — А.Г. Серова, 86 лет, родом из д. Спирино, живет в г. Кологрив, 30.08.2015.
- ⁶⁶ Записи автора. WS760498.wma — А.Г. Серова, 86 лет, родом из д. Спирино, живет в г. Кологрив, 30.08.2015.
- ⁶⁷ Пути в избáх. С. 306 — М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁶⁸ Там же. С. 266 — Г.В. Бурдина, 1929 г. р., д. Суховерхово.
- ⁶⁹ См.: Громов А.Г. Указ. соч. С. 309—310.
- ⁷⁰ Записи автора. WS760424.wma — Арсеньева Александра Петровна, 1937 г. р., родители из Кологрива (или р-на?), род. в г. Горький, живет в д. Тодино Кологривского р-на, 19.08.2015.
- ⁷¹ Записи автора. WS760485.wma — В.П. Лебедев, 1931 г. р., род. в д. Шаблово, живет в г. Кологрив, 28.08.2015. Оpubл. статья: Лебедев В.П. Сделаем шаг к совершенству (Еще раз о Ефиме Васильевиче) // Кологривский край, 1997, 26 июня, № 72 (10555).
- ⁷² Пути в избáх. С. 262 — Г.В. Бурдина, 1929 г. р., д. Суховерхово.
- ⁷³ Там же. С. 289 — Смирнова М.В., 1910 г. р., г. Мантурово.
- ⁷⁴ Ганцовская Н.С. Указ. соч. С. 116 — М.Д. Беляева, 1905 г. р., род. в д. Денюгино, жила в д. Шаблово.
- ⁷⁵ См., напр.: Пути в избáх. С. 406 — Ткаченко Валентина Ивановна, 1920 г. р., д. Княгинино.

От Демьяна Бедного к Демьяну Боевому (по материалам ОР ИМЛИ РАН)

Демьян Бедный и Демьян Боевой — два псевдонима Ефима Алексеевича Придворова (1 [13] апреля 1883— 25 мая 1945). Появление первого связано, согласно канонической, закреплённой советскими биографами версии, с дядей Ефима, Демьяном, который был известен как человек правдивый и смелый. От бедности и нелегкой доли он ушел на заработки в донские края. Поскольку в этих скитаниях на протяжении двадцати лет он богатства не нажил, в деревне его стали называть “Демьяном-бедным”, и поэт в память об этом родственнике избрал себе такой псевдоним. Есть и другая (тоже вполне официальная) версия: в 1911 г. «Звезда» опубликовала стихотворение Ефима Придворова «О Демьяне Бедном, мужике вредном», и с тех пор его так и стали называть. Какое-то время он печатался в той же «Звезде» под двумя именами: одни стихи подписывал Ефим Придворов, другие — Демьян Бедный. Как вспоминал один из старейших сотрудников «Звезды» Н.Г. Полетаев: «Однажды, придя к нам в типографию, он принес небольшое, но очень звучное стихотворение с подписью “Демьян Бедный, мужик вредный”. Следующий его приход мы уже встретили возгласами “Демьян Бедный идет!”. Так эта кличка за ним осталась, а впоследствии он стал ею подписываться под своими произведениями»¹. Подписывал свои стихи и фельетоны он и другими именами: «Мужик Вредный», «Яким Нагой», «Иван Заводской», «Солдат Яшка», «Шило».

Демьян Боевой — псевдоним, которым поэт подписывал произведения, созданные в период Великой Отечественной войны. Семантика имени отсылает не только к теме посильного, литературного участия поэта в войне, она сигнализирует еще и появление нового Демьяна Бедного, усвоившего драматические уроки прошлого, признавшего свои ошибки и промахи, прошедшего через трагические для него 30-е гг.

К этому времени относятся опалы на писателя. Известно, что один из первых случаев разногласий с партией и Сталиным лично был связан со стихотворением «Слезай с печки» (1930 г). В нем усмотрели клевету на Россию и на крестьянство, которое в восприятии Демьяна оказывалось скованным ленью и совершенно непросвещенным. Следующая критика от Сталина связана с делом о Промпартии и написанным по следам процесса стихотворением «Без пощады». Сталин обвиняет в этом случае Демьяна в дискредитации СССР и советского пролетариата. Стихотворение строится как монтаж собственных текстов баснописца и цитат из «Сочинений Платона», изданных в русском переводе в 1863 г., из «Истории государства Российского» Карамзина, из «Памятников дипломатических сношений Московского государства с крымской и ногайской ордами», из книг официального историка СССР М.Н. Покровского, из сочинений Струве. О такой композиции И.В. Сталин ехидно заметил, что поэт запутался «между скучнейшими цитатами из сочинений Карамзина и не менее скучными изречениями из “Домостроя”»². Критике Сталина вторил и Луначарский. В 1931 г. он писал о поэте: «Иногда Д. Бедный увлекался и прошлое рисовал сплошной черной краской, сажей, а настоящее, наоборот, слишком светлым. Его упрекали: если бы прошлое наше было так темно, то из него не могло бы получиться настоящее. Каким чудом

оно получилось, если бы в нашем народе не было прогрессивной тенденции, если бы раньше наши рабочие не были проникнуты этой идеей?»³.

1931 г. также принес Демьяну Бедному серьезные огорчения. Его отклик на японское вторжение в Манчжурию — стихотворение «Что дальше» — с подачи Л.М. Кагановича было оценено вождем как критика внешней политики советского государства, и последовал новый виток опалы.

В годы «Большого террора», как кажется, поэт «исправился», он, как и прежде, откликается на постановления партии и правительства. Его стихи, потеряв в художественной точности, приобрели гневного пафоса и обличения. Перо Демьяна Бедного призывает жестоко уничтожать противников курса партии. Чего стоит, например, его стихотворение «Пощады нет!!», написанное в разгар кампании против Каменева и Зиновьева.

В 1936 г. последовал разгром спектакля Камерного театра «Богатыри», который был поставлен по либретто Демьяна Бедного. Летописная история Крещения Руси в духе исторической школы Покровского трактовалась поэтом саркастично и уничижительно. Владимир Красно Солнышко стал горьким пьяницей и дурачком, Рогнеда, его жена, обуреваема похотью, а первые три картины пьесы — это пробуждение богатырей и Владимира после пьянки, во время которой грек Анастас, опоив богатырей и князя, крестил их в греческую веру.

Очевидно, что в этой пьесе Демьян Бедный не осознал, как к 1936 г. изменилось время и страна. В ноябре VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов, приняв новую конституцию, отказался от принципиальных для предыдущей конституции (1924 г.) слов о том, что мир после Октябрьской революции разделится на два лагеря, вступивших в схватку друг с другом, и что завершится эта борьба победой СССР и созданием Мирового Союза Советских Социалистических Республик. «Утверждавшиеся в идеологии новые схемы (построение социализма в одной стране, отказа от идеи мировой революции, вождизма, доходящего до культа личности) требовали нового понимания отечественной истории, резко отличавшегося от тех воззрений, которые пропагандировались в 1920-х гг. От интернационализма к патриотизму и великодержавию, от критических оценок отечественного прошлого к его возвеличению — такой поворот проделывал официальный курс. <...> Среди историков в устной форме распространялся лозунг “Назад к Ключевскому!”»⁴.

Подобные изменения в официальной идеологии связаны и со значительно усложнившейся в этот период внешнеполитической ситуацией: нависает угроза войны, становится реальной возможность втянуть в нее СССР (ввод германских войск в Рейнскую область, оккупация Италией Эфиопии, гражданская война в Испании, складывание агрессивного блока Германии, Италии и Японии и т.д.). Страна на все это откликнулась новой волной патриотической и военно-исторической пропаганды. Демьян Бедный откликнулся политическим памфлетом на фашистскую Германию «Борись или умирай». Немецкий рабочий Конрад Роткемпфер, от чьего лица велось повествование, сравнивал фашистскую Германию с дантовым адом. Своей подписи Демьян Бедный под памфлетом не поставил, а подписался «Конрад Роткемпфер». 19 июля 1937 г. главный редактор «Правды» Л. Мехлис обратился к Сталину, Молотову и Ежову с письмом:

«Сегодня в редакцию “Правды” явился Демьян Бедный и принес мне поэму под названием “Борись или умирай”. Под заголовком поэмы подпись: “Конрад Роткемпфер. Перевод с немецкого”. В конце — перевел Демьян Бедный. В этой поэме ряд мест производит странное впечатление (эти места в прилагаемом экземпляре обведе-

ны красным карандашом). Особенно странными кажутся строки: “фашистский рай. Какая тема! Я прохожу среди фашистского эдема, где радость, солнце и цветы...”, а также строки: “Кому же верить? Словечко брякнешь невпопад, тебе на хвост насыплют соли”. И совсем странны строки заключительной части: “Родина моя, ты у распутья, Твое величие превращено в лоскутья”⁵.

Мехлис действительно цитирует очень смелые по тем временам строки Демьяна Бедного:

Я прохожу среди фашистского эдема,
Где радость, солнце и цветы.
Где над просторами цветущей ржи, пшеницы,
Перекликаются вечерние зарницы,
Где благоденствуют и люди, и скоты,
И птицы.
Чем не эдем?
Настало житие божественно-благое.
Поэты пишут так. Меж тем,
В народной глубине — там слышится другое...

А речи тайные послушать у народа —
Все получается как раз наоборот
Фашистский ад давно пора похерить!
Кому же верить?
Словечко вякнешь невпопад,
Тебе на хвост насыплют соли.
Фашистский рай — народный ад?
Так, что ли?

Здесь трудно не увидеть аллюзии на советскую действительность, описываемый поэтом картины благоденствия напоминают пропагандируемое государством «как хорошо в стране Советской жить», а слова «Словечко вякнешь невпопад, // Тебе на хвост насыплют соли» звучат в высшей степени автобиографично в контексте кампании по разгрому «Богатырей». Сталин, конечно же, все понял и ответил Мехлису:

«Тов. Мехлис!

На Ваш запрос о басне Демьяна “Борись иль умирай” отвечаю письмом на имя Демьяна, которое можете ему зачитать.

Новоявленному Данте, т.е. Конраду, то бишь... Демьяну Бедному.

Басня или поэма “Борись иль умирай”, по-моему, художественно-посредственная штука. Как критика фашизма, она бледна и неоригинальна. Как критика советского строя (не шутите!), она глупа, хотя и прозрачна.

Так как у нас (у советских людей) литературного хлама и так не мало, то едва ли стоит умножать залежи такого рода литературы еще одной басней, так сказать...»⁶.

Ночью в квартире поэта раздался телефонный звонок, и его срочно вызвали к главному редактору «Правды» Л.З. Мехлису. Сын поэта об этой истории вспоминал: «Вернулся отец из “Правды” через два часа. Лицо его было серо-пепельного цвета, он тяжело дышал и от сухости во рту не мог разговаривать. Я налил ему стакан воды, и он, выпив его, стал отрезать кусок от лимона, лежавшего на столе. Смотрел отец куда-то вдаль, и я видел, как вместо лимона он режет свой палец. Боли он не чув-

ствовал»⁷. Как выяснилось, Мехлис заставил долго ждать в приемной, потом сухо встретил поэта и протянул ему его рукопись стихотворения с пометой Сталина «Передайте этому новоявленному «Данте», что он может перестать писать». После этого Демьяна перестали печатать.

Но довольно быстро бывший кремлевский баснописец одумался и вернулся в литературу во время Великой Отечественной войны уже как Демьян Боевой. Кардинально изменилось его понимание истории: в героических деяниях давно прошедших лет он видит теперь залог нынешних побед советского народа. В стихотворении «Героическая памятка» поэт пишет:

Фашистам русские уроки
Изрядно следует учесть.
Об Александре Невском строки
У самого у Маркса есть

В стихотворении «Помянем, братья, старину» поэт, вспоминая Куликовскую битву, воодушевляет солдат сражаться на Дону с фашистскими войсками; в стихотворении «Над Харьковом взвилось родное наше знамя» он говорит о Березине, об Отечественной войне 1812 г.; о преданиях Чудского озера он рассказывает освободителям Пскова. Отказавшись от исторических представлений М.Н. Покровского, которые легли в основу его «Богатырей», он теперь воспевае героев былинного эпоса, восторгается их мудростью и непобедимостью, пишет об их любви к своей родине. Образ воина-богатыря присутствует теперь в ряде произведений поэта («Богатырская переправа» и др.). А одно из последних стихотворений Д. Бедного, написанное им в конце Отечественной войны и незадолго до смерти, называется «Русь», и в нем звучит своего рода обобщенный взгляд поэта на историю страны:

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг, и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.

¹ Полетаев Н. «Звезда» // Октябрь. 1928. № 5. С. 104.

² Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 25.

³ Луначарский А.В. Художник народных масс // Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 40.

⁴ Дубровский А.М. Как Демьян Бедный идеологическую ошибку совершил // Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков. Брянск, 1996. С. 147—148.

⁵ Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 гг. М., 2005. С.476.

⁶ Там же. С. 476—477.

⁷ Придворов Д. Об отце // Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966. С. 222.

Секция 2:
Академия наук
и Великая Отечественная
война

«В эти грозные дни надо было быть вместе». Письма академика Б.Д. Грекова. 1941 – 1944 гг.

В августе 1941 г. Б.Д. Греков¹ с женой и сыном эвакуировались в Казань². Обязанности Б.Д. Грекова, как директора Института истории Академии наук СССР, в Москве стала исполнять А.М. Панкратова³, позже также переехавшая в Казань. 23 октября 1941 г. она выехала в Алма-Ату, для выяснения вопроса о возможности размещения там сотрудников. Новым местом эвакуации для большинства историков, однако, стала не Алма-Ата, а Ташкент, куда Борис Дмитриевич с семьей переехали с «огромным трудом»⁴.

В Ташкенте, с которым Б.Д. Греков связывал и для себя, и для своих сотрудников надежду на благоприятные условия для научной деятельности, он возглавил работу по созданию истории Узбекистана — основного дела, которое «объединяло загнанных в Ташкент общей бедой историков»⁵. В этот же период Б.Д. Грековым были написаны и опубликованы работы, призванные «предоставить идеологическое обоснование борьбе против фашизма, поддерживать и воспитывать патриотические чувства у граждан воюющей страны»⁶. Одновременно он пытался «обдумывать и конструировать мысленно» свою будущую книгу «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века»⁷.

30 декабря 1942 г. Б.Д. Греков был назначен уполномоченным Президиума Академии наук СССР в Ташкенте⁸, а в июне 1943 г. он вернулся в Москву.

В казанский и ташкентский периоды эвакуации и, затем, по возвращению в Москву, Б.Д. Греков вел переписку со своими коллегами-историками: С.В. Бахрушиным⁹, И.У. Будовницем¹⁰, Б.Б. Кафенгаузом¹¹, В.И. Пичетой¹², А.Л. Сидоровым¹³, М.Н. Тихомировым¹⁴, В.И. Шунковым¹⁵, А.И. Яковлевым¹⁶. Сохранились письма Б.Д. Грекова военных лет, адресованные академику В.Л. Комарову¹⁷ и Ю.П. Францову¹⁸. Все эти документы находятся в Архиве Российской академии наук (РАН) и в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Только некоторые из них были частично опубликованы: фрагменты писем Б.Д. Грекова к М.Н. Тихомирову были использованы Е.В. Чистяковой при подготовке монографии о Тихомирове¹⁹.

Письма Б.Д. Грекова к своим корреспондентам полны не только деталями обсуждения научных планов, что само по себе представляет ценность, но и подробностями быта военного времени. К сожалению, опубликовать взаимную переписку не представляется возможным из-за отсутствия на хранении в архивах России личного фонда академика Б.Д. Грекова.

Документы публикуются по автографам в соответствии с современными правилами правописания, при сохранении их стилистических особенностей. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

№ 1
С.В. Бахрушину

Казань. 12 августа 1941 г.

Дорогой Сергей Владимирович!

Не писал Вам, так как надеялся, что скоро увидимся; а что касается дел институтских, то я думал, что Вы все узнаете из моих нескольких писем, посланных в Ин[ститу]т А[нне] М[ихайловне]²⁰, П[елагее] К[узьминичне]²¹, Абр[аму] М[оисеевичу]²². Я сделал здесь все, что мне было поручено. Глубоко трогает меня отношение К[аза]ни к нам и в частности к историкам. Как радовались здесь возможности совместной работы! Особенно рассчитывали на Вашу помощь, как специалиста по Сибири и татарам²³. Жду возвращения О[тто] Ю[льевича]²⁴, который должен будет решить и мою судьбу, так как я не хочу оставаться в неопределенном положении. Как идет печатанье второго издания учебника²⁵, свою часть я успел отредактировать, а помочь Вам в дальнейшем не успел. Ни одного письма из И[нститута] не получил и совершенно ничего не знаю что там и как. Здесь в Университете и в Пед[агогическом] и[нститу]те работников по истории очень мало, слишком мало, и наша помощь была бы особенно ценна. Передайте привет от меня и Т[амары] М[ихайловны]²⁶ Вашей семье, особенно Вашей «Мамаше»²⁷, поцелуйте мальчика²⁸. Д[митрий] М[оисеевич]²⁹ чувствует себя «средне»: у него с желудком что-то не очень хорошо: очевидно перемена воды и пищи вообще. Будьте благополучны

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 59. Л. 2.

№ 2
Б.Б. Кафенгаузу

27 августа 1941 г.

Дорогой Борис Борисович!

К сожалению, в Казани никакой организованной группы историков нет. Стало быть, оформиться с работой тут невозможно. Просто приехать — не пропишут. Единственный путь — это договориться заранее с Университетом. Если он вызовет, тогда можно прописаться. Я пробовал поговорить об этом с Университетом, пока ничего определенного не выяснилось. Город очень переполнен. Знаю, что в других городах, где есть пед[агогические] вузы, историки устраиваются.

Шлю Вам привет

Б. Греков

АРАН. Ф. 1580. Оп. 4. Д. 69. Л. 1.

№ 3
А.И. Яковлеву

Казань. 21 сентября 1941 г.

Дорогой Алексей Иванович!

Перед отъездом не успел повидать Вас. Оторванный от И[нститу]та живу внутренней связью с друзьями. Тут Степан Борисов[ич]³⁰, Сергей Константинович³¹. Видимся часто, Вас вспоминаем постоянно. Работать тут трудно, но все-таки возможно. К Вам тоже будут обращаться специалисты по истории Поволжья.

Начались уже холода, дожди. Грустно и тоскливо. Тамара Мих[айловна] работает в лазарете очень много и усердно, Игорь³² в колхозе. Я по необходимости втянут в жизнь Университета. Тут есть ист[орический] фак[ультет], но сил совсем не достаточно. Считаю своим долгом помочь. Все мы шлем Вам, Ольге Петровне³³ и Вашей семье добрые пожелания, прежде всего здоровья.

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.

№ 4
С.В. Бахрушину

[Казань]. 3 октября 1941 г.

Дорогой Сергей Владимирович!

Давно не писал Вам ничего, а сейчас такой хороший случай (едет А.Д. Удальцов³⁴) и я спешу, прежде всего, от себя, Тамары Михайловны и Игоря передать Вам привет и пожелания. Живем, как можем жить в наших условиях, но жаловаться ни на что не можем. Другие наши товарищи, приехавшие позже нас, устроились хуже. Особенно жаль Степана Борисовича. Он с семьей живет в проходной комнате, кроме того, у него больна дочь (желтухой), сам он тоже не крепок. С.К. Богоявленский устроился лучше. Комната хорошая. Он и его жена³⁵ бодры и здоровы.

Понемножку работаю над «Крестьянами»³⁶. Сейчас занят историографическим очерком. Скоро приду к сути. Не хватает многих книг и моих собственных рукописей, которые лежат до сих пор в И[нститу]те. Часто, собственно каждый день, вспоминаем Б[ольшую] Калужскую, наш дом и Вас с Вашей семьей. Я лично до сих пор нахожусь под впечатлением Вашего мальчика и Елизаветы Сергеевны. Тянет к Вам, но сейчас трудно вырваться: по крайней мере, семестр мне придется тут поработать.

Рад, что «Истор[ические] записки»³⁷ попали к Вам, т.е. в хорошие работающие руки. Приятно вспомнить о совместной с Вами работе. Мы сумели работать так, что от этого трудового объединения получались неплохие результаты. Как теперь с «Диплом[атическим] словарем»³⁸ дело? Нужно ли мне писать что-ниб[удь] или не нужно? О бытовой стороне жизни на Б. Калужской рассказывал А.Д. Удальцов. представляю себе лифт, Дуню, квартиру Трахтенберга³⁹, котельную (за ненадобностью упраздненную) и пр[очее] и пр[очее]...

От души желаю Вам бодрости, здоровья, успехов в работе. Черкните, когда будет минутка свободная. Мы тут радуемся письмам из Москвы как лучу солнца среди ненастья.

[Б. Греков]

АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 59. Л. 3.

№ 5 А.И. Яковлеву

Казань. 13 октября 1941 г.

Дорогой Алексей Иванович!

Порадовали меня Вы сильно своим письмом, самым фактом его присылки. Не поверите, как тяжело без близких людей, а сейчас особенно, когда я с каждым днем все больше и больше ощущаю сожаление, что не с Вами. В эти грозные дни надо было быть вместе. Все это вышло не так, как я имел основание предполагать. Радуюсь за Вас, за Ваше бодрое настроение и огорчен Вашими припадками. В Москве я как-то мало использовал возможность общаться с друзьями: все времени не было, а сейчас, что бы я дал за 5 минут сиденья в Вашей столовой за кислыми шами (я их всегда вспоминаю) и рюмочкой водки. Вас здесь вспоминаем каждый день. Тат[арский] науч[но]-иссл[едовательский] ин[ститу]т⁴⁰ твердит о Вас постоянно. Н.В. Никольский⁴¹, с которым я тут познакомился, о Вас много говорит при встречах. Черепнин⁴² тут бы пригодился очень, но ведь не пропишут: сейчас тут никого не прописывают, кроме организованно эвакуированных или по командировке. Его ищет Тат[арский] ин[ститу]т, так как у него с ним договор заключен.

Пишет ли он свою статью для истории Татарии⁴³? В архиве я на вс[який] случай спрошу. М[ожет] б[ыть] его вызовут они сами. Это было бы хорошо. Черепнин проф[ессиональный] работник и талантливый историк.

Ольге Пет[ровне] привет от меня и Т[амары] М[ихайловны]. Игорь в колхозе уже вторично, не считая Москвы. Дм[итрий] Моис[еевич] ничего себе живет, здоров. Богдаевские, милейшие люди, живут скромно и не жалуется. Все наши здоровы: Ст[епан] Бор[исович] работает в двух вузах.

Крепко жму Вашу руку. Будьте здоровы!

[Б. Греков]

АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 338. Л. 7.

№ 6 В.И. Пичете

Казань. 23 октября 1941 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Узнал, что Вы в Ташкенте. Очень хочется мне быть с Вами вместе, но И[нститу]т наш направляют в Алма-Ату. Конечно, это не скверно. Но мне свою работу о крестья-

нах без книг написать не придется. Академики, согласно разъяснению О.Ю. Шмидта, могут жить, где им удобнее в науч[ном] отношении. Я, стало быть, имею право на Ташкент, но меня смущает обстановка. Найду ли я там комнату метров в 12 (нам хватит на троих). Если бы это оказалось возможным, я бы немедленно прибыл к Вам. Александре Петровне⁴⁴ привет от меня и Там[ары] Михайловны. Отсюда мы уедем, очевидно, скоро. Сегодня едет в Алма-Ату А.М. Панкратова на разведки. Пришлет она телеграмму, и мы отсюда тронемся. Институтская публика прибывает сюда по частям. Уже 23 человек[а]. Сегодня придут еще.

Будьте здоровы.

Ваш Б. Греков

Ответить мне можно либо телеграммой сюда, либо письмом в Алма-Ату.

АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 71. Л. 1 об.

№ 7 С.В. Бахрушину

Казань. 23 октября 1941 г.

Дорогой Сергей Владимирович!

Узнал я о том, что Вы в Ташкенте. Мне оч[ень] хотелось бы очутиться вместе с Вами, но И[нститу]т наш отправляют в Алма-Ату. Мне хотелось бы немножко поработать, закончить свою работу о крестьянах. В Ташкенте это возможно, в Алма-Ате, думаю, что нет.

Пишу Юр[ию] Влад[имировичу]⁴⁵, прошу его ответить мне, в какой мере мне можно было бы приютиться в Ташкенте. У Там[ары] Мих[айловны] есть родственники, которых она, правда, давно потеряла из вида.

Стоксовался я по всем Вам, и мне было бы очень приятно снова быть с Вами всеми.

Шлю привет, Тамара Мих[айловна] кланяется.

Ваш Б. Греков.

М[оже]т б[ыть] можно было бы весь Ин[ститу]т устроить в Ташкенте? Для Ин[ститу]та это было бы лучше, чем Алма-Ата.

АРАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 59. Л. 1.

№ 8 М.Н. Тихомирову

[Ташкент]. 8 января 1942 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Мы, божиею милостию Борис I, со своим синклитом постановили считать Вас в штате И[нститу]та истории и дать Вам временный отпуск. Стало быть, если Вы захотите, приезжайте. Вам обеспечена зар[аботная] плата, хорошая столовая, распределитель. Если Вы мне телеграфируете, то и комнату Вам найду. Она, собственно, есть у чл[ена]-корр[еспондента] А[кадемии] н[аук] М.С. Андреева⁴⁶, в его собств[енном]

доме и саду, его трудами посаженном. Я ему так и сказал, но нет у меня уверенности в Вашем приезде. Если же Вы найдете для себя более удобным оставаться там, то вспомните о своем ученике Игоре, который остался без пастыря. Занимается мы-ками⁴⁷ и ждет Вашего руководства. Не зная, что в Ашхабаде у[ниверсите]т «открылся», он поступил в Ташкентский у[ниверсите]т, но это, конечно, не то: отрываться от своей alma mater и своих руководителей грустно. Он это всем существом чувствует. Что тут можно сделать? Нельзя ли его восстановить в числе студентов III курса Моск[овского] у[ниверсите]та, а окончить именно Моск[овский] у[ниверсите]т ему бы хотелось. Самое же главное — руководство. Здесь история России представлена людьми, его совсем не знающими.

Он начал собирать материал по истории слобод и рядков XV—XVI вв. Это по моей инициативе. Тема интересная, но я его руководителем быть не хочу: мне не удобно. Если бы Вы ему что-нибудь поручили, было бы другое дело. Домашнее руководство он не оч[ень] признает в качестве императива. Продолжает он и свою Ганзу после семинара у Стоклицкой⁴⁸, но уже по новгородскому материалу.

Нам бы очень хотелось Вас тут видеть. Это не мое только личное мнение, а всего коллектива. Подумайте и телеграфируйте, чтобы я мог подготовить «быт».

Будьте здоровы. Тамара Мих[айловна] хочет Вам приписать.

Тут Сыромятников⁴⁹. Я ему пожимал руку, но должен сознаться без всякого удовольствия, и совсем не потому, что он со мною не согласен, а п[отому], что он вел себя «не хорошо», даже очень.

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 195. Л. 1—1 об.

№ 9 М.Н. Тихомирову

[Ташкент. 17 января] 1942 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Сейчас Вы уже получили мое письмо первое. Пишу Вам по получении Вашего. Прежде всего, конечно, возможно оставить Вас на ½ ставки или же дать отпуск без сохранения содержания (в зависимости от бюджетных соображений). Можно и поручение Вам дать. Но можно и здесь Вас устроить на полной ставке. Смущает меня одно: Вы пишете, что там уже прилично устроились. Здесь Вы тоже устроитесь прилично, но некоторое время до устройства придется немножко пострадать в смысле жилья. Заранее комнату для Вас приготовить трудно (хотя я попробовать могу), а комната, о которой я писал Вам, по-видимому, уже занята. Приехали вчера Валк⁵⁰, Романов⁵¹ и Предтеченский⁵². Вероятно ленинградцы начнут появляться. Работу тут организовать хорошую можно: собрались настоящие люди. Но так как в настоящее время я считаю самым главным сохранить кадры, и создал для этого условия, то просто боюсь настаивать на Вашем переезде сюда, несмотря на то, что видеть Вас тут было бы приятно не только мне, но и всем нашим товарищам по И[нститу]ту.

Теперь об Игоре. Он, не зная, что будет организован Московский университет, поступил в Ташкентский. А это значит, что во-первых переменялась вся обстановка учебная с явной невыгодой для Игоря, во-вторых это значит, что по окончании он поступает в распоряжение узб[екского] Наркомпроса, т[о] е[сть] будет отослан

в какой-нибудь кишлак. А между тем Игорь способен к научной работе, любит это дело, и мог бы быть полезен в каком-нибудь другом месте, чем в кишлаке среди народа, языка которого он не знает. Вот почему я и хочу обратиться к Вам с повторной просьбой. Нельзя ли его причислить к Московскому университету снова. Экзамены, которые он сдает, ведь это не минус и не препятствие.

Ну еще о Тамаре Михайловне. Она очень недовольна тем, что я заболел: у меня невралгия межреберная. Боль адская. Не могу спать и не даю другим.

Будьте здоровы. Самое лучшее Вам приехать самому на разведку.

Вы бы тут все сами увидели и взвесили.

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 195. Л. 2—3.

№ 10 В.И. Шункову

Ташкент. 9 февраля [1942 г.]

Дорогой Виктор Иванович!

Очень обрадовался Вашему письму, писанному 1 янв[аря] и полученному мною сегодня 9 февраля.

Рад слышать Ваш голос. Стало быть, Вы здоровы. А мне бы хотелось, чтобы Вы были бодры и здоровы всегда. И я вспоминаю постоянно Вас. Не только работать с Вами было приятно, но и встречаться с Вами, как с человеком. Верю, что мы с Вами встретимся и еще поработаем вместе. Хочется быть на Вашей докторской диссертации. Наш (и Ваш конечно) Институт устроился в Ташкенте хорошо. Единственное, что мешает нам работать полным темпом, — это отсутствие в достаточном количестве книг, без которых нам довести до конца свои книги и статьи невозможно. За исключением работ посвященных Средней Азии. По этому предмету все есть.

План немножко приспособили мы к среднеазиатским условиям. Сверх плана приступили к писанию историко-терминологического словаря⁵³, пользуясь «Материалами» Кочина⁵⁴. Я лично начал было писать книгу о крестьянах, но вижу, что можно сделать тут немного. Тут совсем нет, например, никаких «Актов»⁵⁵, а без них мне, конечно, немисливо писать что-либо.

Написал книжонку листа в 4 на тему «Борьба Руси за создание своего государства»⁵⁶. Если напечатают, непременно пришлю Вам. Поручили мне продолжить книжку о Золотой Орде⁵⁷ («Распад Золотой Орды»⁵⁸), которую мы должны сделать вместе с А.Ю. Якубовским⁵⁹, но нет здесь «Собр[ания] гос[ударственных] гр[амот] и договоров»⁶⁰. Опять загвоздка.

Хочу писать брошюру о первом русском историке⁶¹ и его труде, т.е. об авторе «Повести временных лет», так как мне кажется, нет у нас специальной работы, подчеркивающей огромную заслугу этого человека перед нашей страной. Летопись под руками. Ну а остальное уже не столь важно.

Из Ленинграда здесь Валк, Предтеченский и Романов. Работают хорошо, как подобает ленинградцам. Это совсем не значит, что москвичи не работают, но во-первых не все, а во-вторых в Ленинграде уже такой рабочий дух завелся, вероятно, от Петра⁶², чего в Москве меньше.

Ташкент — город хороший. Климат очень обманчивый. Теплая зима, но сырая и зловредная. Я схватил тут межреберную невралгию и ревматизм.

Еще раз желаю Вам здоровья. Крепко Вас обнимаю и целую.

Ваш Б. Греков

Тамара Михайловна и Игорь шлют Вам привет и добрые пожелания. Игорь больше работает по колхозам, чем в Университете.

АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 356. Л. 2—3 об.

№ 11 М.Н. Тихомирову

[Ташкент. Март 1942 г.]

Дорогой Михаил Николаевич!

Большое Вам спасибо за хлопоты об Игоре. Он посылает свое заявление, и я написал письмо С.Д. Сказкину⁶³.

Вам послана выписка из постановления дирекции, состоявшегося в присутствии А.М. Панкратовой. Если Вы не сможете к 15 марта к нам заехать, черкните, и мы примем другое решение. Кроме Вашей заявленной работы Вы можете принять участие и в др[угой] работе по составлению Историко-терминологического словаря, к которому мы приступили. С.Н. Валк, взявшийся за дело очень охотно и даже горячо, пришлет Вам термины, еще не разобранные здесь. Впрочем, и сами Вы можете сделать заявку. Мы пока пишем по Кочину от А до Д (включительно). Это будет первый том. Принимают участие в деле: Валк, Ларин⁶⁴, Бахрушин, Веселовский, Богоявленский, Романов, Сыромятников, Готье, Пичета и я. Очень хорошо было бы, если в этом букете Вы тоже нашли себе место. Так что все будет сделано, как Вы пишете в своем письме. А.М. Деборин пишет, что наши многотомники⁶⁵ сейчас еще более необходимы, чем раньше. Его ipso⁶⁶ надо редактировать, а я всегда считал, что у Вас редакторский глаз острее, острее чем у многих из нас. Стало быть, и тут будет работа, которую можно выполнять сидя в Ашхабаде. Если бы Вы смогли появиться тут весной, когда станет жарко и вонь пойдет на убыль, все эти проблемы мы бы разрешили в два счета. На всякий случай *немедленно* сделайте заявку на термины и *напишите заявление о своем желании работать по словарю*. Это будет повод для нового рассмотрения о Вашей нагрузке. Лучше всего берите термины наиболее Вам близкие по Русской Правде, либо по летописи; во вс[яком] случае, из Киевской Руси и ранней Московской. «Грамоты» берет Валк. «Вече» предполагаю я, хотя Сыромятников тоже сделал заявку. Есть ли у Вас там словарь Кочина? Если нет, мы сами выпишем Вам слова. Базар, баскак, безадщина, бирич etc... Это я к примеру.

С С.Н. Валком я уже говорил, и он обещал Вам написать. Т[амара] М[ихайловна] Вам кланяется. Игорь не только благодарит. Он воскрешен. Только книг тут мало для всяких тем (кроме ср[едне]азиатских).

До свидания. Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 195. Л. 4—4 об.

№ 12
В.И. Шункову

[Ташкент], ул. Папанина, 17. 19 апреля 1942 г.

Дорогой Виктор Иванович!

Радостно получать от Вас, участника спасения нашей Родины, вести оттуда, где решается наша судьба. Спасибо Вам за память. Живем мы тут скромно, стараемся работать и действительно работаем, только не так, как могли бы: недостаток в книгах не позволяет дело делать так, как нужно. План наш большой и содержательный, но не знаю, доведем ли мы до конца все наши начинания.

Моя работа о крестьянах находится в таком же положении: кой-что движется вперед, но и останавливается очень часто, из-за отсутствия возможности навести необходимую справку. Написал я тут статью в 2 п[ечатных] листа «Обществ[енный] и политический строй Булгарского ханства»⁶⁷. Это для Казани по обещанию, мною данному. Новое издание «Киевской Руси»⁶⁸, расширенное не менее чем в 1 ½ раза, застопорилось, по видимому. «На заре русской государственности»⁶⁹ сдано в производство, но когда будет выпущено, не известно. Тут я пытаюсь решить вопрос о периоде военной демократии и начале государственной жизни у славян и, в частности, у восточных. Недавно начал читать спец[иальный] курс в Ср[едне]аз[иатском] университете по истории крестьян.

С знаменитой «Летописью Вел[икой] Окт[ябрьской] рев[олюции]»⁷⁰, ведущейся уже 10 лет, настоящий провал. Оказывается, что и Баевский⁷¹ и Черномордик⁷² либо не умели заметить ошибок, либо не читали написанного. Только сейчас перед сдачей в издательство тома по [19]17 году Валк обнаружил безграмотность тома. Конечно, о выпуске всего тома говорить уже не приходится к ноябрю. Хорошо было бы, если бы мы сумели отработать хотя бы два месяца, особенно важных.

Ваше письмо со статьей для стен[ной] газеты получено и встречено Вашими друзьями-товарищами с восторгом. Они все благодарят Вас за то, что Вы не забываете Института.

Я узнал из Вашего письма (не ко мне) о мотивах перевода Вашей семьи на аттестат. Даю Вам честное слово, Виктор Иванович, что Ин[ститу]т не повинен в неаккуратности высылки денег. Тут происходили либо задержки в банке, либо, что самое главное, медленность почтового сообщения. К сожалению, нам не раз приходится слышать об этих задержках, и я всегда навожу справки в бухгалтерии. Всегда оказывается, что в бухгалтерии полный порядок. Вы ведь знаете К.Н. Лебедева. Это аккуратнейший человек.

Тамара Михайловна шлет Вам привет. Я крепко Вас обнимаю и желаю здоровья.

Любящий Вас Б. Греков

АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 356. Л. 4–4 об.

№ 13
М.Н. Тихомирову

[Ташкент]. 20 апреля 1942 г.

Дорогой Михаил Николаевич!

Я Вас не забыл и не забываю никогда. А не пишу потому, что жизнь для меня приняла характер московской: заседаний больше, чем можно вместить, лекции (бесплатные), выступления торжественные, полуторжественные и не торжественные на

юбилеях, похоронах и...хотел прибавить свадьбах, но вспомнил, что только на свадьбах не приходилось выступать (п[отому], что свадеб не было у нас). «Песни, резвость всякий час»⁷³. Ну понятно и голова от этого всего кружиться.

Почему о деле не писал Вам? Потому, что ждал разрешения вопроса о сокращении. Сейчас с этой стороны все благополучно: Вы у нас пребываете в штате, и будете пребывать, как выяснилось сейчас. А последние месяца 1 ½ мы были под угрозой сокращения 22 человек (Шидловский⁷⁴ и Чудаков⁷⁵ присылали нам телеграмму за телеграммой). Мы принялись энергично за дело, и удалось убедить кого следует, что устройство нового Института по ист[ории] Отеч[ественной] войны с Минцем⁷⁶ во главе не должно быть за наш счет⁷⁷. Пока выяснялся вопрос, я не хотел зря Вас тревожить. Все окончилось хорошо.

Со словарем дело не клеится, п[отому] что сотрудники действительно перегружены, и П.К. Алефиренко зорко блюдет, чтобы словарь не притянул к себе силы, необходимые для другой работы.

Сейчас выяснилось, что 24 апреля выезжать надо в Свердловск на Общее собрание. Не хочется ехать, а надо. Ничего не поделаешь.

Характеристика Сыромятникова сделана блестяще. С натуры. Он тут шумит, но только после всякого своего выступления оставляет у слушателей недоумение (у тех, кто его не знал до сих пор, а те, кто знал, не удивляются). Особенно сильное впечатление произвел его доклад о Петре. Читал два вечера, не менее 5–6 часов, с большим энтузиазмом и с подчеркиванием, что ему *первому* удалось показать, что Петр, представитель абсолютной просвещенной монархии, опирающейся на буржуазию и антидворянской. Выступали против него Пичета, Бахрушин, Смирнов⁷⁸, Богоявленский. Я молчал.

Выступал тут у нас в И[нститу]те А.Н. Толстой⁷⁹ со своим «Иваном Грозным»⁸⁰. Драма написана хорошо, местами потрясающе хорошо. Но..., как он сам выразился, он «проклял историю, п[отому], что люди по данным историческим умирали не тогда, когда ему (автору) нужно». Не только дело в людях, но и в фактах: он их совершенно свободно перетасовал по-своему. Смотреть пьесу будет интересно, но давать нам с Вами ответы на запросы зрителей безнадежно. Утешает меня одно, что общее впечатление будет реабилитирующее личность, заслуживающую большего, чем помещения в палату № 6. Была у нас и «встреча» с лауреатами нашими. А.В. Мишулин⁸¹ Вам расскажет. Все чин чинком. Я тут засел было за «Крестьян», но нет самых необходимых книг. Написал листов 6 в общей сложности («На заре русской государственности» — это научно-попул[ярная] брошюра, и «Обществ[енный] и полит[ический] строй Булгарского ханства» — исследование по тем материалам, которые тут оказались). Хотел засесть за летописание с точки зрения общественного заказа и его выполнения⁸², но еще не успел, да и «Крестьяне» смущают. Хочется хотя бы скелет написать тут, а потом обрастить его мясом. Не знаю, хватит ли сил.

Игорь учится с перебоями, с отрывками для производства. Сдает понемножку экзамены. Для творческой работы время не удастся выкраивать. Настроение у нас неважное. Здоровье весьма среднее. Меня в данный момент более всего удручает необходимость поездки в Свердловск.

Тамара Михайловна шлет Вам привет. Мы все думаем повидаться с Вами весной или летом. В.И. Лебедеву⁸³ кланяйтесь. Скажите, что письмо его я получил. Само собой при первой возможности мы восстановим свои кадры. Ну будьте здоровы. Еще раз от всех нас добрые пожелания.

Ваш Б. Греков

№ 14
А.Л. Сидорову

Ташкент. 10 июня 1942 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Прежде всего, позвольте Вас крепко обнять и поздравить с наградой столь же высокой, сколь и красивой (на мой вкус — это самый изящный знак отличия)⁸⁴. Вы его заслужили полностью, и я лично, как и все Ваши товарищи по Институту, исполнены гордостью. От всей души радуемся за Вас, радуемся не меньше и тому, что Вы поправляетесь. Еще больше будем радоваться, когда мы снова будем все вместе продолжать работу, прерванную так неожиданно. Правда, мы стараемся сделать все, что в наших силах, но трудно работать без книг.

Я только что вернулся из Свердловска, куда ездил по вызову президента на Общее собрание, о чем Вы читали в газетах. Результаты Вам тоже известны. Сейчас я только хочу высказать Вам свое удовлетворение в связи с избранием В[ячеслава] П[етровича]⁸⁵ в вице-президенты и в академики-секретари по нашему Отделению. Это не только полезно для дела, но и акт высшей справедливости.

Застал я В[ячеслава] П[етровича] не в очень хорошем положении. Казалось, что его язва уже ликвидирована. Рентген дал хорошие показания. Но как только В[ячеслав] П[етрович] расширил свое питание и нарушил диету, снова начались боли, пошли в ход грелки и т.п. Он похудел, ослаб. Но дух у него бодр. Энергия не иссякла. Он включился в дело, и на первом же заседании звучал его голос твердо.

От Галины Владимировны⁸⁶ получил очень ласковое письмо. Смущен тем, что я не смог облегчить ее положения, что сделал бы с радостью, если бы представилась к тому возможность. Грустно стало, что, будучи в Москве, мы так мало пользовались возможностью более близкого общения. Правда, там были такие условия, что для личной жизни оставалось слишком мало времени. Вся надежда на будущее.

Живем мы тут в смысле научном повышенными темпами: пишем, делаем доклады, дискулируем. В материальном отношении стало хуже в связи с переходом от узбекского снабжения на центральное. Но сейчас жаловаться не приходится. Не об этом надо думать и даже стыдно сейчас поднимать эти вопросы.

Дорогой Аркадий Лаврович! Так хочется Вас видеть, слышать Ваш голос... Так недостаточно переписки, несмотря на то, что она дает мне много. Бессмертную «Войну и мир» читаю и перечитываю. Правда, тогда не было тотальной войны в принципе, но и тогдашняя война всколыхнула всю Русь. И все же война войной, а мир миром. Человек оставался человеком, и ничто человеческое не перестало быть ему чуждым. И сейчас, несмотря на весь потрясающий ужас войны, так же всегда сидит солнце, зеленеет трава, шумят деревья. Природа словно стыдит человека, указывает ему путь.

Глубоко верно, что русские люди, не знавшие отдыха от войны (такова их историческая судьба) справятся с величайшим испытанием, спасут свою Родину «юже налегаша трудом своим великим».

Вы, отказавшийся от себя во имя чести и блага родной земли, снова почувствуете себя работником науки, отцом своего сына⁸⁷, мужем своей жены, дорогим для своих товарищей членом нашего Института. Жду этого времени.

Виктору Ивановичу⁸⁸ шлю горячий привет. Мне на закате моих дней посчастливилось встретиться и работать с такими людьми, как Вы и он. Будьте благополучны, поправляйтесь. И если бы Ваше здоровье и благополучие зависели от моих пожела-

ний (к которым присоединяется Тамара Михайловна и Игорь), то Вы были бы уже давно здоровы и неуязвимы.

Еще раз крепко Вас обнимаю и поздравляю.

Ваш Б. Греков

Алефиренко уехала в Москву. Обещала разыскать мою статью о военном строе Киевской Руси⁸⁹.

На днях была организована нашим И[нститу]том сессия «Иван Грозный⁹⁰ [и] его время»⁹¹; выступал Виппер⁹² — старик с двухчасовым докладом при огромном стечении публики. Успех огромный. Доклад великолепный (борьба Грозного с изменой и проект интервенции в Московское государство). М[ожет] б[ыть] выпустим сборник «Иван Грозный и его время»⁹³ (Виппер, Смирнов И.И., Бахрушин, я и др.).

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 15. Л. 1—1 об.

№ 15 А.И. Яковлеву

Ташкент. 28 июня 1942 г.

Дорогой Алексей Иванович!

Вчера узнал от С.Б. Веселовского, что Вы не получили ответа на свое предложение о написании статей на тему о росте территории СССР. Очевидно, наша канцелярия не написала Вам того, что должна была написать, а я не досмотрел. Дело в том, что Ваше предложение рассматривалось в дирекции, и дирекция не сочла возможным расширять свой и без того громоздкий план, не могла она и рекомендовать сотрудникам сверхплановой работы, так как с планом то справиться нелегко. Я лично уже частным образом предлагал кой-кому из наших специалистов. Все они отговариваются отсутствием времени. Я бы взял на себя тему по Киевской Руси, но все темы киевские уже были взяты. Решение Дирекции состоялось, а ответа инициатору дела не последовало. Это наше упущение.

Сидим тут, стряпаем план. Надеемся с ним справиться. Хороним, лечимся, ссужаем и ссужаемся, мечтаем, надеемся. Так течет наша жизнь. В моей семье все благополучно было до сего времени, если не считать катастрофического исхудания Тамары Михайловны. Ни на что она не жалуется, а стала похожа на подушку, из которой выпустили $\frac{3}{4}$ пуха.

Я тут написал книжонку «Борьба Руси за свою государственность». Печатается. Пришлю Вам как только получу экземпляры. Что бы мне было очень нужно, так это Ваши холопы. Писать «Крестьян» (а я их все-таки пишу) без холопов — немислимо. А не знать последнего слова по этому предмету нельзя. Конечно, получить Ваш труд⁹⁴ будет возможно после войны. Надо вооружиться терпением. Рассчитывать на ознакомление с книгой теперь — утопия, так как книга в 5 экземплярах очевидно уже давно и прочно пристроена.

Два дня как у нас прохладно. А то было 40° в тени, а на солнце Бог весть: я не измерял. Переносу жару терпеливо и пока без особого ущерба для себя. Жаль, что негде купаться. У нас тут маленький садик, где нам отвели сажени две квадратных под огород. Уже созрели помидоры. Кустов 15—20 у нас есть. Растут бурно. Вообще вести тут огород приятно, потому, что ваш труд вознаграждается сторицею. Край благодат-

ный. А все же хочется скорее домой. В ходу общих дел можно думать, что наши надежды сбудутся, и мы с Вами скоро увидимся. Перекочевка в Москву из Ташкента приняла заметные размеры. Человек 7, кажется, уже уехали отсюда.

Все мы, т.е. я, Тамара Михайловна и Игорь шлем Вам свой горячий привет. Вашей семье — добрые пожелания и поклоны.

В письмо кладу несколько лепестков роз из нашего сада.

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 338. Л. 8—8 об.

№ 16 М.Н. Тихомирову

[Ташкент. 1942 г.].

Дорогой Михаил Николаевич!

Рад был получить Ваше письмо. Очевидно, увидимся с Вами осенью в Свердловске. А может быть и в Москве. Кто знает?

Рукопись Вашу постараемся разыскать и Вам выслать. 30 июня у Вас происходил диспут Рыбакова⁹⁵. Я не успел просмотреть всю книгу⁹⁶ к сроку, так как получил ее только 15 июня. В общем, книга мне понравилась, несмотря на то, что ряд вопросов остались все же неразрешенными. Подкупает полнота материала, до сих пор разрозненного. А больше всего мне понравилась попытка установить связь докиевского периода с киевским. На отдельных производствах наглядно обнаруживается эта связь. Пришло Вам скоро свою книжонку «Борьба Руси за создание своего государства», написанную до ознакомления с книгой Рыбакова. Можно было бы оттуда позаимствовать кой-что интересное и для меня важное.

Б.И. С[ыромятник]ов действительно «организовал» аудиторию для выслушивания своих лекций. (Он не понимает разницы между докладом и лекцией). На каждом из его выступлений его бьют, но он говорит, что любит сражаться. Но охотников сражаться с ним все меньше и меньше и, кажется, уже и нет.

Вашу единицу мы берегли до сих пор от всяких покушений. Сейчас временно пришлось использовать деньги, на Вас отпускаемые так как А.М. Панкратова в Москве переборщила, взяла неск[олько] сотрудников и поставила нас в безвыходное положение. Я согласился только на *временное* использование Вашей единицы и уверен, что настою на расчистке мест среди москвичей. А.М.П[анкратова] приезжает скоро сюда. Договоримся с ней. Отношение к Вам всех товарищей прекрасное, и мне сделать для Вас все необходимое будет не трудно.

В Москву в командировки до 2 х месяцев выезжают Косминский⁹⁷, Бахрушин, Пичета, Эггерт⁹⁸. А уже уехало 5—6 человек. Ташкент пустеет и перестает быть нужным.

Жалко, что Вы не приехали сюда. Поговорить есть о чем, серьезном и комичном. Наверное, и у Вас появились наблюдения и мысли, которых в Москве не было. Оказывается, что когда люди поснимают свои штаны, то обнаруживают все, что под штанами скрывалось.

Ваша Русская Правда⁹⁹ дошла ли до Вас в ленинградском издании или нет? III-ий том стараемся получить из Ленинграда, но все безуспешно. Он почти совсем готов, и мы с Б.А. Романовым тут могли бы его уже к сдаче в производство подвести.

Будьте здоровы! До свиданья! За Вашу единицу буду бороться до конца.

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 195. Л. 6—6 об.

№ 17 А.Л. Сидорову

Ташкент. 8 октября 1942 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Давно уже от Вас никаких вестей. Только мелькает Ваше имя в отчетах и планах. Мне и это приятно. Узнаю, что Вы живы и работаете. Очень бы хотелось поговорить с Вами просто, по-дружески, по душам. Надеюсь, что это и сбудется. Ваш совет побывать в Москве я собираюсь осуществить. Приехал В.П. Волгин, и я с ним об этом уже говорил. Он одобряет. Анне Михайловне¹⁰⁰ писал о том же. Она советует пообожать.

Хочется посмотреть Институт, отобрать еще некоторые книги из своей библиотеки, необходимые мне для работы, взять кое-что из обуви, без которой труднозато здесь. А самое главное — окунуться в родную среду, почувствовать пульс жизни, темпы и ритм. Чем дальше от сердца России, тем менее заметно¹⁰¹ проявление подлинной жизни. Тут у нас экзотика, своеобразие. Правда, и тут преломляется и даже порой очень энергично главное, чем живет вся страна, но все же ближе к милому пределу тянет. Снятся даже Москва и Ленинград. Походишь около своих полок с книгами, посидишь за своим столом над своими рукописями, и по пробуждении еще целый день ощущаешь следы пережитого во сне.

Стараюсь работать и здесь наяву, но выходит неважно: что ни шаг, то преткновение, предел, его же не преjdeши. Самую пустяковую справку негде найти, топчешься из-за этого на одном месте, в конце концов, приходится переключаться на другой сюжет, пока не наткнешься на то же препятствие.

Получили обрывки третьего тома Русской Правды. Грустно, что, по-видимому, пропало уже три раза отредактированное мною произведение (Лаврова, Романова, Кочина, Геймана¹⁰² и мое). А книга получилась *хо-ро-ша-я*.

Положа руку на сердце, без всякого пристрастия, я должен сказать, что Русская Правда (все три тома) — это лучшее, что вышло в области нашей специальности в Институте. Я, может быть, не доживу, но Вы увидите и услышите, как будут относиться к этому труду во всем ученом мире, *in res publica litterarum*¹⁰³. На Западе таких работ мало. Издания Салической правды¹⁰⁴ мы переплевали, Польский Вислицкий статут¹⁰⁵ (краковское издание) ни в какое сравнение с нашим изданием не идет.

Мы тут твердо решили (я, Валк, Романов и ожидаемый здесь Гейман) из остатков восстановить третий том и «положить его на стол» через несколько месяцев. Следовало бы срочно и напечатать этот том. Было бы очень полезно во всех отношениях. Вот, между прочим, и для полного окончания этой работы мне надо побывать в Москве.

Знаю, что Вы до сих пор еще на костылях (по кр[айней] мере, до недавнего времени). Грустно, но в то же время и почетно. Все мы (и я, прежде всего) гордимся Вами, душу свою полагающим...

Тамара Михайловна и Игорь кланяются и желают Вам здоровья. Привет Галине Владимировне и сынку Вашему. Не забывайте нас, далеких в пространстве и близких Вам всегда.

Ваш Б. Греков

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 15. Л. 3—3 об.

№ 18 А.Л. Сидорову

[Ташкент]. 18 декабря 1942 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

Пишу с оказией. Спасибо за весточку. Очень рад, что работа Ваша подходит к концу¹⁰⁶. А в качестве ее я не сомневаюсь. Свежий материал и здоровая голова — гарантия успеха. Мне самому очень хочется побывать в Москве. Я об этом и писал Анне Мих[айловне], но она поняла меня неправильно (думала, что я пишу о переезде) и ответила мне, что еще не приспе час¹⁰⁷. Теперь после свидания с нею в Свердловске недоразумение выяснилось, и я ранней весной буду в Москве. Либо сессия в Москве будет, либо я приеду специально поглядеть на наш И[нститу]т.

О своей большой работе должен сказать с грустью, что закончить ее в Ташкенте нет возможности. Я имею в виду своих «Крестьян». Получаются отдельные этюды, а цельного ничего не выходит: все время натываюсь на препятствия (отсутствие книг). Отрывают постоянно и другие работы, приходится нередко переключаться. Но самое тяжелое — это бытовые дела, которыми меня загрузили сверх головы. Понимаю, что сейчас спасение сотрудников дело очень нужное, но сил положительно не хватает. А я в качестве председателя Совета директоров пекусь не только об историках. Я не взвешивался. Говорят, что видимость моя более менее приличная, а вот Тамара Мих[айловна] потеряла 22 кило. Я считаю, что это законный повод для развода: я ведь женился на 4 пудах, а теперь в ней 2 ½. Никуда не годится!! Игорь тоже похудел и даже прихварывает. Работает в местных архивах по истории Хивы. Много интересного!! Большой поклон и привет Галине Владимировне. Очень мне хочется на нее взглянуть и вообще побывать у Вас. Надеюсь осуществить свое желание.

Над Русской Правдой работу начали. Закончим, и Любимова¹⁰⁸ придется потренировать. Как жаль Лаврова¹⁰⁹ и вместе с ним третьего тома, совершенно готового. Том был хорош, а Лавров поистине святой человек.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас

Ваш Б. Греков

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 15. Л. 5—5 об.

№ 19 А.Л. Сидорову

Ташкент. 9 марта 1943 г.

Дорогой Аркадий Лаврович!

От всей души поздравляю Вас с прекрасным завершением дела¹¹⁰. Я никогда не сомневался в его исходе, но боялся, что многое может помешать Вам или отсрочить

доведение его до конца. Я одновременно с Вашим письмом получил уже информацию, где говорится о «блестящем» диспуте. И это меня еще более обрадовало. Горячо желаю Вам здоровья для продолжения работы. Поздравляю Галину Владимировну с праздником, целую Вашего сына.

По-видимому судьба складывается т[а]к, что мы скоро с Вами увидимся, так как предполагается сессия в мае. М[ожет] б[ыть], и раньше мне придется выехать.

Тамара Михайловна и Игорь просят передать Вам свои поздравления.

Любящий Вас Б. Греков

Спешу пока открытку Вам послать. Письмо напишу вслед за ней.

НИОР РГБ. Ф. 632. К. 89. Д. 15. Л. 6.

№ 20 И.У. Будовницу

Ташкент. [1943 г.].

Дорогой Исаак Уриелович!

С радостью узнал, что Вы живы и здоровы. По всем признакам подходит время возвращения в Москву, и я буду счастлив там с Вами встретиться. Если я окажусь там раньше Вас, и у меня будет малейшая возможность, приложу все силы, чтобы Вас вернуть к исполнению Ваших обязанностей, которые Вы несли так умело. Имею в виду «Исторические записки». Надеюсь, что меня с редактирования не снимут к тому времени, хотя и есть желающие очутиться на моем месте и жать, где не сеяли. Добровольно позиций сдавать я не намерен во всяком случае. Живем тут средне. Работаем много, печатаем очень немного. Я успел кроме журнальных статей выпустить книжечку «Борьба Руси за создание своего государства». Не прислал Вам п[отому], что с авторскими экземплярами совсем плохо. Четвертое изд[ание] «Киевской Руси» набрано. Корректурa, присланная мне и мною отосланная во второй половине декабря где-то блуждает (посылал с оказией), и грозит опасность рассыпки набора. В Четвертом изд[ании] глава о воен[ном] строе и оч[ень] много перемен. У меня нет при себе ничего. Если погибнет корректурa — удар в самое сердце. Хочется скорее домой к своим книжным полкам. От души желаю Вам здоровья и сил, чтобы скорее переехать в Москву. Задержка с переездом в том, что наше здание полуразрушено, а другого нет у нас: негде разместить такую уйму сотрудников. Привет Вашей жене.

Ваш Б. Греков

НИОР РГБ. Ф. 602. К. 9. Д. 18. Л. 3 об.

№ 21 В.Л. Комарову

14 марта 1944 г.

Дорогой и высокоуважаемый Владимир Леонтьевич!

По возвращении из Саратова, куда я ездил на наш университетский праздник и где встречался с товарищами по работе и студентами, спешу принести Вам свою благодарность за присланное мне поздравление по случаю моего награждения¹¹¹.

С большим подъемом и теплым чувством встретил Университет Ваше приветствие. Все мы гордимся тем, что в рядах славнейшего нашего Университета Вы занимаете столь заслуженное и почетное место.

Преданный Вам Б. Греков

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 502. Л. 2.

№ 22 Ю.П. Францову

Москва. Большая Калужская, дом 13, квартира 5. 19 июня 1944 г.

Глубокоуважаемый Юрий Павлович!

От имени Института истории (и Отделения истории и философии) обращаюсь к Вам с предложением занять пост директора Ленинградского отделения Института истории¹¹².

ЛОИИ Вам хорошо известно. Это учреждение, заслуживающее всякой поддержки и внимания. Роль ЛОИИ в возрождающемся Ленинграде тоже не требует комментариев. Руководство ЛОИИ и до войны уже похрамывало, а сейчас оно совсем ослабело. Наш долг укреплять руководство для оживления и дальнейшего расширения ЛОИИ. Мы примем все меры, чтобы облегчить Вашу задачу. Очень хочется верить, что Вы примете нашу просьбу и не ответите нам отказом. Само собой разумеется, что в недрах Академии наук Отделение позаботится об облегчении Ваших обязанностей, которые Вы несли до сих пор.

Лично от себя шлю Вам свой большой привет и вместе с тем [хочу] высказать надежду на совместное с Вами служение прекрасному делу

Ваш Б. Греков

АРАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

№ 23 Ю.П. Францову

[Москва. Июнь 1944 г.]

Дорогой Юрий Павлович!

Прежде всего, позвольте мне от души поблагодарить Вас за готовность быть полезным ЛОИИ. Затем прошу меня извинить, что до сих пор не писал Вам лично, а сносился либо через третьих лиц, либо телеграммами.

Дело обстоит так. Все мы, и Отделение ист[ории] и фил[ософии] в том числе, провели с удовольствием Ваше назначение. Отделение обратилось в Горком, чтобы он разрешил Вам *пока* («пока», конечно, мы не писали. Это осталось между нами) совместительство. В дальнейшем будем просить и большего. Послал я Вам телеграмму и Левченко¹¹³ в Ташкент другую о том, чтобы Вы приняли, а он бы сдал дела Вам. Его освобождение мотивируется его личным желанием, которое он высказывал не раз А.Д. Удальцову. Через Президиум проведем все дело не сегодня — завтра. Формальная сторона дела — в порядке. Теперь надо уже Ваш глаз и волю. Всякие детали мы либо

пришлем Вам, либо, если у Вас будет возможность сюда приехать, передадим Вам лично. Командировку Вам оформим немедленно. Сербина К.Н.¹¹⁴ хотела приехать сюда. Я ей ответил, что это зависит от Вас, потому что Вы ее можете командировать. А лучше если Вы с нею вдвоем приедете. Но и это только в том случае, если Вы найдете это целесообразным. Свидание с Вами тут необходимо. И В.П. Волгин будет с Вами говорить и вся дирекция тоже. Итак, будем ждать от Вас извещения, когда послать Вам вызов. Делать ли вызов Вам одному или с Сербиной вместе. Шлю Вам лучшие свои пожелания.

Ваш Б. Греков

Я в Ленинград поеду только в октябре¹¹⁵, во второй половине, после сессии, на которой, надо думать, будете и Вы.

АРАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 210. Л. 2–2 об.

- ¹ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) — историк, академик АН СССР (с 1935 г.).
- ² См.: Ганина Х. «Запомнились люди казанские» // Вечерняя Казань. 1985. 27 мая. № 120/121.
- ³ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) — историк, академик АН СССР (с 1953 г.).
- ⁴ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 136.
- ⁵ Там же. С. 139.
- ⁶ Там же. С. 136–137.
- ⁷ Там же. С. 140.
- ⁸ АРАН. Ф.411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 3. Д. 175. Л. 39.
- ⁹ Бахрушин Сергей Владимирович (1882–1950) — историк, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.).
- ¹⁰ Будовиц Исаак Уриелевич (1896–1963) — историк, сотрудник Института истории АН СССР (1944–1958), редактор «Исторических записок» (1938–1958).
- ¹¹ Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович (1894–1969) — историк, профессор МГУ (с 1948 г.).
- ¹² Пичета Владимир Иванович (1878–1947) — историк, академик АН СССР (с 1946 г.).
- ¹³ Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) — историк, директор Института истории АН СССР (1953–1959).
- ¹⁴ Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) — историк, академик АН СССР (с 1953 г.).
- ¹⁵ Шунков Виктор Иванович (1900–1967) — историк, библиограф, директор Фундаментальной библиотеки общественных наук (с 1949 г.), председатель Археографической комиссии (1966–1967), чл.-корр. АН СССР (с 1962 г.).
- ¹⁶ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) — историк, чл.-корр. АН СССР (с 1929 г.).
- ¹⁷ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник, академик (с 1920 г.), президент (с 1936 г.) АН СССР.
- ¹⁸ Францов Юрий (Георгий) Павлович (1903–1969) — философ, академик АН СССР (с 1964 г.).
- ¹⁹ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987, С. 13, 26–27, 82–83.
- ²⁰ Имеется в виду А.М. Панкратова.
- ²¹ Алефиренко Пелагея Кузьминична (1902–1962) — историк, ученый секретарь (1940–1943), старший научный сотрудник (с 1943 г.) Института истории АН СССР.
- ²² Деборин (Июффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) — философ, академик АН СССР (с 1929 г.).
- ²³ См.: Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. II, С. 153–175.
- ²⁴ Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) — ученый, государственный деятель, академик (с 1935 г.), вице-президент (1939–1942) АН СССР, академик АН УССР (с 1934 г.).
- ²⁵ Имеется в виду учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов «История СССР». Изд. 2-е. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века (М., 1947), подготовленный с участием и под редакцией Б.Д. Грекова.
- ²⁶ Филатова Тамара Михайловна (1894–1971) — жена Б.Д. Грекова.
- ²⁷ Бахрушина (урожденная Перлова) Елизавета Сергеевна (1862–1943) — мать С.В. Бахрушина.
- ²⁸ Дикарев Дмитрий Николаевич (?–?) — пасынок С.В. Бахрушина.
- ²⁹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) — историк-медиевист, академик АН СССР (с 1929 г.).
- ³⁰ Веселовский Степан Борисович (1876–1952) — историк, академик АН СССР (с 1946 г.).
- ³¹ Боявленский Сергей Константинович (1871–1947) — историк, археограф, чл.-корр. АН СССР (с 1929 г.).
- ³² Греков Игорь Борисович (1921–1993) — историк, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР (с 1950 г.), сын Б.Д. Грекова.
- ³³ Яковлева (урожд. Приклонская) Ольга Петровна (1879–1966) — жена А.И. Яковлева.

- ³⁴ Удальцов Александр Дмитриевич (1883–1958) — историк, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.).
- ³⁵ Богоявленская Мария Михайловна (1871–1949) — пианистка, жена С.К. Богоявленского.
- ³⁶ См.: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века. М.; Л., 1946.
- ³⁷ Имеется в виду неперіодический сборник «Исторические записки», издававшийся Институтом истории АН СССР (ныне — Институтом российской истории РАН).
- ³⁸ Видимо речь идет о замысле, реализованном значительно позже (См.: Дипломатический словарь. М., 1948, Т. 1–2).
- ³⁹ Трахтенберг Иосиф Адольфович (1883–1960) — экономист, академик АН СССР (с 1939 г.).
- ⁴⁰ Имеется в виду Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), образованный в 1939 г. при СНК Татарской АССР.
- ⁴¹ Никольский Николай Васильевич (1878–1961) — историк, старший научный сотрудник Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, профессор Марийского государственного педагогического института (1940–1950).
- ⁴² Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) — историк, академик АН СССР (с 1972 г.).
- ⁴³ Вероятно, имеются в виду один из ранних опытов создания «Истории Татарской АССР».
- ⁴⁴ Пичета (урожд. Соборова) Александра Петровна (1892–1973) — жена В.И. Пичеты.
- ⁴⁵ Готье Юрий Владимирович (1873–1943) — историк, археолог, академик АН СССР (с 1939 г.).
- ⁴⁶ Андреев Михаил Степанович (1873–1948) — востоковед-иранист, чл.-корр. АН СССР (с 1929 г.).
- ⁴⁷ Так в тексте, вероятно, «мыкается».
- ⁴⁸ Стоклицкая-Терешкович Вера Вениаминовна (1885–1962) — историк-медиевист, профессор МГУ (1937–1951).
- ⁴⁹ Сыромятников Борис Иванович (1874–1947) — историк права, приват-доцент Московского университета (1902–1911), профессор Московского межевого института (1917–1922).
- ⁵⁰ Валк Сигизмунд Натанович (1887–1975) — историк, археограф, профессор ЛГУ (с 1946 г.).
- ⁵¹ Романов Борис Александрович (1889–1957) — историк, архивист, профессор ЛГУ (с 1947 г.).
- ⁵² Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) — историк, профессор ЛГУ (с 1937 г.).
- ⁵³ По-видимому, речь идет о так и не осуществленном издании.
- ⁵⁴ Кочин Георгий Евгеньевич (1897–1976) — историк, старший научный сотрудник ЛОИИ АН СССР. (См.: Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г.Е. Кочин. М.; Л., 1937).
- ⁵⁵ Возможно, имеются в виду: «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией» (СПб., 1841–1842, Т. 1–5).
- ⁵⁶ См.: Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1942.
- ⁵⁷ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. (Очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л., 1941.
- ⁵⁸ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- ⁵⁹ Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953) — востоковед, профессор ЛГУ (с 1935 г.), чл.-корр. АН СССР (с 1947 г.).
- ⁶⁰ Имеется в виду: «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (М., 1813–1826. Ч. 1–4).
- ⁶¹ Нестор Летописец (ок. 1056–1114) — древнерусский летописец, монах Киево-Печерского монастыря.
- ⁶² Петр I Великий (1672–1725) — царь (с 1682 г.), первый российский император (с 1721 г.).
- ⁶³ Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) — историк, академик АН СССР (с 1958 г.).
- ⁶⁴ Ларин Борис Александрович (1893–1964) — филолог, профессор ЛГУ (с 1931 г.), чл.-корр. АН УССР (с 1945 г.), академик Литовской ССР (с 1949 г.).
- ⁶⁵ Имеются в виду многотомные издания, над подготовкой которых работали сотрудники Института истории АН СССР: «Всемирная история», «История СССР», «История Москвы», «История русской культуры».
- ⁶⁶ Этим самым (лат.).
- ⁶⁷ См.: Греков Б.Д. Волжские болгары в IX–X вв. // Исторические записки, М., 1945. Т. 14, С. 3–37.
- ⁶⁸ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944.
- ⁶⁹ См.: Греков Б.Д. На заре Русского государства // Исторический журнал. 1942. № 7. С. 14–31.
- ⁷⁰ См.: Летопись Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1942. Т. 1–2.
- ⁷¹ Баевский Давид Анатольевич (1898–1979) — историк, старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1938–1965).
- ⁷² Черномордик Соломон Исаевич (1880–1943) — историк, директор Музея Революции в Москве (1922–1924), сотрудник Института истории АН СССР (с 1938 г.).
- ⁷³ Цитата из басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей».
- ⁷⁴ Шидловский Павел Гаврилович (1900–1979) — начальник Планово-финансового отдела АН СССР (1955–1966).
- ⁷⁵ Чудаков Евгений Алексеевич (1890–1953) — специалист в области машиноведения и автомобильной техники, академик (с 1939 г.), вице-президент (1939–1942) АН СССР.
- ⁷⁶ Минц Исаак Израилевич (1896–1991) — историк, академик АН СССР (с 1946 г.).
- ⁷⁷ Имеется в виду проект создания Института истории Отечественной войны АН СССР, в 1942 г. с инициативой его создания выступил И.И. Минц.

- ⁷⁸ Смирнов Павел Петрович (1882–1947) — историк, профессор САГУ (1927–1934), МГИАИ (с 1938 г.).
- ⁷⁹ Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) — писатель, общественный деятель, академик АН СССР (с 1939 г.).
- ⁸⁰ Имеется в виду пьеса «Орел и орлица» — первая часть драматической повести А.Н. Толстого «Иван Грозный». Премьера постановки этой пьесы состоялась в Малом театре 18 октября 1944 г.
- ⁸¹ Мишулин Александр Васильевич (1901–1948) — историк древнего мира, профессор МГУ (с 1943 г.).
- ⁸² Видимо, речь идет о неосуществленном замысле Б.Д. Грекова.
- ⁸³ Лебедев Владимир Иванович (1894–1966) — историк, профессор МГУ (1938–1955).
- ⁸⁴ Имеется в виду орден Красной Звезды, которым А.Л. Сидоров — участник боев в районе Демянского котла — был награжден Приказом Военного совета Северо-Западного фронта от 16 апреля 1942 г.
- ⁸⁵ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) — историк, академик (с 1930 г.), непреременный секретарь (1930–1935), вице-президент (1942–1953) АН СССР.
- ⁸⁶ Сидорова (урожд. Лебедева) Галина Владимировна (1904–?) — жена А.Л. Сидорова (с 1932 г.).
- ⁸⁷ Сидоров Михаил Аркадьевич (?–?) — сын А.Л. Сидорова.
- ⁸⁸ Имеется в виду В.И. Шунков.
- ⁸⁹ По-видимому, речь идет о неопубликованной статье Б.Д. Грекова.
- ⁹⁰ Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584) — великий князь «вся Руси» (с 1533 г.), первый русский царь (с 1547 г.).
- ⁹¹ Имеется в виду научная сессия Института истории АН СССР, открывшаяся в Ташкенте 7 июня 1942 г. докладом Р.Ю. Виппера «Борьба Ивана Грозного с изменой и интервенцией в Московское государство». Второе заседание состоялось 17 июня 1942 г. На нем выступили С.В. Бахрушин (с докладом «Избранная рада Ивана Грозного») и И.И. Смирнов (с докладом «Восточная политика Ивана Грозного»).
- ⁹² Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) — историк, академик АН СССР (с 1943 г.).
- ⁹³ Речь идет о неосуществленном замысле издания сборника по материалам проведенной сессии «Иван Грозный и его время».
- ⁹⁴ См.: Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943.
- ⁹⁵ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — археолог и историк, профессор МГУ (с 1942 г.), академик АН СССР (с 1958 г.). Имеется в виду защита докторской диссертации Б.А. Рыбаковым
- ⁹⁶ См.: Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- ⁹⁷ Косьминский Евгений Алексеевич (1886–1959) — историк-медиевист, академик АН СССР (с 1946 г.).
- ⁹⁸ Эггерт Зинаида Карловна (1893–1964) — историк, старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1938–1950), заместитель директора ФБОН АН СССР (с 1950 г.).
- ⁹⁹ См.: Тихомиров М.Н. Исследование О Русской Правде. М.; Л., 1941.
- ¹⁰⁰ Имеется в виду А.М. Панкратова.
- ¹⁰¹ Далее зачеркнуто: «течение».
- ¹⁰² Тейман Василий Георгиевич (1887–1965) — историк, палеограф, археограф, источниковед.
- ¹⁰³ В государстве ученых (лат).
- ¹⁰⁴ Сборник обычного права германского племени салических франков, записанный в начале VI века.
- ¹⁰⁵ Вислицко-Петроковские статуты — сборник польских законов (обычного права), принятых в 1346–1347 гг.
- ¹⁰⁶ Имеется в виду подготовка А.Л. Сидоровым докторской диссертации «Экономика России в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.».
- ¹⁰⁷ 30 декабря 1942 г. Б.Д. Греков был назначен уполномоченным Президиума Академии наук СССР в Ташкенте. (АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 175. Л. 39).
- ¹⁰⁸ Любимов Викторин Павлович (1883–?) — историк, ст. научный сотрудник Института истории АН СССР (1942–1953).
- ¹⁰⁹ Лавров Николай Федорович (1891–1942) — историк, архивист, сотрудник ЛОИИ АН СССР.
- ¹¹⁰ Имеется в виду защита А.Л. Сидоровым докторской диссертации, которая состоялась 10 февраля 1943 г. в МГУ.
- ¹¹¹ Имеется в виду награждение Б.Д. Грекова орденом Ленина за выдающиеся заслуги в деле развития науки и подготовки кадров в связи со 125-летием Ленинградского государственного университета.
- ¹¹² Ю.П. Францов был директором ЛОИИ АН СССР в 1944–1945 гг.
- ¹¹³ Левченко Митрофан Васильевич (1890–1955) — историк-византист, профессор ЛГУ (с 1938 г.), директор ЛОИИ АН СССР (1940–1944).
- ¹¹⁴ Сербина Ксения Николаевна (1903–1990) — историк, старший научный сотрудник ЛОИИ АН СССР (1951–1982).
- ¹¹⁵ Далее зачеркнуто «вероятно».

Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР 1941 – 1945 гг.: опыт создания специализированного интернет-портала

Сайт «Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.» создан в рамках проекта РГНФ (№ 14–31–12065) «Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945)» сотрудниками Института российской истории РАН, в том числе Информационно-аналитического отдела и Научного архива ИРИ РАН. Участники проекта: А.Г. Гуськов, А.В. Драчков (администратор сайта), К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов.

В результате реализации проекта опубликована монография «Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг.»¹ и организован сайт. Адрес портала – www.komiswow.ru.

Цель проекта – представление материалов Комиссии специалистам и широкой аудитории с помощью средств электронной визуализации, доступных в любом месте при наличии сети Internet. Документальное наследие Комиссии, действовавшей под руководством И.И. Минца в 1942–1946 гг., раскрывает события Великой Отечественной войны во всем их разнообразии. Здесь можно встретить описания повседневности военного времени, материалы по истории общественных настроений и психологии человека на фронте и в тылу, найти новые факты по истории широко известных битв и сражений. Имеющиеся источники позволяют реализовать микроисторический подход при анализе событий. Отраженный в них индивидуальный опыт позволяет через призму личностного восприятия создавать особую объемную картину происходивших событий и процессов. Свободный доступ ко всем опубликованным материалам дает возможность их широкого использования в научных и образовательных целях: в школьном и вузовском преподавании, в деятельности по воспитанию молодого поколения, в проведении исследований по истории Второй мировой войны и т.п.

На главной странице сайта расположены основная (красного цвета) и вспомогательная (желтая) ленты меню, слайд-шоу из фотографий и восемь тематических блоков материалов Комиссии.

Основная лента меню включает три секции и несколько вспомогательных разделов, появляющихся с помощью дополнительных лент:

1) Секция «**История создания и деятельность Комиссии**».

Разделы:

- «История создания» (краткое описание истории создания и реорганизаций Комиссии, подробный очерк «История создания Комиссии и ее задачи»).
- «Деятельность» (описание деятельности и особенностей работы Комиссии, методов ее работы и т.п.; статья «Деятельность Комиссии по фиксации событий военных лет»).

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ

СОСТАВ И СТРУКТУРА КОМИССИИ

АРХИВ КОМИССИИ
(КАТАЛОГ)

• • • • •

БИТВЫ (БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ) ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ОКУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

ТЫЛ И ЭКОНОМИКА

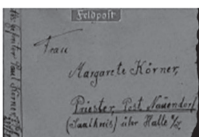
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЙНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПЕЧАТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТРОСЕЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ОБРАБОТАТЕЛЬНАЯ
СФЕРА

АУДИО

ВИДЕО

КОНТАКТЫ

КАРТА САЙТА

АВТОРИЗАЦИЯ

© Институт российской истории РАН (ИРИ РАН), Информационно-вычислительный центр ИРИ РАН
Детальная информация: info@irir.ru

Сайт создан по заказу ИРИ РАН № 14-314/2008

- «Библиография» (исторический очерк «Комиссия по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в литературе» и перечень [по рубрикам] всех изданных материалов, связанных с Комиссией:

«Публикации материалов» — список документальных публикаций;

«Исследования о Великой Отечественной войне» — монографии, статьи, очерки, написанные на основе ее материалов;

«О Комиссии» — публикации о деятельности Комиссии и ее сотрудниках).

2) Секция «Состав и структура Комиссии».

Разделы:

- «Члены Комиссии» (перечень сотрудников Комиссии, их краткие биографии, вклад в деятельность Комиссии).
- «Структура» (описание отделов Комиссии, их руководителей, характеристика задач, направлений и результатов деятельности).

3) Секция **«Архив Комиссии (каталог)»** включает электронный реестр архивных описей фонда Комиссии в Научном архиве ИРИ РАН. Названия разделов соответствуют наименованиям, сложившимся в ходе архивной каталогизации:

- раздел I «История воинских частей и подразделений»;
- раздел II «История партизанского движения»;
- раздел III «Оборона городов»;
- раздел IV «Стенограммы бесед и материалы о Героях Советского Союза»;
- раздел V «Тыл, военная экономика»;
- раздел VI «Оккупационный режим немецко-фашистских захватчиков»;
- раздел VII «Национальные республики в годы Великой Отечественной войны»;
- раздел VIII «Культура и быт в годы войны»;
- раздел IX «Материалы по истории обороны Москвы»;
- раздел X «Отдельные документы, не вошедшие в другие разделы»;
- раздел XI «Фототеки Героев Советского Союза и тематические фототеки»;
- раздел XII «Трофейные документы»;
- раздел XIII «Газеты, вырезки, листовки, бюллетени по истории Великой Отечественной войны»;
- раздел XIV «Делопроизводство Комиссии по истории Великой Отечественной войны».

Все разделы третьей секции содержат краткое описание (общая характеристика, количество описей, дел, крайние даты) и перечень описей с гиперссылками на базу данных в Информационной системе «Архивы Российской академии наук» (<http://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=E7A60136-728B-449A-A95F-4DD8574960F4&ida=31>). Полная база данных включает информацию о 455 описях, часть из которых описана до уровня дел. Около 20% фонда описей Комиссии оцифровано.

Под основной лентой меню размещено слайд-шоу с меняющимся набором фотографий, связанных с историей Комиссии и ее деятельностью.

Нижняя (вспомогательная) лента меню включает несколько дополнительных секций: «Образовательная среда» — материалы, которые можно использовать в образовании; «Аудио» — аудио-записи; «Видео» — фильмы, телепередачи и т.п., созданные с использованием документов Комиссии; «Контакты» — авторы и составители сайта, участники проекта, их контакты, адрес Научного архива ИРИ РАН.

Опубликованные материалы сгруппированы в восемь тематических блоков, содержащих информацию по направлениям работы Комиссии: 1) Битвы (боевые операции) Великой Отечественной войны, 2) История партизанского движения, 3) Оккупационный режим, 4) Тыл и экономика, 5) Повседневность войны, 6) Герои Советского Союза, 7) Печатные материалы, 8) Трофейные документы.

Первый блок, формируемый на основе материалов I, III, VII и IX разделов архива Комиссии, в настоящий момент содержит документы по истории битвы за Москву, сражения на Курской дуге, обороны Смоленска, Донбасса и Брестской крепости. О противостоянии у стен советской столицы свидетельствуют стенограммы бесед с командирами, бойцами и политработниками 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени генерала И.В. Панфилова (осенью 1941 г. — 316-я стрелковая дивизия). Опубликованные материалы посвящены событиям, связанным с подвигом 28 панфиловцев, в том числе — стенограммы интервью с двумя оставшимися в живых героями И.Р. Васильевым и Г.М. Шемякиным. Вопреки широко распространенному в последнее время «новому» скептическому взгляду на события, воспоминания их

участников свидетельствуют о подлинном массовом героизме советских солдат осенью 1941 г., проявленном на подступах к Москве. Численность настоящих героев не ограничивалась описанным журналистами подразделением, стоявшим насмерть у разъезда Дубосеково. Все без исключения воинские части легендарной дивизии самоотверженно сражались с превосходящими силами противника и, несмотря на значительные потери, смогли выполнить главную задачу — не пустить врага к Москве.

Другая значительная коллекция опубликованных интервью посвящена участию 2-го танкового корпуса в сражении под Прохоровкой (Курская дуга). В выдержках из 32 стенограмм представлена картина ожесточенного противостояния в июле 1943 г. советских войск и элитных танковых дивизий СС. Все участники событий — от командира корпуса генерал-лейтенанта А.Ф. Попова и до младших офицеров и простых солдат — свидетельствовали о значительном масштабе танковых боев, о постоянных огневых контактах с врагом: «Поле в 16–18 квадратных километров представляло собой сплошную массу машин, изрыгающих огонь. На поле стоят сотни факелов, костров — горящих танков, как наших, так и противника». Интересны описания подвигов отдельных подразделений (разведгруппы разведки корпуса, 270 танковый батальон 26 танковой бригады) и солдат (лейтенант П.И.Ушаков, сержант А.В. Смирнов, наводчик М.Ф. Борисов и др.).

Отдельные стенограммы характеризуют события, связанные с защитой Смоленска (интервью 15 декабря 1943 г. с первым секретарем Смоленского обкома и горкома ВКП(б) Д.М. Поповым), эвакуацией Донбасса (беседа 15 февраля 1944 г. с лектором обкома Н.М. Губаревым), обороной Брестской крепости (интервью 19 декабря 1944 г. со старшим лейтенантом, комсоргом крепости С.М. Матевосяном). Последняя стенограмма интересна тем, что позволяет раскрыть ряд малоизвестных подробностей событий начала войны. В свое время именно встреча с Матевосяном подвигла писателя-документалиста С.С. Смирнова на создание известнейшей книги «Брестская крепость», увековечившей подвиг защитников цитадели. Интервью С.М. Матевосяна, данное сотрудникам Комиссии, проливает свет на многие факты обороны Брестской крепости и поведение ее защитников. Это интервью намного «живее» и колоритнее, чем более поздние воспоминания автора, оно свободно от многих условностей и пропагандистских клише. Особый интерес представляют подробности жизни Матевосяна после бегства из плена, которые отсутствуют в книге С.С. Смирнова. Кроме того, запись отражает колоритный язык и личное отношение интервьюируемого к описанным событиям.

Второй блок включает материалы по истории партизанского движения. В нем предполагается опубликовать делопроизводственные документы партизанских частей и диверсионных групп, донесения партизанских отрядов, сведения о персональном составе и вооружении партизанских формирований, различные фотографии. Сейчас на сайте размещены фотографии из семейного архива Героев Советского Союза партизан братьев Игнатовых. Разведывательно-диверсионный партизанский отряд, в составе которого воевали братья, был сформирован в августе 1942 г., накануне захвата немцами Краснодара. Командиром отряда стал их отец — Пётр Карпович Игнатов (кличка «Батя»). Вместе с главой семьи в партизанском отряде воевали его жена, Елена Ивановна, и оба сына — Евгений и Гений (Геннадий). Братья Е. и Г. Игнатовы погибли смертью храбрых в октябре 1942 г. во время диверсии на железной дороге. Посмертно они были удостоены звания Героя Советского Союза. Фотографии переданы в Комиссию по истории Великой Отечественной войны П.К. Игнатовым, он же сделал и подписи на фотографиях.

В третьем блоке сгруппированы материалы, отражающие преступную деятельность немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях. Готовится издание стенограмм бесед с местными жителями, писем советских граждан, увезенных на работу в Германию, статистических данных о восстановлении разрушенных районов. Отдельную группу составляют документы подпольных организаций советских граждан в Германии. В разделе уже опубликованы стенограммы бесед с жителями оккупированного г. Тарнополя, фотографии уничтоженных фашистами населенных пунктов.

Четвертый блок отражает материалы раздела V «Тыл, военная экономика» архива Комиссии, содержащего записи бесед с руководителями предприятий, профсоюзными, партийными и комсомольскими деятелями, инженерным и техническим составом, а также рядовыми работниками. Представлена обширная подборка выписок и копий документов из архивов предприятий. В качестве иллюстраций размещены: фрагмент исследования В.А. Петрова по истории Урала в годы Великой Отечественной войны (промышленность) и записи бесед, проведенных в колхозе им. И.В. Сталина Курганского района Алма-Атинской области Казахской ССР (сельское хозяйство).

Широкому понятию «повседневность войны» посвящен пятый блок. В нем показана бытовая сторона жизни людей в условиях военного времени. На основе материалов раздела «Культура и быт в годы войны» архива Комиссии отражена деятельность различных культурных, образовательных и иных учреждений, напрямую не связанных с ведением боевых действий. На сайте имеется доступ к главам неопубликованной книги о школьниках Москвы в годы Великой Отечественной войны и фотографиям из «мирной» жизни в тылу («школьницы Ростокинского района Валя Прусакова, Ида Харах и Башкирова изготавливают бутафорию и декорации для пьесы «На огневой точке», разучиваемой для постановки в госпитале в день 24-й годовщины Красной Армии»; «комсомольцы-доноры, работники врачебно-санитарной службы метрополитена М.А. Зарщикова, М.В. Дубровская и М.К. Баева на военных занятиях в агитпункте метрополитена», февраль 1942 г.; «бойцы и командиры Красной Армии на выставке "Героизм и патриотизм русского народа по произведениям Л.Н. Толстого" на станции "Красные ворота"», февраль 1942 г.; «пассажиры метрополитена в филиале Государственной публичной исторической библиотеки на станции "Курская"» и т.п.).

Шестой блок содержит материалы о Героях Советского Союза. Он включает записи бесед с героями и их сослуживцами, материалы периодической печати, освещающие их подвиги, наградные листы и письма. Живая речь участников событий позволяет открывать ранее неизвестные факты их биографий, показывать реальных людей с их достоинствами и недостатками. (Конечно, нельзя забывать и об определенной степени субъективности личных свидетельств.) На портале опубликованы материалы, посвященные трем героям: 1) летчику Н.Ф. Гастелло, совершившему «огненный таран» вражеской колонны, 2) генералу-кавалеристу Л.М. Доватору, прославившемуся бесстрашными рейдами в тыл наступавших на Москву танковых армий осенью 1941 г., 3) летчику-асу В.И. Попкову, сбившему более 40 немецких самолетов и ставшему прототипом двух героев фильма «В бой идут одни старики». В связи с возникшей в последние десятилетия дискуссией о «реальности» подвига капитана Н.Ф. Гастелло следует отметить любопытные интервью с сослуживцами летчика — начальником оперативного отдела 3-й авиационной дивизии дальнего действия майором С.П. Лукьяновым и помощником начальника оперативного отдела дивизии

капитаном Г.В. Поздняковым. И хотя они не позволяют с абсолютной точностью разрешить спор о том, кто совершил подвиг — Гастелло или его сослуживец А.С. Маслов — удастся точно установить, что в авиадивизии, среди самих летчиков, автором тарана считался именно погибший капитан. Упоминаются и очевидцы тарана, рассказавшие об этом сослуживцам Гастелло.

Печатные материалы (листочки, газеты, брошюры, журналы и т.п.) размещаются в седьмом блоке. Здесь открыт доступ к редчайшим экземплярам войсковой малотиражки 150-й стрелковой ордена Кутузова II степени Идрицко-Берлинской дивизии — газете «Воин Родины» от 1 и 5 мая 1945 г. с сообщениями о штурме Берлина и взятии рейхстага, а также номеру газеты «Березовский рабочий»² за 7 ноября 1946 г. со статьей о местном уроженце капитане С.А. Неустроеве, участвовавшем в вооруженной Знамени Победы.

Последний, восьмой, блок сформирован на основе материалов раздела «Трофейные документы», содержащего отчеты и донесения командования германских войск, воззвания, плакаты, бюллетени, документы оккупационных властей, письма и дневники немецких военнослужащих. Данный вид источников иллюстрируют фрагменты дневника немецкого офицера с записями периода Сталинградской битвы.

В настоящее время в каждом из блоков представлены отдельные документы, дающие лишь общее представление об имеющемся информационном источнике. Дальнейшее размещение стенограмм, фотографий, газет и т.п. будет возможно лишь при получении специального финансирования.

¹ Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг.: коллективная монография / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 383 с.

² Орган Березовского Горкома ВКП(б) и Горсовета народных депутатов (Свердловская обл., г. Березовский).

Новые документы о работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны в личном фонде И.И. Минца*

Чрезвычайно ценный личный фонд ученого насчитывает 1064 единицы хранения за 1906–1989 гг. Архив включает документы о научно-организационной, педагогической, редакционно-издательской, общественно-политической деятельности И.И. Минца (рукописи и оттиски статей, докладов, лекций, монографий, отзывов, рецензий, заключений и т.д.), его переписку с советскими и иностранными корреспондентами, а также биографические материалы. Кроме того, в личном фонде 2019 «Минц Исаак Израилевич» имеется 110 единиц хранения, содержащих фотографии, относящиеся к 1910-м — 1988 гг.

Архив позволяет уточнить многие факты из биографии ученого, в том числе периода Великой Отечественной войны, когда по инициативе И.И. Минца в декабре 1941 г. МК и МГК ВКП(б) принял решение о создании при Президиуме АН СССР Комиссии по составлению хроники битвы под Москвой и сбору материалов о Великой Отечественной войне¹. И хотя формально Исаак Израилевич был заместителем председателя Комиссии, именно он осуществлял на протяжении четырех лет войны всю организационную и научную работу Комиссии. Архивный материал из личного фонда историка позволяет глубже раскрыть как деятельность самой Комиссии, так и определяющую роль Минца, которую он сыграл в деле сбора многочисленных интервью у солдат и офицеров Красной Армии на передовой линии фронта, сохранив для потомков «живые голоса людей», многие из которых погибли в борьбе с немецкими захватчиками.

В архиве И.И. Минца сохранилась часть официальных документов Комиссии. Например, тематический план работ на 1944 год (с правкой) для включения в сводный план АН СССР, отчет о работе Комиссии за первое полугодие 1944 г. с многочисленной правкой ученого секретаря А.А. Белкина, проект монографии «Оборона Москвы», над которой трудились сотрудники Комиссии². Научная работа, которая велась одновременно со сбором материалов и подготовкой хроники войны, требовала анализа выходящей в ходе войны библиографии. Комиссия смогла решить этот вопрос с помощью организации в 1943 г. в ее составе научно-библиографического отдела, который взял на себя работу по методичному изучению центральной и местной прессы, контакты с библиотеками на предмет получения сведений обо всех поступающих книгах по истории войны и составление тематических каталогов по конкретным темам, таким, как «герои Советского Союза», «партизанское движение», «национальные республики» и др., а также ведение подсобных справочных картотек, исполнение тематических запросов членов Комиссии. В архиве Минца хранится отчет о работе отдела за 1941–1944 гг.³, штатное расписание на 1943 г., докладная записка о работе⁴.

* В 2015 г. при поддержке фонда РГНФ сотрудниками АРАН был осуществлен разбор личного архива И. И. Минца.

Работа Комиссии по истории Великой Отечественной войны проходила под руководством Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), которое определяло основные принципы ее деятельности, и начальник которого профессор Г.Ф. Александров являлся ее председателем. Сохранились указания Г.Ф. Александрова И.И. Минцу о необходимости Комиссии собирать и использовать для создания хроники Великой Отечественной войны рукописи фронтовиков, не принятые к публикации в журналах (по причине малограмотности и отсутствия литературного таланта их авторов), но которые, безусловно, представляли большую историческую ценность. В архиве Минца сохранилась копия одного из таких произведений⁵.

Кроме того, И.И. Минц сохранил в личном архиве проект циркулярного письма в обкомы партии за сентябрь 1943 г., в котором говорилось о том, что основной задачей комиссий, созданных в обкомах партии при отделах пропаганды и агитации, является «составление хроники участия области в Отечественной войне и наблюдение за тем, чтобы материалы по истории Отечественной войны попадали и хранились в соответствующих архивах». (В письме также указывались ошибки, допущенные комиссиями в некоторых областях, одни из которых вместо составления хроники собирали у себя подлинные архивные документы и тем самым дробили архивные фонды, другие занимались написанием аналитических научно-исследовательских работ вместо сбора материалов по составлению хроники).

В архиве И.И. Минца сохранилась его переписка в качестве заместителя председателя Комиссии, в которой поднимаются вопросы о составе членов Комиссии, предоставлении ее материалов, краткие записи срочных дел и нужд, заявления о приеме на работу научных сотрудников, письма о написании статей в рамках работы Комиссии⁶.

Существенно дополняет материал основного фонда Комиссии, который хранится в научном архиве ИРИ РАН, первый, позже переработанный, вариант докладной записки И.И. Минца в ЦК ВКП(б) от 15 мая 1945 г. о необходимости реорганизации Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В этом документе ученый подводит итоги работы руководимого им коллектива за годы войны и обосновывает необходимость создания новой структуры. «За короткий срок Комиссия собрала уже около пяти тысяч стенограмм (...) В числе собранных материалов есть рассказы об операциях отдельных подразделений и целых дивизий под Москвой, в Сталинграде, под Орлом и т.п., рассказы героев-партизан, как Ковпак⁷, Вершигора⁸, Федоров⁹, Козлов¹⁰ и другие, трижды Герой Советского Союза Покрышкин¹¹, дважды Герои и т.д., много рассказов рабочих и руководителей предприятий, эвакуированных из Москвы, рассказы о трудовых подвигах при восстановлении Подмосковья. Среди собранных нами стенограмм есть рассказы людей уже погибших, как герой Сталинграда генерал-майор Батюк¹², генерал-майор Лапшов¹³, московский герой-летчик Талалихин¹⁴ и многие другие (...) Эту работу по собиранию материалов необходимо расширить, ибо многое пропадает и тем самым оставит многие вопросы войны слабо освещенными»¹⁵.

В июле 1945 г. Г.Ф. Александров был освобожден от должности руководителя Комиссии, его место занял И.И. Минц (сохранилась копия выписки из протокола)¹⁶.

По документам прослеживается тесная связь Комиссии по истории Великой Отечественной войны с Главной редакцией «Истории Гражданской войны». В них работали не только одни и те же люди, они имели один на двоих Научно-библиографический отдел, и партийную организацию, подписывали документы сразу от имени обеих, Комиссия использовала бланки Главной редакции и т.д.¹⁷

Вторую большую группу документов составляют рабочие материалы И.И. Минца, которые были использованы им в ходе подготовки научных статей, книг, сборников,

лекций. Основная часть таких рабочих материалов, отложившихся в личном архиве И.И. Минца, посвящена партизанскому движению и представлена выписками из газет и стенограммами бесед с партизанами Московской и Смоленской областей. К машинописным стенограммам приложены пояснительные записки, уточняющие в каком районе происходили описываемые события и какие именно вопросы освещены в тексте. Среди них: боевые действия, борьба с предателями, вооружение, политмассовая работа, дети в отрядах, женщины-разведчицы, зверства, быт, связь с Красной армией, особенно отмечен героизм партизан-детей, подростков и женщин. Часть стенограмм имеет указание на интервьюера и стенографиста, дату рождения и род занятий (звание) опрашиваемого, дату проведения беседы, другая часть текстов лишена этих атрибутов. Сведения о партизанской борьбе в Дорогобужском районе Смоленщины представлены в форме докладной записки о работе районного Комитета ВЛКСМ в период немецкой оккупации. Часть документов сохранились лишь фрагментарно. К беседе с секретарем райкома партии по Глинскому району Смоленской области приложены справки об уничтожении мирного населения, построек, скота и зерновых запасов в этом районе в период немецкой оккупации. Есть и сводные данные о потерях врага от действий партизан по некоторым областям¹⁸.

С самого начала войны И.И. Минц уделял теме партизанского движения самое пристальное внимание¹⁹. 24 июня 1942 г. он выступил в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с лекцией «Год партизанской войны» — полноценным научным исследованием, основанном на материалах Комиссии²⁰. В архиве сохранилось также несколько вариантов его работы «Партизанская война советского народа против фашистских разбойников» (1944), которые отражают этапы ее создания. Текст отмечен большим количеством правки, есть вставки, написанные рукой И.И. Минца²¹.

Кроме того, для И.И. Минца были собраны общие итоговые сведения о количестве документов, мемуаров, дневников, записей бесед, очерков и статей, полученных сотрудниками комиссии от партизан и жителей оккупированных территорий²².

Еще одну группу документов составляет переписка И.И. Минца с сотрудниками Комиссии, которая содержит уникальные сведения, характеризующие практическую работу членов Комиссии в годы войны по собиранию материала, «который не откладывается в архивах, как например, рассказы живых участников, мемуары, дневники и т.п.». Особую ценность, на наш взгляд, представляет письмо члена Комиссии З.Г. Фазина, работавшего в Крыму сразу после его освобождения от немецких захватчиков. В своем письме к И.И. Минцу от 16 июня 1944 г. он сообщает подробности об обстановке на полуострове после его освобождения, о том, как встречали членов Комиссии командиры, политработники и рядовые солдаты 51-й армии, об их настроении и отношении к интервьюерам²³. Из письма З.Г. Фазина: «Крейзер²⁴ принял нас очень радушно. Из первого же разговора с ним я понял, что он немного ущемлен и недоволен тем, что наибольшие лавры за Крымскую компанию достались не 51 армии, на которую выпала самая трудная задача, а Захарову²⁵. На Комиссию нашу Крейзер посмотрел поэтому, как на богом посланное ему утешение. Это, мол, история, она объективна, а не то, что, мол, корреспонденты-газетчики, которым Захаров так ловко умеет показать «товар лицом». Всю душу раскрыл, — жаль, не было при этом стенографистки (я пришел на три минуты условиться о беседе, а вышло, как часто бывает, так что во всю разговорились). Несколько раз я хватался за тетрадку свою, — он говорил:

— Нет, этого не пиши!

Все таки придя домой, я кое-что записал из этой любопытной беседы».

И далее: «Не ограничиваясь беседами с этими шестью высокими начальниками, мы направились в 10-й корпус Неверова²⁶ и в две дивизии 51-й армии, где поработали несколько дней, записывая генералов и простых смертных, иногда проводя беседы уже на станциях, у эшелона, уже готового покинуть Крым. За одним бойцом, переходившим 50 раз вброд через Сиваш, мы с Анастасией Ивановной²⁷ гнались до Бахчисарая — и все таки нашли его в пути и записали!»²⁸.

Сотрудников чаще всего ожидал радушный прием, кто-то из опрашиваемых воспринимал беседы как способ сообщить правду о событиях, превратно показанных журналистами, со многими из них у членов Комиссии налаживались добрые отношения на последующие годы. Таковые установились, например, между И.И. Минцем и будущим маршалом бронетанковых войск М.Е. Катуковым²⁹. В архиве И.И. Минца сохранилось его письмо за 1943 г. и уникальная фотография с дарственной надписью³⁰. Посредством переписки также проводился сбор материалов по истории отдельных воинских частей. Осуществлялась поддержка самостоятельных начинаний армейских частей по написанию ими (под руководством сотрудников комиссии) истории своих соединений. Этим вопросам посвящены письма И.И. Минца командиру 628 истребительного авиаполка подполковнику Е.Н. Грищенко³¹ и письма от генерал-майора В.С. Асклепова и члена комиссии Я. Лившица³².

Работа Комиссии отражена также в переписке И.И. Минца с Б.Г. Верховеном, П.Ф. Ивановым, С.И. Кляцкиным, З.Н. Печенковой, В. Ковалевского, В.В. Грамиди³³.

С первых дней войны И.И. Минц стал выступать с лекциями, посвященными ходу боевых действий на фронтах ВОВ. В его архиве сохранились рабочие наброски инструктивного доклада перед политработниками и агитаторами «Два месяца Отечественной войны», 15 докладов «О текущем моменте», которые он использовал во время лекций, прочитанных им в августе 1942 г. — ноябре 1944 г, лекции по истории Великой Отечественной войны, прочитанные в МГУ, брошюры «Разгром немецких войск под Москвой», «Гений Сталина ведет нас от победы к победе», «Инструктивный доклад к 24 годовщине Красной Армии» и др. Лекции и доклады И.И. Минц прочитал невероятное число раз (ежегодно он делал более сотни докладов и лекций) перед самой разной аудиторией: солдатами, штабными офицерами, рабочими, инженерами, партийными работниками, учеными³⁴. Из отчета члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца о работе за 1943 год: «В текущем году я четырежды выезжал на фронт с докладами о текущем моменте и о некоторых вопросах истории. Всего за год мною сделано свыше ста докладов»³⁵.

И.И. Минц сохранил в личном архиве указания И.В. Сталина, переданные ему через Г.Ф. Александрова 4 июля 1942 г., в отношении того, как правильно следует показывать в печати и выступлениях роль наших союзников в войне, условия, необходимые для победы над гитлеровской Германией и т.д. Сохранилась стенограмма выступления И.И. Минца весной 1942 г. на общем собрании Академии наук СССР в Свердловске «О документах Великой Отечественной войны 1941—1942 гг.», в котором он подробно объясняет задачи создания Комиссии, ее трудности, методы сбора сведений, в том числе о партизанском движении в этот период, снабжает изложение красноречивыми примерами³⁶.

За свою успешную научно-исследовательскую работу в годы Великой Отечественной войны И.И. Минц не раз удостоивался высоких государственных наград (орден Отечественной войны, медали «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»), получал благодарственные письма и грамоты. Напомним также, что полученную в 1943 г. Сталинскую премию (за 2-й том

«Истории Гражданской войны») И.И. Минц перечислил в пользу развития бронетанковых войск СССР³⁷.

На наш взгляд, архивные документы периода Великой Отечественной войны, которые содержатся в личном фонде И.И. Минца, являются существенным дополнением к основному фонду Комиссии. Они позволяют уточнить многие ранее неизвестные моменты, детали того, как происходила работа по созданию и деятельности Комиссии, как сотрудники занимались сбором материала, как записывали интервью с бойцами, командирами и политработниками на передовой линии фронта и с труженниками тыла.

¹ О создании и деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР см.: Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941 -1945 гг./ А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

² АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 411. Л. 11—13, 27, 30—47.

³ Там же. Д. 411. Л. 7—10.

⁴ Там же. Д. 762. Л. 5—16.

⁵ Там же. Д. 411. Л. 1—6, 14, 47—86; Д. 763. Л. 1—5.

⁶ Там же. Д. 762. Л. 2—17.

⁷ Ковпак С.А. (1887—1967) — один из организаторов партизанского движения на Украине. Командир Путивльского партизанского отряда, а затем соединения партизанских отрядов Сумской области, генерал-майор, дважды Герой Советского Союза. В 1941—1942 гг. партизанское соединение под командованием Ковпака осуществляло боевые рейды в тылу врага по Сумской, Курской, Орловской и Брянской областям; в 1942—1943 гг. — рейд из Брянских лесов на Правобережную Украину; во второй половине 1943 г. — Карпатский рейд. Боевые рейды партизан Ковпака сыграли большую роль в разрывании партизанского движения против немецких оккупантов. Стенограмму беседы с С.А. Ковпаком от 26 февраля 1944 г. см. в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР: Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело дважды Героя Советского Союза Ковпака С.А.

⁸ Вершигора П.П. (1905—1963) — активный участник партизанского движения на Украине, генерал-майор, Герой Советского Союза. С 1942 г. воевал в партизанском соединении Ковпака. В январе 1944 г. Сумское партизанское соединение было переименовано в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени С.А. Ковпака, которую возглавил П.П. Вершигора. Дивизия под его командованием совершила в 1944 г. боевой рейд в Польшу и Неманский рейд. 3 июля 1944 г. дивизия соединилась с частями Красной Армии в районе Барановичей и была расформирована. П.П. Вершигора автор документальной повести о партизанах «Люди с чистой совестью» (1946). Стенограммы беседы с П.П. Вершигорой от 30 марта-20 апреля 1945 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. II. Оп. 9/3. Д. 18-б.

⁹ Федоров А.Ф. (1901—1989) — один из руководителей партизанского движения на Украине, генерал-майор, дважды Герой Советского Союза. С сентября 1941 г. — первый секретарь Черниговского, с марта 1943 г. — также Волынского подпольных обкомов партии; одновременно командир Черниговско-Волынского партизанского соединения, действовавшего на Украине, в Белоруссии и в Брянских лесах. Стенограмму беседы с А.Ф. Федоровым от 29 октября 1947 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело дважды Героя Советского Союза Федорова А.Ф.

¹⁰ Козлов В.И. (1903—1967) — в годы Великой Отечественной войны один из организаторов партизанского движения в Белоруссии, первый секретарь Минского подпольного обкома партии, командир Минского партизанского соединения, генерал-майор, Герой Советского Союза. Стенограммы беседы с В.И. Козловым от 26 сентября и 16 октября 1942 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. II. Оп. 4. Д. 16.

¹¹ Покрышкин А.И. (1913—1985) — советский летчик-ас, первый трижды Герой Советского Союза. Стенограмма беседы с А.И. Покрышкиным от 25 декабря 1944 г. впервые была опубликована в книге А.В. Марчукова «Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945». — М., 2014. С. 21—75.

¹² Батюк Н.Ф. (1905—1943) — советский военачальник, генерал-майор, командир 284-й стрелковой дивизии 62-й армии, которая героически сражалась в Сталинграде в районе Мамаева кургана в сентябре 1942 — январе 1943 г. В июле 1943 г. дивизия Н.Ф. Батюка занимала оборону по правому берегу р. Северский Донец и принимала участие в Изюм-Барвенковской наступательной опера-

- ции Юго-Западного фронта. В последний день операции 27 июля 1943 г. Н.Ф. Батюк внезапно умер от разрыва сердца. Стенограмму беседы с Н.Ф. Батюком в Сталинграде от 6 января 1943 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 31. Д. 1.
- ¹³ Лапшов А.В. (1893—1943) — советский военачальник, генерал-майор, Герой Советского Союза. В июне 1941 г. полк под командованием А.В. Лапшова участвовал в оборонительных боях в районе городов Бельцы и Флорешты на Южном фронте; с сентября 1941 г. командир дивизии, а затем заместитель командующего 4-й армией Волховского фронта, где участвовал сначала в Тихвинской, а затем в Любанской наступательных операциях. С апреля 1943 г. командир 16-го гвардейского стрелкового корпуса, руководил частями корпуса в начальный период Орловской наступательной операции. Погиб 14 июля 1943 г. от прямого попадания вражеского снаряда в штабную машину. Стенограммы беседы с А.В. Лапшовым от 26—27 января и от 19 апреля 1943 г. см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело Героя Советского Союза Лапшова А.В.
- ¹⁴ Талалихин В.В. (1918—1941) — советский летчик, заместитель командира эскадрильи 177-го истребительного авиационного полка, младший лейтенант, Герой Советского Союза. В ночь на 7 августа 1941 г. в ночном воздушном бою над Москвой одним из первых совершил ночной таран, сбив немецкий бомбардировщик. В последующих боях В.В. Талалихин сбил еще пять немецких самолетов. Погиб в воздушном бою около Подольска 27 октября 1941 г. Материалы о нем см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело Героя Советского Союза Талалихина В.В.; Раздел. I. Оп. 10. Д. 1.
- ¹⁵ АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 765. Л. 4—8.
- ¹⁶ Там же. Д. 762. Л. 21.
- ¹⁷ Там же. Д. 411. Л. 8; Д. 590. Л. 3, 3 об., Д. 760. Л. 3.
- ¹⁸ Там же. Д. 442. Л. 1—131, 170—173.
- ¹⁹ *Милиц И.И.* Партизанская война. М.: Военное издательство народного комиссариата обороны Союза ССР — 1941.
- ²⁰ АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 32.
- ²¹ Там же. Д. 43. Л. 1—17; Д. 442. Л. 133—165.
- ²² Там же. Д. 442. Л. 187—193, 281—307.
- ²³ Там же. Д. 998. Л. 1—5.
- ²⁴ Крейзер Я.Г. (1905—1969) — советский военачальник, Герой Советского Союза. С 1 августа 1943 г. и до конца войны был командующим 51-й армией, которая отличилась при освобождении Донбасса, Крыма, Прибалтики. Стенограмму беседы с Я.Г. Крейзером от 1 июня 1944 г., которую проводил З.Г. Фазин в деревне Чистенькое под Симферополем см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. IV. Оп. 1. Дело Героя Советского Союза Крейзера Я.Г.
- ²⁵ Захаров Г.Ф. (1897—1957) — советский военачальник, с 30 июля 1943 г. по июль 1944 г. командующий 2-й гвардейской армией, которая весной 1944 г. участвовала в освобождении Крыма от немецких захватчиков.
- ²⁶ Неверов К.П. (1894—1977) — советский военачальник, с апреля 1943 г. командир 10-го стрелкового корпуса, который весной 1944 г. в составе 51-й армии Я.Г. Крейзера принимал участие в освобождении Крыма от немецких оккупантов.
- ²⁷ Имеется в виду стенографистка Комиссии Шамшина А.И.
- ²⁸ АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д.998. Л. 1—5.
- ²⁹ Катюков М.Е. (1900—1976) — советский военачальник, маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. Весной 1942 г. сотрудники Комиссии И.И. Минца выехали в расположение 1-й гвардейской танковой бригады, чтобы записать беседы с танкистами, оборонявшими Москву. Многочисленные стенограммы бесед с бойцами, командирами и политработниками 1-й гвардейской танковой бригады см.: НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. I. Оп. 36.
- ³⁰ АРАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 911. Л. 1—2.
- ³¹ Там же. Д. 821. Л. 1—2.
- ³² Там же. Д. 928. Л. 1.
- ³³ Там же. Д. 871. Л. 1—2.
- ³⁴ Там же. Д. 406.
- ³⁵ Там же. Д. 763. Л. 1.
- ³⁶ Там же. Д. 38. Л. 1—23.
- ³⁷ Там же. Д. 491. Л. 1.

Документы о помощи семьям фронтовиков в Академии наук СССР в 1942 – 1945 гг.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., выпавшая на долю нашего народа, явилась для него суровым испытанием силы духа, стойкости и воли к победе. В годы войны усилия ученых Академии наук СССР были направлены на содействие укреплению обороноспособности нашей страны. В трудных условиях военного времени все, от академика до лаборанта и механика, работали над проблемами, связанными с созданием нового вооружения, развитием оборонного производства, изысканием новых ресурсов, разработкой методов лечения раненых и т.д. Патриотический лозунг «Все для фронта, все для победы!» определил главный смысл работы каждого нашего человека, каждого ученого, конструктора, инженера. В военных действиях принимали участие более двух тысяч сотрудников Академии наук СССР.

В годы тяжелых военных испытаний Академия наук СССР решила помочь фронту путем оказания помощи матерям, женам и детям ушедших на фронт сотрудников московских академических учреждений. В июле 1942 г. была создана Центральная комиссия помощи семьям фронтовиков при Президиуме АН СССР, председатель – жена академика Комарова В.Л. – Комарова Надежда Викторовна. Комиссия работала в тесном контакте с профсоюзной и партийной организациями, Управлением делами АН СССР, а также с Московским областным комитетом профсоюза высшей школы и научных учреждений. Практически во всех московских академических учреждениях были уполномоченные комиссии, которые на местах обследовали положение семей фронтовиков и оказывали необходимую помощь¹.

В начале своей работы комиссия обслуживала 280 семей фронтовиков, однако после начала реэвакуации академических учреждений в Москву их число возросло до 1200 семей. В январе 1943г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих», что значительно облегчило работу комиссии. Основными направлениями работы комиссии были: снабжение семей фронтовиков огородными участками и семенным материалом; трудоустройство членов семей; вывоз детей дошкольного возраста в пионерский лагерь в Поречье и в детский дом для сирот-детей на станции «Отдых»; обустройство детской площадки санаторного типа в Центральном парке культуры и отдыха для детей, не состоящих в детских садах; оказание материальной помощи семьям, выдача ордеров на промышленные товары и добавочных продовольственных карточек по норме рабочего пайка; отправка продовольственных посылок семьям, временно находящимся в других регионах; организация ремонта помещений, где проживали семьи, и обеспечение топливом; вызов семей фронтовиков, ранее проживавших в Москве, и организация освобождения незаконно заселенных квартир.

Фронтовики направляли в адрес комиссии письма, в которых выражали слова благодарности за заботу о своих семьях. Уверенность в благополучии семей вдохновляла солдат и офицеров Советской Армии на беззаветную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Обратимся к отдельным письмам фронтовиков².

4 июля 1944г. бывший сотрудник ЛАФОКИ Калинин Александр Александрович писал «Из письма своей жены узнал о том, что наша лаборатория по-прежнему ведет плодотворную работу. Прошу Вас написать мне письмо и сообщить, кто работает в коллективе, знавшие меня; если есть такие, то пусть они мне напишут о своей жизни и работе. Вся оказанная помощь моей семье еще раз подтверждает и доказывает сплоченность и дружбу народа нашей Советской страны. Ваш доблестный труд и дружба наших семей воодушевляют нас на новые ратные подвиги в деле разгрома кровавого фашизма». На письме имеется приписка, сделанная, по нашему мнению, членом комиссии «Семья эвакуирована. В данный момент семья вернулась в Москву. Двое детей, 7 и 5 лет, все в доме растащено, положение тяжелое».

В августе 1944г. гвардии старший лейтенант Дынькин С.Б. в своем письме информировал «Я получил сообщение от работающей у Вас моей жены Борздыко Софьи Дмитриевны о большой помощи, оказанной Вами моей семье. Забота о моей семье вдохновляет меня на беззаветную борьбу с немецким фашизмом. С первых дней Отечественной войны я призван в порядке партийной мобилизации в Красную Армию в качестве рядового бойца. В 1941 г. я оборонял Москву, в 1942–1943 гг. освобождал Украину. Сейчас готовлюсь к решающим боям за полное освобождение Молдавии и разгрому врага на его территории».

Смирнов Н., гвардии подполковник, в письме от 16 марта 1945г. сообщал одному из своих товарищей по работе в Академии наук СССР «Сегодня получил письмо от своей семьи, которая очень довольна подарком Президиума АН СССР в день Красной Армии. От этой Вашей заботы о родном моем сыне стало как-то светлей, теплей и уютней в темной и сырой землянке. Дела наши идут хорошо, скоро довершим наше дело и вернемся к любимому труду в академии наук. Поздравляю с наступающим нашим общим праздником 220-летия Академии наук. Мы здесь тоже постараемся его отметить лишним залпом по немецким разрушителям науки и культуры. Если можешь, вышли мне материал (тезисы, справки и т.д.) для доклада о 220-летия Академии наук, чтобы я смог провести беседы или доклады в эти дни среди нашей военной среды. Привет всем, кто еще помнит меня, надеюсь, что Вы в дни академического праздника не забудете и нас фронтовиков, оторванных от своих семей и любимого научного труда».

Бывший старший научный сотрудник Института географии АН СССР, гвардии сержант артиллерии Павловский Георгий Васильевич 2 августа 1944 г. писал: «Считаю своим долгом бойца-гвардейца выразить большую благодарность Комиссии помощи семьям фронтовиков за реальную помощь, оказываемую моей семье. Мною уже пройден большой боевой путь от Сталинграда до границ Румынии. За это я имею 9 благодарностей от наркома обороны и два награждения орденами. Но Ваша забота о моих детях воодушевляет меня на новые подвиги и обязывает с еще большей силой бить ненавистного врага до полного его уничтожения».

В своем письме от 23 марта 1945 г. бывший старший научный сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, красноармеец, лектор политотдела войсковой части Крупнов Е. сообщал: «Недавно, впервые за все время войны, почти две недели мне привелось провести в Москве (командирован из воинской части на Всесоюзное археологическое совещание). С 23 февраля по 7 марта я прожил дома, в кругу своей семьи, своих детей и воочию мог убедиться в реальности тех подлинно человеческих забот, которые ощущает моя семья со стороны Комиссии. Помощь, которую получают от Академии наук мои маленькие дети и жена (В.М. Подгорнова), является значительной материальной поддержкой моей семьи. Особо считаю нужным отметить

чуткое и внимательное отношение к нуждам моей семьи. Сознание, что твоя семья, дети не забыты, что они окружены заботой, помогает и мне легче переносить все тяготы военной солдатской жизни».

Бывший научный сотрудник Института экспериментальной медицины АН СССР, Садов И., награжденный орденом Красной Звезды, в 1943 г. в письме из Белоруссии, наряду со словами благодарности, делится своими мыслями: «Мы как-то мало признаем в жизни чувство благодарности, стараемся его скрыть почему-то, совершенно непонятно почему. А оно очень сильно. В трудной обстановке боя до осязаемости сильно. Когда читаешь письмо от жены, и в нем говорится “Академия”, я понимаю, что Вы помогаете. Невольно возникает самое глубокое человеческое чувство благодарности. Чувствуешь, что ты не один, там не забыт, там, в тылу, помнят. Невольно становится радостно, по-семейному и по-товарищески приятно. Это поднимает силы, ярче становится и так ясная ответственность – долг перед Родиной».

Очень трогательное письмо троих детей бывшего сотрудника Издательства АН СССР Хаджинова от 25 марта 1945г. на имя Комаровых Владимира Леонтьевича и Надежды Викторовны: «Пишут Вам Миша, Юля и Олечка. Наш папа – гвардии майор на втором Белорусском фронте. Двое нас – Миша и Юля учимся, а Оля ходит в детский сад. Живем мы хорошо, только одно у нас плохо, что очень тесно. Одна маленькая комната на всех. Когда готовим уроки за одним столом, то только мешаем друг другу. И у брата нет кровати, наша мама не покупает, потому что негде ставить. И еще нет места для уголка, чтобы можно поиграть. Ну, сильная теснота! Папа давно, до войны, работал в издательстве. И ему уже давали квартиру, только из-за войны не успели переехать. Наша мама очень нервная и, когда мы шумим, она говорит, чтобы мы перестали, а то ее расстраиваем. Надежда Викторовна, мы надеемся на Вашу доброту и втроем просим сильно Вас помочь нам».

30 августа 1944г. в своем письме капитан Типеев Шамсон Исламович писал «От жены и дочки я получил письмо о том, что Вы оказали и оказываете им большую моральную поддержку и помогаете им при разрешении их бытовых нужд. Вы лишний раз доказываете своей заботой о наших семьях, что мы имеем в своем тылу действительно единую советскую семью. Пишу я Вам, откуда начинается вражеская земля – логово прусаков. Мы пришли сюда через болота, дремучие леса и реки и готовы идти дальше. Враг окопался. Он огрызается, чувствуя приближение своего конца. Он подобен зверю подстреленному.

«Спасти стремится шкуру зверье,
В уныньи подведя итоги,
Уж скоро заскулит в берлоге,
Запросит мира битый зверь.
Но мы-то не забыли слов,
Которые сказал Крылов:
“С зверями иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой”».

Сохранились документальные примеры разнообразной конкретной помощи коммиссией, оказываемой семьям фронтовиков ³:

«Семья кандидата исторических наук Уральского А.З. вернулась из эвакуации из г. Улан-Удэ в очень тяжелом материальном положении (без вещей и денег) – жена, двое детей и мать, контуженная в г. Курске.

Тотчас по приезде Уральская обратилась в академический институт: ей помогли в прописке, выдали из средств месткома 300 руб. и 1000 руб. исходатайствовали в Президиуме АН СССР. Для сына выдали ботинки и 10 метров ткани, в которых они очень нуждаются. Ежемесячно выдается продовольственный паек НР, был предоставлен огород и семена для посева. Сын отправлен в детский санаторий Академии наук на август месяц».

«Семья старшего научного сотрудника Фундаментальной библиотеки АН СССР Андрианова С.И., добровольца-ополченца, павшего смертью храбрых. Во время нахождения его семьи в эвакуации им была отправлена продовольственная посылка, оказана денежная помощь в размере 1400 руб. По приезде семьи в Москву ежемесячно выдается продовольственная карточка на сухой паек, коллективно был обработан огород, выданы ткань и галоши дочери».

«Семье без вести пропавшего бывшего старшего научного сотрудника Института общей неорганической химии АН СССР Коренева была оказана помощь в возвращении в Москву. Жена, Коренева Елена Ивановна, принята на работу лаборантом. Выдали денежное пособие в размере 1600 руб. Ежемесячно семья дополнительно получает карточку на сухой паек. Систематически получает ордера: на мануфактуру, зимнее пальто, детские ботинки, галоши, валенки. Ребенка устроили в академический детский сад. В порядке самозаготовок ей было выдано два мешка картофеля, она дополнительно получила лучший огородный участок и необходимый семенной материал».

«Оказывается помощь и двенадцатилетней Суриной Тамаре, живущей со старушкой опекуншей, бывшей своей няней. Матери у нее нет. Отец, капитан Трусфус Михаил Исаакович, бывший сотрудник Института горючих ископаемых АН СССР, погиб на фронте в декабре 1942 г., убит в бою и ее единственный брат. Девочка учится в 6-ом классе школы № 228 Октябрьского района. С сентября 1943 г. по август 1944 г. она получила 6 карточек на сухой паек, 65 кг овощей, 200 руб. денег, билет на елку и ордера на шелковое платье, галоши, хлопчатобумажную ткань. Два летних месяца девочка находилась на площадке санаторного типа при школе. Опекунша Тамары весной получила огород в черте города, одна из первых его обработала и засадила семенами».

Всенародная забота о семьях фронтовиков, зародившаяся в Академии наук СССР, — одно из самых благородных начинаний, возникших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Эта забота позволяла солдатам и офицерам Красной Армии знать, что их семьи не забыты, им оказывается материальная и моральная поддержка, об их детях заботятся. Это вселяло в них уверенность, стремление победить фашистских захватчиков, понимание того, что в случае их гибели семьям будет оказана всенародная поддержка и помощь.

Представленная информация позволит частично раскрыть малоизученные страницы истории Великой Отечественной войны и Академии наук СССР, понять настроения, нужды и стремления советских людей в годы тяжелых испытаний.

¹ Архив РАН. Ф. 277. Оп. 2. Д. 144. Л. 105—114.

² Там же. Ф. 571. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—30.

³ Там же. Ф. 277. Оп. 2. Д. 144. Л. 71—73.

Ученые – фронту: деятельность академика Л.С. Штерн во время Великой Отечественной войны

Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) – выдающийся ученый (биохимик и физиолог), первая женщина, избранная действительным членом Академии Наук СССР (1939). Приехав в 1925 году из Швейцарии по приглашению Наркомпроса РСФСР, она заведовала кафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института¹.

В апреле 1929 года по инициативе Л.С. Штерн был организован Научно-исследовательский институт физиологии, бессменным директором и научным руководителем которого она была около двадцати лет.

Имя Л.С. Штерн тесно связано с представлением о гематоэнцефалическом (крово-мозговом) барьере, своеобразном защитном механизме центральной нервной системы. Первые работы по этому вопросу, опубликованные еще в Женеве, создали целое направление в физиологии головного и спинного мозга. Л.С. Штерн справедливо считается одним из основоположников этого учения.

В Архиве РАН в составе личных фондов академика Л.С. Штерн (Ф.1565), академика В.Л. Комарова, президента Академии наук СССР (Ф.277), фонда Института физиологии АН СССР (Ф.399), Секретариата Президиума Академии наук СССР (Ф.2) за 1941–1945 гг. хранятся документы о работе Института физиологии АН СССР, методе лечения Штерн шоковых раненых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это выписки из писем фронтовых врачей о применении метода Штерн Л.С. в лечении шока²; письма Л.С. Штерн академикам В.Л. Комарову, Л.А. Орбели о направлениях и итогах научной деятельности Института физиологии в годы Великой Отечественной войны³, необходимости широкого внедрения в практику методов лечения шока и столбняка⁴; докладные записки, сведения, сводки, карточки учета, истории болезней шоковых раненых в полевых госпиталях⁵; стенограмма выступлений по докладу Л.С. Штерн «О возможности применения метода непосредственного воздействия на нервные центры для лечения заболеваний, связанных с поражением центральной нервной системы» на заседании Президиума Академии наук СССР 21 декабря 1942 г.⁶; письма Института физиологии АН СССР о передаче противошоковой жидкости военным врачам⁷, др.

С первых месяцев Великой Отечественной войны Л.С. Штерн пропагандировала разработанный под ее руководством метод лечения травматического шока посредством введения в большую цистерну головного мозга фосфорнокислого калия.

В конце 1941 г. Институт физиологии АН СССР из Москвы был эвакуирован в Казахстан, г. Алма-Ату, где продолжил усиленно заниматься вопросами шока.

О непростых условиях работы Института физиологии в эвакуации Л.С. Штерн писала в отчете о работе за 1942 год. Заявки Института на необходимые реактивы и стекло не исполнялись; не работали приборы, привезенные из Москвы, рассчитанные на 120 вольт, – в Алма-Ате напряжение в городской сети составляло 220 вольт. В легкой постройке барачного типа без водопровода и канализации, где разместили

Институт, в зимние месяцы температура не превышала 4–6°С, несмотря на усиленную топку⁸.

17 июня 1942 г. на заседании Президиума Академии наук СССР в целях укрепления связи между Академией наук СССР и организациями санитарной службы Красной Армии и Военно-морского флота, интенсификации научно-исследовательской работы медико-санитарного значения при Президиуме Академии наук СССР была создана Военно-санитарная комиссия, в состав бюро которой вошла академик Л.С. Штерн⁹.

Особым постановлением Главного военно-санитарного управления Красной Армии от 3 июля 1942 г. № ЛЭУ 2(1)0307 метод лечения шока, разработанный Л.С. Штерн, был рекомендован главным хирургам фронтов и армий для широкого применения¹⁰.

В письме Л.С. Штерн от 13 июля 1942 г. академику В.Л. Комарову, президенту Академии наук, были указаны основные направления научно-исследовательской деятельности Института физиологии, определенные потребностями, созданными условиями войны: «...довести до конца очень важное дело — дело внедрения в практику нового метода лечения *шока*^{*} и *столбняка*, имеющие особенно в настоящее время большое значение.

У нас ведется работа [и] по некоторым другим актуальным вопросам:

1. Образование в отдельных органах, в частности, в мозгу и в желудке, определенных веществ, способных поднять тонус организма, повысить трудоспособность, увеличить его сопротивляемость утомлению, усилить эффективность труда без ущерба для его здоровья.

2. Восстановление нормальной деятельности сердца, нарушенную под влиянием [как] физических, так и химических факторов, как, напр[имер], травмы, в частности, электро-травмы, отравления хлороформом и другими веществами и т.д.

3. Специальные работы химического характера, результаты которых достаточно четкие, чтобы быть переданы практике. Это мной сделано, и я надеюсь, что в ближайшее время получу соответствующий ответ на мое предложение.

Счастлива, что могу Вам доложить об успешном завершении некоторых работ, т.е. о возможности использовать их результаты для обороны нашей страны»¹¹.

Препарат (противошоковая жидкость) изготавливался Институтом физиологии АН СССР в Алма-Ате и группой сотрудников Института в Москве¹².

В течение 1942 г. Институтом физиологии АН СССР было изготовлено 10 тыс. ампул противошокового препарата¹³.

В Алма-Ате сотрудники Института физиологии на курсах усовершенствования обучали военных врачей технике введения противошоковой жидкости в спинномозговой канал.

21 декабря 1942 г. на заседании Президиума Академии наук СССР академик Л.С. Штерн выступила с докладом «О возможности применения метода непосредственного воздействия на нервные центры для лечения заболеваний, связанных с поражением центральной нервной системы»¹⁴.

Президиумом была принята резолюция об оказании всемерной помощи для внедрения в медицинскую и ветеринарную практику проверенных результатов лечения шока и столбняка и выделения 60 тыс. руб. для оплаты работы внештатных врачей, проводящих эту работу на фронте и в тылу¹⁵.

В 1943 г. Штерн за выдающиеся работы по гематоэнцефалическому барьеру была награждена Сталинской премией второй степени.

* Слова, выделенные курсивом, подчеркнуты в документе.

24 марта 1943 г. газета «Правда» поместила письмо Л.С. Штерн, в котором она благодарила за присуждение премии. «Для советского ученого, — писала она, — не может быть большей радости, чем сознание, что своей работой он приносит непосредственную пользу своей социалистической Родине»¹⁶. Денежную премию (100 тыс. руб.) она передала на строительство санитарного самолета¹⁷.

Штерн организовала выездные противошоковые бригады, в которые командировала научных сотрудников Института физиологии. Задачей бригад было инструктирование и обучение врачей технике метода непосредственного воздействия на нервные центры.

В 1943 г. Л.С. Штерн выезжала на Калининский и Можайский фронт, где читала лекции и проводила беседы по методу непосредственного воздействия на нервные центры и др. темы¹⁸.

В отчете о своей работе за 1943 год академик Л.С. Штерн отмечала, что ею велась дальнейшая теоретическая и экспериментальная разработка вопроса патогенеза и терапии шока и столбняка. Проверка, проведенная в клинике в условиях фронта, дала весьма удовлетворительные результаты.

Доклады о способе выведения из шокового состояния были прочитаны Л.С. Штерн на конференциях и в различных научных обществах (хирургов, невропатологов, психиатров, эндокринологов) в Алма-Ате, Омске, Свердловске, Москве и др. городах. Л.С. Штерн продолжала работу в качестве ответственного редактора «Бюллетеня экспериментальной биологии и медицины», участвовала в работе Антифашистского комитета советских ученых, Еврейского антифашистского комитета и Комитета советских женщин. Ею были сделаны доклады и сообщения по радио на научные и общественно-политические темы¹⁹.

Разработанный Л.С. Штерн метод лечения заболеваний, связанных с нарушением центральной нервной системы, стали применять в ряде клиник Алма-Аты и Москвы для лечения таких заболеваний, как острый и хронический эпидемиологические энцефалиты, отосклероз и неврит слухового нерва, алиментарная дистрофия и др.

Полученные результаты показали эффективность этого метода, а также полную безопасность и простоту техники его применения.

В 1944 году для работы в медицинских учреждениях фронта были командированы профессор Е.М. Беркович (Украинский и 1-й Белорусский фронты), профессор Г.Н. Кассиль (1-й Белорусский фронт), профессор Я.А. Росин (1-й Белорусский фронт), кандидат биологических наук Т.Г. Плотыцын* (1-й Прибалтийский фронт)²⁰.

Среди писем военных врачей, адресованных академику Л.С. Штерн, сохранилось письмо главного хирурга 1-го Украинского фронта М.Н. Ахутина²¹ от 17 января 1944 г.: «[...] Прежде всего, разрешите Вас искренно поблагодарить за направление к нам проф. Е.М. Берковича. Мы с ним полностью договорились, и я многому научился от него. Теперь мне ясны все наши технические ошибки, мы выправим их в дальнейшей работе [...].

С моей точки зрения Ваш метод является одним [из] ценных ингредиентов всего комплекса противошоковых мероприятий [...].

В Вашем методе есть одно преимущество его перед всеми остальными — быстрота эффекта[...] По мере накопления опыта, по-видимому, еще больше уточнится сфера применения метода, показания и противопоказания к нему [...]»²².

Была издана инструкция о способе выведения раненых из шокового состояния методом непосредственного воздействия на нервные центры, разработана инструк-

* Правильно: Плотыцына.

ция по разведению раствора фосфорнокислого калия, которая была утверждена фармакологическим комитетом Народного комиссариата здравоохранения СССР²³.

По состоянию на 22 апреля 1944 г. на складе Главного военно-санитарного управления Красной Армии находилось 32 тыс. ампул противошокового препарата²⁴.

Л.Н. Штерн получала от многих военных хирургов информацию об эффективности своего метода лечения шока и возможных причинах неудачных случаев, закончившихся летальным исходом. Вот отзывы некоторых из них:

«[...]Считаю своим долгом выразить Вам, уважаемая Лина Соломоновна, свое восхищение Вашим методом. Ваш метод дает нам, войсковым врачам, ценнейший метод выведения из шокового состояния раненых бойцов и командиров РККА, значит, служит делу укрепления обороноспособности нашей социалистической Родины и скорейшего разгрома ненавистных нам немецких оккупантов. Остаюсь искренне восхищенным Вашей работой о выведении из шокового состояния. Старший врач воинской части 15853, полевая почта, доктор Беленький И.И.»²⁵

«[...]Пишу Вам коротко о том, что видел сам и что произвело на меня большое впечатление. На моих глазах умирающий, уже агонизирующий человек оживает, оживает быстро: появляется дыхание, улучшается пульс и прочее...

Очень бы хотелось, чтобы этот метод *оживления** человека поскорее получил достаточно широкую известность среди медицинского мира, чтобы он скорее послужил на пользу человечеству, чтобы он сумел вернуть к жизни многих, поверьте, ожидающих его тяжело раненых[...] Капитан м[едицинской]/ с[лужбы] Ю.Г. Монастырский»²⁶.

Доктором медицинских наук, профессором Е.М. Берковичем приводятся статистические данные о результатах воздействия противошоковой жидкости в зависимости от времени ее введения после ранения: «При введении противошоковой жидкости акад. Л.С. Штерн в первые 12 ч[ас.] после ранения из 34 случаев выведено из шока 31, т.е. 91%; через 12—24 ч[ас.] после ранения из 34 случаев выведено из шока 27, т.е. 79%; на вторые сутки из 7 случ[аев] выведено из шока 3»²⁷.

В письмах военных врачей, адресованных Л.С. Штерн, отразились не только данные об эффективности противошоковой жидкости, но и условия, в которых приходилось работать хирургам. Так врач медсанбата, капитан медицинской службы А.Г. Белоусов в письме от 13 октября 1943 г. написал:«[...]На сегодня у меня уже не 25[шоковых] случаев, а 50, но описывать нет времени, так как [как] сумасшедшие двигаемся вперед. Работы так много, что сейчас я мечтаю только о том, как бы выспаться хотя [бы] раз досыта. 30 часов простоишь у стола, 5 часов поспишь — и опять на 30 часов[...]»²⁸.

Этот врач, благодаря противошоковому препарату Л.С. Штерн, один из многих возвращавших к жизни бойцов Красной Армии, был награжден орденом Красной Звезды. В наградном листе Белоусова Александра Григорьевича, 1904 года рождения, капитана медицинской службы, ординатора 2-го операционно-перевязочного взвода 408 отдельного медико-санитарного батальона 322 стрелковой дивизии содержатся сведения (кроме количества сделанных хирургических операций и обработок) об оказании помощи «75 тяжелым шоковым раненым». Наградной лист подписан командиром батальона 25 октября 1943 года²⁹.

В 1944 г. был собран значительный материал, иллюстрирующий эффективность лечения шока методом Штерн. За выдающиеся заслуги в области физиологии и био-

* Слово, выделенное курсивом, выделено автором/ документа.

логической химии в 1944 г. Лина Соломоновна Штерн была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В 1944 г. была создана Академия медицинских наук СССР и Л.С. Штерн становится действительным членом Академии медицинских наук.

Капитан медицинской службы А.Г. Белоусов прислал в июне 1945 г. Л.С. Штерн из Чехословакии поздравление: «Уважаемая Лина Соломоновна! Разрешите Вас поздравить с Победой. Вот наконец-то заветные мечты всех нас сбылись. Вы ведь немало сделали, чтобы был такой славный конец[...]»³⁰.

В 1945 г. Л.Н. Штерн была награждена орденом Красной Звезды за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»³¹.

¹ Архив РАН (АРАН). Ф. 411. Оп. 3. Д. 281. Л. 10.

² Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 189.

³ Там же. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1638

⁴ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 58.

⁵ Там же. Д. 49, 198.

⁶ Там же. Д. 195.

⁷ Там же. Д. 63.

⁸ Там же. Ф. 399. Оп. 5. Д. 14. Л. 7.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1942). Д. 16. Л. 3, 4.

¹⁰ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 48. Л. 1 — 4.

¹¹ Там же. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1638. Л. 3, 3об.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Ф. 399. Оп. 5. Д. 14. Л. 5.

¹⁴ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 195.

¹⁵ Там же. Л. 14.

¹⁶ Там же. Д. 121. Л. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Д. 122. Л. 5.

¹⁹ Там же. Д. 50. Л. 47.

²⁰ Там же. Ф. 399. Оп. 5. Д. 21. Л. 1.

²¹ Ахутин Михаил Никифорович (1898—1948) — военно-полевой хирург, д-р мед. наук, профессор, начальник Военно-медицинской академии Красной Армии им. С. М. Кирова (1940 — август 1941), с августа 1941 — в действующей армии. Гл. хирург Брянского (1941—1943), 2-го Прибалтийского (1943—1944), 1-го Украинского фронтов (1944—1945); заслуженный деятель науки РСФСР (1942), с 1944 г. — зам. гл. хирурга Красной Армии, генерал-лейтенант мед. службы (1945), чл.-корр. АМН СССР. Первый директор Института экспериментальной и клинической хирургии АМН СССР (ныне — Институт хирургии им. А. В. Вишневского).

²² АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 337. Л. 1, 2.

²³ Там же. Ф. 399. Оп. 5. Д. 21. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 63. Л. 7.

²⁵ Там же. Д. 189. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 21.

²⁷ Там же. Д. 49. Л. 15.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 363. Л. 7.

²⁹ Архив ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хр. 2961. Л. 49. № записи: 20105592. «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [электронный банк документов] URL: <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=20105592&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 14.04.2016).

³⁰ АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 363. Л. 28.

³¹ Штерн Лина Соломоновна. / Сост. Смирнова Н.В. М., АН СССР. 1960. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Биологические науки. Физиология. Вып.8). С. 5.

Обзор документов по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в фондах Архива РАН*

Архив Российской академии наук среди своих почти 2000 фондов хранит немало документов по сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

В фонде Секретариата Президиума Академии наук (№ 2) отложились основополагающие документы Академии наук СССР по этой теме. Например, в нем сохранились документы о том, что уже в годы войны в 1942 г. Академией наук предпринимались меры по вопросам организации работы по истории Отечественной войны и составлению хроники обороны г. Москвы¹. В фонде также хранятся постановления, распоряжения и стенограммы заседаний, посвященных юбилейным датам Великой Отечественной войны. 3 февраля 1970 г. было принято распоряжение Президиума АН СССР «О научных мероприятиях в связи с 25-летием победы над фашизмом», которым был намечен расширенный план деятельности АН СССР в этом направлении: гуманитарные институты были обязаны 1 мая 1970 г. принять участие в научной конференции, проводимой Министерством обороны и Главным политическим управлением СА и ВМФ совместно с ИМЛ при ЦК КПСС и АН СССР; отделения Секции общественных наук АН СССР должны были обеспечить активное участие сотрудников гуманитарных институтов в научно-пропагандистских мероприятиях, посвященных 25-летию победы над фашистской Германией; редакции «Общественные науки и современность» к 9 мая 1970 г. необходимо было опубликовать сборник статей советских ученых по проблемам Великой Отечественной войны, а редакциям гуманитарных журналов — научные материалы по этой теме; предусмотрено организовать выставку научной литературы по проблемам Великой Отечественной войны². За 1973 г. сохранилась переписка Секретариата Президиума АН СССР с Главной редакционной комиссией научного труда «История второй мировой войны»³. Постановления Президиума АН СССР от 14 ноября 1974 г. №1036 и от 13 февраля 1975 г. №145 касались организации мероприятий о праздновании 30-летия со дня Победы⁴. В развитие постановления АН СССР «О претворении в жизнь Постановления ЦК КПСС о 40-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» Общим собранием АН СССР 15 марта 1985 г. было принято постановление № 24 с обращением к ученым всего мира в связи с 40-летием победы над фашизмом⁵. В 2005 г. принято постановление № 117 торжественного заседания Президиума РАН 26 апреля и постановление № 135 выездного заседания Президиума РАН 7 июня, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне⁶. Кроме того, в фонде содержатся документы, связанные с другими юбилейными датами событий Великой Отечественной войны, в том числе освобождения стран Восточной Европы.

Наиболее ярко научно-организационная деятельность ученых по сохранению памяти о Великой Отечественной войне отразилась в документах Отделения исто-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00238).

рии АН СССР, фонд которого (№ 457) также хранится в Архиве РАН. На заседаниях Бюро Отделения истории АН СССР в первую очередь обсуждались проблемы о мероприятиях по проведению 30, 40 и 45 годовщин победы в Великой Отечественной войне Советского народа⁷, рассматривались проблемы «Великая Отечественная война советского народа и освободительная миссия Советской Армии» (1955), «История Великой Отечественной войны и историческая победа советского народа» (1957)⁸, а также проблематика, состояние и задачи разработки перспективных комплексных программ «Проблемы войны и мира в XX века» (1984—1986)⁹.

Также на заседаниях Бюро стояли вопросы о проведении научных форумов, посвященных Великой Отечественной войне: международного симпозиума «Участие советских граждан в европейском движении сопротивления в годы 2-ой мировой войны» (1968); всесоюзной научной конференции «Советский тыл в Великой Отечественной войне» (1970); всесоюзной научной конференции «Историческое значение установления дружбы и сотрудничества между СССР и социалистическими государствами Европы (к 30-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и освобождение народов Европы от фашизма)» (1975); лектория на ВДНХ «30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне» (1975); всесоюзной научной конференции «Историография Великой Отечественной войны» (1975); конференции в связи с 40-летием победы над японским милитаризмом (1985); рабочего совещания историков и писателей, посвященного малоизученным вопросам истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (1987)¹⁰.

На заседаниях Общего собрания и Бюро Отделения истории АН СССР, касающихся истории Великой Отечественной войны, звучали научные доклады и сообщения А.М. Самсонова «Некоторые вопросы истории Великой Отечественной войны» (1964) и «Некоторые аспекты советской историографии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (1980); Г.Т. Хорошилова «Вооруженная борьба в гражданской и Великой Отечественной войнах в свете новых документов» (1970); Г.С. Филатова «Об изучении истории фашизма» (1975); П.А. Жилина «Основные научные проблемы коллективного труда «История второй мировой войны 1939—1945 гг.» и влияния советских концепций истории второй мировой войны на зарубежную историографию» (1976); А.Н. Мерцалова «Методологические принципы критики буржуазной историографии (по материалам второй мировой войны)» (1985); В.Л. Малькова «Ф. Рузвельт и советско-американские отношения на завершающем этапе 2-й мировой войны (по новым архивным материалам)» (1987)¹¹. В фонде Отделения истории АН СССР сохранились также доклады И.Е. Петрова «Севастополь в Великой Отечественной войне» на научной сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященной 100-летию юбилею начала Севастопольской обороны (1954) и Д.Е. Мельникова «Всемирно-исторические итоги победы свободолюбивых народов над германским империализмом во второй мировой войне» (1959)¹².

На заседаниях Бюро Отделения истории АН СССР рассматривались вопросы, связанные с изданием трудов по истории Великой Отечественной войны: о составе редколлегии по изданию материалов конференции историков СССР-Польша, посвященной проблемам боевого содружества польских и советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны (1969); о ходе подготовки коллективных трудов «История второй мировой войны» и «Советская военная энциклопедия» (1974); об организации работы над «Краткой историей Второй мировой войны» в сотрудничестве с историками социалистических стран (1978); об утверждении к печати рукописи чл.-корр. АН СССР П.А. Жилина «О войне и военной истории» (1983); об утвержде-

нии к печати трудов акад. А.М. Самсонова «Вторая мировая война (очерк важнейших событий)» (1983) и «Сталинградская битва» (1987); об итогах заседания в Софии Международной редколлегии труда «Причины второй мировой войны. Документы и комментарии» (1987); об участии историков в подготовке совместного с учеными ГДР сборника «Место науки во второй мировой войне» (1987); о подготовке и концепции 10-томной истории «Великая Отечественная война» (1987, 1988); о сообщении акад. А.М. Самсонова о монографии А.Н. Мерцалова «Борьба советского народа против фашистских агрессоров в освещении буржуазной историографии ФРГ» (1987). Сохранилась также переписка Отделения истории АН СССР об участии румынских коллег в создании «Краткой истории второй мировой войны 1939—1945 гг.» (1978)¹³ и т.д.

В протоколах заседаний Бюро Отделения истории АН СССР уделялось внимание и подготовке выставок в павильонах АН СССР на ВДНХ, посвященных Великой Отечественной войне: «История Великой Отечественной войны в исследованиях ученых СССР» (1975) и «40 лет Победы» (1985)¹⁴.

На заседаниях Бюро Отделения истории и философии АН СССР рассматривались вопросы о деятельности Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны: утверждение плана научно-исследовательских работ Комиссии на 1944 г. и 1945 г. (1943, 1944), состояние подготовки научных кадров (аспирантура и докторантура) в Комиссии (1944); составление хроники Отечественной войны (1944). Кроме того, сохранились отчет о работе за I полугодие 1943 г., структура за 1944 г. и план научно-исследовательских работ на 1944 г. Комиссии, а также аннотации Комиссии на работы Я.Л. Лившица «Первая гвардейская танковая бригада», П.М. Федосова «Первая гвардейская дивизия в борьбе за Родину», Е. Герасимова «Генерал Доватор» и Э. Генкиной «Героический Сталинград» (1944)¹⁵. В фонде Отделения отложились и материалы Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР за 1943 г. и 1954 г., в том числе отчет о работе за I полугодие 1943 г. Комиссии¹⁶.

Сохранился блок протоколов заседаний Бюро Отделения истории АН СССР: об организации работы по установлению потерь советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и о работе Комиссии по установлению людских потерь во время Великой Отечественной войны (1989), также отчет о работе Комиссии за 1993 г.¹⁷

Представляют интерес Протокол заседания Бюро Отделения истории АН СССР о деятельности англо-советской комиссии по второй мировой войне (1988) и переписка Отделения относительно ноты Госдепартамента США советскому посольству в Вашингтоне об археологической русской коллекции, вывезенной во время 2-ой Мировой войны (1959)¹⁸.

В фонде Секции общественных наук Президиума АН СССР (1731) хранятся документы об организационной деятельности по сохранению памяти о Великой Отечественной войне, в частности, постановление Секции об участии советской делегации в заседании Международной редколлегии труда «Вторая мировая война. Краткая история» (1980)¹⁹

Проводилась работа по сохранению памяти о Великой Отечественной войне и в учреждениях Отделения истории АН СССР.

В фонде Института истории АН СССР (№ 1577) сохранились протоколы заседаний Ученого совета с тематикой, связанной с коммеморацией Великой Отечественной войны, а в фонде Института истории СССР АН СССР (№ 1841) хранится управленческая документация Сектора истории СССР периода Великой Отечественной войны в виде план-карт сотрудников сектора, отчетов сектора и протоколов заседания сектора за 1973—1982 гг.

Большой комплекс документов, относящийся к фольклору Великой Отечественной войны, хранится в фонде Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (№ 142). Институтом было выпущено обращение о сборе фольклора Великой Отечественной войны, в ответ на которое в период января 1945 по декабрь 1947 г. поступило около 1000 писем солдат и офицеров Советской армии²⁰. Сохранилась стенограмма заседаний Всесоюзного совещания о собирании, изучении и издании фольклора Великой Отечественной войны Института этнографии АН СССР (1947), а также вступительное слово, резолюция, тезисы докладов на совещании²¹. Представляет интерес стенограмма заседания Ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР по утверждению к печати работы В.Ю. Крупянской и С.И. Минц и методического пособия о фольклоре Великой Отечественной войны в 1949 г.²²

В фонде Архива Академии наук сохранилась переписка за 1942 г. с Управлением, Государственными архивами НКВД СССР, Уполномоченным Президиума АН СССР в Казани о сохранности и использовании архивных материалов во время Великой Отечественной войны с приложением списков фондов учреждений АН²³. Именно архивисты Москвы и Ленинграда сохранили и пополнили в военное время комплекс документов, который содержится в настоящее время в Архиве РАН и используется для исторических исследований, в частности и по сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Послевоенный период деятельности Архива РАН в направлении сохранения памяти о Великой Отечественной войне представлена документами (план, перечень экспозиции и др.) об организации на ВДНХ СССР выставки к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, перечнями документов, подготовленные Архивом, по темам об увековечении памяти видных ученых АН СССР, работавших в Щучинско-Боровском районе Кокчетавской области в годы Великой Отечественной войны, об эвакуации учреждений АН во время Великой Отечественной войны и о перемещении культурных ценностей в годы 2-й мировой войны и послевоенный период, тематико-экспозиционный план, перечни документов, представленные Архивом на выставку Росархива «Великая Отечественная война в архивных документах России: взгляд через 50 лет»²⁴. Архив Академии наук и его сотрудники постоянно публиковали и публикуют документы, имеющие отношение к Великой Отечественной войне²⁵. В настоящее время Архивом подготовлена к печати «Летопись Российской академии наук (1941—1945гг.)», т. VI.

В то же время в Архиве РАН хранятся документы о деятельности Академии наук в годы войны, которые служат источником для сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Это фонды Военно-шефской комиссии АН СССР, Казанского административно-хозяйственного управления АН СССР, Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии АН СССР, Комиссии по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны страны, Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны, Комиссии по установлению и учету ущерба, причиненного АН СССР немецко-фашистскими захватчиками, Комиссии помощи семьям фронтовиков АН СССР, Распорядительного бюро АН СССР академического коллектива в Боровом, Ташкентского административно-хозяйственного управления АН СССР, Уполномоченного Президиума АН СССР в г. Ташкенте (член-корреспондент АН СССР Никифоров П.М.), Уполномоченного Президиума АН СССР по Москве (Московское административно-хозяйственное управление) и др.

Немало документов по сохранению памяти о Великой Отечественной войне содержится в личных фондах ученых в Архиве РАН.

Среди них наиболее презентабелен фонд академика Александра Михайловича Самсонова (№ 2048), который, как и его деятельность, представляет собой наиболее яркий и

концентрированный образец по сохранению памяти о Великой Отечественной войне в Архиве РАН²⁶. Сам А.М. Самсонов (1908—1992) закончил Ленинградский историко-лингвистический институт, с 1939 г. служил младшим авиатехником 61 авиабригады Краснознаменного Балтийского Флота и участвовал в советско-финской войне 1939—1940 гг. В 1943—1946 гг. был курсантом Военно-педагогического института Красной Армии, агитатором полка и партгором батальона 1823 самоходного артиллерийского полка в составе 3 гвардейского Сталинградского механизированного корпуса. Он участвовал в форсировании Березины и освобождении Борисова, Минска, Молодечно, Вильнюса, Елгавы, Риги, за что был награжден орденами Красной Звезды (1944) и Отечественной войны II степени (1945), медалями. С 1948 г. А.М. Самсонов был сотрудником Института истории АН СССР и в 1950 г. защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Боевой путь 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса», а в 1961 г. — на соискание степени доктора исторических наук, представив изданную в 1960 г. монографию «Сталинградская битва. От обороны и отступлений к великой победе на Волге». В 1964 г. он избирается членом-корреспондентом, в 1981 г. — действительным членом АН СССР и в 1983 г. — заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР. Опубликовано около 200 его трудов, среди которых по магистральной теме его творчества — истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны — неоднократно переиздававшиеся: «Великая битва под Москвой» (1958), «От Волги до Балтики. Очерк истории 3-го гвардейского механизированного корпуса. 1942—1945 гг.» (1963), «Вторая мировая война» (1967), «Крах фашистской агрессии. 1939—1945. Исторический очерк» (1975), «Память минувшего. События, люди, история» (1988). Многие эти труды хранятся в фонде, как и большое количество иконографического материала, запечатлевшего мемориальные торжества. Представляет интерес статья-отклик А.М. Самсонова «Память о погибших на войне» или «К проблеме исторической памяти» Отклик на статью Л. Корнешова «Мир нашим сердцам. О памятнике немецким солдатам, погибшим на нашей земле» («Известия», 6 марта 1991)²⁷. В 1961—1970 гг. А.М. Самсонов работал директором академического издательства «Наука», при котором в 1964 г. была создана серия «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях и документах», организатором и научным руководителем которой был А.М. Самсонов.

Несомненно, важным является обширный фонд директора Архива Академии наук д.и.н. Бориса Венедиктовича Лешина (№ 2202), который был признанным специалистом по истории науки в годы войны. Он выпустил две монографии²⁸ и собрал богатейший материал из разных архивов по теме своих исследований. В настоящий момент фонд, который содержит эти документы, находится в научной обработке.

Отдельным видом коммеморации могут служить дневниковые записи, например, Г.И. Бабата о первых днях войны в Ленинграде 1941—1942 гг.²⁹, дневники В.И. Вернадского³⁰ и Г.А. Князева³¹ периода войны и др.

Представляют интерес коллекция записей белорусских народных песен о Великой Отечественной войне, собранная чл.-корр. Н.М. Никольским (№ 1619), и «Записки об учреждениях и людях Академии наук СССР на Урале во время Отечественной войны 1941—1945 гг.» акад. Л.Д. Шевякова (№ 1501)³².

В то же время необходимо отметить, что в фондах ученых, которые воевали или же активно участвовали в антифашистской деятельности в годы войны, а также в фондах руководителей Академии наук того периода содержатся документы, которые сами являются источником для сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Такие документы заслуженно вызывают интерес современных исследователей и активно используются в выставочных экспозициях.

- ¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1942). Д. 155.
- ² Там же. Оп. 13. Д. 511.
- ³ Там же. Оп. 1 (1973). Д. 70.
- ⁴ Там же. Оп. 6. Д. 1159, 1180.
- ⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1048.
- ⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 31. Д. 740, 744.
- ⁷ Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 659. Л.15–32, 68–115; Д. 744. Л. 40–80; Д. 755. Л. 1–41, 45–58; Д. 806. Л. 1–28.
- ⁸ Там же. Оп. 1 (1945–1956). Д. 400. Л. 165–166; Оп. 1 (1953–1991). Д. 28.
- ⁹ Там же. Д. 754. Л. 1–22; Д. 767. Л. 1–106.
- ¹⁰ Там же. Д. 544. Л. 1–11; Д. 577. Л. 37–40; Д. 592. Л. 1–7; Д. 659. Л. 1–14, 37–67, 158–167; Д. 660. Л. 83–141; Д. 758. Л. 51–85; Д. 777. Л. 214–221. Д. 777. Л. 214–221.
- ¹¹ Там же. Д. 455. Л. 29–36; Д. 577. Л. 58–69; Д. 660. Л. 131–141; Д. 674. Л. 199–206; Д. 723. Л. 1–52; Д. 759. Л. 1–39; Д. 777. Л. 6–10.
- ¹² Там же. Д. 349. Л. 62–92; Оп. 1 (1953–1959). Д. 268.
- ¹³ Там же. Д. 560. Л. 68–80; Д. 645. Л. 67–78; Д. 703. Л. 131–162; Д. 709; Д. 745. Л. 2–44; Д. 746. Л. 85–101; Д. 777. Л. 6–17, 55–65, 132–139; Д. 785. Л. 90–96.
- ¹⁴ Там же. Д. 659. Л. 15–26, 37–67; Д. 758. Л. 51–85.
- ¹⁵ Там же. Оп. 1а (1943). Д. 37. Л. 23–24; Оп. 1а (1944). Д. 3; Д. 5; Д. 53. Л. 17–18, 50–54; Д. 61.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1а (1943). Д. 5; Оп. 1а (1943). Д. 21. Л. 11; Оп. 1 (1945–1956). Д. 342. Л. 61–62.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 793. Л. 141–182; Д. 794. Л. 1–39, 150–159; Оп. 4. Д. 114.
- ¹⁸ Там же. Оп.1 (1953–1959). Д. 231; Оп. 1. Д. 785. Л. 111–181.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 298. Л. 4–19.
- ²⁰ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1942–1960). Д. 53–61, 85,122. См. Киселев М.Ю. Фольклор Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в документах Архива РАН // Отечественные архивы 2013. № 5. С. 29–34.
- ²¹ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (1942–1960). Д. 109–114.
- ²² Там же. Д. 227.
- ²³ Там же. Ф. 7. Оп. 1 (1936–1963). Д. 86.
- ²⁴ Там же. Оп. 1 (1963–2010). Д. 424, 499а, 507а, 585,5 93.
- ²⁵ Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1961. № 4. С. 13–27. Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1962. С. 409–413. Штаб советской науки // Голос Родины. 1968. № 98. С. 8. Академия наук в годы Великой Отечественной войны // Химия и жизнь. 1970. Советская наука фронту // История СССР с древнейших времен до наших дней: СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1973. Т. 10. С. 96–102. В годы войны // Вестник АН СССР. 1974. № 2. С. 121–129. Организационные формы деятельности ученых по оказанию помощи фронту в Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // 30 лет победы советского народа над фашистской Германией: Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне. Томск, 1975. С. 126–129. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // История и историки: Историографический ежегодник за 1974 год. М., 1976. С. 312–317. Вклад советской науки в достижение победы в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1985. № 5. С. 66–72. Козлов Б.И. Историки науки и техники в дни юбилея [К 50-летию победы в Великой Отечественной войне] // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 3. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания, Документы // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Архив РАН // Состав.: Беляев Е.А., Осипова Н.М., Шитиков Е.А. М., 1996. 311 с.; Афиани В.Ю., Осипова Н.М. Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторический архив. 2010. № 13(130). С.5–27; Осипова Н.М. Документы о вкладе ученых в Победу в фондах Архива РАН // Международная научная конференция «К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне» 21–23 апреля 2010 г. Сборник тезисов докладов. М., 2010. С.81–83 и др.
- ²⁶ Мастера русской историографии: Александр Михайлович Самсонов (1908–1992) / Публ. и вступительная статья Н.М. Осиповой // Исторический архив. 2015. № 2. С. 32–47.
- ²⁷ АРАН. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 133.
- ²⁸ Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / АН СССР. Архив. М.: Наука, 1966. 188 с. Советская наука в годы Великой Отечественной войны / АН СССР. Архив. М.: Наука, 1983. 382 с.
- ²⁹ АРАН. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 155.
- ³⁰ Там же. Ф. 518. Оп. 2. Д. 21–24.
- ³¹ СПбФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 95–101.
- ³² См. Люди науки на Урале в дни войны. Дневник академика Л.Д. Шевякова (1941–1943) / Публ. Левшин Б.В. // Исторический архив. 1961. № 1. С. 82–99; № 3. С. 201–224; № 4. С. 159–181.

Летопись Российской академии наук периода Великой Отечественной войны: источники и методические проблемы составления справочного издания

В последние десятилетия в Российской академии наук предпринята подготовка серийного научно-справочного издания, представляющего деятельность Академии со времени ее основания в форме систематического справочника¹. «Летопись Академии наук» является продолжающимся изданием. Предшествующие тома охватили историю Академии наук в Санкт-Петербурге, Императорской Академии наук, Российской Академии наук, АН СССР с момента ее создания по 1940 г.² Этот коллективный труд продолжается в настоящее время в Архиве РАН. В томе, над которым ведется работа, описываются события, связанные с научной и научно-организационной деятельностью Академии с 1941 по 1945 г. Работа над шестым по счету томом «Летопись Академии наук» (далее — «Летопись») была начата трудами нескольких сотрудников архива, среди которых в первую очередь следует назвать многолетнего ученого секретаря Архива РАН Т.М. Королеву³, составившую обширную картотеку, ставшую большим подспорьем при подготовке справочного издания.

Ранее история Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны освещалась в сборниках документальных публикаций⁴ и обобщающих трудах по истории Академии, в специальных исследованиях, посвященных этой теме (работы Б.В. Левшина⁵, А.В. Кольцова⁶, Э.И. Гракиной⁷ и др.⁸). Тем не менее, еще многие факты из истории деятельности Академии наук в этот период и ее вклада в победу над нацизмом остаются неизвестными или малоизвестными. При этом в распоряжении историков науки фактически отсутствует систематический справочник, который представлял бы целостный комплекс сведений о деятельности АН СССР и ее сотрудников в период Великой Отечественной войны, систематизированный в хронологическом порядке в формате летописи (по дням, месяцам и годам). Кроме того, в силу различных причин, прежде всего, идеологического характера, в работах, вышедших в советский период, имеются ошибочные сведения и искаженные трактовки деятельности Академии. Некоторые вопросы истории этого периода только в последнее время начинают получать новое освещение⁹.

Главной задачей, которой руководствовались составители «Летописи», стало выявление целостного комплекса фактических данных о деятельности АН СССР в области фундаментальных и прикладных наук, как естественных, так и гуманитарных. Безусловно, при поиске, отборе и анализе источников невозможно было основываться на одностороннем подходе, в значительной мере свойственном советской и отчасти российской историографии, сводящем изучение масштабной и многоаспектной проблемы «война и наука» исключительно к теме вклада ученых АН СССР в победу в Великой Отечественной войне¹⁰.

Причины, вследствие которых такой подход в прежние годы если не подменял собой, то существенно заслонял все прочие аспекты исследования темы «война и

наука», достаточно очевидны. Можно полагать, что это произошло как вследствие характера источниковой базы, послужившей основой ключевых исследований по теме, так и проистекало из-за определенного «инструментального» подхода историографов.

Во-первых, сама деятельность АН СССР в военное время, как следует из официальных источников (организационно-распорядительной документации органов государственной власти и управления наукой), была сконцентрирована на нескольких главных направлениях. Это непосредственно предписывалось руководителям научных учреждений Академии решением Президиума АН СССР от 1 июля 1941 г., где говорилось о необходимости «сосредоточить кадры и средства на решении ограниченного числа, но наиболее важных задач» в области обороны¹¹. В числе важнейших магистральных направлений, которыми были вынуждены заняться сотрудники Академии в военное время, в советской историографии выделялись следующие¹²:

1. разработка проблем, имеющих оборонное значение;
2. научная помощь промышленности в интенсификации производств;
3. мобилизация сырьевых ресурсов СССР, замена дефицитных материалов местным сырьем.

Во-вторых, наука рассматривалась историками преимущественно как инструментальная функция общества, понималась как совокупность интеллектуальных ресурсов, разрабатываемых методов, технологий и идеологических схем, обеспечивавших «строительство современной армии, создание передовой для того времени техники и вооружения, развитие оборонной промышленности и всей системы обороноспособности, включая подготовку кадров и укрепление духовного потенциала советского общества»¹³, хотя при этом и признавалось, что «жажда поиска истины в науке пробивала себе дорогу, несмотря на обстановку всепроникающего страха, в которой жило советское общество 30—40-х гг., постепенно освобождаясь от него в годы борьбы с фашистской Германией, борьбы за освобождение мировой цивилизации от фашизма»¹⁴.

В этих условиях, как отмечалось в исследовательских работах постсоветского времени, «проблема собственно научных потерь остается одной из самых неизученных», а научные ресурсы, понимаемые как совокупность ценностей интеллектуальных (идеи, программы, гипотезы, концепции, и т.п.), человеческих (институты и их кадры) и материальных (включая архивы, библиотеки, предметные коллекции, хозяйственные объекты), долгое время «просто не осознавались ни властью, ни обществом как неотъемлемая часть национальных ценностей»¹⁵.

Поэтому упомянутый выше «целостный комплекс фактических данных» понимался составителями «Летописи» не только как собрание фактов о выдающихся достижениях ученых АН СССР и их профессиональных успехах в предметных областях, служивших нуждам фронта и тыла, но и как совокупность сведений, включающих конкретные обстоятельства институциональной и социальной истории науки. Так, не могли быть обойдены вниманием явления, отражающие повседневность науки в ее многообразии, включающем, в том числе, бытовые обстоятельства жизни ученых в эвакуации; факты, относящиеся к незаконным репрессиям в среде научной интеллигенции¹⁶, не прекращавшимся и в годы войны и т.д.

Вместе с тем, для создания «Летописи» было важно проследить изменения в организационной структуре АН СССР, в образовании институтов, лабораторий, периодических изданий, проведении значимых научных конференций, юбилейных сессий, мемориальных заседаний памяти крупных ученых и деятелей культуры, выявить все наиболее существенные факты о научных открытиях и достижениях. Эта

задача осложнялась тем обстоятельством, что, к сожалению, в отечественной исследовательской литературе фактически отсутствует обобщающая фундаментальная работа справочного характера по истории академических учреждений СССР в целом, в которой прослеживались бы институциональные преобразования, в том числе территориальные перемещения, слияния и межведомственные передачи институтов и лабораторий. В нашем случае это означало, что целый ряд таких институциональных преобразований приходилось анализировать особо.

Для составления «Летописи» за военные годы привлечена организационно-распорядительная документация государственных и партийных органов (Государственного комитета обороны, Совета народных комиссаров, ЦК ВКП(б), специализированных наркоматов), органов управления наукой (Президиума АН СССР, ее отраслевых отделений, временных и постоянных комитетов и комиссий), научно-исследовательских организаций. Также привлекались ведомственные издания Академии и ее филиалов, научно-справочная литература, материалы периодической и отраслевой печати (Отчеты АН СССР, «Материалы по истории АН СССР», выпуски «Вестника АН СССР» за годы войны, и многие другие). Эта группа источников в основном характеризует официальную сторону организации труда и повседневной жизни ученых в течение военных лет. Однако для реконструкции бытовых реалий и социальной истории науки времени войны существенным подспорьем стали источники личного происхождения — автобиографии ученых, их дневники, эпистолярные материалы, рукописи научных трудов и т.п. Так, для составления «Летописи» привлечены дневниковые записи академиков В.И. Вернадского¹⁷ и С.И. Вавилова¹⁸, директора Архива АН Г.А. Князева¹⁹. В отдельных случаях датированные документы и записки, происходящие из личных архивных фондов исследователей, позволяют полнее охарактеризовать и даже существенно уточнить факты институциональной истории, биографические детали жизни ученых и обстоятельства их взаимоотношений. Критически, по возможности с обращением к первоисточникам при составлении «Летописи» учитывались сведения, содержащиеся в научно-исследовательских трудах по истории АН СССР военного времени.

Составители «Летописи» постарались ввести в научный оборот целый комплекс фактов и новые архивные материалы по истории Академии наук, отношений науки и власти в военный период. Основной корпус привлеченных для составления «Летописи» неопубликованных исторических источников составили документы, хранящиеся в Архиве РАН: использованы источники более чем из 120 дел, сосредоточенных в 32 фондах архива. Также для подготовки рукописи использован ряд документальных материалов из Санкт-Петербургского филиала АРАН, ГАРФ, РГАСПИ и др.

В результате проведенного анализа источников и систематизации документальных сведений фактический материал в справочных статьях расположен в хронологическом порядке по годам, месяцам и дням. В целом публикуемая в «Летописи» информация подразделяется более чем на 1100 записей, или сводок. Каждая такая запись имеет ссылки на архивные документы, научную и справочную литературу.

В содержательном отношении сведения, выявленные и структурированные в «Летописи», свидетельствуют, что период Великой Отечественной войны относится к одним из самых сложных и драматических в деятельности АН СССР. Ключевой особенностью, характеризующей историю научной жизни военного времени, было то обстоятельство, что никогда Академия не переживала столь масштабных перемещений сотрудников, отделений, институтов и лабораторий и затем организации их работы на новых местах в условиях эвакуации, сконцентрированной по преимуществу на потребностях решения связанных с войной проблем. Справедливо признается, что

«война оказала огромное воздействие на развитие науки в СССР, существенно изменив ее географическую, институциональную, кадровую и проблемную структуру»²⁰.

Процесс создания региональных филиалов АН СССР и образования на их базе Академий наук союзных республик начался еще перед войной. В частности, в феврале 1941 г. Грузинский филиал АН СССР решением Совнаркома был преобразован в АН Грузинской ССР, тогда же Президиум АН СССР утвердил структуру Таджикского филиала Академии²¹. Однако потребности военного времени привели к организации новых филиалов от Средней Азии до Сибири включительно. Так, 5 января 1943 г. Совнарком принял решение об организации Киргизского филиала АН СССР, 20 марта того же года Президиум АН утвердил структуру Казахского филиала, а 21 октября 1943 г. решением Совнаркома о создании Западно-Сибирского филиала союзной Академии было фактически положено начало организации постоянной сети научных организаций в огромном регионе, поскольку базировавшийся в Новосибирске Западно-Сибирский филиал должен был координировать научные исследования в пяти областях (Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской) и двух краях (Алтайском и Красноярском)²².

Немногим более чем через неделю, 29 октября 1943 г., Совнарком постановил «удовлетворить просьбу СНК Армянской ССР и ЦК КП(б) Армении о реорганизации Армянского филиала Академии наук СССР в г. Ереване в Академию наук Армянской ССР»²³, а уже 4 ноября Узбекский филиал АН СССР был реорганизован в Академию наук Узбекской ССР²⁴. Первыми президентами АН Армянской и Узбекской ССР стали, соответственно, востоковед, директор Государственного Эрмитажа И.А. Орбели (отбывший после эвакуации ценностей Эрмитажа 30 марта 1942 г. в Ереван и возглавлявший там Президиум Армянского филиала АН СССР²⁵) и глава Узбекского филиала союзной академии Т.Н. Кары-Ниязов, одновременно занимавший пост зам. председателя СНК Узбекской ССР по вопросам науки, культуры и искусства²⁶. Деятельность региональных подразделений Академии должен был координировать Совет филиалов и баз АН СССР, которым руководило специально созданное в марте 1943 г. Бюро под председательством президента Академии В.Л. Комарова²⁷.

Все это фактически привело не только к частичной децентрализации управления, но и к изменению самой системы функционирования европоцентричной прежде отечественной науки, преобразовав масштабы научной деятельности в Закавказье и в основном распространив эту деятельность на восток, — в Сибирь, Центральную и Среднюю Азию, — где постепенно стали действовать определяющие новый облик АН СССР научные центры, возникли филиалы столичных институтов и университетов.

Решение проблем перебазирования, обеспечения функционирования учреждений и обустройства быта ученых на новых местах — главным образом в Поволжье, Зауралье, в Центральной и Средней Азии — вынужденно оказалось многоэтапным, ведь АН СССР к 1941 г. стала крупнейшим научным центром страны, в составе которого, помимо филиалов, работало 47 научно-исследовательских институтов и 76 самостоятельных лабораторий, где насчитывалось около 4700 научных и научно-технических сотрудников, в том числе 123 действительных члена академии и 182 члена-корреспондента²⁸. На 1 января 1941 г. в АН СССР состояло 1162 докторанта и аспиранта (в докторантуре 236 и в аспирантуре — 926 человек)²⁹.

Эти институциональные ресурсы и сотрудники были сосредоточены в основном в Москве и Ленинграде, но также в Харькове, Киеве и Минске (так, АН Белорусской ССР к началу войны объединяла 12 научно-исследовательских учреждений, где работали около 750 человек). Такие обстоятельства обусловили масштаб и вынужденную этапность проблем эвакуации.

Как показал Б.В. Левшин, в эвакуации академических учреждений уместно выделить три основных этапа³⁰.

На первом этапе в течение июля-августа 1941 г. были перебазированы научные учреждения из западных и частично центральных районов. Первоначально (еще 9 июля 1941 г.) предполагалось эвакуировать ключевые научные учреждения страны в Томск³¹. Однако уже спустя несколько дней планы изменились: 16 июля 1941 г., в тот же день, когда ГКО решил создать Совет по эвакуации под председательством Н.М. Шверника, было принято и решение о перемещении Президиума АН СССР и основной части академических учреждений в Татарскую АССР, в Казань³². Руководил эвакуацией вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт, назначенный уполномоченным Совета по эвакуации Академии³³. Во многом благодаря его энергии и личным усилиям 22 июля в Казань были отправлены первые 11 институтов и лабораторий Академии³⁴. В конце июля — августе в Казань были эвакуированы Радиевый институт (РИАН), ЛФТИ и Институт химической физики. В Йошкар-Олу был перемещен Государственный оптический институт, что впоследствии обрело его директора акад. С.И. Вавилова на частые разъезды между столицами Марийской и Татарской АССР, поскольку в Казань был эвакуирован Физический институт, который он также возглавлял. В августе в Казань выехали вице-президенты АН СССР О.Ю. Шмидт и Е.А. Чудаков, сотрудники Президиума АН СССР.

В Казани и других городах Поволжья обосновались 1884 научных сотрудника, включая 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР, 33 физических, химических и технических научных учреждения. Однако в Поволжье для всех академических учреждений не хватало места, поэтому их пришлось размещать в промышленных центрах Урала и дальше, на востоке страны.

В конце августа 1941 г. в Свердловск прибыл президент АН СССР В.Л. Комаров. Там располагался образованный еще в 1932 г. Уральский филиал АН СССР и Уральская комплексная экспедиция, и туда были эвакуированы Институт металлургии, Лаборатория кристаллографии, а позднее и Институт горного дела. Комаров принял решение остаться в Свердловске. В столице Урала и городах области собралось 17 академиков и 8 членов-корреспондентов АН СССР, значительное число научных сотрудников. Тогда же В.Л. Комаровым на базе комплексной комиссии была организована специальная Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны³⁵. Эта комиссия впоследствии стала претендовать на роль главного рабочего органа АН СССР. В апреле 1942 г. она была преобразована в Комиссию по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Переименование не было номинальным. Фактически оно отражало административную победу В.Л. Комарова над руководившим в Казани работой Президиума АН СССР О.Ю. Шмидтом, поскольку одобрение в ГКО и Совнаркоме получил план перестройки науки, предложенный комиссией Комарова³⁶, а Шмидт в марте 1942 г. решением Сталина был отстранен от обязанностей вице-президента и исключен из состава Президиума АН СССР за представление правительству плана работы Академии без ведома ее президента³⁷.

Во время битвы за Москву, с 15 октября 1941 г. до ноября 1941 г., проходил второй этап эвакуации научных учреждений из центральных районов. Геологические учреждения в основном эвакуировались на Урал, но некоторые из них, а также биологические и гуманитарные научные организации — в Ташкент, Фрунзе и другие города республик Средней Азии. В городах Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР в итоге оказались сосредоточены около 730 научных сотрудников, в том числе 13 академиков и 30 членов-корреспондентов АН СССР.

Эвакуация научных учреждений Ленинграда была организована с большим опозданием и в начале сентября 1941 г. с захватом противником Шлиссельбурга прервана блокадой города. В октябре-ноябре 1941 г. авиатранспортом было эвакуировано лишь небольшое число видных ученых. «Проводившаяся эвакуация научных работников академии летным путем по существу не решила вопроса о сохранении научных кадров Академии, так как в Ленинграде осталось большое число высококвалифицированных научных работников, представляющих основной костяк институтов», — констатировал, обращаясь в январе 1942 г. к 1-му секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Жданову вр.и.о. директора Института истории материальной культуры (ИИМК) С.Н. Бибииков в письме, под которым подписались еще пять сотрудников института³⁸. Многие из оставшихся не могли или не хотели покинуть город и погибли в годы блокады³⁹. Так, 28 декабря 1941 г. умер от истощения возглавлявший оставшиеся в Ленинграде учреждения Академии историк-эллинист и филолог-классик акад. С.А. Жебелев.

Перебазирование научных учреждений из Ленинграда составило третий этап эвакуации, продлившийся с февраля по июль 1942 г. Из города были вывезены книги и рукописи Пушкинского Дома, экспонаты ИИМК, музеев антропологии и этнографии, ботанического и зоологического, часть фондов Архива АН СССР⁴⁰. Следует отметить, что эвакуация людей и оборудования из осажденного Ленинграда возобновилась после прорыва блокадного кольца 18 января 1943 г., и только 12 ноября того же года (т.е. за 2,5 месяца до полного снятия блокады) ГКО решил прекратить эвакуацию оборудования из города⁴¹.

Несмотря на масштабную эвакуацию, из Москвы и Ленинграда выехали не все сотрудники академических учреждений, включая 10 академиков и 34 членов-корреспондентов АН СССР. Считается, что к началу 1942 г. 85 научно-исследовательских учреждений Академии наук и около 4000 научных сотрудников, 228 академиков и членов-корреспондентов АН СССР разместились в 45 пунктах⁴². При этом 19 научно-исследовательских институтов, несколько сотен научных сотрудников АН Украинской ССР расположились в Уфе и других городах.

На завершающем этапе войны началось обратное движение людей, а также оборудования и иных научно-технических ресурсов, причем реэвакуация учреждений Академии растянулась на многие месяцы, что также, конечно, отразилось на особенностях функционирования науки того времени. Реэвакуацию научных учреждений правительство начало после Сталинградской битвы. Через месяц с небольшим после ее окончания, 13 марта 1943 г., Совнарком за подписью Молотова разрешил Академии наук перевести в Москву ряд эвакуированных учреждений «по списку, утвержденному Президентом АН СССР», обязав Наркоматы и другие ведомства в месячный срок освободить временно занятые их подразделениями помещения АН СССР, и потребовав обеспечить транспорт и ассигнования⁴³. В мае того же года Совнарком принял решение о переводе из Уфы в Москву Академии наук УССР⁴⁴. С мая по октябрь 1943 г. в Москву из 11 городов возвратилось 61 учреждение АН СССР. 26 февраля 1944 г., т.е. уже спустя много месяцев после начала реэвакуации, вернувшийся в Йошкар-Олу после поездки в Казань акад. С.И. Вавилов с горечью отмечал в дневнике: «В Академии развал. По примеру вице-президентов начинают всеми правдами и неправдами диффундировать в Москву, поодиночке, группами, лабораториями. Вовсе не из-за патриотических порывов, а для охраны собственных квартир, захватазданий, теплых мест. В результате в Казани в академических институтах работа почти прекратилась, хлопчут о вагонах, билетах, пропусках, упаковываются и все нервозно дрожат, как бы их не обогнали»⁴⁵.

Нередко сами власти предписывали осуществлять реэвакуацию в сжатые сроки, причем к этому прилагались дополнительные требования к руководству научными учреждениями: так, Берия, действовавший в качестве заместителя председателя ГКО, 25 ноября 1944 г. распорядился, чтобы Радиевый институт был в двухнедельный срок реэвакуирован из Казани в Ленинград и одновременно обязал директора РИАН В.Г. Хлопина не позднее 1 января 1945 г. «пустить в работу циклотронную установку института»⁴⁶. При этом руководство Татарской АССР явно осознавало выгоды присутствия в столице республики крупного научного центра и не желало обратного перебазирования всех сосредоточенных в Казани учреждений науки. Согласившись с этим, менее чем за месяц до окончания войны Совнарком постановил открыть Казанский филиал АН СССР⁴⁷.

Таким образом, эвакуация и реэвакуация научных учреждений повлекли за собой частичную реорганизацию и появление новых подразделений Академии. Перемены как в формах организации, так и в содержании исследований, обусловленных необходимостью решения прикладных военных проблем, были связаны с принципиальной и масштабной переориентацией деятельности академических учреждений.

Комплексные и тематические комиссии и комитеты, объединявшие ученых и специалистов различных учреждений и ведомств и действовавшие для оперативной связи с военными и промышленными организациями, получили широкое распространение наряду с использованием традиционных форм деятельности научных коллективов. В условиях войны координация науки, промышленности и экономики, несомненно, приобретала первостепенное значение⁴⁸. Выше уже было сказано о сыгравшей определяющую роль в планировании работы всей АН СССР в условиях военного времени Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, которую возглавил президент АН СССР В.Л. Комаров. Однако из-за того, что он часто болел, лидирующую роль в Комиссии сначала играл металлург акад. И.П. Бардин (именно он в декабре 1941 г. доставил на самолете план реорганизации академической деятельности, подготовленный комиссией Комарова⁴⁹), а с мая 1942 г. — секретарь Академии Н.Г. Бруевич, выполнявший функции «опекуна при президенте»⁵⁰ и принявший на себя кураторство ряда стоявших перед учеными проблем⁵¹.

Помимо комиссии Комарова, уже в июле 1941 г. была образована возглавленная акад. А.Е. Ферсманом комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии, которую составляли около 100 геологов, географов, почвоведов, ботаников и научных работников других специальностей, однако в основном руководство делами этой комиссии осуществлял заместитель ее председателя, ученый секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР В.А. Чернявский, а план работ был утвержден только 11 августа следующего года⁵². В июне 1942 г. в Казани под руководством акад. Е.А. Чудакова начала действовать академическая комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны⁵³. Эта комиссия была создана на базе Совета по изучению производительных сил АН СССР и его комиссий, образованных с осени 1941 г. для содействия оборонным, преимущественно военно-инженерным организациям.

3 апреля 1942 г. Президиум АН СССР организовал Комиссию по научно-техническим военно-морским вопросам под председательством акад. А.Ф. Иоффе (ее ученым секретарем был И.В. Курчатов)⁵⁴; 17 июня 1942 г. была создана Военно-санитарная комиссия АН СССР, связанная с Главным военно-санитарным управлением Красной Армии, Медико-санитарным управлением ВМФ и Наркомздравом, которую возглавил вице-президент АН СССР акад. Л.А. Орбели. Подобные комиссии,

объединявшие ученых разных специальностей, создавались и при республиканских академических центрах⁵⁵.

Что касается содержательной стороны исследований, проводившихся сотрудниками Академии тех лет, то невозможно перечислить все отрасли и области научных изысканий, так или иначе затронутые военной тематикой, в которых проявили себя целые коллективы и отдельные крупные ученые. Неудивительно, что в первую очередь в официальных источниках военного времени находят отражение новации и открытия в таких областях, как прикладная физика, — в частности, радиотехника и аэродинамика, а также химия горения и взрыва, металловедение и геология рудных месторождений и т. п. Соответственно, исследования и публикации в таких гуманитарных областях, как история и филология, если они напрямую не были связаны с задачами антинацистской пропаганды, официальные источники отражают, увы, скудно.

Вместе с тем известно, что некоторые научные исследования даже в прикладных областях, не сулившие быстрой отдачи, в 1941 г. вынужденно оказались на время остановленными. Такие факты тоже не могли быть обойдены вниманием в работе над «Летописью». Как отмечал А.Б. Кожевников⁵⁶, это касалось даже проблем исследования деления урана, которые в основном были свернуты, затем в ограниченном масштабе возобновлены в 1943 г. и получили приоритетную поддержку государства в качестве масштабного научно-промышленного проекта уже в конце войны только после бомбардировки американскими ВВС Хиросимы и Нагасаки. Действительно, в феврале 1942 г. физик-ядерщик, будущий академик Г.Н. Флёрв, служивший техником-лейтенантом на Юго-Западном фронте, просил уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтанова «разрешить заниматься ураном», а также сообщал И.В. Курчатову, что работа по спонтанному делению среди физиков Казани «даже и не котируется на бирже соискателей» на Сталинскую премию⁵⁷. Только почти год спустя, в январе 1943 г., директор РИАН акад. В.Г. Хлопин составил записку на имя С.В. Кафтанова и вице-президента АН СССР А.Ф. Иоффе о необходимых мерах для организации исследований ядерной энергии «для практических и, в частности, военных целей»⁵⁸, за которым 11 февраля последовало совершенно секретное распоряжение ГКО «о дополнительных мероприятиях в организации работ по урану»⁵⁹, а 10 марта того же года И.В. Курчатов (который до того занимался проблемой противоминной защиты кораблей), распоряжением по АН СССР был назначен начальником Лаборатории № 2, ставшей центром работ по атомной проблеме и находившейся во взаимосвязи с группой оборонных заводов⁶⁰. Тогда Лаборатория не подчинялась АН СССР напрямую, а относилась к возглавлявшемуся А.Ф. Иоффе ЛФТИ, размещенному в Казани. При этом решение ГКО об отзыве с фронта в распоряжение Лаборатории № 2 необходимых специалистов последовало только 11 марта 1944 г., т.е. через год после назначения Курчатова⁶¹.

Одним из наиболее важных политических результатов развития научных и военно-технических достижений времен Второй мировой войны, по мнению американского исследователя советской науки Э. Поллока, в первую очередь таких, как атомное оружие, системы радиолокационного обнаружения и промышленное производство пенициллина (в СССР — крустозина⁶²), стало новое понимание руководством страны науки как критически важной сферы национальной безопасности, обеспечивающей устойчивость государственной власти⁶³. Еще до войны подобное понимание у властей, по-видимому, отсутствовало: косвенно об этом свидетельствует признание отечественной историографии в том, что «плана изменения тематики научных исследований в случае войны заблаговременно создано не было» и «поиск

путей быстрой перестройки работы Академии на военный лад пришлось вести в условиях уже начавшейся агрессии»⁶⁴.

Итак, основные направления деятельности, вехи и этапы преобразований и перемещений руководящих органов Академии и ее институтов, а также ключевые итоги развития науки военного времени, как следует из приведенных выше сведений, в целом могут быть очерчены достаточно определенно. Несмотря на это, для историографии остается еще несколько важных вопросов, требующих разрешения. Прежде всего, поскольку деятельность ученых АН СССР протекала во время войны в особых организационных формах, а многие связанные с научными исследованиями решения принимались на уровне межотраслевых комитетов, комиссий и специализированных советов (в том числе, созданных не при учреждениях АН, а при наркоматах), то следует ли составлять «Летопись» только как историю академических институций? К этому вопросу примыкает и другой: так как некоторые выдающиеся ученые, удостоенные до или во время войны академических званий (среди них, например, радиотехник А.И. Берг, искусствовед И.Э. Грабарь, педиатр Г.Н. Сперанский, теплотехник С.П. Сыромятников) трудились вне системы АН, то в какой мере академическая «Летопись» должна учитывать связанные с их именами события и достижения? Анализ принципов составления публикаций военных лет в Отчетах АН СССР, «Материалах по истории АН СССР» и подобных ведомственных изданиях не дал однозначного ответа на эти вопросы. Тем не менее, составители решили руководствоваться принципом составления «Летописи» в академическом смысле, понимая ее в первую очередь как хронологический свод справочных сведений по истории Академии наук, но не истории науки в СССР в целом. Информация об организациях, институционально не связанных с АН СССР, а также лицах, трудившихся вне академической системы, привлекалась в той мере, в которой она затрагивала совместные с учреждениями АН проекты и разработки.

Вышеуказанными обстоятельствами не исчерпывается перечень методических проблем источниковедческого и археографического характера, с которыми пришлось столкнуться при составлении «Летописи» за военные годы.

Несмотря на фигурирующие в официальных источниках и исследовательской литературе оценочные обобщающие данные, в современной историографии справедливо признается, что «даже в Российской академии наук нет ни полного мартиролога человеческих потерь Академии в годы войны»⁶⁵. Заметим, что согласно приведенным выше и принятым в советской историографии данным о численности предвоенного состава сотрудников АН СССР (за вычетом филиалов — около 4,7 тыс. человек) и численности эвакуированных (около 4 тыс.) кадровые потери дают явно существенно заниженную оценку в 700 человек, поскольку сюда нужно относить всех ушедших на фронт, оказавшихся в оккупации и перешедших на внеакадемическую работу в советском тылу сотрудников. Более того, «до сих пор минимально введены в научный оборот документальные материалы, свидетельствующие о том, что реально происходило с отдельными учеными и научными коллективами в военные годы», нет даже относительно точного «списка сотрудников, репрессированных в годы сталинизма»⁶⁶. Как известно, продолжавшиеся и в годы войны политические репрессии, затрагивавшие, среди прочего, и АН СССР, помимо непосредственных боевых действий, условий оккупации и драматических обстоятельств жизни людей в тылу, были немаловажным фактором, приводившим к драматическим потерям в составе Академии, научных организациях и вузах⁶⁷. Мы не располагаем целостным исследованием об истории репрессий в среде академической элиты в годы войны, и «Летопись»,

к сожалению, не может собой его заменить. Поэтому в «Летописи» вынужденно отражены лишь сведения об отдельных делах и лицах, таких, как скончавшиеся в заключении в 1943 г. бывшие руководители Всесоюзного института растениеводства акад. Н.И. Вавилов и Института мировой литературы акад. И.К. Луппол.

Помимо этого, до сих пор не учтенными остаются масштабы добровольной, вынужденной и насильственной «миграции» ученых и институтов в военные годы. Неясно, сколько советских ученых и по каким причинам оказались на временной и постоянной работе в Германии, что происходило во время вторжения нацистов с научными коллективами, не успевшими эвакуироваться, сколько ученых (и с какой мотивацией) ушли (или вывезены) к союзникам. Здесь мы также располагаем сведениями только об отдельных персоналиях, таких, как добровольно перешедший на службу противнику выдающийся монголовед чл.-корр. АН СССР Н.Н. Поппе⁶⁸. Отчасти (но только отчасти!) сведения о численности научных коллективов, оказавшихся в зоне оккупации, могут быть извлечены из документальных публикаций, таких, как картотека Оперштаба Розенберга⁶⁹.

Кроме проблем состояния источниковой базы, ряд проблем связан с привлечением источников личного происхождения и методической стороной изложения, уже сложившейся при публикации предыдущих томов «Летописи».

В таких важных источниках, как дневники и переписка акад. В.И. Вернадского и С.И. Вавилова, директора Архива АН СССР Г.А. Князева, других современников и участников научной жизни и событий тех лет, датировки событий нередко расходятся с официальными, в ряде случаев мемуаристы описывали события постфактум, причем оценочно и эмоционально, что не позволяет привлечь ценные свидетельства в качестве дополнения к приводимому в «Летописи» хронологически привязанному фактографическому описанию того или иного события.

Проблемы масштабной эвакуации и последующей реэвакуации вызывают опасение, что у читателя «Летописи» не возникает целостной картины, позволяющей судить об экономико-географическом распределении ресурсов и учреждений науки в период эвакуации: руководствуюсь только «Летописью», далеко не всегда можно понять, где и в какие годы действовали те или иные учреждения, институты, отделения АН; какие из них в конкретный год располагались в Ташкенте, а какие — в Алма-Ате или Свердловске. Отсутствие такой целостной картины может затруднить понимание и восприятие описываемых в «Летописи» событий научной жизни в годы войны. Вероятно, для читателя было бы полезно, чтобы под каждым годом приводилась хотя бы краткая сводка о состоянии и местонахождении важнейших учреждений науки в период эвакуации. Однако составление таких сводок — отдельная исследовательская задача, которая, прежде всего, не соответствует традиционному формату «Летописи», отраженному в предшествующих томах издания.

Кроме того, как выяснилось, официальная отчетность Академии о научных достижениях советских ученых в годы войны нередко способствует некритическому изложению фактов, в том числе касающихся научных открытий и разработок. Зачастую до 1943 г. включительно ученые в силу бытовых и организационных трудностей не имели возможности для полноценного продолжения начатых до войны исследований, поэтому могло случаться и так, что результаты и достижения довоенных лет в официальных материалах 1941—1943 гг. выдавались за современные. Так, Г.Н. Флёров откровенно писал И.В. Курчатову о намерении представить выполненную в 1940—41 гг. работу на выдвижение Сталинской премии, отметив ее окончание 1942 годом⁷⁰, а ряде официальных источников, в том числе опубликованных, значит-

ся, что в 1943 г. «академик С.И. Вавилов разработал общую теорию люминесцентных растворов»⁷¹, тогда как эти работы были начаты С.И. Вавиловым еще до войны, а в 1943 г. только опубликованы⁷².

Несмотря на наличие в работе составителей «Летописи» означенных проблем хочется надеяться, что подготовленный к изданию том, содержащий ряд впервые вводимых в научный оборот сведений, станет полезным для исследователей истории науки.

- ¹ Летопись Российской академии наук / Рос. акад. наук. Ин—т истории естествознания и техники. С.—Петербург. фил.; Гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 1: 1724—1802 / Отв. ред. Н.И. Невская; [Сост. и пер.: Е.Ю. Басаргина и др.]. СПб.: Наука, 2000. 994 с.; Летопись Российской академии наук / Рос. акад. наук. Ин—т истории естествознания и техники. С.—Петербург. фил.; Гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 2: 1803—1860 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович; [Сост. и пер.: В.И. Васильев и др.]. СПб.: Наука, 2002. 620 с.; Летопись Российской академии наук / Рос. акад. наук. Ин—т истории естествознания и техники. С.—Петербург. фил.; Гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 3: 1861—1900 / [Сост. и пер. Е.Ю. Басаргина и др.]; Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2003. 727 с.; Летопись Российской академии наук / Рос. акад. наук. Ин—т истории естествознания и техники. С.—Петербург. фил.; Гл. ред. Ю.С. Осипов. Т. 4: 1901—1934 / [сост. К.Г. Большакова и др.]; отв. редакторы Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. 1050 с.
- ² Летопись Российской академии наук / Рос. акад. наук. Архив РАН. Т. 5: 1935—1940 / [Сост. Т.А. Джалилов и др.]; Отв. ред. В.Ю. Афиани (в печати).
- ³ Королева Т.М. «Музейная и архивная комиссия АН СССР имеет своей основной задачей...». Документы архива РАН. 1943 г. // Исторический архив. 2015. № 2. С. 188—194.
- ⁴ Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Рос. акад. наук. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Арх. РАН; [Сост. Е.А. Беляев и др.]. М.: Наука, 1996; Атомный проект СССР: Документы и материалы: [В 3 т. (12 книгах)] / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.: Наука. Физматлит, 1998—2010; Кондакова Н.И., Куманев Г.А. Ученые—гуманитарии России в годы Великой Отечественной войны: Документы. Материалы. Комментарии. М.: Светотон, 2004.
- ⁵ Левшин Б.В. Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941—1943 гг.) // Исторический архив. 1961. № 1. С. 120—127; Он же. Источники по истории Академии наук СССР периода Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 409—413; Он же. Академия наук в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М.: Наука, 1966; Он же. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1983.
- ⁶ Кольцов А.В. Ученые Ленинграда в годы блокады. (1941—1943). М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1962; Он же. Роль Академии наук в организации региональных научных центров. (1917—1961 гг.). Л.: Наука, 1988; Он же. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934—1945 гг. СПб.: Наука, 1997.
- ⁷ Гракина Э.И. Ученые — фронту, 1941—1945. М.: Наука, 1989; Она же. Ученые России в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М.: Ин-т рос. истории, 2000.
- ⁸ Салов В.И. Из истории Академии наук СССР в первые годы Великой Отечественной войны (1941 — 1943) // Исторические записки. 1957. № 60. С. 3—30; Соболев Г.Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1966; Сражающаяся наука / А.А. Пархоменко, А.С. Федоров. М.: Знание, 1990; Афиани В.Ю., Осипова Н.М. Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки. 2010. № 13 (130). С. 5—27.
- ⁹ См., напр.: Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров — президент АН СССР // Нестор 9. На переломе: Отечественная наука в конце XIX—XX веке. Вып. 3. СПб., 2005. С. 165—205; Сорокина М.Ю. От общенациональной экспертизы к профессиональному консультированию: из социальной истории советской науки в годы Второй мировой войны // Институционализация отношений государства и науки в истории России. (XVIII — XX вв.). Сборник статей. Вып. II / ред. Б.И. Козлов. М., 2008. С. 111—245.
- ¹⁰ Сорокина М.Ю. От общенациональной экспертизы... С. 113—114.
- ¹¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 207.
- ¹² Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 14.
- ¹³ Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны... С. 3.
- ¹⁴ Там же. С. 6.
- ¹⁵ Сорокина М.Ю. От общенациональной экспертизы... С. 115.

- ¹⁶ См., напр.: Репрессированная наука / [Сб. ст. и док-тов]; ред. М.Г. Ярошевский, ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР: Сб. ст. / Рос. АН. Отд-ние истории. Арх. РАН; [Сост., авт. предисл. И.Г. Арефьева, отв. ред. чл.-корр. РАН В.А. Куманев]. М.: Наука, 1995.
- ¹⁷ Вернадский В.И. Дневники 1935—1941. В 2-х кн. / отв. ред. и сост. В.П. Волков. М.: Наука, 2006. Кн. 2: 1939—1941; Вернадский В.И. Дневники 1941—1943 / сост. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010.
- ¹⁸ Вавилов С.И. Дневники, 1909—1951: в 2 кн. / сост. В.В. Вавилова; редактор-составитель Ю.И. Кривоносов; отв. ред. В.М. Орёл. Книга 2: 1920, 1935—1951. М.: Наука, 2012.
- ¹⁹ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941—1945 / отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Наука, 2009.
- ²⁰ Сорокина М.Ю. От общенациональной экспертизы... С. 126.
- ²¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 29. Л. 145, 185—186.
- ²² АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 42. Л. 76—77; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 219. Л. 258; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 5963. Л. 25. Куперштох Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 32—39.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2730. Л. 1—10; Советская наука. Итоги и перспективы. 1922—1982. М., 1982. С. 538.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2730. Л. 7; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2116. Л. 34—35.
- ²⁵ АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 233. Л. 14; Иосиф Арбели. Сб. док-тов и материалов / ред. А. Вирабян; сост. Э. Овсепян; 2-е изд., перераб. и доп. Ереван: Нац. архив Армении, 2013. С. 168.
- ²⁶ Советская наука. Итоги и перспективы. 1922—1982. М., 1982. С. 538.
- ²⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 39. Л. 9; Вестник АН СССР. 1943. № 4/5. С. 124; Материалы к истории Академии наук СССР (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 272.
- ²⁸ Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 10.
- ²⁹ Вестник АН СССР. 1945. № 5/6. С. 206; Материалы к истории Академии наук СССР (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 468. Примечательно, что вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт 3 июля 1941 г. распорядился выплачивать призываемым в Красную Армию аспирантам и «сталинским стипендиатам» стипендию по день мобилизации, а также пособие в сумме двухнедельного размера стипендии и «стипендию за неиспользованный отпуск в июле и августе 1941 г.»: АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 6. Л. 7.
- ³⁰ Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 10.
- ³¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 6. Л. 16.
- ³² РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 100. При этом решение ГКО об эвакуации сотрудников Наркомата внутренних дел и Наркомата госбезопасности (3600 человек) было принято четырьмя дня позднее, 20 июля 1943 г.: Там же. Л. 174.
- ³³ АРАН. Ф. 530. Оп. 1 (1934—1945). Д. 260. Л. 11.
- ³⁴ Об организующей роли О.Ю. Шмидта в перестройке жизни Академии наук в начальный период войны подробнее см.: Матвеева Л.В. Отто Юльевич Шмидт, 1891—1956. Киев: Изд-во Ин-та востоковедения, 2006. С. 186—195; Шмидт С.О. Этюды об Отто Юльевиче Шмидте. Соображения и воспоминания сына—историка // Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / под ред. акад. А.О. Глико. М.: Физматлит, 2011. С. 492—496 (раздел «В Академии наук»).
- ³⁵ Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 24.
- ³⁶ Об этих событиях: Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 24—26, 33—37; Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах... С. 190—192; Шмидт С.О. Этюды об Отто Юльевиче Шмидте... С. 496—511 (раздел «Снятие с поста вице-президента Академии наук»).
- ³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4742. Л. 1—5.
- ³⁸ Блокада. Воспоминания очевидцев / Авт.-сост. В.М. Давид. М.: Вече, 2014. С. 286—287.
- ³⁹ См.: Алпатов В.Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 242—254.
- ⁴⁰ Левшин Б.В. Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 142—148; Осипова Н.М. Архив АН СССР во время Великой Отечественной войны // Архивы Российской академии наук [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arran.ru/?q=ru/node/625> (дата обращения: 25.05.2016).
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 243. Л. 18.
- ⁴² Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 18; Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук. СССР. Краткий историч. очерк. В 2-х т. / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. Т. 2. 1917—1976. С. 169.

- ⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 211. Л. 243.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 214. Л. 126.
- ⁴⁵ Вавилов С.И. Дневники, 1909—1951: в 2 кн. / Книга 2. С. 170—171.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 416. Л. 65.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 248. Л. 284.
- ⁴⁸ Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны... С. 102.
- ⁴⁹ Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 35.
- ⁵⁰ Ср.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 210. Л. 55. Подробнее о роли акад. Н.Г. Бруевича и осуществленных по решению Сталина изменениях в Уставе АН СССР, регламентировавших деятельность академика-секретаря: Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах... С. 195 и след.
- ⁵¹ См., в частности, протоколы совещаний, проводившихся Н.Г. Бруевичем: АРАН. Ф. 2. Оп. 16 (1943—1944). Д. 1. Л. 1—56.
- ⁵² АРАН. Ф. 580. Оп. 1. Д. 11. Л. 14—16.
- ⁵³ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук. СССР. Краткий историч. очерк. Т. 2. С. 172, 176, 177.
- ⁵⁴ Вестник АН СССР. 1942. № 5/6. С. 91.
- ⁵⁵ Гракина Э.И. Ученые России в годы Великой Отечественной войны... С. 106.
- ⁵⁶ Kojevnikov A.V. Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists. London, Singapore: Imperial College Press, 2004. P. 127.
- ⁵⁷ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. I. Ч. 1. М.: Наука. Физматлит, 1998. № 115. С. 251—252.
- ⁵⁸ Там же. № 137. С. 293—297.
- ⁵⁹ Там же. № 144. С. 306—307.
- ⁶⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 13. Д. 15. Л. 86; Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. I. Ч. 1. № 152. С. 321.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 293. Л. 185.
- ⁶² Русанов К.В. Пенициллиновый приоритет: у линии фронта // Новости медицины и фармации. Киев. 2007. № 11 (217); Он же. Пенициллиновый приоритет: знают истину «танки» // Новости медицины и фармации. Киев. 2007. № 13 (219).
- ⁶³ Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2008. P. 5. Ср. другую точку зрения: Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России. Очерк социальной истории, 1925—1963. М.: Academia, 2003. С. 140—141.
- ⁶⁴ Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 11.
- ⁶⁵ Сорокина М.Ю. От общенациональной экспертизы... С. 116.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ См., например: Бернев С.К., Ломагин Н.А. Дело профессора М.С. Платонова: История фальсификации // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: Исследования и материалы / отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 232—238. В статье изложены обстоятельства фальсификации следствия и обвинения в отношении сына историка академика С.Ф. Платонова, профессора, заведующего кафедрой Ленинградского химико-технологического института, видного специалиста в области каталитических свойств редких металлов М.С. Платонова (1899—1942), арестованного и расстрелянного в Ленинграде в первую блокадную зиму 1941/42 г.
- ⁶⁸ О нем: Алпатов В.М. Николай-Николас Поппе. М.: Восточная лит-ра РАН, 1996; его мемуары: Poppe N. Reminiscences / ed. by H.G. Schwartz. Bellingham: Western Washington University, 1982.
- ⁶⁹ Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941—1942 / изд. подг. М.А. Бойцов, Т.А. Васильева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- ⁷⁰ Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. I. Ч. 1. М.: Наука. Физматлит, 1998. № 115. С. 251—252.
- ⁷¹ АРАН. Ф. 471. Оп. 1 (1940—1946). Д. 18. Л. 74; Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 г. М.; Л., 1944. С. 30; Левшин Б.В. Академия наук в годы Великой Отечественной войны... С. 144.
- ⁷² Вавилов С.И. Теория влияния концентрации на флуоресценцию растворов // Журнал экспериментальной и теоретической физики. 1943. Т. 13. Вып. 1—2. С. 13—32.

Вклад ученых РАН в становление и развитие военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы

В годы Великой Отечественной войны наука становится сражающейся наукой. Все направления науки были мобилизованы на оперативное исследование по оборонной тематике. Академическая наука сыграла огромную роль в становлении и развитии военной экономики, в оснащении Вооруженных Сил страны новыми видами боевой техники и вооружения

Вплоть до конца 1950-х гг. работы по истории вклада ученых РАН в становлении и развитии военной экономики Западной Сибири находились на периферии исторических исследований. Исторические работы, посвященные развитию науки в Западно-сибирском регионе и изданные в 1941-х — середине 1950-х гг., представляли собой немногочисленные и фрагментарные публикации. Они не отражали процесс формирования и развития научного потенциала в Западной Сибири в целом и его специфические особенности отдельно¹.

Так, например, Президент Академии наук СССР В.Л. Комаров в сборнике статей отметил, что «в своей героической борьбе с немецкими захватчиками Красная Армия опирается на производственные ресурсы Центра, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии — всех районов СССР. В тылу Красной Армии — <...> неисчислимые угольно-металлургические, энергетические и сельскохозяйственные ресурсы Сибири и Дальнего Востока»².

Ситуация изменилась лишь в конце 1950-х гг. В 1957 было принято решение о формировании крупнейшего научного центра на востоке страны — Сибирского отделения АН СССР. Это событие, радикально изменив облик региона, до этого «не избалованного» вниманием «большой науки», вызвало резкий рост внимания к процессам развития науки на востоке СССР. В центре проблемного поля оказались сюжеты, связанные с созданием и развитием академического комплекса в Сибири. Однако историко-научные исследования выходили за рамки истории академической науки, охватывая как другие сегменты организации научных исследований и высшего профессионального образования в регионе, так и более ранний период советской истории, период Великой Отечественной войны.

В рамках этой темы в качестве особой исследовательской проблемы выделяется два направления анализа работ, прежде всего отражающих состояние изучения истории вклада ученых РАН в становлении и развитии военной экономики Западной Сибири. Первое — это развитие творческого содружества работников науки и производства в годы Великой Отечественной войны. Второе — история создания Западно-Сибирского филиала АН СССР в период военного лихолетья, где можно изучить еще две проблемы: работу комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны и историю комитетов ученых в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Поэтому в данном историографическом обзоре основное внимание будет уделено исследованиям, не получившим

еще должного освещения. Это должно способствовать правильному пониманию основных направлений развития историографии вопроса, помочь выявить проблемы, не получившие еще должного освещения.

Начнем обзор литературы, отражающей состояние развития творческого сотрудничества работников науки и производства в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Первые обобщающие труды по этому направлению опубликованы в 1960-е годы³.

В главе «Сибирь в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — 1945 гг.)» пятого тома «История Сибири» авторы делают вывод о том, что вузы Сибири в суровые годы войны продолжали обеспечивать народное хозяйство страны квалифицированными кадрами, ученые перестроили свою работу в соответствии с требованиями фронта, резко сократили сроки внедрения законченных работ в практику, укрепили связи науки с производством⁴.

Хотелось бы обратить внимание на публикации Т.Н. Петровой. Она внесла определенный вклад в изучение развития науки в Западной Сибири в годы войны, ею проанализирован и обобщен вклад местных ученых, а также эвакуированных в Сибирь научных работников из западных и центральных районов страны, Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана в дело повышения обороноспособности СССР. В 1973 г. Т.Н. Петрова защитила докторскую диссертацию на тему «Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению сотрудничества науки с производством в годы Великой Отечественной войны»⁵. Работа Т.Н. Петровой остается, по сей день, единственной обобщающей работой по этой проблеме.

В исследованиях 70-х годов также нашло отражение творческое сотрудничество работников науки и производства в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны⁶.

Среди публикаций в 60–70-е годы выделяются работы Б.В. Левшина. Это комплексные исследования, охватившие основные аспекты развития науки в годы Великой Отечественной войны: мобилизация научного потенциала СССР и Западно-Сибирского региона для нужд фронта, внедрения новых технологий промышленного производства и разработки местных сырьевых ресурсов. Важным достоинством работ Б.В. Левшина является показ развития фундаментальных научных исследований, основных направлений теоретических поисков, достижений советских ученых в этой области, заложивших прочную основу для развития прикладных отраслей науки на долгие годы. Охватив практически все основные аспекты проблемы, он всесторонне рассмотрел вопросы, касающиеся помощи науки фронту и тылу таким основными направлениями как разработка научно-исследовательской тематики оборонного значения, роль научных достижений в совершенствовании и внедрении новых технологических процессов в индустрии, мобилизация сырьевых ресурсов страны, замена дефицитных материалов местным сырьем⁷.

Обращает внимание статья Б.В. Левшина, где анализируется деятельность ученых в восточных районах страны в 1941 — 1943 годы⁸. К истории изучения и освоения производительных сил Урала, Западной Сибири и Казахстана в период войны обращаются Л.В. Громов и Л.И. Даценко⁹. Вклад ученых Новосибирской области в период войны в развитие военной экономики Западной Сибири рассматривает В.В. Гущина¹⁰.

В 1970 — середине 1980-х гг. проблема изучения истории науки в Западной Сибири периода Великой Отечественной войны становится самостоятельным направ-

лением. Академик А.П. Окладников в 1975 г. опубликовал статью «Наука Сибири в годы Великой Отечественной войны» в газете «Наука в Сибири»¹¹, где конкретно показал место и роль ученых Западной Сибири в становлении и развитии военной экономики в годы военного лихолетья. В этот период появляется первая историографическая статья о вкладе советской науки в победу над фашизмом, в которой анализируется историческая литература середины 60–70-х гг. по этой проблеме¹². Но, к сожалению, в этот период рассмотрены лишь некоторые компоненты научного потенциала Западной Сибири в военные годы. С точки зрения Т.Н. Осташко, общую оценку региональной историографии 1960–1980-х гг. можно свести к следующим выводам. Во-первых, научный потенциал Сибири военных лет как целостное образование не изучен, в исторической литературе в большей или меньшей степени рассмотрены лишь некоторые его компоненты. Во-вторых, в территориальном отношении изучена преимущественно западная часть региона, в хронологическом — первые годы войны, связанные с перестройкой научной работы применительно к нуждам военного времени. И, в-третьих — создан определенный задел, позволяющий определить направления и тенденции развития научного строительства в регионе, выявить обусловленные войной изменения в системе организации НИР, характеризовать мобилизационные формы интеграции науки с производством, конкретизировать вклад сибирских ученых в победу¹³.

С конца 1980-х до конца 1990-х гг. палитра историографии становится более обширной¹⁴. Так, в этот период, благодаря открытию новых архивных источников, освобождению от замалчивания трагических сторон, ошибок и трудностей страниц отечественной истории, создаются условия для изучения и раскрытия этой проблемы.

В настоящее время в этом направлении проведена большая работа¹⁵. В монографии Т.Н. Осташко¹⁶ обобщен исторический опыт развития науки в Сибири в 1941 — 1945 гг., рассмотрены вопросы организации, планирования и управления научно-исследовательской работой, ее материального и кадрового обеспечения в военных условиях. В книге подробно характеризуются мобилизационные формы организации научной деятельности, роль региональных комитетов ученых в создании военно-промышленной базы, развитии топливно-энергетического комплекса, разработке природных ресурсов на востоке страны. Специальный раздел монографии посвящен истории организации Западно-Сибирского филиала АН СССР.

В 2007 г. предметом диссертационного исследования А.С. Ульянова стал Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны. Цель работы исследователя заключается в том, чтобы на основе изучения литературы и источников, часть которых вводится в научный оборот впервые, рассмотреть все стороны жизни университета в годы Великой Отечественной войны и оценить его вклад в общее дело Победы¹⁷.

Так, например, в статье С.Ф. Фоминых, А.Н. Сорокина, С.А. Некрылова, А.В. Литвинова на основе неопубликованных и опубликованных источников и материалов периодической печати реконструирована деятельность вузов г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особое внимание уделяется вкладу исследований томских ученых в дело победы над врагом, помощи промышленности, здравоохранению, сельскому хозяйству, транспорту, изучению месторождений полезных ископаемых. Авторы приводят в пример наиболее существенные достижения ученых томских вузов в годы Великой Отечественной войны: внедрение дефектоскопов СФТИ на транспорте и в промышленности страны; радиощуп Одинцова—Кашкина, получивший широкое применение в госпиталях для обнаружения нахождения

металлических включений в теле раненого; внедрение проходческого щита Чинакала в практику угледобычи на шахтах Кузбасса; исследования профессора В.Д. Кузнецова, позволившие установить зависимость бронестойкости от механических свойств материала; внедрение в медицинскую практику новых лекарственных препаратов, изготовленных на основе местного сырья; открытие новых мощных бактерицидов растительного происхождения и внедрение их в практику; поиск импортозаменителей для изготовления изоляционных материалов; открытие месторождений вольфрама, марганца, олова, золота, молибдена и других редкоземельных элементов геологами ТИИ и ТГУ.

В своей статье Ю.В.Куперт и Л.И. Снегирева¹⁸ проводят анализ деятельности эвакуированных ученых, оказавшихся в военных условиях вместе с вузами и НИИ на сибирской земле. Внимание авторов акцентируется на перестройке научной деятельности, изменении формы организации исследований. Показано, что деятельность ученых, науки в целом была подчинена укреплению обороны и развитию военной экономики Западной Сибири. Авторы отмечают, что эвакуация значительного числа вузов и НИИ привела к усилению научного потенциала сибирского региона, специфика которого заключалась в том, что квалификационная структура научных работников здесь менялась за счет роста числа специалистов с учеными степенями и званиями, в то время как численность таких лиц в других регионах уменьшалась. Так, общая численность научных работников Омска с 1940 по 1943 г. увеличилась со 175 до 235 чел. В Алтайском крае в конце 1943 г. числилось 179 научных работников, в том числе 62 профессора. Только в ряды томских ученых влилось около 300 научных работников, прибывших из Москвы, Ленинграда, Украины. На начало 1943 г. в Новосибирске насчитывалось 25 высших учебных и научно-исследовательских учреждений, в которых работало 83 профессора и около 400 доцентов, старших научных сотрудников и кандидатов наук. Оказавшись в условиях эвакуации, отдав фронту многих лучших своих представителей, не прерывая процесс воспроизводства необходимых стране специалистов, прибывшие на сибирскую землю ученые развернули большую научно-производственную деятельность. В Томске, Новосибирске, Кемерово, Новокузнецке были созданы Комитеты ученых как чрезвычайные общественные организации по обеспечению мобилизации усилий ученых на первоочередное выполнение работ для нужд фронта¹⁹.

На материалах архивных документов, периодической печати в статье С.А. Некрылова, С.Ф. Фоминых, А.О. Степнова рассматриваются связи науки и практической медицины Томска во время Великой Отечественной войны²⁰. Подчеркивается значение Томского комитета ученых для координации сотрудничества ученых вузов и научно-исследовательских институтов в деле замены импортных лекарственных препаратов отечественными, созданными на базе местного лекарственного сырья, борьбы с эпидемиями, усовершенствования диагностики, хирургических и терапевтических методов лечения. В статье отражен вклад, внесенный сотрудниками томских и эвакуированных вузов и НИИ в спасение жизней и здоровья больных и раненых воинов в госпиталях.

Долгое время не существовало обобщающих работ, характеризующих процессы мобилизации сибирской науки на нужды обороны в годы Второй мировой войны. Эта лакуна частично оказалась закрытой после публикации монографии Т.Н. Осташко «Наука и ученые в годы Великой Отечественной войны» (2002). По ее мнению, деятельность комитетов ученых Западной Сибири можно рассматривать как одну из главных предпосылок создания первого академического центра Сибири, ибо в про-

цессе кооперации научной деятельности вырабатывался качественно новый, личностный уровень взаимоотношений руководства Академии наук с сибирскими учеными.

В статье А.О. Степнова отражены основные формы и методы организации научно-практической помощи Томского комитета ученых железнодорожному транспорту во время Великой Отечественной войны²¹. Автор приходит к выводу, что деятельность томских и эвакуированных вузов, объединенных Томским комитетом ученых, по оказанию помощи транспорту, с одной стороны, была нацелена на экономию топливно-энергетических ресурсов, с другой — ориентировалась на проекты по усилению мощностей паровозов, рационализации процессов в железнодорожном транспорте. Вместе с тем важное место занимали разработки прикладного, вспомогательного характера, которые были связаны с усовершенствование отдельных деталей, механизмов паровозов, сохранением топлива в условиях морозных зим и пр²².

Второе направление — это история создания Западно-Сибирского филиала АН СССР в период военного лихолетья, где можно изучить строительные материалы²³. Автор отмечает, что деятельность Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана для обороны страны, широкое участие в ее работе научных работников, объединенных Новосибирским комитетом ученых, способствовали созданию Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Вопрос об организации этого филиала был поднят академиками А.А. Скочинским и Л.Д. Шевяковым²⁴.

В статье Б.В. Левшина более подробно раскрывается работа Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны (1941—1945 гг.)²⁵. В статье «Вклад ученых Сибири в формировании оборонного потенциала СССР в 1941—1945 гг.», раскрывая работу Комиссии В.Л. Комарова на территории Западной Сибири, Н.А. Купершток отмечает, что чрезвычайные условия военного времени породили особый механизм внедрения инноваций. Она подчеркивает, что его действенность обеспечивалась четкой координацией усилий на государственном, региональном уровне и показывает процесс решения алгоритма проблем предприятий: обращение руководителей в Наркомат, а уже Наркомат обращается с просьбой об оказании необходимой научно-технической помощи в Комиссию В.Л. Комарова, которая в таких случаях либо формировала комплексную выездную бригаду из ученых академических институтов, вузов, отраслевых НИУ, либо откомандировывала отдельных специалистов на предприятия отрасли, и затем отработанный алгоритм использовался на других предприятиях²⁶.

Подробно в исторической литературе отражена деятельность городских комитетов ученых Томска и Новосибирска, менее изучена деятельность подобных объединений в Кемерове, Новокузнецке, Барнауле в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Б.В. Левшин в монографии «Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)» приводит интересный материал: «Западная Сибирь располагала неисчислимыми материальными ресурсами. Чтобы помочь направить их на нужды обороны, туда уже в первые месяцы работы комиссии было направлено большое число научных сотрудников. Первая группа ученых во главе с академиком А.А. Байковым выехала в Кузбасс в марте 1942 г. К работам были привлечены, кроме сотрудников Академии наук, научно-технические кадры исследовательских учреждений, высших учебных заведений и планово-производственных организаций Новосибирска, Томска, Кемерова и Кузбасса. Работами в Западной Сибири руководили академики И.П. Бардин и А.А. Скочинский»²⁷.

Процесс создания Западно-Сибирского филиала в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны получил объективное освещение в историко-научной литературе.

Первая публикация по этой проблеме появляется в 1944 г.²⁸. Это прежде всего сообщение А.А. Скочинского о деятельности Западно-Сибирского филиала в Западной Сибири. Подробно в исторической литературе отражена деятельность городских комитетов ученых Томска и Новосибирска, менее изучена деятельность подобных объединений в Кемерове, Новокузнецке, Барнауле и Омске.

Различные аспекты деятельности комитетов ученых Сибири рассмотрены в 60-е годы в работах Т.Н. Петровой, Н.П. Федотова, П.А. Зайченко, М.С. Кузнецова²⁹.

В 1995 г. выходит статья А.Б. Негреева, посвященная деятельности комитетов ученых Кузбасса³⁰.

В своей статье С.Ф. Фоминых и А.Н. Сорокин (на примере Томского комитета ученых) анализируют общественные формы организации науки и развития научных исследований в годы Великой Отечественной войны, так как эта общественная организация занималась мобилизацией усилий ученых, направленных на помощь фронту, а также координацией работы научных и образовательных учреждений с партийными организациями и промышленными предприятиями Сибири³¹.

Авторы соглашались с мнением Т.Н. Петровой о том, что в деятельности комитетов ученых и научных советов «как нельзя более ярко проявился патриотизм научных работников, их любовь к родине и стремление отдать для защиты ее все силы и знания»³².

В статьях А.Н. Сорокина³³ рассматриваются виды и формы деятельности ученых Сибири в годы Великой Отечественной войны. Большое внимание уделяется комитетам ученых, мобилизовавшим силы ученых и координировавшим в военное время работу научных учреждений с партийными организациями и промышленными предприятиями. Ведущая роль в деятельности комитетов ученых принадлежала первому и старейшему в Сибири томскому научно-образовательному комплексу. Автор отмечает, что учеными Томска выполнялись самые различные задания промышленных предприятий и организаций не только Томска, но и других городов Сибири, Урала и Казахстана. В первую очередь томские ученые решали вопросы обслуживания оборонных заводов. Так, по заданию Научного совета при Новосибирском облисполкоме ВКП(б) коллектив ученых Томского индустриального института занимался проектированием новых предприятий (по производству ацетона, кислорода и др.). Коллективом ученых была создана простая установка для получения карбида кальция, необходимого для г. Кемерово. Одним из крупных достижений коллектива сотрудников Сибирского физико-технического института было создание в 1944 г. дефектоскопной тележки модели СФТИ № 13 для выявления дефектов в рельсах, уложенных на железнодорожных путях³⁴.

Прекрасным завершением исследования, посвященного Томскому комитету ученых, является подготовка и издание в 2015 г. книги «Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: документы и материалы»³⁵. Издание подготовлено по инициативе д.и.н., профессора С.Ф. Фоминых. В издание включены протоколы заседаний Томского комитета ученых, его бюро, совещаний, заседаний комиссий комитета, городских собраний ученых, отчеты комитета о своей работе, а также делопроизводственная документация, отложившаяся в фонде Томского комитета ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (ЦДНИ ТО. — Ф. 1078. — Оп. 1, 2). Над сборником работали сотрудники архива к.и.н., зам. директора Л.Н. Приль, главный хранитель Е.В. Васильева.

Необходимо упомянуть кандидатскую диссертацию об организации и деятельности учреждений Академии наук СССР на востоке страны, где есть материалы, посвященные истории созданию Западно-Сибирского филиала АН СССР³⁶.

История становления и развития Западно-Сибирского филиала АН СССР в Западной Сибири в годы военного лихолетья (1943–1945 гг.) нашла освещение в работах Н.А. Дедюшиной, Е.Т. Артемова, Н.А. Куперштох, В.А. Ламина. В ряде публикаций Е.Т. Артемова и Е.Г. Водичевой «филиализация» науки на востоке России представлена как внутренне цельный и единый процесс, имеющий общую для всех восточных регионов (Урал, Сибирь и Д. Восток) логику развития³⁷.

Обращает внимание работа Е.Т. Артемова о формировании и развитии сети научных учреждений АН СССР в Сибири, где автор раскрывает процесс создания Западно-Сибирского филиала Академии наук страны³⁸.

Большую исследовательскую работу ведет Н.А. Купершток по изучению истории Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. В совместной статье В.А. Ламина и Н.А. Купершток раскрываются первые шаги в создании первого академического центра в Сибири³⁹. Авторы отмечают, что работа Комиссии АН СССР на территории Западной Сибири наиболее активно протекала в 1942–1943 гг. Она опиралась на потенциал региональных вузов и НИУ, а также эвакуированных в Сибирь научных коллективов. Деятельность Академии наук СССР по освоению ресурсного потенциала и развитию производительных сил Сибири в годы войны, с точки зрения автора, стала тем фундаментом, на основе которого в послевоенные годы развернулось широкомасштабное индустриальное освоение восточных районов страны. Достигнутые результаты позволили обосновать создание в Сибири первого академического центра — Западно-Сибирского филиала АН СССР⁴⁰.

В другой работе⁴¹ она отмечает, что необходимо подчеркнуть уникальность Западно-Сибирского филиала и его отличие от других филиалов Академии наук СССР. Филиал создавался в условиях Великой Отечественной войны. Работа крупных ученых в составе выездных бригад Комиссии В. Л. Комарова сыграла важную роль в кооперации регионального научно-образовательного потенциала для решения важнейших оборонных задач. Деятельность Комиссии опиралась на эвакуированных ученых из центральных учреждений страны и местные научные силы. Такой «сплав» научной общественности позволил наметить и выработать основные направления исследований ЗСФ. Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что филиал с самого начала возглавил известный ученый — академик А. А. Скочинский, корифей отечественной горной науки⁴².

В следующей статье⁴³ она рассмотрела деятельность академика А.А. Скочинского (1874–1960) — организатора Западно-Сибирского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны. Н.А. Куперштох пишет, что работа в составе Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны привела А.А. Скочинского и его коллег к идее скорейшего создания академического центра в Западной Сибири.

Ею также рассмотрена история Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР — первого академического центра Сибири. Раскрыты причины, по которым не смогли реализоваться проекты создания филиала в 30-е гг. XX в. Анализируются исторические предпосылки, приведшие к созданию Западно-Сибирского филиала АН СССР в годы Великой Отечественной войны. Подчеркнута роль отдельных ученых — организаторов науки, показаны основные достижения филиала в изучении производительных сил региона, представлена краткая история входящих в его состав

учреждений⁴⁴. Она утверждает, что, хотя направления исследований филиала в значительной степени определялись экстремальными условиями военного времени, они отразили ведущие тенденции в области изучения естественных производительных сил. На филиал возлагались задачи изучения и освоения природных ресурсов Западной Сибири, внедрения в практику достижений науки и техники. Для выполнения этих задач филиал был обязан координировать свою деятельность с другими ведомствами, а для консультаций привлекать институты Академии наук. В сферу влияния филиала включались Алтайский край, Красноярский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области⁴⁵.

В ряде последних крупных статей необходимо обратить внимание на исследование С.А. Красильникова. В статье исследуется механизм разработки, принятия и начального этапа реализации решения о создании в годы войны Западно-Сибирского филиала АН СССР⁴⁶. Автор плодотворно поработал в архиве Российской академии наук и детально изучил материалы разработки проекта филиала, попытался открыть занавес конкурентной борьбы, развернувшейся в тот период вокруг создания филиала.

Таким образом, историографический анализ литературы показывает, что советская и отечественная историческая наука достигла определенных успехов в изучении проблемы вклада ученых Академии наук СССР в становление и развитие военной экономики Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Однако в исследовании этой проблемы остается ряд мало изученных вопросов. Прежде всего, слабо изучена деятельность Новосибирского, Кемеровского, Новокузнецкого, Барнаульского и Омского комитетов ученых в годы войны. Сделаны только первые шаги в раскрытии мобилизационных форм интеграции науки с производством. Для их комплексного решения требуется продолжить выявление новых источников, а также создать обобщающие работы о вкладе ученых Академии наук СССР в становления и развития военной экономики Западной Сибири в период Отечественной войны.

¹ Комаров В.Л. Отечественная война и наука. Сб. статей. М., 1942. 40с.; Бруевич Н.Г. Отчет о научной деятельности Академии наук СССР за 1943 год//Общее собрание Академии наук СССР. 14–17 октября 1944 г. М.-Л., 1945 г. С.145–151; Егоров И.В. Ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1947. 31с.

² Комаров В.Л. Отечественная война и наука. Сб. статей. М., 1942. С.19.

³ Левшин Б.В. Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941 – 1943 гг.) // Исторический архив. 1961. № 1. С.120–127; Гущина В.В. Ученые Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны // Научные труды Новосибирского госуниверситета. Историческая серия. 1967. Вып. 1. Вопросы истории советской Сибири. С.250–268; Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1968. – 390 с.; Петрова Т.Н. Партийная организация Томского государственного университета в годы Великой Отечественной войны // Социалистическое и коммунистическое строительство в Сибири: межвузовский сборник статей. Выпуск I. Томск, 1962; Корнилов Л.Л. Вузы и исследовательские учреждения Западной Сибири к концу Великой Отечественной войны// Вопросы истории и методологии науки/Под ред. Л.Л. Корнилова. – Т.106. – Омск, 1969. – С.70 – 112.

⁴ История Сибири. Т. 5. Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л., 1969. С. 146–152.

⁵ Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Томск, 1968 – 390с.; Она же. Деятельность профсоюзов Западной Сибири по улучшению материально-бытового положения ученых в годы Великой Отечественной войны // Из истории профсоюзных организаций Кузбасса. Кемерово, 1972; Она же. Деятельность партийных организаций За-

- падной Сибири по усилению сотрудничества науки с производством в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра исторических наук. Томск, 1973.—42с.
- 6 Окладников А. Л. Наука Сибири в годы Великой Отечественной войны // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977; Дедюшин Н.А. Вклад ученых Новосибирска в победу над фашистской Германией // Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С.282—292; Корнилов Л.Л. Наука в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Грозные годы. Тр. науч. конф. Омск, 1973. С. 251—255.
 - 7 Левшин Б.В. Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941—1943 гг.) // Исторический архив. 1961. № 1. С.120—127; Его же. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1966; Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк: в 2-х т. Т. 2. М., 1977; Левшин Б.В. Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1983.
 - 8 Левшин Б.В. Из истории деятельности ученых в восточных районах страны (1941—1943 гг.) // Исторический архив. 1961. № 1. С.120—127.
 - 9 Громов Л.В., Даценко Л.И. К истории изучения и освоения производительных сил Урала, Западной Сибири и Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // К истории открытия и изучения месторождений полезных ископаемых. М., 1963. С.21—33.
 - 10 Гущина В.В. Ученые Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Научные труды Новосибирского университета. Историческая серия. 1967. С.250—268.
 - 11 Окладников А.П. Наука Сибири в годы Великой Отечественной войны // Наука в Сибири. 1975. №19 (700).
 - 12 Петрова, Т.Н. Освещение в советской исторической литературе вклада ученых в победу над немецко-фашистскими захватчиками // 30 лет победы советского народа над фашистской Германией. Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне: материалы научной конференции / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева, Том. высш. воен. команд. училище связи; [под ред. М. С. Кузнецова, Т. Н. Петровой]. Томск: Издательство Томского университета, 1975. С. 129—134.
 - 13 Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002.
 - 14 Белозеров Б.П. Высшая техническая школа Сибири в военные годы // Сибиряки в борьбе за власть советов, за защиту социалистического Отечества. Кемерово, 1990. С. 17—19; Силаев А.П. Вклад томских ученых в победу над врагом // Томск и томичи для фронта и победы. Материалы науч.-практ. конф. Томск, 1995. С. 20—23; Осташко Т.Н. Научный потенциал Новосибирска в годы Великой Отечественной войны // Новосибирск на рубеже XXI века: Перспектива развития и инвестиционные возможности. Тез. науч.-практ. конф. Секция 14. Новосибирск, 1999. С. 70—73; Лаптев Н.М. Помощь ученых железнодорожному транспорту Сибири в годы Великой Отечественной войны // Роль науки в освоении восточных районов страны: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. (17—19 нояб. 1992 г.). Новосибирск, 1992. С. 227—229; Осташко Т.Н. Связи ученых с производством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Новосибирской области) // Интеллигенция в советском обществе. Кемерово, 1993. С. 154—162.
 - 15 Бахтин В.К. Вклад советской науки в разгром фашизма // Роль сибирских воинских формирований в ходе и исходе основных сражений Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Новосибирск, 2000. С. 90—95; Яковлева М.С. Вклад ученых Сибири в помощь фронту // Сибирь фронту. Материалы Всерос. науч. конф. Кемерово, 2000; Вклад ученых Сибири в укрепление материально-технической базы военного производства // Тимонин Е.И. История Сибири (1917—1980 гг.). Омск, 2004. С. 224—227; Горинский Н.Н. Ученые-геологи [в том числе Сибири] в годы Великой Отечественной войны // Проблемы гуманитарного образования в техническом вузе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Новосиб. гос. техн. ун-та. Новосибирск, 24—25 окт. 2000 г. Новосибирск, 2000. С. 100—101; Амбиков А.В. Ученые-медики Томска в годы Великой Отечественной войны // Подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны будет жить в веках: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (16 апр. 2010 г.). Томск, 2010. С. 129—134; Капленко А.Н. Вклад высшей школы Сибири в Победу в Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и современности: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 61-й годовщине Победы СССР в Великой Отечеств. войне (11—12 мая 2006 г.). Томск, 2007. С. 197—202; Машкарин М.И. Высшая школа Западной Сибири в период Великой Отечественной войны: к историографии и истории вопроса // «Час мужества пробила...»: материалы Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию начала Великой Отечеств. войны (6—7 мая 2011г.). Омск, 2011. С. 315—320; Куперт Ю.В., Снегирева Л.И. Вклад в победу над фашистской Германией в Победу! Томский университет в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и воспоминаний. Томск, 2005. С. 8—16; Мелехина Г.М. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вставай, страна огромная!: материалы Всерос.науч.-практ. конф., посвящ.

- 60-летию начала Великой Отеч. войны и битвы под Москвой (Кемерово, 20 дек. 2001 г.). — Кемерово, 2001. — с.117—120.
- ¹⁶ Осташко Т.Н. Наука и ученые Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2002. 154 с.
- ¹⁷ Ульянов А.С. Томский государственный университет в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 258с.
- ¹⁸ Куперт Ю.В., Снегирева Л.И. Вклад в победу над фашистской Германией ученых, эвакуированных в Западную Сибирь // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (9). С.62—68.
- ¹⁹ Там же. С. 63.
- ²⁰ Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Степнова А.О. Наука и практическая медицина г. Томска в годы Великой Отечественной войны // Сибирский медицинский журнал, 2014, Т. 29, № 3. С. 131—138.
- ²¹ Степнов А.О. Томский комитет ученых и проблемы организации работы транспорта в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию Победы сов. Народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27—28 апреля 2015 г.). Новосибирск: Институт истории СО РАН; Параллель, 2015. С. 332—340.
- ²² Там же. С. 339.
- ²³ Левшин Б.В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1966. С. 28.
- ²⁴ Там же. С. 154.
- ²⁵ Левшин Б.В. Работа Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны // Академия наук и Сибирь. 1917—1967 гг. Новосибирск, 1977.
- ²⁶ Купершток Н.А. Вклад ученых Сибири в формирование оборонного потенциала СССР в 1941—1945 гг. // Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Материалы Сибирского истор. форума. Красноярск, 2—3 дек. 2015 г. Красноярск: Резонанс, 2015. С. 129—132.
- ²⁷ Левшин Б.В. Академия наук СССР.. С. 28.
- ²⁸ Скочинский А.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР // ВАН. 1944. №4—5. С. 55; Малкин Г.В. В Западно-Сибирском филиале АН СССР // ВАН. 1945. № 3. С. 107—108.
- ²⁹ Петрова Т.Н. Партийное руководство деятельностью Томского комитета ученых в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Труды ТГУ. Т. 128. 1954; Она же. К вопросу об участии комитетов ученых и научных советов в оказании помощи сельскому хозяйству Сибири в 1941—1945 гг. // Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм: Доклады и сообщения межвузовской научной конференции. Барнаул, 1969; Федотов Н.П. К истории медицинской деятельности Томского комитета ученых во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Советская медицина. 1964. № 10; Кузнецов М.С. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны // Томск и томичи для фронта и победы: Матер. науч.-практ. конф. Томск, 1995; Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: университет за 75 лет (1880—1955). Томск, 1960.
- ³⁰ Негреев А.Б. Деятельность комитетов ученых Кузбасса как временных научных сообществ в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII — XX вв.): матер.второй всерос.науч.конф. Омск, 1995. Т. 2. С. 149—151.
- ³¹ Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Vulye Gody. 2013. № 29 (3). С. 32—37.
- ³² Петрова Т.Н. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Томск, 1968. С. 172.
- ³³ Сорокин А.Н. Комитеты ученых Сибири в годы Великой Отечественной войны как эффективная форма консолидации научного сообщества // Фундаментальная и прикладная наука глазами молодых ученых. Успехи, перспективы, проблемы и пути их решения. СПб., 2013. С. 88—89; Он же. Организация науки и развитие научных исследований в Западно-Сибирском научно-образовательном комплексе в годы Великой Отечественной войны (на примере Томского комитета ученых) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1. С. 103—107; Он же. Томский комитет ученых: история создания, структура и формы деятельности в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный выбор. Красноярск, 2011. С. 136—139.
- ³⁴ Сорокин А.Н. Организация науки и развитие научных исследований в Западно-Сибирском научно-образовательном комплексе в годы Великой Отечественной войны (на примере Томского комитета ученых) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 106.
- ³⁵ Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: документы и материалы» / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Издательский дом ТГУ, 2015. 480 с.

- ³⁶ Дедюшина Н.А. Организация и деятельность учреждений Академии наук СССР на востоке страны (1937–1967 гг.): автореферат дис...канд. ист. наук. Томск, 1969.
- ³⁷ Дедюшина Н.А. Из истории организации деятельности Западно-Сибирского филиала АН СССР // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму Вып 1 Новосибирск, 1962; Ламин В.А. Из истории создания Западно-Сибирского филиала АН СССР // Проблемы истории советской Сибири Новосибирск, 1973; Малкин Г.В. Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР // Академия наук и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 255–265; Артемов Е.Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск, 1990; Кольцов А.В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. Л., 1988; Куперштох Н.А. Деятельность КЕПС и СОПС в восточных регионах России в первой половине XX в. // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв.: сб. науч. статей. Новосибирск, 2010. Вып. 2; Ламин В.А., Куперштох Н.А. История первого академического центра Западной Сибири (1944–1957 гг.) // Философия науки. 2004. № 2 (21); Водичев Е.Г. Путь на восток: формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг. Новосибирск, 1994.
- ³⁸ Артемов Е.Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 185 с.
- ³⁹ Ламин В.А., Куперштох Н.А. История первого академического центра Западной Сибири (1944 – 1957гг.) // Философия науки. 2004. № 2 (21). С. 69–84.
- ⁴⁰ Куперштох, Н.А. Научно-образовательный потенциал Сибири в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Н.А. Куперштох // Философия науки. 2012. № 1. С. 129–142.
- ⁴¹ Куперштох Н.А. Вклад ученых Сибири в формирование оборонного потенциала СССР в 1941–1945 гг.//Сибирь и сибиряки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–3 декабря 2015 г. Красноярск: Резонанс, 2015. С. 129–132.
- ⁴² Там же. С. 131.
- ⁴³ Куперштох Н.А. Академик А.А.Скочинский – организатор науки в Сибири в годы Великой Отечественной войны//Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 2. С. 11–16.
- ⁴⁴ Куперштох Н.А. Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XXв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.
- ⁴⁵ Там же. С. 37.
- ⁴⁶ Красильников С.А. Организация Западно-Сибирского филиала АН СССР: от разработки решения к его реализации (март 1943-январь 1944 г.) // Сибирские исторические исследования. 2013. №2. С. 42–54.

Комиссия по истории Великой Отечественной войны как крупнейший проект XX века по инициативному документированию*

Архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны — уникальный документальный комплекс, сложившийся в результате целенаправленного сбора документов в годы Великой Отечественной войны группой историков под руководством И.И. Минца (1896—1991). Их усилиями была сформирована коллекция, получившая известность как материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. академика И.И. Минца¹. Всего фонд, который хранится в Научно-исследовательском архиве Института российской истории РАН², включает около 17 000 дел. Документы систематизированы по тринадцати разделам, сформированным по тематическому принципу³. Раздел XIV содержит документы, связанные с деятельностью самой Комиссии.

Несмотря на ряд имеющихся исследований, как правило представляющих собой обзор документов фонда, деятельность Комиссии по сбору документов и сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне до сих пор изучена слабо. Показательно, что ее документы начали вводить в научный оборот только в последнее время⁴. Безусловно, самым уникальным и интересным видом источников, которые можно обнаружить в архиве Комиссии, являются стенограммы интервью с непосредственными участниками событий. Интервью составляют примерно 2/3 документального комплекса. Появление архива Комиссии и его последующая судьба концентрировано отразили противоречивые тенденции развития мировой и советской исторической науки.

XX век стал временем радикальной трансформации исторической науки, приведшей к изменению места и функций знаний о прошлом в обществе. Всего за несколько десятилетий произошла смена господствующего не только социально-экономического, но и интеллектуального уклада, определявшего мировоззрение, стиль мышления и исследовательскую оптику. В науке XIX в. доминировала классическая модель объяснения мира, сущностной характеристикой которой являлась убежденность в существовании универсального, незыблемого для всех наук метода⁵, что фактически приводило к отрицанию многовекторности познания. Пусть и опосредовано, но в исторической науке это постулировало обращение к узкому кругу документов, преимущественно официального происхождения.

Индустриальная культура второй половины XIX — начала XX в., с ее стремлением к централизации (отсюда монополизм в экономике, империализм в геополитике и т.д.), национальным типом государственности, присущим второй половине XIX — началу XX в. и породившим национализм, формировали и определенный стиль мышления у историков. Отнюдь не случайно, что в это время во главу угла исследо-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность», направление 3 - «Исторический опыт сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности»

ватели поставили историю государства и его институтов. Историки искали и обосновывали в прошлом национальные интересы своих стран.

Указанное время — это еще и эпоха господства т.н. «гранд нарративов»⁶, то есть исторических теорий, стремящихся объяснить всю мировую историю при помощи универсальной методологии и концепции. Это приводило к тому, что в потоке истории фактически исчезал человек как субъект и ее творец. Тем более не могло идти и речи о внимании к рядовому человеку. Классическими примерами таких «гранд нарративов» являются позитивизм и марксизм.

С конца XIX — начала XX в. в результате научной революции на смену указанной модели приходит т.н. неклассическая наука, символом которой стала теория относительности А. Эйнштейна. Признание теории относительности как фундамента познания и миропонимания привело к радикальной трансформации существовавшей научной картины мира. Известный французский историк, один из основателей «школы Анналов» Л. Февр подчеркивал влияние теории относительности на его поколение ученых: «...Фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными... была великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности»⁷.

Появление теории относительности стало одной из причин смещения ракурса исследования с эволюции исторических макрообъектов (государств, наций, классов) к признанию возможности альтернатив, неопределенности в развитии, в конечном счете к «маленькому человеку», чье влияние на историю теперь не вызывало сомнений. Повышался интерес к источникам личного происхождения.

Колоссальное влияние на развитие исторических исследований оказали стремительные социально-политические процессы начала XX в. Важнейшими из них стали демократизация, индустриализация, урбанизация и кризис колониальной геополитической модели. Демократизация политики, «восстание масс», поставило перед обществом и, соответственно, историками целый ряд проблем. Как показать роль масс в истории? Каково место простого человека? Влияет ли он на исторический процесс или является его жертвой? В историческом знании все явственнее наблюдалась демократизация представлений о субъекте истории. В орбиту интереса историков включаются новые классы и социальные группы, а не только социально-политическая элита, как это было ранее.

Первая мировая война, ставшая наиболее ярким проявлением экзистенциального кризиса западной цивилизации, способствовала переоценке фундаментальных основ культуры и природы человека. Распад континентальных империй Романовых и Габсбургов, а также падение режима Гогенцоллернов, привели к появлению в Европе новых государств. По Европе прокатились революции, самой масштабной из которых стала революция в России. Колониальные империи до поры до времени устояли, но в них все явственнее проявлялся кризис, вызванный освободительными движениями народов, входящих в них. Особую роль в этих процессах играли социальные слои (рабочие, крестьяне) и этнические группы колоний, ранее обделенные вниманием ученых и, по сути, не имевшие своей истории.

В вихре научной и социальной революции родились новые принципы и направления изучения и сохранения прошлого. Происходит «массовизация» знаний о прошлом, простой человек и его роль в истории привлекают все больше внимания ученых. В рамках указанных процессов в первой трети XX в. начинается антропологизация истории и формировании такого направления (методики) как устная история (oral history). Насущная необходимость в устных свидетельствах как источниках воз-

никла именно при изучении тех социальных слоев (крестьянство, рабочие, маргиналы) и этнических групп, которые практически не оставляли письменных документов.

В России важнейшим фактором, стимулировавшим процессы демократизации науки, стали революция и гражданская война. Простые люди оказались втянуты в исторический процесс, а многие активно в нем участвовали, пусть и часто помимо своей воли. Это стало причиной массового обращения к истории. Отнюдь не случайно, что именно на послереволюционные годы приходится расцвет краеведческого движения в Советской России.

Эволюция отечественной исторической науки определялась и радикальной сменой общественного строя вследствие прихода к власти большевиков, которые позиционировали себя как представители угнетенных классов. Не случайно, что именно с их приходом начали активно развиваться такие направления исторических исследований, как история пролетариата, фабрик и заводов, крестьянства, революционного движения и т.д. Историки часто сталкивались со скудностью источниковой базы. Это не удивительно, поскольку данные сферы жизни документировались плохо или (как, например, подпольное революционное движение) практически не документировались. В этих условиях исследователи вынуждены были искать новые источники. Так широкое распространение получил сбор устных свидетельств, то есть то, что теперь называется устной историей. С точки зрения архивоведения, сбор устных свидетельств, их фиксация и архивирование — это яркий пример инициативного документирования.

В исторической науке до сих пор существует стереотип, что устная история возникла в середине XX в., а в России данное направление вообще получило свое развитие только в последнее десятилетие⁸. Многие исследователи обосновано указывают на то, что это не так⁹. В первые десятилетия существования советской власти, в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, такой способ формирования источниковой базы получил широкое распространение.

Среди примеров формирования источниковой базы за счет сбор устных свидетельств необходимо назвать работу Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (активная деятельность приходится на период с 1920 по 1928 гг.)¹⁰. Ее руководитель М.С. Ольминский прямо заявлял, что старые архивы не могут решить задач изучения истории партии и революции: «И вот сами участники могли бы осветить события. Каждый видел один какой-нибудь уголок, одно какое-нибудь дело. Если человек стоял в центре, он знал, что делает центр, но не знал, как и что делают так называемые низы. Историю Октябрьской революции и историю трехлетнего советского строительства можно будет написать только тогда, когда за это дело возьмутся сотни тысяч рядовых работников»¹¹.

Не менее масштабным историко-документальным проектом стала «История фабрик и заводов». На основе интервью простых рабочих предполагалось осветить незадокументированную историю развития пролетариата и индустриализацию¹².

В этом же ряду стоит и написание «Истории гражданской войны», возглавлявшееся И.И. Минцем. История писалась не только на доступных опубликованных и архивных документах, но и при помощи целенаправленного сбора воспоминаний участников революционного движения и собственно гражданской войны. Подчеркнем, что инициатива в запуске обоих проектов принадлежала М. Горькому. Он практически повторил мысль М. Ольминского: «Нужно, чтобы все люди, — призывал М. Горький, — которые помнят события тех лет, те, которые создавали события, записывали и присылали в редакцию «Истории» свои записки...»¹³. По свидетельству

И.И. Минца, за несколько лет было собрано огромное количество материалов, в том числе и свыше 5000 мемуаров¹⁴.

Таким образом, советская эпоха подарила целый ряд масштабных историко-документальных проектов. В этом ряду стоит и Комиссия по истории Великой Отечественной войны. По мнению историка Йохана Хельбека, деятельность Комиссии отразила «революционный документализм» 1920-х гг., сутью которого являлась идея о том, что при помощи автобиографии (написанной самостоятельно или зафиксированной в интервью) «маленький человек» утверждает свою роль в истории и превращается в «Человека с большой буквы»¹⁵.

Данное предположение еще требует доказательств, но необходимо подчеркнуть, что появление Комиссии органично вписывалось в эпоху как с методологической, так и с социокультурной точки зрения. Наиболее заметную роль в Комиссии приобрели молодые профессиональные историки новой генерации: А.Л. Сидоров, В.И. Шунков, П.М. Федосов, Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, Л.М. Зак, Г.Н. Ампилов, М.Г. Седов, Н.С. Трусова, Р.Н. Кроль, Р.И. Голубев, З.И. Фазин, Н.А. Сидорова и многие другие. Помимо профессиональных кадров Комиссия располагала разветвленной корреспондентской сетью. Первоначально предполагалось собирать источники, которые из-за своей специфичности могли не попасть в архивы¹⁶. К ним были отнесены воспоминания участников партизанского движения, работников тыла, материалы о Героях Советского Союза, документы, запечатлевшие деятельность ученых, писателей и артистов и т.д. Но вскоре это ограничение было снято и собирание источников приобрело всеобъемлющий характер. Второй задачей ставилась публикация полученных материалов, в первую очередь, для пропаганды героизма советских солдат и партизан. Третьей — издание научного труда по истории обороны Москвы. Как одна из центральных была поставлена задача составления историй отдельных воинских частей и ополчений. Пятой задачей предполагалось создание хроники Великой Отечественной войны в национальных республиках и регионах страны. Наконец, последней задачей было составление энциклопедии Героев Великой Отечественной войны¹⁷. По наблюдениям Д.Д. Лотаревой, «главным методическим принципом сбора материала было правдивое, не лакированное отражение действительности. Кроме того, Минц настаивал на том, что мысли, чувства и переживания человека, бойца являются огромной ценностью для историка»¹⁸.

Пафос инициативного документирования, воплощавший активность и волю человека нового мира, и наиболее ярко реализованный в сборе интервью, стал частью революционного времени. В дореволюционной академической традиции историк должен был работать с архивными документами. Новой эпохой это расценивалось как намеренный, под предлогом профессионализации, уход от общества, от насущных проблем и живых людей, являющихся творцами истории. Таким образом, сбор интервью — это символический возврат историка в массы, установление между ним и современниками тесной связи.

Еще раз подчеркнем, что уникальной особенностью сложившегося комплекса документов стало наличие среди них многочисленных интервью участников, часто взятых непосредственно после событий. Самим интервью, сделанным по горячим следам, были присущи все недостатки данного источника: субъективность, односторонность, спешка при записи и т.д. В то же время эти «недостатки» превращаются в достоинства, поскольку записи бесед отразили впечатления участников боев непосредственно после событий, зафиксировав психологию участников войны. Говоря словами Дж. Тоша об источниках устной истории, они «дают уникальную... возмож-

ность для восстановления «утраченных» областей человеческого опыта»¹⁹. Большим плюсом записей бесед было то, что в них фиксировались особенности языка, часто точно передавалась специфика разговорной речи интервьюируемых. Минц считал интервью чрезвычайно ценным источником: «Наша история создается и пишется одновременно... В этом большие преимущества: события близки, много активных участников поделится своими воспоминаниями, отсюда большая достоверность и правдивость в изложении»²⁰.

Стенограммы интервью помогают решить и старый вопрос, вставший перед теоретиками устной истории: что считать устной историей? Только непосредственно фонические записи или все многообразие устных свидетельств, зафиксированных на разных носителях (бумажных, видео и т.д.)²¹? Думается, что главным критерием устного источника является передачи информации из уст в уста в независимости от способа ее кодировки. Стенограммы Комиссии — наглядный тому пример. Они отвечают всем основным критериям устного источника, пусть и зафиксированы в бумажном виде.

По мнению Д.Д. Лотаревой, И.И. Минц рассчитывал после войны превратить Комиссию в Институт истории Великой Отечественной войны²². К сожалению, этого не случилось. Комиссия в 1946 г. была преобразована в Сектор истории Великой Отечественной войны. А после гонений на Минца в годы идеологических кампаний по борьбе с буржуазным объективизмом и безродным космополитизмом²³, о ней вообще предпочли забыть. Была и еще одна причина: собранный материал, особенно интервью, явно не вписывался в парадно лакированный образ войны. В них отразилась война во всех ее противоречиях и ужасах. А устная история как способ формирования источниковой базы оказалась в СССР, несмотря на колоссальные традиции и достижения, не в почете. История должна была рассматриваться через призму официальных документов партии и государства, утверждающих генеральную линию развития Советского Союза. В исследовательской практике сложилась (была установлена) строгая иерархия источников, на вершине которой находились документы официального происхождения. Эго-документы, позволяющие проследить не официальные директивы, а личностный опыт участников исторического процесса, оказались на периферии научного и общественного внимания. Тем не менее, архив Комиссии удалось сохранить, пусть и внимание исследователей к нему было явно меньшим, чем он того заслуживал.

Итак, деятельность Комиссии в концентрированном виде отразила ряд важнейших тенденций в развитии исторических исследований. Во-первых, кризис научной картины мира XIX в., повлекший отход от «гранд-нарративов» и поворот к истории масс и «рядового человека». Но методологические новации 1920—30-х гг. изначально пытались вписать в рамки официального нарратива (назовем его сталинским). В этом заключалось и противоречие деятельности Комиссии и причина ее фактического забвения. Собранные интервью выпадали из официозного нарратива, а часто и прямо ему противоречили. Индивидуальный исторический опыт человека пытались втиснуть в готовую схему. Во-вторых, активное применение инициативного документирования как способа формирования источниковой базы. В-третьих, внимание к личному опыту участников войны, зафиксированному в интервью. Последнее позволило создать уникальный архив эго-документов, приобретших особое значение в контексте поворота внимания исследователей к проблеме «человек на войне». В условиях свершившегося антропологического поворота в исторической науке стенограммы интервью приобретают особую актуальность.

- ¹ В документах и литературе можно встретить и такие названия: Комиссия по составлению летописи Великой Отечественной войны, Комиссия по истории обороны Москвы, Центральная комиссия по истории Великой Отечественной войны.
- ² Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел I—XIII.
- ³ О Комиссии: Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собрания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 118—132; Левшин Б.В. Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 312—317; Михайлова Е.П. О деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков в период 1941—1945 гг. // Вопросы историографии в высшей школе. Всесоюзная конференция преподавателей историографии СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов, Смоленск, 31 января — 3 февраля 1973 г. Смоленск, 1975. С. 352—359; Архангородская Н.С., Курносов А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 219—229; Курносов А.А. Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 174—181; Лотарева Д.Д. Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011. М., 2014. С. 123—166; Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне / Отв. ред. С.В. Журавлев. М., 2015. Главы 2—3; и др.
- ⁴ Hellbeck J. Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt am Main, 2012; Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014; Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о войне / Отв. ред. С.В. Журавлев. М., 2015. Раздел 2.
- ⁵ Тимофеев И.С. Проблемы историографии науки на рубеже XXI века. М., 2010. С. 24.
- ⁶ Подробнее о термине см.: Колесник И.И. Гранд-нарратив в украинских историографических практиках // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2011. С. 249—252.
- ⁷ Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 32.
- ⁸ Например: Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 205.
- ⁹ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 98—108; Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136—148, и др.
- ¹⁰ Алексеева Г.Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 17—29.
- ¹¹ Городецкий Е.Н. Из истории первых шагов деятельности Комиссии по истории партии и Октябрьской революции (Истпарт) // История и историки: историографический ежегодник. 1973. М., 1975. С. 359.
- ¹² Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.
- ¹³ Цит. по: Голиков Г.Н. Великая Октябрьская Социалистическая революция в советской исторической литературе // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 453.
- ¹⁴ Минц И.И. Изучение истории Великой Пролетарской революции и Гражданской войны // Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.-Л., 1942. С. 158.
- ¹⁵ Лотарева Д.Д. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел XIV. «К». Ед.хр. 2. Л. 6.
- ¹⁷ Архангородская Н.С., Курносов А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 223.
- ¹⁸ Лотарева Д.Д. Указ. соч. С. 126.
- ¹⁹ Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 283.
- ²⁰ Цит. по: Лотарева Д.Д. Указ. соч. С. 157.
- ²¹ Томпсон П. Голос прошлого: Устная история. М., 2003. Глава 2; Щеглова Т.К. Устная история: учебное пособие. Барнаул, 2010. С. 33—42.
- ²² Лотарева Д.Д. Указ. соч. С. 132—134.
- ²³ Подробнее см.: Тихонов В.В. «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «НВ: Исторические исследования». Электронный журнал. 2013 № 2. // http://e-notabene.ru/hr/article_701.html

Кунсткамера в блокадном Ленинграде: по воспоминаниям сотрудников.

Свое сообщение я хочу начать словами Михаила Дудина: «В Ленинграде, где фронт и тыл были неразделимы, сражались все. Ленинград защищали не только пехотинцы, артиллеристы, летчики, моряки, но и рабочие, инженеры, ученые, художники, медики, актеры — люди разных профессий и возрастов, даже дети»¹.

Старейшее здание нашего города, заложенное в 1714 г. и окончательно возведенное в 1728 г., подвергалось во время блокады вражеским нападениям. Здание Кунсткамеры сильно пострадало от артобстрелов. Осколки снарядов повредили крышу, стены и окна. Значительный ущерб зданию нанесли зажигательные бомбы. Больше всего пострадала башня. Дважды на ней возникал пожар. Сотрудники тушили его водой из Невы, которую по цепочке передавали из проруби.

Директор Института этнографии Академии наук СССР профессор И. Винников писал 23 сентября 1941 г. А.А. Жданову: «в здании музея Института этнографии Академии наук СССР (кстати это здание является одним из немногих сохранившихся древнейших сооружений нашего города; в этом здании были заложены великим Ломоносовым основы русской науки и помещалась прославленная Кунсткамера, учрежденная Петром I) приступлено к оборудованию и установке огневых позиций и точек. При этом огневые позиции и точки устанавливаются в помещениях, в которых хранится огромное количество коллекций, имеющих общегосударственное и мировое значение. Неизбежное размещение в музее воинской части для обслуживания названных огневых точек нарушит всю систему охраны здания музея и его ценностей»².

Здание Кунсткамеры сильно пострадало от артобстрелов. Осколки снарядов повредили крышу, стены и окна. Значительный ущерб зданию нанесли зажигательные бомбы. Больше всего пострадала башня. Дважды на ней возникал пожар. Сотрудники тушили его водой из Невы, которую по цепочке в ведрах передавали из проруби.

Эвакуировать уникальные коллекции Музея не представлялось возможным. Ящики с упакованными в них экспонатами были сначала рассредоточены в подвалах, затем по всему первому этажу здания. 125 ящиков с наиболее ценными экспонатами передали на хранение в Эрмитаж. Зимой 1941—1942 гг. от голода и болезней скончалось 33 сотрудника. Многие умерли в Музее, так как переселились сюда из своих квартир вместе с семьями. Совместная жизнь и работа помогали им выдержать испытания. Они работали над докторскими и кандидатскими диссертациями, обрабатывали коллекционные материалы. Среди погибших были ученые, опытные музейные работники. Погибли сибиреведы Г.Д. Вербов (заведующий Отделом Сибири), Н.П. Никульшин; японист А.А. Савинич, специалист по финно-угорским народам и народам Индонезии И.М. Лекомцев, специалист по чукчам Н.Б. Шнакенбург, сотрудник Института этнографии по издательской деятельности А.М. Кукулевич и др.

После летней эвакуации 1942 г. остались охранять Музей Уполномоченный от Президиума Академии наук, заведующий Отделом оформления, впоследствии пер-

вый директор Музея М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингель (1884—1951), старший научный сотрудник К.В. Вяткина (1892—1974), младшие научные сотрудники В. В. Федоров (1892—1976), М.Д. Торэн (1904—1974) и др.

В 1944 г. стали возвращаться эвакуированные сотрудники Института и сразу же включились в восстановительные и ремонтные работы, которые производились в основном собственными силами. За ремонтными последовали реставрационные работы, в том числе и достройка башни Кунсткамеры. Летом 1945 г. в дни празднования 220-летнего юбилея Академии наук, Музей был открыт для обозрения.

Мое сообщение основано на воспоминаниях двух сотрудников Музея — Андрея Александровича Попова — заведующего Сектором Сибири и Василия Васильевича Федорова — научного сотрудника Отдела археологии.

«С первых же дней войны начались круглосуточные дежурства в Музее — вспоминает А.А. Попов. — Женщины дежурили через день. Оставшимся в Музее мужчинам выдали две винтовки и два патрона (на случай прихода немцев)». К осени 1941 г. сотрудники закончили свертывание экспозиций, составление описей, упаковку коллекций в ящики. Однако вопрос об эвакуации коллекций уже был снят — враг железным кольцом окружил город. Ящики с экспонатами стояли в залах и кабинетах. Попов вместе с Е.Э. Бломквист в тайне от руководства музея обратились к руководителю Ленинградской части Академии наук И.А. Орбели. Буквально на следующий день дирекция музея получила распоряжение — наиболее ценные коллекции передать на хранение в Эрмитаж и они были укрыты в подвалах Эрмитажа, остальные коллекции решено было перебазировать в подвалы Кунсткамеры. В страшные январские дни 1942 г. смерть косила сотрудников почти каждый день. Не хватало сил, чтобы вывозить трупы на Биржевую площадь, оттуда их забирали специальные машины. Трупы складывали и в отдельное помещение в здании Кунсткамеры (ныне комната 102 — хранение музея М.В. Ломоносова).

В связи с приближением фронта к Ленинграду группе сотрудников Музея вместе с сотрудниками других академических организаций пришлось выезжать в разные районы на подступах к городу, где они занимались противотанковыми окопами. Случалось — это было недалеко от линии фронта.

Научная работа несмотря на невыносимые условия продолжалась. Так до своих последних дней работал над диссертацией А.Н. Кондауров, В.В. Екимова вела исследования по бухарским тканям и т. д. В здание Музея не было прямого попадания ни бомб, ни снарядов. В.В. Федоров вспоминает, что он и Д.А. Ольдерогге с В.В. Екимовой дежурили в помещении главных фондов МАЭ — Таможенный пер. 2, второй этаж. На чердак попала бомба, которая упала в ящик с песком и стала плавиться и деформироваться, превращаться в огнедышащую массу над помещением фондов отдела Сибири. Поскольку песок и вода уже не помогали, Д.А. Ольдерогге и В.В. Федоров стали растаскивать и забивать лопатами месиво на части, не давая огненной массе оставаться на одном месте. Пожар удалось остановить.

Тяжелее всего было тушить пожар на башне Музея зимой 1941 г. Там не было выставлено поста. Когда туда поднялись сотрудники — всюю бушевало пламя. В башне горели деревянные перекрытия, стропила. Водопровод не работал, до песка не добраться. Пришлось брать воду в прорубе на Неве. На тушение пожара были мобилизованы все сотрудники Музея и члены их семей. Образовали цепочку и передавали ведра друг другу и так до самого верха башни. От истощения и волнения трудно было удержать ведра, вода проливалась и тут же замерзала. Особенно тяжело было на винтовой лестнице, ведущей на 5-й этаж башни. Пожар был потушен.

Летом 1942 г. происходила массовая эвакуация сотрудников Академии наук. Осталась небольшая группа сотрудников Музея, которую возглавил уполномоченный от Академии архитектор Р.И. Каплан-Ингель. Ему была поручена охрана Музея со всеми оставшимися документами и коллекциями. Здание музея было переоборудовано в опорный пункт обороны. Два угловых кабинета на первом этаже были превращены в боевые точки. Каменные плиты были установлены в проемах окон и заделаны кирпичом, оставив амбразуры для пулеметов. Для тяжелых орудий пришлось пробить специальные двери. Здание напоминало бронепоезд. А работы внутри Музея шли своим чередом.

Существует легенда о том, как папуас от врага защитил. Манекен «Папуас, стреляющий из лука» стоял в зале Австралии. Вблизи музея разорвался крупный снаряд. У манекена, стоящего на галерее, отломился палец, держащий тетиву лука. Стрела, пролетев через весь зал, опустилась и вонзилась в один из шкафов нижней части зала. Получилось впечатление, что манекен папуас, обращенный лицом на запад, выпустил стрелу в сторону врага.

Реставрация и восстановление здания Кунсткамеры проводились по проекту и под руководством заведующего отделом художественного оформления МАЭ и будущего директора Музея М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингеля. Одновременно достраивалась и верхняя часть башни, утраченная двести лет назад во время пожара 1747 г.

К началу 1947 г. архитектурные и отделочные работы были закончены, и по распоряжению Президента Академии наук СССР С. И. Вавилова в Круглом зале третьего этажа башни должна была быть развернута экспозиция, посвященная М. В. Ломоносову.

Героическая работа группы сотрудников Ленинградской части института этнографии АН СССР по охране и спасению коллекций Музея антропологии и этнографии навсегда останется одним из ярких примеров стойкости ленинградцев в годы Великой Отечественной войны.

¹ Буров А. В. Блокада день за днем. Л., 1979.

² Из истории Кунсткамеры. 1941–1945. СПб., 2003. С. 6–7.

Секция 3:
Великая Отечественная
война в памяти
и историко-
патриотическом
сознании

«Хочется оставить добрую память
о днях военного лихолетья...»:
письма и воспоминания ученого, ветерана
Великой Отечественной войны А.Ф. Ануфриева.

Проблема патриотического воспитания и гражданского становления подрастающего поколения — сегодня одна из актуальных задач Российского государства и общества. В настоящее время предпринимаются определенные шаги к возрождению системы военно-патриотического воспитания населения. В связи с этим возрастает интерес к изучению советского опыта по формированию нравственно-патриотического становления детей и молодежи. Действенное участие в патриотическом воспитании, безусловно, играет семья. Помимо семьи — работники всех уровней образования, творческая и научная интеллигенция, представители общественных организаций и средств массовой информации и т.д. Особое место в этом ряду занимают военные и ветераны, которые на личном опыте и примере могут нести в массы примеры глубокой любви и преданности Родине. «Герой» настоящего сообщения — Александр Федорович Ануфриев — один из тех, чья судьба и активная жизненная позиция позволяют нам сегодня говорить о бесценном опыте работы с подрастающим поколением в 1970—1980-х гг.

Документальными свидетельствами данного процесса являются материалы личного фонда «А.Ф. Ануфриев, кандидат технических наук, ученый-энергетик, ветеран Великой Отечественной войны (1914—2002)». Фонд был сформирован в Научном Архиве Коми Научного Центра Уральского отделения РАН в 2009 г. из документов, переданных в 2007 г. его младшей дочерью — Винник Зинаидой Александровной. В фонд включено 320 ед. хр. за 1925—2002 годы. Значительный объем документов фонда посвящен событиям Великой Отечественной войны. Это дневниковые записи А.Ф. Ануфриева 1943—1945 гг.; фотодокументы военных лет, воспоминания, переписка с однополчанами, его научные и публицистические материалы, опубликованные в республиканских газетах¹.

Александр Федорович Ануфриев родился 18 апреля 1914 г. в г. Хабаровске в семье служащих. В 1940 г. окончил Омский сельскохозяйственный институт по специальности инженер-гидротехник и был направлен в Управление мелиорации Народного комиссариата земледелия Коми АССР на должность старшего инженера. А.Ф. Ануфриев был призван на фронт Сыктывкарским городским военкоматом 10 марта 1942 г., получив военный билет как рядовой необученный, направлен на учебу в Пуховичское пехотное училище, располагавшееся в тот период в г. Великий Устюг, несмотря на то, что в 1936—1937 гг. в институте он прошел высшую вневойсковую подготовку и получил звание «младшего лейтенанта» и военный билет командира запаса. Военная биография А.Ф. Ануфриева осложнялась тем, что его отец в 1937 г. был арестован и расстрелян. В связи с этим А.Ф. Ануфриев прошел половину своего военного пути рядовым. В июне 1942 г. А.Ф. Ануфриев был направлен в формирующуюся 59-ю отдельную стрелковую бригаду, которая с августа 1942 г. участвовала в боях на Северном Кавказе. Великую Отечественную войну он закон-

чил в декабре 1945 г. преподавателем огневой подготовки курсов усовершенствования офицеров и пехоты Красной Армии Группы Советских оккупационных войск в Германии.

После демобилизации в 1946–1956 гг. работал главным инженером Коми республиканской конторы «Главсельэлектро», где успешно освоил строительство сельских гидроэлектростанций, лично монтировал гидротурбины на первых в Коми АССР колхозных ГЭС. Под его руководством было разработано планирование и произведены работы по электрификации сельского хозяйства республики, начатые в 1945–1947 гг. С 1949 г. А.Ф. Ануфриев начал сотрудничество с Коми филиалом АН СССР. Он принял активное участие в разработке «Генеральной схемы использования энергетических ресурсов Коми АССР для целей сельской электрификации».

В 1956 г. А.Ф. Ануфриев перешел на работу в Коми филиал АН СССР в отдел энергетики и водного хозяйства. Его трудовой путь в академии начался в должности младшего научного сотрудника и до заведующего отделом (1970 г.). В 1965 г. в Ленинградской лесотехнической академии А.Ф. Ануфриев защитил диссертацию на тему «Исследование энергоэкономической эффективности комплексного использования малых и средних рек Коми АССР для целей лесосплава и энергетики», представленную на соискание ученой степени кандидата технических наук. В 1972 г. ему присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «общая энергетика». В 1975 г. вышел на пенсию, но до 1985 г. продолжал плодотворное научное сотрудничество с Коми филиалом АН СССР по трудовым договорам. А.Ф. Ануфриев опубликовал более 130 научных работ.

В личном фонде сохранились научные отчеты, свидетельствующие о его прикладных исследованиях, докладные записки в различные инстанции по принципиально важным народно-хозяйственным вопросам республики. Большая часть документов фонда иллюстрирует еще одну сторону его деятельности — общественную.

А.Ф. Ануфриев являлся председателем республиканского и членом Всесоюзного Комитета научно-технического объединения по использованию и охране водных ресурсов. По линии общества «Знание» и в Высшей партийной школе Коми АССР выступал в рабочих коллективах, был внештатным лектором Сыктывкарского горкома КПСС, активно участвовал в работе городских народных дружин и профсоюзной организации Коми филиала АН СССР.

О гражданской позиции ветерана красноречиво говорят документы эпистолярного жанра. В настоящее время в исторической науке проявляется большой интерес к изучению источников личного происхождения, таких как дневники, мемуары, письма. Эпистолярный жанр не подчиняется каким-либо правилам, дневниковые записи и письма имеют исключительное разнообразие по форме и содержанию, затрагивают корневые, микроскопические формы бытия и содержат множество сведений по истории повседневности. Они позволяют реконструировать конкретное событие с точки зрения его участников. Разносторонний характер этих исторических источников позволяет в равной мере рассматривать события экономической, политической, социально-культурной истории, пропущенные через личное восприятие их авторов.

В фонде Ануфриева сохранилось более 120 писем. Все письма имеют точную дату (число, месяц и год), но место отправки не всегда указано. Александр Федорович сохранял копии отправленных писем, для чего специально писал их через черную копировальную бумагу. Часть писем рукописные, другие отпечатаны на пишущей машинке. География адресов обширная (Москва, Новосибирск, Воронеж, Липецк, Юхнов,

Великий Устюг, Омск-99, Целиноград, Акмолинск-24 и др.). А.Ф.Ануфриев писал в редакции газет и журналов, научным сотрудникам, бывшим однокурсникам, сослуживцам-фронтовикам, ветеранам Пуховичского военного пехотного училища.

Много лет с 1975 г. сотрудничал Александр Федорович со школой-интернатом для детей сирот № 1 г. Сыктывкара (ныне Государственное общеобразовательное учреждение «Детский дом-школа № 1 им. А.А. Католикова»). Знакомство произошло в связи с подготовкой к празднованию 30-летия Победы в Великой Отечественной войне в рамках проведения в интернате акции «Поиск-30». Воспитанники собирали сведения о ветеранах войны, в том числе сотрудников Института биологии Коми филиала АН СССР, который шефствовал над интернатом. Инициатором этой поисковой работы была руководитель комнаты боевой славы интерната Л.И. Камелина. По результатам встреч с шефами-ветеранами были оформлены фотоальбомы с фотографиями защитников Отечества и их воспоминаниями. Позднее был организован школьный клуб, перед которым ставилась задача — организовать активный поиск коми-воинов, которые в годы войны обучались в Пуховичском военном пехотном училище².

Поисковая работа приняла более содержательный характер в 1982 г., когда директор школы-интерната А.А. Католиков обратился к сыктывкарскому городскому совету ветеранов с просьбой оказать содействие в создании Совета ветеранов при школе. В мае 1983 г. совет ветеранов рекомендовал А.Ф. Ануфриева для этой работы в интернате.

Школьный клуб был преобразован в штаб «Поиск», создали Музей боевой славы. Для школьных следопытов изготовили специальные удостоверения, которые в торжественной обстановке вручали воспитанникам-следопытам. Штаб обратился к начальнику политотдела Коми республиканского военкомата с просьбой оказать содействие в создании именных списков жителей Коми АССР, призванных в годы войны и направленных на учебу в Пуховичское училище.

Из десяти военкоматов республики и районных советов ветеранов поступали данные на воина с указанием фамилии, имени, отчества, года рождения и даты призыва. В личном фонде сохранилась картотека учащихся училища на 225 чел., заполненных Ануфриевым. Карточки содержат дополнительные данные: батальон, рота, когда и в каком звании выпущен, участие на фронтах войны, воинское звание, род войск, когда демобилизован, ранения, контузии, награды, трудовая деятельность, участие в ветеранском движении, дата выхода на пенсию, инвалидность, адрес места жительства. 79 карточек содержат только фамилию, имя и отчество бывшего курсанта³.

В 1986 году в Сыктывкаре состоялась встреча 160 пуховичан из разных областей России, Украины, Белоруссии и других регионов. К этому времени со всеми известными коми-пуховичанами установлена постоянная переписка. Многие ветераны общались все новые имена своих однополчан, указывали места встреч с ними, просили штаб «Поиск» разыскать друзей, узнать их дальнейшую фронтовую судьбу.

На основе собранной информации о курсантах училища из Коми АССР, издана книга «Не кланялись пулям»⁴, рассказывающая о судьбах ветеранов в годы Великой Отечественной войны, проходивших обучение в пехотном училище. Автор работал над этим изданием в 1985—1986 гг. На одном из экземпляров, отложившемся в личном фонде, сделана запись, что со значительным сокращением рукопись опубликована Коми книжным издательством в 1990 г. Рукопись содержит информацию и большое количество фотоиллюстраций, в том числе портреты и группы курсантов, военные письма, жанровых сцен встреч ветеранов с воспитанниками школы-интерната. Часть этих иллюстраций, не вошедших в опубликованное издание, до сих пор

представляет интерес для исследователей⁵. Удалось установить имена 1817 воинов-пуховичан.

Штаб «Поиск» до 1991 года организовывал встречи бывших курсантов училища в Великом Устюге, Минске, Пуховичском районе Белоруссии, Москве и Сыктывкаре. Позже начали устраивать встречи только с теми бывшими курсантами, которые жили в городах и районах Республики Коми. Ежегодно в День Победы у Вечного Огня устраивали встречи ветеранов с учащимися интерната. В Музее боевой славы проводили уроки мужества, встречи с ветеранами и членами их семей. В гости в интернат приходили Герой Советского Союза военный летчик М.П. Девятаев, бежавший из плена на немецком самолете; дочь маршала Г.К. Жукова Маргарит; сын полка Л.А. Гицевич, который стал прообразом одноименного рассказа В.В. Катаева. Почетными гостями следопытов бывали народный поэт Республики Коми С.А. Попов, писатель Р.С. Клейн, военный комиссар г. Сыктывкар полковник Г.В. Турьев и другие. Активная поисковая работа продолжалась до 1998 г. и включала смотры-конкурсы «Песни и строя», «А ну-ка, парни!», военную игру «Зарница», традиционные встречи утреннего рассвета у мемориала «Вечная слава» воинам-сыктывкарцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Об активной деятельности А.Ануфриева по нравственно-патриотическому воспитанию молодежи можно судить по его переписке. А.Ф. Ануфриев писал однокурснику: «...школьным музеем в интернате ... я увлекся. Хочется оставить добрую память о днях военного лихолетья. В 6–10 классах есть поисковые группы, с ними ездим по местам боевой славы — в Ленинград, в Белоруссию и другие места. Часто устраиваем встречи с ветеранами, а они так нужны, так полезны и нам фронтовикам и детям»⁶.

О работе с подростками и методах организации занятий по патриотическому воспитанию можно узнать из отчета о походе учащихся Сыктывкарской школы-интерната № 1 в январе 1997 г. по автобусному маршруту Сыктывкар-Ухта в пяти районах республики. Ездили 36 учащихся 9 и 10 классов. Поход посвящался XX съезду ВЛКСМ и 70-летию Октябрьской революции под девизом «Знай свой край!». В домах культуры и школах ребята выступали с агитбригадой, кукольным спектаклем и музыкальным ансамблем. Участники похода встречались с ветеранами войны и труда, в том числе с народным учителем СССР А.В. Уляшевым, который рассказал о штурме Берлина, в г. Ухте — с ветераном-фронтовиком А.В. Бутыриным, создателем комнаты-музея боевой славы в школе-интернате № 5, с создателем биологического музея школы № 3 К.Ф. Седых. «В пути следования, — писал Ануфриев, — я лично...знакомил ребят с историей развития электрификации в этих районах, рассказывал о героических судьбах проживающих в них известных ветеранов В[еликой] О[течественной] В[ойны] и сопровождал поход киносъемкой, смонтировал краткий киночерк о нем... Несмотря на 40-градусные морозы, все мальчики и девочки были бодры и веселы»⁷.

А.Ф.Ануфриев не ограничивался только работой в клубе «Поиск», он пытался привлечь к поисковому движению подростков города Сыктывкара. В письме к ученикам Сыктывкарской школы № 3, расположенной в бывшем с. Тентюково он стремился вызвать у детей чувство гордости за родную школу, которая для солдат, ухидивших на фронт, становилась последней мирной остановкой перед боями: «Прочитал я недавно в газете «Красное Знамя» о том, что Вашей школе исполнилось 100 лет. Поздравляю всех вас и ваших учителей с этой юбилейной датой!... Вы просили что-либо написать для Вашего школьного музея, выполняю вашу просьбу — ... 10 марта 1942 г. я был мобилизован на фронт. Помню, как мы — группа 8–10 человек получили во-

енные документы в горвоенкомате, — он тогда размещался в деревянном доме на месте нынешнего памятника-мемориала павшим сыктывкарцам в Отечественной войне 1941—1945 гг. ...мы построились и пошли в направлении с. Тентюково.... пришли мы в село и остановились ночевать в вашей тентюковской школе, спали в классах, прямо за партами.... Так начался и закончился мой первый день на тяжелых военных дорогах тех лет... Бережно храните эту память!»⁸.

Один из корреспондентов Ануфриева в 1989 г. так оценил работу Александра Федоровича «Какой же ты славный человечиче! Какой большой. То, что ты теперь делаешь, чем занят гораздо выше и значимее.... Твой «Поиск»,... как я думаю, увлекая ребят, делает их именно добропорядочными... Одним словом честь тебе от меня. Держи так, пока есть силы».

А.Ф. Ануфриев пытался донести до подростков величие Победы и начал работу над военными воспоминаниями (1968—2002 гг.), предназначенными внукам и молодому поколению: «Как прошли эти годы в стране и в мире — написано в Большой истории. Здесь же на этих страницах, излагается в фактах судьба одного. Пишу для потомков о том, как довелось мне участвовать в этой войне».⁹ В 2000 г. Ануфриев сделал несколько копий мемуаров, дополнил автобиографическими документами и назвал рукопись «Помнить, не забывать!». Этот документальный сборник предназначался его детям.

Текст воспоминаний написан на больших одинарных листах в клетку формата А4. На обороте сделаны вставки другими чернилами или карандашом. Несколько частей текста отпечатаны на пишущей машинке. «Память еще держит ход и последовательность [событий] в те далекие военные годы? — делился автор, — Главное, что жалко — стерлись имена и фамилии близких друзей-фронтовиков»¹⁰.

Автор оценивал войну как долг и обязанность. Недаром в воспоминаниях неоднократно повторяется фраза, вынесенная в заголовок: «Что было, то было». А.Ф. Ануфриев ассоциировал для детей патриотизм конкретных людей с их поступками. Стремился, чтобы участники военных событий лично встречались с подростками и рассказывали о своих подвигах. Чтобы закрепить патриотические чувства, использовал различные педагогические приемы: экскурсии по республике и городам СССР, ведение дневников и отчеты школьников, создание фото- и видео архивов. Александр Федорович сам был истинным патриотом.

¹ А.Ф. Ануфриев «Что было, то было...» Военные воспоминания / Сборник документов и материалов / Отв. редакторы Л.П. Роцевская, А.А. Бровина. — Сыктывкар, 2010. Вып.3. — 186 с.; А.Ф. Ануфриев. В памяти — навсегда! / Красное Знамя, 9 мая 1983; А.Ф. Ануфриев. Отзовитесь, ветераны / Красное Знамя, 10 июля 1984; А.Ф. Ануфриев. Быть наставниками / Ленинец, 3 марта 1987.

² НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.

³ Там же. Д. 42.

⁴ Ануфриев А.Ф. Не кланялись пулям. Сыктывкар, 1990. — 172 с.

⁵ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 35, 36 л.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 23. Л. 2.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 12.

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 47.

¹⁰ Бровина А.А., Лисевич Н.Г., Филиппова Т.П. Военные воспоминания советского ученого А.Ф. Ануфриева // Вестник архивиста, № 2. 2011. С. 117—137.

Великая Отечественная война в восприятии послевоенных поколений молодежи

Шествие «Бессмертного полка» по дорогам России в пасхальный День 9 мая 2016 года явило миру единство поколений, веру и причастность наследников Великой Победы идеалам павших и живых защитников Отечества. В бессмертном полку шли люди разных возрастов, но в основном — молодежь, на чьих плечах — судьба России XXI века.

Бессмертный полк засвидетельствовал провал информационной войны, развязанной врагами России, подтвердил и напомнил оценки русскому народу, прозвучавшие в День Победы, 70 лет назад, в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца из уст главы государства И.В. Сталина, который провозгласил исторически значимый тост — здравицу народу русскому. *«Я пью, - сказал он, - прежде всего, за здоровье Русского Народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, <...> потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье Русского Народа не только потому, что он - руководящий народ, но и потому, что у него имеется здоровый смысл, общеполитический здоровый смысл и терпение»*¹

Всемирное значение и смысл Победы, достигнутой ценой неисчислимых жертв, самоотверженности, мужества русского народа, отстоявшего цивилизационные устои собственной государственности, своей и общечеловеческой культуры, в восприятии новых поколений подвергалось в последние десятилетия целенаправленной деформации, что имело видимый успех. Так, социологические опросы в разрезе возрастных групп населения показали слабое, нередко искаженное знание причин, хода, расстановки сил противостояния, итогов Великой Отечественной войны. Многие имели превратное представление о победителях в этой войне, о героизме воинов и тружеников тыла, именах героев и полководцев. В качестве главной причины такого забвения социологи, основываясь на количественных, статистических выборках, называют «борьбу *событийной правдивой* памяти, с одной стороны, и сфальсифицированной, с другой»² Однако этот вывод, как подсказывает опыт современников войны, носит относительный, одномоментный и достаточно частный характер.

Явление утраты и нового обретения народом исторической памяти о войне требует более глубокого качественного анализа. В этом отношении многое мог бы дать научный анализ изменений в восприятии Победы в послевоенные десятилетия людьми разных поколений, разных возрастов, социальных групп, с учетом географического и иных факторов влияния на самосознание народа. Во всяком случае, пока еще живы отдельные участники и свидетели военной поры, важно исследовать не только и не столько факты, в основном они известны в достаточном объеме, сколько осмыслить изменения, понять причины, их вызывавшие, в живом восприятии истории Великой Отечественной подростками *в каждый конкретный послевоенный период*. Такие исследования нам не встречались.

Предлагаемый исторический экскурс в живую память послевоенных поколений подростков опирается на личный опыт 55 - летних наблюдений, анализ учебно-исследовательских работ школьников и бесед с ними на исторические темы в образовательных учреждениях страны. Так случилось, что профессиональная деятельность архивиста в силу разных обстоятельств не прерывала мою связь с подростками школьного возраста 15—16 лет на протяжении многих и многих лет.

Начну с напоминания о том, что День Победы 9 мая был объявлен нерабочим днем лишь в 1965 г. через 20 лет после окончания войны³.

В этот год в честь Победы во всех школах страны проходили линейки. Одна из них в школе № 6 г. Нижнего Тагила запомнилась мне навсегда. Придя на свой урок в 11 классе в качестве преподавателя по подготовке референтов по делопроизводству, я застала всех в актовом зале. Директор школы Елена Ивановна Глен произносила речь, когда вдруг заиграла музыка и в зал вошла небольшая колонна: любимый всеми учитель химии «Пименович» с Красным Знаменем в руках, а за ним 5—6 техничек — участниц войны. Выстроившиеся в линейку подростки, вероятно от неожиданности — (ранее таких линеек не устраивали), — стали безудержно смеяться.

Войдя в класс по окончании линейки, взволнованная несоответствием восприятия учениками памяти о войне, я продолжила разговор о цене Победы. Увидев выставленный из-за парты белый сапожок одной из девушек, спросила:

— Нина, тебе сколько лет? —

— Шестнадцать, s— отвечает.

— А маме твоей сколько?

— Сорок.

— В каком же году ей было 16?

Посчитали — в 1941-ом.

— Скажи, а у мамы есть или были такие сапожки? — Не-ет — протянула смущенная Нина.

— Да, и в 16 лет, и потом многие ваши мамы ходили в основном в кирзовых сапогах, в трофейных башмаках на деревянной подошве. Но они были счастливы, потому что одержали победу и над головами их простиралось мирное голубое небо. А в тот роковой день 22 июня ваши ровесники, такие как Сережа, как Миша (показываю на сидящих в классе мальчишек) надели шинели, а вскоре в семьи стали приходиться их похоронки. Придя сегодня домой поклонитесь своим родителям за все. За то, что они, полностью забыв о себе, отдавали и отдают все вам, связывают с вами надежду на счастливое будущее страны. К концу урока мы все утирали слезы. А на следующий день родители меня спрашивали: «Что вы сделали с нашими детьми?». Придя домой, они говорили такие слова своим мамам и папам, которых ранее они от них не слышали, расспрашивали о военном периоде.

К этому времени было очевидно, что в сознании молодежи относительно истории войны, истории народного подвига происходит неладное. Война не только стирается из памяти потомков, но, более того,— героический подвиг народа искажается, принижается, наполняется враждебным смыслом. В школьных учебниках война была представлена в основном историей битв на полях сражений, партизанских отрядов, трудовых будней тыла «все для фронта, все для победы». Человек в пекле войны как-то исчезал из поля зрения. XX съезд 1956 г. обнажил и сконцентрировал внимание народа на военных просчетах, репрессивной политике, проводимой в годы культа И.В. Сталина. Результаты не замедлили сказаться на восприятии исторического прошлого в молодежной среде.

1957 год. Нижний Тагил. Детский дом № 1 для трудновоспитуемых детей. В 9 классе — подростки, в том числе немало москвичей известных родителей (Толя Серов, Яша Рубцов, др.). Они — из плеяды подражателей «золотой молодежи». В качестве воспитателя и учителя истории веду с ними разговор — об истоках мотивации поступка человека. Ребята настаивают: «Человек делает только то, что ему выгодно». Все мои доводы о служении, о совести и пр. отменяются. Запомнился фрагмент, определивший перелом в их воззрениях. Привожу пример. «Возьмем подвиг Александра Матросова...».

— Нет, Зинаида Петровна, Вы ничего не знаете. А дело было так. Момент, когда Матросов бросает гранату, был условным знаком для поднятия всей роты. Александр промахнулся. Рота полегла. Его судил бы военный трибунал». И только обращение к конкретным случаям из жизни самих подростков заканчивается признанием ими факта: да, человек в экстремальных обстоятельствах действует или как личность в истинном понимании этого слова, а значит — «за други своя», или как человек земного притяжения — «за свое «Я». Срабатывает то, что заложено в человеке, «внутреннее пространство личности».

10 студенток МГИАИ, прожив с 1950-по 1955 гг. очень дружно одним составом в общежитии на 25 Октября (Ныне Никольская), никогда не говорили о войне. Много лет спустя, мы с удивлением поняли, что не имели представления о том, кто из нас 10-ти в годы войны был на оккупированной территории, кто — в эвакуации, не говорили предметно и о занятиях родителей.

Воевавшее поколение рождения 1920 гг. и ранее, — о войне молчало. Молчало о войне и поколение рождения 1930 гг. — мои сверстники, которые сегодня практически уже все покинули или покидают землю.

Причины вижу в том, что воспоминания о Победе омрачались трагическими последствиями войны, о которых народ безмолвствовал: участь калек войны, бывших в плену солдат, фильтрационные лагеря, коллаборационизм, засуха 1947 г., обессточенные деревни и многие другие факторы не способствовали заживлению нанесенных и наносимых глубоких кровоточивших ран. Не по этим ли причинам в 1947 году был отменен выходной день 9 мая, отмечавшийся в 1945 и 1946 гг. как День Победы?⁴

На экранах кинотеатров в первое послевоенное десятилетие шли трофейные, довоенные, фильмы военных лет: «Небесный тихоход». «Сердца четырех», «Парень из нашего города», «В шесть часов вечера после войны», др. шутливые и бодрящие фильмы военных лет, а также фильмы патриотического содержания из истории Российского государства до 1917 года: «Александр Невский», «Иван Грозный». «Адмирал Ушаков» и др. Из советских фильмов, вышедших в эти годы, можно назвать только — «Подвиг разведчика» (1947 г.), «Падение Берлина» (1949 г.), а также фильм по роману А.А. Фадеева «Молодая гвардия» (1948 г.) с последующей шумной дискриминацией и романа, и его автора.

Народ сокрыл до времени память о победах и трагедиях войны, их смысле в своем сердце. И только после смерти И.В. Сталина вышел первый правдивый фильм Сергея Бондарчука по рассказу Шолохова «Судьба человека» (1956 г.) о трагических страницах войны и судьбах людей. Это уже позже — в 1964 году, мы смотрели фильм «Живые и мертвые» по роману Константина Симонова.

1990-е годы нанесли новый удар по исторической памяти народа. Выходивший миллионными тиражами журнал «Огонек» и его главный редактор Коротич, вся желтая пресса, с огромным энтузиазмом выполняли заказ по шельмованию звания русского офицера, высмеиванию звания солдата — защитника Отечества. В День

60-летия Победы 9 мая 1995 г. мы были свидетелями, как некоторые ветераны Великой Отечественной бросали к мавзолею, где стоял Ельцин, свои ордена и медали в знак протеста против позорной капитуляции и забвения цены всенародной Победы над поверженной в 1945 году фашистской Германией.

В середине 1990 г. в жизнь вступило поколение рождения 1980-х гг., во многом утратившее способность различения «добра и зла». Им сызмальства стали внушать идеи ниспровержения авторитета «совковых» родителей и учителей, традиций общезжителства и коллективизма, самоотвержения. Средствами эго-педагогики воспитывалось презрение к истории своего народа, своей Родины, которая вдруг в Букваре для первоклашек стала олицетворяться с «картинкой в твоём букваре», а на картинке — портрет Никиты Хрущёва.

Процессы изменений в исторической памяти народа в определенной степени отчетливо прослеживаются и по конкурсным учебно-исследовательским работам школьников по исторической проблематике⁵.

Вплоть до конца 1990 —х гг. среди сотен работ насчитывались единицы, посвященные истории Великой Отечественной войны. Поколение подростков этого периода формировалось под воздействием «новых идей», ниспровергающих советскую идеологию, прежние авторитеты. Эйфория свободы, недоверие к опыту родителей и учителей, отречение от идеалов предыдущих поколений, увлечение массовой культурой западного мира разрушали традиционные идеалы чести, совести, служения народу и Отечеству, предлагая взамен ценностные ориентиры «успешности», «удачи», «услуги» в материальной сфере жизни.

Постановка образовательного процесса ориентировала «успешного» выпускника «демонстрировать свой собственный потенциал, принимать решения и нести за них ответственность, свободно осуществлять выбор, самоконтроль и самоанализ». Демонстрация своего «Я — успешный», своей исключительности, своего превосходства над предками и сверстниками, свободы и раскованности мысли сопровождалась безудержным «разоблачением» исторического прошлого своего народа, безапелляционностью, бездоказательностью, декларативностью суждений. Все это формировало мировоззренческую пустоту, утрату исторической памяти, нравственного самосознания и нравственной ответственности поколения молодежи 1980-х гг.

Однако уже к концу 90-х в обществе и в современной школе начался процесс активного поиска жизненных смыслов и стимулов. Среди молодежи наметилась тенденция отторжения от рыночных идеалов западного мира, усталость от разоблачительных исторических сентенций, тоска по «положительному герою» с его традиционным пониманием добра и зла. Усилилось неприятие в качестве добродетели страсти к личному обогащению, стремление к возврату нравственных ценностей своих предков. Голый критицизм 1990-х уступает место стремлению постичь глубинные проблемы русской истории, нравственные основы бытия народа, понять человека России и самого себя в этой истории. Осмысливая информацию «вариативных» учебников, сопоставляя ее со свидетельствами своих родных: бабушек, дедушек, бывших детей войны, подросток все отчетливее улавливал лукавство и предвзятость их авторов. В поисках ответов молодые исследователи обратились к документам семейных архивов, к собиранию устных свидетельств, к архивным первоисточникам, судьбам и трудам тех, кто был свидетелем и пронес до конца крест страданий XX столетия.

Тематика работ 2000-х гг. свидетельствовала о растущем интересе подростков к узловым событиям истории России и, прежде всего, связанных с Великой Отечественной войной, героическими подвигами сверстников в необъявленных войнах

XX века. В их работах отмечается огромное воздействие исторического прошлого, постигаемого через судьбы родных, земляков, понимание своей сопричастности судьбам народа, осознание того, что прошлое не проходит бесследно, что оно таит в себе урок, неоконченный процесс, вечный закон жизни. Работы конкурсантов показывали, что проблема человека в истории России исключительно востребована, позволяя обрести утраченные образы как примеры для подражания, восстановить память о традиционных основах жизни народа, нравственных ценностях, Работы этого периода свидетельствовали о возмужании нового поколения молодежи, укреплении его в чувствах гражданственности и патриотизма.

Долганова Анна (10 кл., СПб) с горечью отметил, что в последние десятилетия наблюдалось негативное отношение школьников к обороне Ленинграда, получили распространение представления, что сдача города могла бы предотвратить массовый голод, продолжила в 2004 г. исследование о ленинградской блокаде, которое в течение ряда лет проводилось в 528 гимназии СПб). Проведя сравнительный анализ результатов анкетирования и проследив переключку поколений, с возрастной разницей в 60 лет, она сформулировала *«уроки нравственного наследия, которые может извлечь современное поколение из феномена ленинградской блокады»*, показав, что: *«блокадники и мои ровесники через 60 лет сходны в одном: город сдавать было нельзя; блокада Ленинграда — это феномен и подвиг, потому что его совершали мирные жители: женщины, подростки, дети, и длился этот подвиг непрерывно на протяжении 900 дней, то есть практически три года. Ленинградцы-блокадники не видели героизма в том, что они делали и до сих пор считают это своим долгом. Но как героизм этот долг был оценен потомками. Блокадники показали, как красив и непобедим человек, имеющий внутренний стержень — твёрдое убеждение и веру в правоту своего дела. Они преподали нам урок высокой нравственности как остаться Человеком: «в блокаде, в окружении палачей, не превратиться в оборотня, в зверя...» (О. Ф. Берггольц «Февральский дневник»)*. Об этой гордости и боли нашего города нельзя забывать нам, жителям XXI века».

Не довольствуясь официальной версией истории Великой Отечественной войны, практически все школьники обращаются в ходе исследования к источникам устной истории: свидетельствам участников и очевидцев событий, детей войны, используют документы семейных, государственных и муниципальных архивов. Они осмысливают историю войны сквозь призму судеб своих родных и близких, осознавая суть военного и трудового подвига рядового человека. Боевые пути, подвиг солдат, тружеников тыла, цена победы, блокадный Ленинград, вопросы эвакуации, вклад женщин в победу, судьбы детей войны, отношение к ветеранам войны и тыла в послевоенный период, вопросы религии и многие другие аспекты жизни человека и всего народа в военное время нашли освещение в юношеских исследовательских работах. Серьезные исследования были проведены на темы: «Вклад трудмобилизованных рабочих Средне - Азиатского военного округа в выпуск военной продукции на Челябинском Кировском заводе (1942—1945)» (А.Н. Кулаженко, г. Челябинск), «Роль Сибири и сибиряков в Отечественные войны 1812, 1941—1945 гг.» (В.Т. Мамин, г. Новосибирск); «Сравнительно-сопоставительный анализ воспоминаний советских и немецких очевидцев и участников военных действий по обороне Малой земли в ходе Северо-Кавказской стратегической наступательной операции по освобождению Новороссийска в 1943 г.» (А.Я. Буц, С.Д. Бабилова, Краснодарский край); «Досуг и увлечения саратовского подростка в период Великой Отечественной войны» (П.А. Огаркова, г. Саратов); «Особенности труда и быта в тюремных конструкторских бюро 1940-х гг. в свете воспоминаний М.А. Храпко» (И.А. Медведев, г. Челя-

бинск); «Учителя и ученики на школьном обелиске» (А.В. Лапшина, Красноярский край) и другие. Ряд авторов представили работы источниковедческой направленности: «Наградной лист Султангиреева С.К. (1912—1991гг.) как основной исторический источник для исследования его боевого пути» (Т.Б. Габбасов, г. Челябинск); «Письма участников Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. как исторический источник (по документам Государственного архива). Основываясь на изучении архивных источников школьных музеев, военкоматов, Центрального архива Министерства Обороны, воспоминаниях свидетелей исторического времени, ряд авторов сумели не только пополнить или составить списки погибших, но выявить ряд неточностей в Книге Памяти, внести предложения о дополнении памятных досок на зданиях школ, передать результаты исследования в краеведческие музеи.

В работе на тему «Цена Победы. Цифры и факты на примере Несвижского района» (А.И. Комлач, Беларусь) анализируется полнота и достоверность данных о количестве жертв среди гражданского населения и военнослужащих на территории района. Юный исследователь обосновывает вывод, что данные о погибших в годы Великой Отечественной войны не могут быть признаны окончательными.

Веденина Ольга (9 кл., школа №13, г. о. Жуковский Московской обл.) в работе, представленной на Всероссийский конкурс «Юный архивист» в 2015 г., исследовала тему «Личный фонд историка — архивиста В.В. Цаплина как источник информации о Великой Отечественной войне» *«Мне всегда хотелось понять, что пережили люди прошлого века, — пишет она в своей работе, <> дневники В.В. Цаплина позволили мне воссоздать быт в предвоенные и военные годы в поселке Кратово, находящемся по соседству с моим родным городом Жуковским, реконструировать условия в местах боевых действий, госпиталях и в оккупированной Германии». Для автора очень важно, что дневники «написаны исключительно для себя, не напоказ, без необходимости играть заданную роль или приосаниться ради красивого кадра». Автор особо выделяет слова В.В. Цаплина, который 3 февраля 1942 г. записал в своем дневнике: «Мне положительно везет, хоть нет — нет, да и подумается, что вот люди кровь проливают, а ты дурака валяешь, но стараюсь убедить себя в том, что бог ни делает — все к лучшему. Да только за что умирать — за свое добро? — так его у меня нет; за отдельных личностей? — не желаю; за родину, за честь, свободу, за национальную независимость русского народа — за это готов отдать свою жизнь. В настоящее время Родину, её судьбу и существование связывают с именем одного человека, как бы отождествляют его и Россию, но я, несмотря на то, что этот человек пользуется всеобщим, в том числе и моим уважением, не могу разделять подобного взгляда, ибо уверен, что не будь его, был бы кто-нибудь другой!»*

Обращение к наследию В.В. Цаплина, ставшего по окончании войны выдающимся архивистом своего времени, позволило автору конкурсной работы сказать: *«теперь я знаю, за что сражались такие простые и такие героические в исполнении простого солдатского долга люди: «за Родину, за честь, свободу, за национальную независимость русского народа», и осознание этого наполняют душу особым чувством благодарности всем выжившим и павшим в этой великой войне. А еще мне кажется, что на разных этапах своей судьбы я не раз вспомню призывающую к действию фразу 20-летнего В. В. Цаплина, убеждавшего себя в 1945 году: «Человек, чтобы нормально жить должен иметь какой-то интерес, какую-нибудь цель в жизни, которая бы подогревала его, служила ему горячим материалом».*

Понуровская Ирина (14 л., с. Марьяновка, Омская обл.), передавая восприятие своими сверстниками чувства Родины, завершила свое выступление стихами В. Абрамова «Васильковская Русь

Если спросят меня: «Вы откуда такие?»
 Я отвечу тому, ничего не тая:
 «Мы — такие ж, как вы, родом все из России,
 Где цветут васильки, мятой пахнет трава».
 Если спросят меня: «Как же раньше вы жили?»
 Я отвечу тому, ничего не тая:
 «Мы — такие, как вы, так же крепко любили
 И ходили вздыхать в голубые поля».
 Если спросят меня: «А кого вы любили?»
 Я таить от него ничего не берусь,
 Я отвечу тому: «Для нее мы и жили,
 А название ее — васильковая Русь».
 Если спросят меня: «Почему так любили,
 И зачем вы ее, как дитя, берегли?»
 Я отвечу тому: «Жизнь любить нас учила,
 По-другому же жить просто мы не могли».
 Если спросят меня: «Кто вы все же такие?»
 Я отвечу им всем, ничего не тая:
 «Не могли мы в ней жить, словно дети чужие,
 Мы, все вместе — родные ее сыновья».
 Коль случится пора, и настанет кончина,
 Сам Господь позовет и допросит меня,
 Я отвечу ему: «У меня есть причина!»
 Я вздохну и скажу: «Умираю, любя!
 На тебя погляжу — в сердце станет спокойно.
 Образ твой навсегда я с собой уношу.
 Долг земной пред Тобой, как сыновний, исполнил,
 А что мало любил, я прощенья прошу».
 А друзей я прошу, умоляю сердечно:
 Коль окажется путь мой по жизни таков,
 И придется мне лечь в эту землю навечно,
 Положите меня средь родных васильков.

Достоинно удивления то, что массированное воздействие деструктивной информации, обрушившейся в последние два десятилетия с целью растления личности человека, оказалось бессильным перед чистотой народной души.

В жизнь входит поколение, которое ценит и воспринимает духовно-нравственные ценности собственного народа — спасшего мир от фашизма, возрождающее идеал нравственной чистоты, воплощенный в образах защитников земли русской: святых Сергия Радонежского, Александра Невского, Димитрия Донского, Патриарха Гермогена, и несть числа тысячам служивших и сложивших голову за веру, народ, Отечество.

Долг исторической науки — на основе профессионального комплексного исследования документального наследия — Архивного фонда Российской Федерации, руководствуясь принципами и критериями отечественной историографии, воссоздать цельный и правдиво объективный образ эпохи XX века, раскрыть внутренние стимулы национального самосознания народа, устоявшего на фундаменте традиционных культурно-исторических ценностей.

- ¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 196 -197.
- ² Афанасьева Л.Н., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти России // Социс, 2005. № 5, С. 11.
- ³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. N 3479–VI»О признании утратившей силу статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г.
- ⁴ В связи с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. «Об объявлении 9 мая нерабочим днем» Президиум Верховного Совета СССР постановляет: Статью 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. об объявлении 9 мая рабочим днем (Ведомости Верховного Совета СССР, 1947 г., N 45) считать утратившей силу.
- ⁵ Личный электронный архив З.П. Иноземцевой // Материалы (тексты сотен работ, рецензии, отчеты и др.) школьных исследовательских работ, выполненных в рамках научно-образовательной программ «Юность, наука, Отечество» за 1995–1998 гг. (г. Обнинск), Всероссийских юношеских чтений им. В.И. Вернадского (2003 – 2016 гг.), Всероссийского Конкурса по историко-церковному краеведению (2011 - 2016 гг.), Конкурса «Юный архивист» (2014 - 2015 гг.) С 1995 по 2016 гг. автор принимал участие в названных конкурсах в качестве руководителя секций по исторической проблематике.

Советское военное планирование кануна Великой Отечественной войны в современных дискуссиях.

Советская историография очень скупо освещала проблему военного планирования Генштаба РККА накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В общедоступной литературе эта тема затрагивалась лишь в самых общих словах о подготовке советских вооруженных сил к обороне границ СССР и отражению вражеского нападения «ответным» ударом¹. В военно-исторических работах, изданных в 1960-е гг. под грифом «секретно», этот вопрос хотя и конкретизировался, но в целом не выходил за рамки официального тезиса о подготовке Красной армией «ответного» удара в случае вражеского нападения². Лишь на рубеже 1980—1990-х гг. в литературе была впервые высказана идея о возможном советском нападении на Германию³. Затем появились первые фрагментарные публикации документов советского военного планирования 1940—1941 гг.⁴. В итоге оказалось, что традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях советского руководства становится все менее обоснованной и нуждается в существенной модернизации. Однако в 1993 г. развитие историографических дискуссий по этой проблеме было резко политизировано в результате публикации в России книг В. Суворова⁵, в которых германское нападение на Советский Союз было представлено «превентивной» войной.

К сожалению, слишком многие исследователи всерьез восприняли абсолютно ложную конструкцию В. Суворова о том, что советские военные приготовления к нападению на Германию якобы подтверждают тезис о германском нападении как «превентивной» войне. Однако это совершенно не так. Дело в том, что превентивная война — это «военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления»⁶, поэтому она возможна только в случае, когда осуществляющая их сторона **знает** о намерениях противника. Однако германские документы свидетельствуют, что в Берлине воспринимали СССР лишь как абстрактную потенциальную угрозу, а подготовка «Восточного похода» совершенно не была связана с ощущением «непосредственной опасности, исходящей от Красной Армии»⁷. Германское командование знало о переброске дополнительных сил в западные округа СССР, но расценивало эти действия как оборонительную реакцию на обнаруженное Москвой развертывание вермахта. Группировка Красной армии оценивалась как оборонительная, и никаких серьезных наступательных действий со стороны Советского Союза летом 1941 г. не предполагалось⁸. Поэтому сторонники тезиса о «превентивной» войне Германии против СССР попадают в глупое положение, пытаясь доказать, что А. Гитлер решил сорвать советское нападение, о подготовке которого он на деле ничего не знал⁹.

Тем не менее, В. Суворову фактически удалось перевести научную дискуссию в политическую, что в значительной степени блокировало изучение этого сложно-

го вопроса. В итоге в российской историографии сложилась довольно любопытная картина. С одной стороны, был введен в научный оборот ряд документов советского военного планирования, но, с другой стороны, в попытках интерпретации этих материалов преобладает стремление всячески обойти острые вопросы и подчеркнуть оборонительные намерения СССР. Поскольку первым был опубликован как раз последний по времени разработки документ от 15 мая 1941 г.¹⁰, именно вокруг него и развернулись основные историографические дискуссии. Одни авторы утверждают, что этот план не был утвержден советским военно-политическим руководством, хотя и не приводят никаких материалов, подтверждающих это мнение¹¹. Их оппоненты указывают на то, что предлагаемые в этом документе меры подготовки операций Красной армии начали в мае — июне 1941 г. осуществляться на практике, что было бы невозможно без его одобрения советским руководством¹².

По мнению ряда авторов, в советском оперативном плане от 15 мая 1941 г. «не ставились задачи по овладению территориями каких-либо сопредельных суверенных государств, что наглядно свидетельствует об отсутствии агрессивных намерений в отношении как Германии, так и ее союзников. Основная цель заключалась в разгроме главной немецкой группировки южнее Варшавы и лишении ее возможности наступления, а также в изоляции нацистской Германии от союзных ей стран»¹³. Однако подобные пропагандистские построения довольно опасны тем, что их можно очень легко повернуть в пользу Германии. Ведь если разгром главной группировки противника и лишение ее возможности наступления «свидетельствует об отсутствии агрессивных намерений», то и германское руководство, принимая решение о реализации плана «Барбаросса» с целью разгрома главных сил РККА, тоже не имело таковых. Поэтому гораздо более правильным будет признать, что все великие державы (возможно, кроме союзных) имели агрессивные намерения в отношении друг друга, но далеко не все из них реализовали эти намерения на практике.

Довольно любопытную позицию по вопросу оперативного планирования заняли авторы второго тома 12-томного исследования «Великая Отечественная война 1941—1945 годов». Так, сначала они констатировали, что «при разработке последнего предвоенного варианта плана стратегического развертывания Красной армии на Западном театре военных действий Генеральный штаб предусматривал нанесение упреждающего удара по противнику, который сосредоточивал силы у границ Советского государства». Однако уже на следующей странице можно прочитать: «К сожалению, многими историками этот документ без серьезного обоснования был истолкован как план упреждающего удара, предложение нанести который якобы было сделано руководством Генерального штаба Красной армии И.В. Сталину в мае 1941 г. При этом упреждающий удар понимался как предложение проявить инициативу в развязывании военных действий»¹⁴. Конечно, тут сразу же возникает естественный вопрос, а как иначе может пониматься термин «упреждающий удар»? Кроме того, непонятно, с чем именно спорят авторы этих противоречивых утверждений: с тем, что подобный план был, или с тем, что он предлагался советскому политическому руководству? Особенно любопытно совершенно бездоказательное утверждение, что этот замысел противоречил оборонительной политической и военной доктрине страны¹⁵.

Некоторые военные историки, не оспаривая сущности общего оперативного замысла военного командования РККА, стараются всячески минимизировать предлагавшиеся оперативные планы. Так, например, Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин полагают, что «стратегический план 1940 г. предусматривал не кампанию или стратегические

наступательные операции, а сосредоточение войск на Западе и возможные активные действия в рамках фронтовых операций по двум вариантам»¹⁶. Хотя очевидно, что изложенные в этом документе оперативные соображения Генштаба РККА как раз и являлись общим наброском замысла первой кампании будущей войны и первых стратегических операций Красной армии. Точно также не обоснована попытка этих исследователей выдать частично опубликованные ими планы прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания Красной армии, разработанные в штабах западных приграничных округов в мае — июне 1941 г.¹⁷, за оперативные планы этих округов.

Но самую фантастическую версию отстаивает Ю.А. Никифоров, который полагает, что все исследователи советского оперативного планирования кардинально ошибаются в своих оценках, поскольку на самом деле «рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке [советского] нападения на Германию. Более того, нет оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной Армии упреждающего удара по сосредотачивающимся у границы немецким войскам». По его мнению, советское командование исходило из устаревшей идеи о начале войны до завершения сосредоточения главных сил войск сторон, а значит, СССР не собирался первым начинать боевые действия. Соответственно, план от 15 мая 1941 г. не является предложением нанести превентивный удар по противнику. Кроме того, превентивное нападение Советского Союза на Германию было исключено по политическим соображениям из-за опасения англо-германского соглашения, а также СССР не был готов к войне. Вообще же, как полагает Ю.А. Никифоров, для советского руководства мир с Германией был более выгоден, нежели столкновение с непредсказуемыми последствиями¹⁸. К сожалению, данные тезисы автор старается аргументировать не анализом соответствующих документов, содержание которых прямо противоречит его утверждениям, а некими общими рассуждениями.

Однако в ходе всех этих политизированных дискуссий почему-то совершенно забывается, что в отечественной историографии никто никогда не отрицал, что Советский Союз готовился к войне с Германией. Понятно, что наиболее выгодным для Москвы было нанесение внезапного удара по противнику. Совершенно очевидно, что те авторы, которые обвиняют советское руководство за подготовку к подобным действиям, как, впрочем, и те, кто старается опровергнуть подобные намерения Кремля, занимаются мифотворчеством, чем фактически блокируют изучение исторической реальности 1941 г. Однако, если мы абстрагируемся от этих антисоветских или просоветских мифов, то возникает вполне резонный вопрос, почему СССР не должен был готовить нападение на Германию? Ведь в тот момент именно Германия являлась наиболее серьезной угрозой не только для внешнеполитических интересов Советского Союза, но и для самого существования Советского государства и населяющих его народов. Поэтому советское руководство не только имело полное право, но и обязано было предпринять все доступные для него меры, которые позволили бы максимально эффективно нанести поражение своему противнику.

Обсуждая проблему предвоенного оперативного планирования в Генштабе РККА, следует помнить, что оно велось с целью решения основной задачи — обеспечить наиболее выгодное для Красной армии вступление в вероятную войну с Германией. В силу большей территориальной емкости Западного театра военных действий (ТВД) на территории СССР по сравнению с Восточноевропейским ТВД основной проблемой советских военных планировщиков являлся вопрос о том, как обеспечить

сосредоточение главных сил Красной армии на ТВД примерно в одно время с противником. Ведь в противном случае вермахт получал явные преимущества над войсками западных приграничных округов и мог бы глубоко вторгнуться на территорию СССР. Поскольку подобного развития событий следовало избежать, единственным решением становилось заблаговременное скрытое сосредоточение и развертывание главных сил РККА на западной границе. Если бы это удалось осуществить, то Красная армия получила бы возможность захватить стратегическую инициативу с самого начала войны и вести военные операции на территории противника. В результате удалось бы реализовать классический принцип военного искусства: «Нападение — лучшая оборона!».

Рассекречивание и публикация ряда оперативных документов Генштаба РККА позволили конкретизировать исследование проблемы советского оперативного планирования в 1940—1941 гг. Ныне опубликовано 4 варианта так называемых «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.», которые были подготовлены в июле и сентябре 1940 г., в марте и мае 1941 г.¹⁹. Анализ содержания этих документов показывает, что основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная армия под прикрытием развернутых на границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на ТВД сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление, нанеся удар по сосредотачивающимся у советских границ германским войскам. Отсутствие каких-либо упоминаний о возможных действиях Красной армии по отражению ожидавшихся согласно этим планам ударов вермахта показывает, что фактически планировалось подготовить упреждающий удар по развертывавшимся у советских границ германским войскам. Особенно четко эта идея выражена в документе от 15 мая 1941 г., которым Красная армия должна была руководствоваться в начале войны²⁰.

Одним из вопросов, вызвавшим бурную дискуссию, является проблема отношения советского политического руководства к этим планам военного командования. Как уже отмечалось, основные споры ведутся в отношении документа от 15 мая 1941 г. Однако следует обратить внимание на то, что документ от 18 сентября 1940 г. был 5 октября доложен И.В. Сталину и В.М. Молотову. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. В итоге доработанный «южный» вариант плана был 14 октября утвержден в качестве основного, но при этом было решено «иметь разработанным» и «северный» вариант. Тем самым советские вооруженные силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование. При этом следует отметить, что данный факт в отечественной историографии никогда не подвергался какому-либо сомнению. Таким образом, можно считать доказанным факт одобрения советским руководством общего замысла Генштаба РККА по нанесению упреждающего удара по германским войскам. Однако, как верно было указано в работах ряда авторов, опубликованные оперативные документы не позволяют однозначно решить вопрос о том, приняло ли советское военно-политическое руководство решение о нанесении этого удара.

В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном направлении сосредоточения основных усилий войск в войне с Германией. В результате был сделан вывод, что нанесение главного удара на Юго-Западном направлении при одновременном сковывании противника путем частных операций на

Северо-Западном направлении и в Румынии позволит решить несколько ключевых стратегических задач, и обеспечит наиболее эффективные действия Красной армии. Именно поэтому основную группировку советских войск планировалось сосредоточить на Украине. Как справедливо указал еще в 1991 г. генерал армии М.А. Гареев, «направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — и в этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий». Однако в случае советского наступления «упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на Юго-Западном направлении был вполне обоснован и более выгоден, чем на западном направлении», поскольку «пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника», тогда как «главный удар на Западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности»²¹. «И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникать, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался»²².

Для обеспечения прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания Красной армии на западных границах СССР в штабах западных приграничных округов были разработаны соответствующие планы. Сопоставление группировок по планам развертывания и прикрытия (см. табл. 1) показывает, что для Ленинградского (ЛВО) и Прибалтийского особого (ПриОВО) военных округов они практически полностью совпадали. Для Западного особого военного округа (ЗапОВО) они совпадали на 83%, а для Киевского особого (КОВО) и Одесского (ОдВО) военных округов — на 61,8% относительно документа от 13 июня 1941 г. То есть, советскому командованию оставалось сосредоточить и развернуть на ТВД всего 24,8% войск, предназначенных для войны с Германией. Все остальные соединения (75,2%) уже находились в западных приграничных округах, и их оставалось лишь отмобилизовать, сосредоточить и развернуть в приграничной зоне по планам прикрытия. Правда, учитывая, что развертывание первых эшелонов войск прикрытия в своих районах занимало от 3 до 25 часов, а полностью группировка на прикрытие должна была развернуться на 5-й — 10-й день²³, совершенно очевидно, что сделать это без противодействия со стороны противника можно было только до начала войны.

Насколько можно судить, все советское оперативное планирование базировалось на предположении о том, что Красная армия будет отмобилизована, сосредоточена и развернута на ТВД еще до начала военных действий. В этом случае советское военно-политическое руководство могло бы выбирать тот сценарий начала войны, который был бы наиболее выгоден в политическом плане. Соответственно, советские вооруженные силы получили бы возможность вообще сорвать вероятное германское вторжение в СССР, либо нанеся упреждающий удар, либо имея возможность перейти в наступление буквально с первых часов войны, начатой Германией. Еще одной абстрактной возможностью могла быть оборонительная операция по отражению вторжения противника на подготовленных в приграничной зоне рубежах обороны. Правда, следует отметить, что последний вариант действий в доступных документах не отражен, а фортификационное оборудование полос прикрытия и рубежей оборо-

**Соответствие группировок войск по планам развертывания и прикрытия
(май — июнь 1941 г.)²⁴**

Округа	Дивизии	Планы развертывания		Планы прикрытия	Баланс (+/-)
		15.05.41 г.	13.06.41 г.		
ЛВО	Стрелковые	15	16,5	17,5	+ 1
	Танковые	4	4	4	0
	Моторизованные	2	2	2	0
	Всего	21	22,5	23,5	+ 1
ПриОВО	Стрелковые	17	17,5	17,5	0
	Танковые	4	4	4	0
	Моторизованные	2	2	2	0
	Всего	23	23,5	23,5	0
ЗапОВО	Стрелковые	35	30	24	- 6
	Танковые	10	14	12	- 2
	Моторизованные	6	7	6	- 1
	Кавалерийские	2	2	2	0
	Всего	53	53	44	- 9
КОВО + ОдВО	Стрелковые	88	81	32 + 9 = 41	- 40
	Танковые	34	25	16 + 4 = 20	- 5
	Моторизованные	19	12	8 + 2 = 10	- 2
	Кавалерийские	5	5	2 + 3 = 5	0
	Всего	146	123	76	- 47
Итого	Стрелковые	155	145	100	- 45
	Танковые	52	47	40	- 7
	Моторизованные	29	23	20	- 3
	Кавалерийские	7	7	7	0
	Всего	243	222	167	- 55

ны должно было вестись после развертывания группировки войск на прикрытия и завершиться на 15-е — 20-е сутки²⁵.

Насколько известно, вопрос о возможной «активной обороне» затрагивался только в планах прикрытия западных приграничных округов, согласно которым советские ВВС должны были с самого начала войны «внезапным ударом по авиации противника на его аэродромах и путем нанесения максимальных потерь в воздушных боях» «завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника»²⁶. Как видим, здесь вновь речь идет об упреждающем ударе по не завершившим сосредоточение и развертывание войскам противника. Поскольку предполагалось, что в этих условиях противник не сможет нанести массированный удар главными силами, в директивах и планах прикрытия была дана установка: «При благоприятных условиях всем обороняющимся

войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»²⁷. То есть и в этих документах мы видим ситуацию, которая предполагает активные действия советских войск, а не ожидание удара врага. Естественно, что, по мнению ряда исследователей, запланированная группировка войск прикрытия была более приспособлена к наступлению, чем к обороне, причем «невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск»²⁸.

Если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это бы «означало, — по справедливому мнению М.А. Гареева, — что приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»²⁹.

Таким образом, доступные для исследования документы советского оперативного планирования подтверждают высказанное еще в начале 1960-х гг. мнение военных историков о том, что «в Генеральном штабе основные усилия направлялись на разработку одного лишь варианта действий наших войск с началом войны, а именно наступательного, хотя и этот план до конца отработан не был. Что касается другого, оборонительного, варианта плана, то о разработке его вопрос даже не ставился. Разработанный перед войной «План обороны государственной границы 1941 г.» не являлся оборонительным вариантом плана войны, он был планом прикрытия от мобилизации и развертывания наших вооруженных сил»³⁰. Кроме того, следует подчеркнуть, что все 4 опубликованных варианта оперативного планирования не являются директивами для войск, хотя и отражают единый процесс развития общего оперативного замысла действий Красной армии в случае войны. Поэтому перед российской историографией стоит задача максимально полного введения в научный оборот всех документов советского военного планирования, без решения которой не удастся в полной мере реконструировать общий замысел советского военно-политического руководства на случай войны с Германией.

Постепенное охлаждение советско-германских отношений, нарастающее игнорирование Германией советских интересов в Европе и тревожные донесения разведки об увеличении количества германских войск у западных границ СССР привели к тому, что в мае 1941 г. подготовка советского упреждающего удара перешла из стадии планирования в практическую плоскость — начался полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД 79,2% наличных сил Красной армии, обусловленный стремлением «упредить своих противников в развертывании вооруженных сил для

нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий»³¹. Всего для войны с Германией из имевшихся в Красной армии 303 дивизий было выделено 240, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и до 12 тыс. самолетов. Исходя из того факта, что «противник упредил советские войска в развертывании примерно на 25 суток», полное сосредоточение и развертывание Красной армии на Западном ТВД должно было завершиться к 15 июля 1941 г.³². Правда, следует отметить, что большая часть документов, отражающих этот процесс, все еще не введена в научный оборот. Поэтому можно предполагать, что данный вопрос также будет еще одним важным направлением будущего научного поиска.

Немалое значение для рассматриваемой темы имеют исследования вопроса о содержании советской пропаганды в преддверии войны с Германией, которые показали, что в идеологическом плане внешняя политика советского руководства была направлена на расширение «фронта социализма» на максимально возможную территорию. По мере нарастания напряженности в советско-германских отношениях со второй половины 1940 г. в советской пропаганде постепенно стала усиливаться завуалированная критика Германии, а с зимы 1940—1941 гг. советские пропагандистские структуры занялись подготовкой обеспечения будущей войны с Германией. После выступления И.В. Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., содержание которого стало объектом оживленной дискуссии, началась явная перестройка пропаганды с задачей осторожно подготовить советское общественное мнение к «неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление». Введенные в научный оборот еще в середине 1990-х гг. документы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главного управления политической пропаганды РККА от мая — июня 1941 г. как раз и содержат пропагандистское обоснование необходимости для советской стороны взять на себя инициативу начала военных действий. Реализация этого замысла позволила бы не только обезопасить СССР, но и кардинально сказалась бы на судьбах капитализма в целом³³.

Совокупный анализ оперативных документов Генштаба РККА, директивных идеологических документов ЦК ВКП(б) и военной пропаганды, а также данных о непосредственном сосредоточении Красной армии на Западном ТВД недвусмысленно свидетельствует о намерении советского руководства не просто пассивно ожидать действий Германии, а быть готовым к тому, чтобы в случае необходимости самим нанести удар по сосредотачивающимся у советских границ германским войскам. Сегодня совершенно очевидно, что, «наступательный план — это оптимальное решение задачи обороны страны для СССР»³⁴. Собственно, такой сценарий мы и видим в доступных документах советского оперативного планирования. Правда, при этом советские военные планы в определенной степени зависели от действий Берлина, то есть предполагалось, что сначала возникнет реальная угроза германского нападения, а уже затем Красная армия должна будет ее парировать упреждающим ударом. Однако реализация этого замысла требовала своевременного сосредоточения и развертывания запланированной группировки РККА на Западном ТВД. В противном случае Советский Союз оказывался пассивным объектом германского нападения.

Вместе с тем, анализируя подготовку Советского Союза к войне с Германией, следует помнить, что мы исследуем незавершенный процесс. Поэтому дискуссии относительно действительных намерений советского руководства, очевидно, будут

продолжаться. Ведь, насколько известно, несмотря на подготовку к войне с Германией, Кремль вплоть до 22 июня 1941 г. так и не принял решения об использовании военной силы для отстаивания своих интересов. Конечно, дальнейшее рассекречивание и введение в научный оборот материалов последних месяцев перед германским нападением, возможно, позволит более точно реконструировать намечавшиеся действия советского руководства. Однако, вполне вероятно, что по некоторым аспектам этой проблемы получить однозначный ответ не удастся никогда. Кстати сказать, ход ведущихся дискуссий показывает, что главным вопросом при изучении проблемы 1941 г. является вопрос о причинах, по которым советское руководство не сумело реализовать свой стратегический замысел.

Пока же можно констатировать, что поскольку Москва неправильно оценивала степень угрозы германского нападения, все советские военные приготовления оказались запоздалыми. Однако «от того, в какой степени тому или иному государству удавалось выполнить комплекс мероприятий по прикрытию и своевременному развертыванию оперативно-стратегических группировок, во многом зависел успех проведения операций начального периода войны, ее ход, а иногда и исход»³⁵. Так как в своих расчетах Германия и СССР исходили из разных сроков завершения военных приготовлений, германскому командованию в силу случайного стечения обстоятельств удалось предупредить советские войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в самом начале войны. В итоге Красная армия, находившаяся в процессе сосредоточения и развертывания на ТВД, была 22 июня 1941 г. застигнута врасплох и в момент нападения Германии оказалась не готова к каким-либо немедленным действиям — ни оборонительным, ни тем более наступательным, что самым негативным образом сказалось на ходе боевых действий в 1941 г.

- ¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. В 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 472—475; Т. 2. М., 1961. С. 14; История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 434—435, 437—439; Т. 4. М., 1975. С. 26—27.
- ² Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961. С. 98—111; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 312—322, 324—340.
- ³ *Проектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 311; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 136; *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 10—17; *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 14—17.
- ⁴ Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 17—20; 1992. № 1. С. 24—29; № 2. С. 17—22; № 4—5. С. 10—12.
- ⁵ *Суворов В.* Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; *Суворов В.* День-М: Когда началась Вторая мировая война? М., 1994; *Суворов В.* Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну? М., 1995; *Суворов В.* Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М., 1998; *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2000 и др.
- ⁶ Цит. по: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992. С. 283.
- ⁷ *Фёрстер Ю.* Историческое место операции «Барбаросса» // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 490.
- ⁸ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18. М., 1960. С. 134; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 30—32; *Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 24—25; *Фёрстер Ю.* Указ. соч. С. 494—495.
- ⁹ *Мельтюхов М.И.* Миф о «превентивной» войне // Родина. 2010. № 5. С. 13—16.
- ¹⁰ *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40—45.

- ¹¹ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 29–39; Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 65–67; Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. О характере военно-оперативных планов СССР накануне Великой Отечественной войны. Новые архивные документы // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 108–129; Анфилов В.А. Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 163–166; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 103–112, 118; Гареев М.А. Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 270–279; Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М., 2001. С. 34–37; Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 58–67; Михалев С.Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 309–316; Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 388–392; Макар И.П. Из опыта планирования стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с Германией и непосредственной подготовки к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 2006. № 6. С. 3–9; Ржешевский О.А. О советских военных планах и внешнеполитических расчетах перед нападением Германии на СССР // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 149–162; Лотуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010.
- ¹² Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // Отечественная история. 1995. № 3. С. 33–44; Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5. С. 3–20; Бобылев П.Н. Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // Отечественная история. 2000. № 1. С. 41–64; Петров Б.Н. От «революционной четоски» к военной катастрофе. Эволюция военной доктрины советского государства (1918–1941 гг.) // Военно-исторический архив. 2001. № 3. С. 18–38; Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 452–503; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). Изд. 3-е, исправ. и доп. М., 2008. С. 281–313; Минц М.М. «Стратегия сокрушения»: стратегическая и военно-техническая концепция будущей войны в структуре советской военной доктрины 1930-х — начала 1940-х годов // Российская история. 2010. № 3. С. 13–15.
- ¹³ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 62; Макар И.П. Указ. соч. С. 4.
- ¹⁴ Великая Отечественная войны 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 608–609.
- ¹⁵ Макар И.П. Указ. соч. С. 4; 1941 год: Страна в огне. В 2 кн. М., 2011. Кн. 1. С. 53; Великая Отечественная войны 1941–1945 годов. Т. 2. С. 609–610.
- ¹⁶ Горьков Ю.А., Семин Ю.Н. Указ. соч. С. 110.
- ¹⁷ Конец глобальной лжи // Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.
- ¹⁸ Никифоров Ю.А. К вопросу об интерпретации документов кануна Великой Отечественной войны в современной историографии // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных работ молодых ученых. Вып. 3. М., 2000. С. 63–79; Никифоров Ю.А. «План Г.К. Жукова» от 15 мая 1941 года: проблемы интерпретации // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 381–397; Никифоров Ю.А. Оперативно-стратегические планы Советского Союза накануне войны // 1941. Документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 145–151; Никифоров Ю.А. Подготовка СССР к войне с Германией в 1941 г.: границы дискуссии // Преддверие и начало Великой Отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения. М., 2012. С. 10–20.
- ¹⁹ 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 181–193, 236–253, 741–746, Кн. 2. С. 215–220; 1941. Документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. Вып. 1. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 280–298; 1941 год: Страна в огне. В 2 кн. Кн. 2. С. 26–40, 56–61.
- ²⁰ Следует отметить непоследовательность Ю.А. Горькова в оценке значимости документа от 15 мая 1941 г. В одних работах он отрицает факт утверждения этого документа советским руководством. Однако в явном противоречии с этим признает, что «в начальном периоде войны действия советских войск на советско-германском фронте определялись стратегическим замыслом оперативного плана, разработанного в мае 1941 года» (Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. С. 109). В другой своей работе он характеризует этот документ как «одобренный 15 мая 1941 года политическим руководством государства» (Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 2).
- ²¹ Гареев М.А. Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать // Красная Звезда. 1991. 27 июля.
- ²² Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 125–126.
- ²³ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 216–217.

- ²⁴ С учетом резерва Главного Командования в тылу фронтов, но без учета 18 дивизий развернутых в глубоком тылу центральных армий резерва Главного Командования по документам от 15 мая и 13 июня 1941 г. (1941 год — уроки и выводы. С. 214–215; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 218–219, 358–361; Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 9–13; № 3. С. 7–9; № 4. С. 3–8; № 5. С. 5–9; № 6. С. 4–7).
- ²⁵ 1941 год — уроки и выводы. С. 66.
- ²⁶ Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 14–15; № 3. С. 11–12; № 4. С. 8–10; № 5. С. 12; № 6. С. 7.
- ²⁷ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 228, 234, 240, 284; Военно-исторический журнал. 1996. № 2. С. 6; № 4. С. 3; № 6. С. 4.
- ²⁸ *Анфилов В.А.* Провал «блицкрига». М., 1974. С. 196; *Семидетко В.А.* Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 30; *Петров Б.Н.* Указ. соч. С. 12–13; *Гареев М.А.* Указ. соч. С. 128.
- ²⁹ *Гареев М.А.* М.В. Фрунзе — военный теоретик. М., 1985. С. 230; *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. С. 119–120.
- ³⁰ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 192.
- ³¹ *Азяцкий Н.Ф.* О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году // Военная мысль. 1990. № 8. С. 17.
- ³² 1941 год — уроки и выводы. С. 81–85, 111.
- ³³ *Раак Р.Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. № 3. С. 41–46; *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997; Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке к войне // Археографический ежегодник за 1995 г. М., 1997. С. 191–207; «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Источник. 1997. № 5. С. 103–147; *Вишнев О.В.* Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 77–89; *Вишнев О.В.* Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93–115; *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 г. С. 79–102, 165–187; *Кулешова Н.Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной Армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 61–72; *Кулешова Н.Ю.* «Не нынче — завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // История России XIX–XX веков: новые источники понимания. М., 2001. С. 267–279; *Кулешова Н.Ю.* «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х годов // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181–191; Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М. — СПб., 2003; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 779–781, 794–795; *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007; *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 314–340.
- ³⁴ *Исаев А.В.* Георгий Жуков. Последний довод короля. М., 2006. С. 98.
- ³⁵ *Шевелев Г.П.* Прикрытие развертывания войск // Военная мысль. 1989. № 4. С. 14.

Великая Отечественная война
в исторической памяти современной молодежи
Республики Коми
(по материалам социологических исследований
2007 – 2013 гг.)

На сегодняшний день существует значительная отечественная и западная историография по Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в самых различных аспектах от сугубо политических до психосоциальных. В такой ситуации кажется, сложно что-либо добавить. Война в основном изучалась на макроуровне: масштабные боевые действия, перемещение производительных сил и трудовых ресурсов, партизанское движение, оккупационный режим, потери в годы войны и т.д. На периферии исследовательского интереса оставались «незначительные жизненные ситуации», судьба различных категорий населения и отдельного человека.

С начала 1990-х годов и в современной международной общественно-политической риторике стал действовать эффект накопления негативного отношения к Великой Отечественной войне. Попытки переосмыслить социально-исторический опыт предшествующих поколений повлекли за собой стремление пересмотреть военную историю, сопровождавшееся фальсификацией самых разнообразных факторов и событий войны. Подрастающее поколение из средств массовой информации часто получает искаженное представление о Великой Отечественной войне, что оказывает значительное влияние на историческое сознание общества. С каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится все меньше. У современной молодежи практически не осталось прямого общения с фронтовиками. Война становится всё более далеким событием, участники её уходят из жизни — следовательно, живая память ослабевает. Историческая память складывается из памяти каждого отдельного человека. В этом смысле для объяснения глубинных механизмов и тенденций, которые действовали в обществе военного и послевоенного периодов, а также идентификации людей необходимо обращение к микроистории и нарративной методологии, что предполагает описание, изображение социального феномена во времени со всеми обстоятельствами.

В современном изучении военной проблематики значительно расширяется круг источников. Активно в исследовательское поле включаются источники личного происхождения (дневники, воспоминания, письма и т.д.), что позволяет значительно расширить исследовательское поле и методологическую базу.

При анализе представлений современной молодежи о Великой Отечественной войне в основу положены материалы биографических эссе студентов вузов г. Сыктывкара в возрасте от 20 до 24 лет. Всего в течение 2007–2013 гг. собрано 85 эссе в 63 из них присутствует информация о Великой Отечественной войне в виде воспоминаний о судьбах своих старших родственников (чаще бабушек и дедушек), перенесших тяготы войны на фронте или в тылу. Целью исследования представлений современной молодежи о Великой Отечественной войне является определение основных смысловых единиц, в которых представлена война в восприятии молодежи.

Методологическими основаниями в изучении данной проблематики является понятие исторического сознания и исторической памяти, а также рассмотрение современной молодежи Республики Коми в русле поколения¹. Сущность исторического сознания есть совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии². Большинство биографий начинается с описания жизненных путей дедушек и бабушек, реже прабабушек и более «древних предков» с конца 1920- 1940-х гг. и заканчиваются сегодняшним днем.

События, описанные в биографических сочинениях, не совпадают с важными событиями в истории Республики Коми, которые необходимо было указать респондентам в открытом вопросе анкеты 2007 г. «Абитуриент на пороге вуза». В материалах анкеты часто встречались такие события как христианизация Коми края Стефаном Пермским, вхождение Коми края в состав Русского государства, создание Коми автономии, т.е. в данном случае выпускники школ республики указывали официальные события из курса истории Коми и нет ни одного упоминания о Великой Отечественной войне как важного события в истории республики.

В биографических эссе содержание описываемых событий другое, часто описывается время коллективизации, формирование совхозов, промышленное освоение республики, работа в шахтах, лесопунктах. При этом описания времен Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) являются особенно яркими и эмоциональными.

Переходящие из уст в уста они превращаются в семейные предания, возможно, обрстая при этом подробностями, что порой сложно отличить правду от вымысла: «Моя бабушка родилась в начале войны в Смоленской области. В их деревне в зависимости от хода войны, стояли то немцы, то русские. Зимой 1941-го в деревне были немцы, в доме прабабки жил немецкий генерал. Маленький ребенок (моя бабушка) плакал, не унимался. Постовому солдату это надоело, и он выбросил ребенка на улицу, в снег. Прабабушка нашла через два часа полумертвого ребенка, который чудом выжил»³. Или такой рассказ: «Мой дедушка был ребенком войны, тогда они жили на Украине. Однажды немецкий солдат угостил его с братьями шоколадками, тогда он собрал у всех гостинцы и бросил в солдата, сказав: «Забирай свои шоколадки, чертов фашист!», а солдат улыбнулся, сказал, что нельзя себя так вести и ушел...»⁴. Вот еще один пример: «Моя прабабушка Пелагея была истинно верующей женщиной. Она вставала рано на заре, зажигала лучину и пока та горела, все клала поклоны и молилась. В поселке Намск ее все уважали и боялись, считали даже колдуньей. Прабабушка Поля рассказывала своим детям, что в годы войны, когда на фронте пропал ее муж Василий, она ждала весточки, жив он или нет. И вот, однажды, один вернувшийся солдат — фронтовик сказал, что видел моего прадеда. Один раз, она отправилась ночью с одной деревни в другую. По дороге она встретила стаю волков, она стала горячо молиться и волки прошли мимо, бабушка считала это добрым знаком и всю жизнь верила, что муж ее жив...»⁵.

Также источниками исторической памяти о Великой Отечественной войне для современной молодежи являются фотоальбомы, письма с фронта, семейные реликвии, ордена и медали.

«У моей бабушки много наград за материнство, у нее было девять детей, но самой ценной является медаль «За отвагу», которая перешла в нашу семью от бабушкиного брата. Я считаю, что пока эта вещь жива — жива и память о самом воине и о тех страшных днях»⁶. «Мы с мамой храним портрет молодого дедушки — фронтовика 1944 г., сделали несколько копий со старой фотографии и раздали родственникам, все были очень благодарны»⁷.

Современная молодежь отмечает важность сохранения исторической памяти, понимает механизмы ее воспроизводства, при этом ощущает проблему утраты памяти о войне в повседневной жизни, что также опровергает представление о современной молодежи как бездуховном, бесосновательном поколении. «Наш век — век маргинализма. Люди не знают истории своей страны, истории своей семьи, своей национальности и религии. А если и исповедуют какую-нибудь религию, то не знают ее содержания. Возможно, многие без труда определяют свою национальность, но не расскажут о ее обычаях и традициях. Но самое страшное, что люди забывают о войне, о ее героях, которые есть в каждой семье»⁸.

Таким образом, если нынешним взрослым о войне могли рассказать очевидцы, то молодежь, родившаяся уже после распада СССР, имеет об этом событии лишь умозрительное представление. Это подтверждают данные опроса, проведенного Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ). Оказалось, что точную дату и год начала Великой Отечественной войны — 22 июня 1941 года — знают лишь две трети россиян, больше всего таких «непомнящих» оказалось среди молодежи в возрасте 18–24 лет⁹. В данной ситуации главным источником сохранения памяти о Великой Отечественной войне остается семья. Война актуализирована в сознании тех молодых людей, которые знают, как она напрямую коснулась их семей, как на фронтах воевали их родственники, либо члены семьи работали и терпели лишения в тылу, отдавая все во имя победы. Весь комплекс представлений о войне в биографических эссе современной молодежи республики пронизан, с одной стороны, общей бедой, страхом перед повторением, а с другой чувством гордости за своих воевавших предков, пониманием значения их подвига для страны, для семьи. При этом знание отечественной истории тесно связано с формированием гражданской самоидентификации современной молодежи. Решить проблему патриотического воспитания современной молодежи невозможно без знания военной истории и духовных традиций государства, без учета особенностей ситуации в регионе и стране в целом. Чувство патриотизма, это не только поддерживаемая государством идеология, это сплетающиеся пласты истории народа, веры и культуры, чувство народное, гражданственное. В данном случае остро встает проблема объективного и всестороннего освещения событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., чтобы в результате многочисленных пересмотров, не происходили фальсификации и политически ангажированные искажения смыслов, которые оказывают значительное влияние на формирование общественного сознания.

¹ См. подр: Карлов В.В. Заметки на «мосту между прошлым и будущим», или историческое сознание этноса как феномен и объект изучения. // Этнографическое обозрение.- 2004.- №2. — С.3–20.; Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния. // Новая и новейшая история. — 2000. — №4. — С.3.; Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.5–95.

² Тощенко Ж.Т. Указ.соч. С.3.

³ ПМА: Из эссе студентки филологического факультета КППИ, 1984 г.р.

⁴ ПМА: Из эссе студента экономического факультета Сыкт ГУ, 1987 г.р.

⁵ ПМА: Из эссе студентки филологического факультета Сыкт ГУ, 1987 г.р.

⁶ ПМА: Из эссе студентки филологического факультета Сыкт ГУ, 1991 г.р.

⁷ ПМА: Из эссе студента экономического факультета Сыкт ГУ, 1988 г.р.

⁸ ПМА: Из эссе студента математического факультета Сыкт ГУ, 1986 г.р.

⁹ Электронный ресурс: Опрос, шокировавший многих: треть россиян не помнят, когда началась Великая Отечественная война // Прайм-тасс. Агентство экономической информации 22.06.2007. Режим доступа: <http://www.prime-tass.ru/news/articles>

О реализации межправительственного соглашения между Россией и Германией «Об уходе за военными могилами...»

Масштаб Второй Мировой войны потребовал серьёзной многолетней работы, проводимой государством в международном плане. Поэтому уже четверть века действуют межправительственные соглашения в рамках военно-мемориального сотрудничества между бывшими противниками во Второй мировой войне. Военно-мемориальная работа включает в себя систему мероприятий по отданию государственного, воинского и гуманитарного долга памяти военнослужащих и гражданских лиц, защищавших Отечество, а также иностранных граждан, воевавших в армии противника.

Важнейшие решения в военно-мемориальной сфере были приняты на *Женевских конференциях по защите жертв вооруженных конфликтов*: 20 сентября 1948 г. швейцарский бундесрат при содействии Международного Красного Креста пригласил на дипломатическую конференцию представителей правительств 70 государств. 21 апреля 1949 г., в Женеве эту конференцию открыл Макс Петитпиоер¹.

Приглашение приняли 59 государств, а еще двенадцать, совместно с представителями международных организаций, участвовали в качестве наблюдателей. 12 августа, после голосования был подписан Заключительный акт конференции.

Всего состоялись четыре Женевских конференции по следующим вопросам:

- Конференция по вопросам облегчения участи раненых и больных военнослужащих сухопутных войск (I);
- Конференция по вопросам облегчения участи раненых, больных и потерпевших крушения военнослужащих военно-морских сил (II);
- Конференция по вопросам содержания военнопленных (III);
- Конференция по вопросам защиты гражданских лиц в военное время (IV).

5. Из Женевской конвенции:

Статья 16: Стороны, находящиеся в конфликте, должны будут зарегистрировать, как только это будет возможно, все данные, способствующие установлению личности раненых, больных, потерпевших кораблекрушение и умерших неприятельской стороны, попавших в их руки. Эти сведения должны по возможности включать следующие данные:

- a) держава, за которой числится данное лицо;
- b) войсковой или личный номер;
- c) фамилия;
- d) имя или имена;
- e) дата рождения;
- f) все другие сведения, содержащиеся в его удостоверении личности или опознавательном медальоне;
- g) дата и место взятия в плен или смерти;
- h) сведения, касающиеся ранений, болезни или причины смерти.

Упомянутые выше данные должны быть, по возможности, скорее доведены до сведения Справочного бюро, предусмотренного в статье 122 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными, которое передает эти сведения державе, за которой числятся эти военнопленные, через посредство державы-покровительницы и Центрального агентства по делам военнопленных. Стороны, находящиеся в конфликте, должны будут подготавливать и отправлять друг другу через посредство того же бюро свидетельства о смерти или надлежащим образом удостоверенные списки умерших. Они будут собирать и передавать друг другу, также через посредство этого бюро, половину двойного опознавательного медальона или сам опознавательный медальон, если он одинарный, завещания и прочие документы, имеющие значение для семьи умершего, деньги и вообще все предметы, имеющие объективную или субъективную ценность, найденные на умерших. Эти вещи, а также неопознанные вещи будут пересылаться в запечатанных пакетах, к которым будет прилагаться заявление, содержащее все сведения, необходимые для установления личности умерших владельцев, и полный перечень содержимого пакетов.

Статья 17:

Стороны, находящиеся в конфликте, примут необходимые меры для того, чтобы погребение в земле или кремация производились, насколько это возможно, индивидуально и чтобы им предшествовал внимательный и, если возможно, медицинский осмотр тел, с целью констатирования смерти, удостоверения личности и возможного отчета об этом. В тех случаях, когда имеется двойной опознавательный медальон, половина медальона должна оставаться на теле, а в случаях, когда медальон неразъемный, то таковой должен оставаться на теле целиком.

Стороны, находящиеся в конфликте, примут необходимые меры для захоронения павших со всеми почестями и, по возможности, с соблюдением обрядов той религии, которую исповедовали погибшие, в дальнейшем обозначить место захоронения и принадлежности павших к определенному государству, для того, чтобы могила могла быть всегда найдена. Для этих целей, с началом конфликта, этими вопросами занимается соответствующая похоронная служба, дабы обеспечить последующую возможную эксгумацию и идентификацию останков, и дальнейшую отправку их на родину»².

Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны³ и Дополнительные протоколы⁴ к ним, будучи нормативными документами международного гуманитарного права, были официально признаны Российской Федерацией как правопреемницей СССР⁵ и имеют обязательный характер для соблюдения в системе российского законодательства. Согласно этим правовым нормам, сохранность и содержание иностранных воинских захоронений определяются межправительственными соглашениями о статусе мест погребения погибших военнослужащих. С 1991 г. такие соглашения заключены правительством Российской Федерации с правительствами 14-ти стран Европы и Азии. Для их реализации в 1991 г. в Москве была создана некоммерческая гуманитарная организация, именуемая Ассоциацией международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы» (далее — Ассоциация «Военные мемориалы»), которая с 1995 г. стала организацией, уполномоченной правительством РФ на реализацию подобных межправительственных соглашений⁶.

Условия соглашений с различными странами имеют свою специфику как по объему, так и по характеру обязательств, взятых на себя договаривающимися сторонами. Но во всех соглашениях предусмотрены меры по поиску, учету и содержанию ино-

странных воинских захоронений и безвозмездное предоставление для них земельных участков. Определены задачи по установлению государственной принадлежности, судьбы и мест погребения военнослужащих, а также по обмену информацией в вопросах проведения эксгумации воинских останков, их идентификации и перезахоронения на родине⁷.

С ФРГ соглашение «Об уходе за военными могилами в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии» было подписано 16 декабря 1992 г.⁸ **В соответствии с ним уход и содержание российских (советских) воинских захоронений на территории Германии, а также уход, содержание и обустройство немецких воинских кладбищ на территории России финансирует немецкая сторона.**

Партнером Ассоциации «Военные мемориалы» по означенным вопросам с германской стороны является организация Народный союз Германии по уходу за военными могилами (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge; далее — Народный союз), созданная еще в 1919 г. В рамках подписанных на сегодняшний день 24-х межправительственных договоров (в том числе и с Россией) Народный союз выполняет свою задачу в странах Европы, а также в Северной Африке. Ныне Народный союз ухаживает за 827 военными кладбищами в 45 странах с общим числом захороненных около 2 млн⁹.

В настоящее время Народный Союз, насчитывающий 350.000 активных членов и спонсоров, а также свыше 1 млн. непостоянных спонсоров и интересующихся его работой, — это гуманитарная общественная организация, в задачи которой входят сбор и учёт данных о немецких воинских захоронениях за рубежом, эксгумация и перенос останков погибших на сборные кладбища. Народный союз организует поездки родственников к захоронениям для возложения венков, а также осуществляет поддержку международной деятельности в области ухода за военными захоронениями и способствует проведению международных встреч ветеранов и молодых людей на местах захоронений павших солдат. Работа Народного союза на 70—90 % финансируется за счёт взносов, пожертвований, доходов от наследства и завещаний и средств, поступающих от добровольных сборов, которые традиционно проводятся один раз в год по всей Германии. Значительный вклад в сбор таких добровольных пожертвований, организуемых в казармах, подомно или на улицах вносят и солдаты бундесвера, а также гражданский персонал воинских частей¹⁰. Оставшаяся часть поступает из Федерального бюджета и бюджета земель. Правительство ФРГ оказывает Народному союзу финансовую поддержку в размере 25 млн. евро в год.

С момента подписания совместного соглашения Ассоциация «Военные мемориалы» выявила и передала германской стороне информацию о судьбе и местах погребения около 400 тыс. немецких военнослужащих, установила местонахождение более 2 тыс. кладбищ военнопленных, на которых имеются погребения немецких военнослужащих. В 32-х регионах России были реконструированы либо вновь построены более 80-ти таких кладбищ.

Сегодня на территории России бывшие противники стремятся следовать общеевропейской практике укрупнения воинских захоронений, то есть создания сборных кладбищ. Совместными усилиями на них переносятся останки военнослужащих вермахта, эксгумированные с кладбищ, созданных во время войны. На конец 2009 г. в России было создано 19 сборных кладбищ, на которых захоронены (перезахоронены) останки более 300 тыс. иностранных военнослужащих, преобладающее большинство из которых немецкие военнослужащие¹¹. Они расположены в Калинин-

градской, Новгородской, Волгоградской, Мурманской, Ленинградской, Смоленской, Тверской, Псковской, Курской, Воронежской областях, Республике Карелия и Краснодарском крае.

При проведении этих работ чрезвычайно важно считаться с чувствами граждан России, которые пережили все ужасы войны и оккупации. Это в определенной мере учитывает инструкция Народного союза Германии, где в одном из разделов говорится: *«Сотрудники заграничной службы погребения должны осознавать тот факт, что они осуществляют деятельность, выходящую за рамки обычного. Работы по выявлению мест захоронения, зондаж почвы, эксгумация и перезахоронение жертв войны и насилия воспринимаются населением (по преимуществу населением стран Восточной и Центральной Европы), как деятельность, особым образом задевающая чувства людей, проживающих в этих регионах. Эта деятельность всегда требует проведения серьезной разъяснительной работы, а зачастую вынуждает давать и веское юридическое обоснование необходимости проведения такого рода работ. Местное население, региональные и федеральные власти, включая также и представителей германских посольств, средств массовой информации, непременно обратят внимание на эту работу и в дальнейшем будут следить за ходом работ по эксгумации погибших. Интерес к эксгумационным работам проявляют также ветераны войны и их близкие родственники. При этом не всегда приходится рассчитывать на одобрение и поддержку проводимых эксгумационных работ. В иных случаях следует быть готовым к тому, что факт проведения эксгумационных работ будет подвергнут жесткой критике и встретит явное непонимание... Все связанные с эксгумацией работы должно всегда проводить при условии строгого соблюдения принципов уважительного отношения к достоинству погибших лиц»*¹².

Два из сооруженных немецких сборных кладбищ соседствуют с воинскими мемориалами, посвященными павшим советским солдатам. Это наиболее крупные — в Ржеве и Волгоградской области, где на церемонии открытия советского воинского кладбища в Россоске 23 августа 1997 г. возложил венок и выступил со словами покаяния за содеянное в годы фашистского нашествия посол Германии в России Э.-Й. фон Штудниц¹³.

Серьёзная совместная работа ведётся и по прояснению судеб советских воинов, пропавших без вести. Так, в 2005 г. в Твери и в 2006 г. в Курске президент Народного союза Р. Фюрер вручил родственникам советских военнопленных, умерших и захороненных в Германии, копии немецких документов о судьбах и местах захоронения их близких.

В рамках работы совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений, российской компанией «Электронные архивы» проводится компьютерная обработка персональных карточек на более чем 900 тыс. советских военнопленных (солдат и сержантов). Это позволит установить до 80% точных мест захоронения бывших советских военнопленных, покоящихся на немецкой земле. На начало 2008 г. было обработано более 800 тысяч карточек¹⁴. Результатам работы по созданию базы данных «Советские воинские захоронения в Германии» был посвящён российско-германский colloquium «Память о погибших: советские воинские захоронения периода 1941—1945 годов в России и Германии», состоявшийся 26 ноября 2015 года в Центральном музее Вооружённых Сил Российской Федерации¹⁵.

Что касается советских воинских захоронений, то в общей сложности на территории Германии находятся 3.600 таких мест, где погребены около 760 тыс. советских граждан¹⁶. Всего же на территории Германии — более 4.000 мест¹⁷, где

находятся могилы советских жертв Второй мировой войны и посвящённые им памятники, могилы русских военнопленных Первой мировой войны, а также военнослужащих советских войск, располагавшихся в послевоенное время в Германии. В хорошем состоянии этих сооружений ежегодно имеют возможность убедиться члены делегаций ветеранов, представителей государственных органов и общественных организаций из России, Белоруссии и Украины, приглашаемые для участия в мероприятиях по случаю Дня Всенародной скорби, который отмечается в Германии ежегодно каждое третье воскресенье ноября.

В работе по обустройству немецких воинских захоронений на территории России и по уходу за советскими воинскими мемориалами на территории Германии Народный союз придает большое значение поддержанию тесного взаимодействия с ветеранскими организациями Российской Федерации и стран СНГ.

Важно отметить, что в 2010 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1313 от 01.10.2007 г.¹⁸ при Посольстве РФ в Германии было открыто Представительство Министерства обороны по организации и ведению военно-мемориальной работы в Федеративной Республике Германия. Рассмотрим основные направления этой работы и её результаты.

Одна из основных задач военно-мемориальной работы является паспортизация российских (советских) воинских захоронений с последующим составлением учётной карточки (паспорта воинского захоронения), к которой прикладывается список захороненных. Данный паспорт содержит информацию о местонахождении захоронения, его виде, количестве захороненных, его состоянии. В нём также приводится план кладбища, с указанием места нахождения захоронения. Учётная карточка составляется на 2-х языках, в 3-х экземплярах. Один экземпляр остаётся у местных органов власти, второй — в Посольстве России, третий направляется в Москву, где проходит его оцифровка и размещение в Обобщённом компьютерном банке данных Министерства обороны РФ «Мемориал», которым ежедневно пользуются миллионы жителей России и других стран, а также иностранные специалисты и поисковики.

Основная цель паспортизации — составление полного перечня российских (советских) воинских захоронений, предоставление возможности родственникам погибших на основе содержащихся в карточке сведений самостоятельно найти могилу своего близкого.

Завершена паспортизация всех восточных земель (Берлин, Бранденбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саксония, Саксония-Ангальт, Тюрингия), а также западных земель Бремен, Гамбург, Саар, Шлезвиг-Гольштейн. Продолжается работа в следующих землях: Бавария, Баден-Виртенберг, Гессен, Нижняя Саксония, Рейнланд-Пфальц, Северный Рейн-Вестфалия.

Составной частью паспортизации является установление судеб погибших

Возвращение им имён и розыск мест захоронений. Данная работа проводится во взаимодействии с представителями российских и немецких архивных организаций, немецкими и международными организациями. Тесные контакты установлены со службой розыска Немецкого Красного Креста, с Международной службой розыска, Службой оповещения родственников бывших военнослужащих вермахта (бывший архив вермахта ВАСГ), документационным центром Фонда «Саксонские мемориалы», Бранденбургским обществом дружбы и др. Благодаря активному сотрудничеству ежемесячно удаётся устанавливать до 100 человек, ранее числившихся без вести пропавшими.

С августа 2010 г. по настоящее время Представительством Минобороны России по организации и ведению военно-мемориальной работы за рубежом установлено 56.048 судеб граждан России и бывшего СССР, погибших и скончавшихся в Германии в годы Первой и Второй мировых войн. За этот же период на мемориальных плитах увековечена память 12.928 человек¹⁹.

Весной 2015 г. в свободном доступе в сети Интернет запущен электронный ресурс «База данных мест захоронений советских (российских) граждан на территории ФРГ». Этот проект был реализован силами вышеназванного Представительства Минобороны России совместно с российско-германским музеем «Берлин-Карлхорст». Работа по созданию данной базы (на русском и немецком языках) велась с 2012 года.

С 2010 по июнь 2016 г. на территории Германии немецкими поисковыми организациями — Немецким Народным Союзом и Союзом по поиску погибших в Восточной Европе было проведено 6 международных экспедиций по поиску останков погибших советских воинов²⁰. Останки более 350-ти воинов торжественно перезахоронены на советских воинских мемориалах Германии²¹. Автору довелось принять участие в 2-х из этих международных экспедиций

Что касается финансирования, отметим, что ежегодно на содержание всех воинских захоронений Правительством Германии выделяется около 20 млн. евро, из которых 70% идёт на возмещение расходов местных органов власти по уходу и содержанию захоронений, а также их перенос, который производится исключительно с согласия Российского Посольства. В период с 2010 г. в Германии отремонтировано 74 российских (советских) воинских захоронения. При финансовой поддержке РФ проведён ремонт 16 объектов, за счёт финансовых средств Германии — 58 объектов. В 2013 г. завершена масштабная реконструкция советского военно-мемориального комплекса в Берлине-Панкове. На эти цели из федерального бюджета ФРГ было выделено более 10 млн. евро. На 2015 г. был запланирован ремонт 19 российских (советских) воинских захоронений²².

Способствует развитию международного военно-мемориального партнерства и деятельность общественных поисковых объединений на всей территории бывшего СССР, на местах бывших сражений Великой Отечественной войны. В ходе работ по розыску пропавших без вести бойцов и командиров Красной армии нередко обнаруживаются и останки солдат вражеских армий (немцев, венгров, румын, итальянцев и других), как правило, также числящихся пропавшими без вести. Их опознание проводится по сохранившимся фрагментам униформы и снаряжения, а порой — по личным опознавательным знакам (металлическим жетонам). Ежегодно российские добровольные поисковые формирования передают останки немецких солдат для захоронения на сборных кладбищах на территории России, а об обнаруженных личных опознавательных знаках, как правило, извещают Немецкую Службу ВАС.

Добавим, что ещё в 1990-е гг. Ассоциация «Военные мемориалы» подготовила и выпустила ряд изданий²³, которые были первой попыткой методически обеспечить поисковые работы и связать их с другими направлениями военно-мемориальной деятельности²⁴.

Рассмотрение темы военно-мемориального сотрудничества бывших противников имеет и историко-психологический аспект. В настоящее время сложилось некое сотрудничество государственных структур и общественных организаций, которые были уполномочены правительствами России и Германии реализовывать соглашение по уходу за воинскими захоронениями. Ведь органы государственной власти могли осуществлять это лишь в рамках своих официальных мероприятий. Им потребовалась

помощь на уровне «народной дипломатии», и ее оказывали ветераны обеих стран при координации инициативной группы «Примирение». В 1995 г. был создан центр международного сотрудничества «Примирение» как авторитетная организация, представлявшая интересы общественных структур России и Германии, а также значительного числа отдельных граждан, которым стали близки эти идеи.

По инициативе центра контакты в сфере примирения стали на разных уровнях развиваться по линии породненных городов Санкт-Петербург — Гамбург, где наиболее эффективно заработало направление, связанное с молодежным движением. Именно молодежные акции оказались хорошим способом формирования новых отношений, так как у подрастающего поколения 1990-х гг. не было личной причастности к военным событиям 50-летней давности. Ведь именно фактор личного горя порождал среди тех, кто пережил войну, наибольшее количество конфликтных ситуаций. Молодежь же своими акциями решала задачи по смягчению напряженности, способствуя взаимопониманию и стиранию идеологических и морально-этических помех между представителями некогда враждебных народов. Удалось наладить наиболее эффективные направления сотрудничества, например по проведению международных молодежных лагерей. Один из первых международных молодежных лагерей по уходу за воинскими захоронениями был организован в Санкт-Петербурге в 1993 г. С этой инициативой выступило Гамбургское объединение Народного союза Германии. Местом проведения акции стал Сестрорецк, где молодые волонтеры из городов-побратимов приводили в порядок немецкое кладбище военнопленных, а затем выезжали на советские мемориалы на Невском пятачке, Синявинских высотах и на Пискаревском кладбище. Идея проведения молодежного лагеря оказалась удачной и по той причине, что в данном случае речь шла не о погибших вооруженных солдатах, а о военнопленных, то есть о людях, которые стали подневольной рабочей силой. Эта категория в психологическом плане легче воспринималась в качестве жертв войны.

Следующий лагерь готовился уже более основательно. Через институты и школы с уклоном на изучение иностранных языков начался подбор достойных кандидатов на поездки в международные лагеря в Гамбурге, Польше, Франции и Санкт-Петербурге²⁵. Возникнув в начале 1990-х гг., международные лагеря становятся все более популярной формой общения молодежи разных стран²⁶. Подобные совместные ежегодные акции проходят и с участием делегаций военнослужащих обеих стран²⁷.

Что же касается воевавших поколений, важно отметить, что уже с 1992 г., после первой официальной встречи ветеранских организаций России и Германии на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, стали практиковаться совместные поездки бывших участников тех сражений. Это способствовало не только развитию процесса примирения, но и углубленному пониманию исторической правды о событиях 50-летней давности. Такого рода поездки активно продолжались в течение 15-ти лет, пока возраст и здоровье позволяли ветеранам обеих стран путешествовать в длительные путешествия.

Подобные визиты дружбы стали практиковаться и на уровне городов-побратимов. Так, например, состоялись обмены делегациями городов Серпухов и Линдау (Бавария). В 1993 году, осенью, группа немецких ветеранов 268-й пехотной дивизии совершила поездку по маршруту, повторяющему боевой путь этой воинской части в 1941—1943 годах — по Смоленской, Калужской и Московской областям²⁸.

Сегодня своеобразная эстафета перешла к детям солдат, так называемому «отечеству без отцов», которые приезжают на благоустроенные немецкие солдатские кладбища, где покоятся их родственники²⁹.

Как мы видим, военно-мемориальное сотрудничество бывших противников на уровне государственных уполномоченных организаций³⁰, а также многих фондов и обществ³¹ и даже отдельных добровольцев³², осуществляет важную гуманитарную миссию. Оно возвращает для потомков из небытия и увековечивает всеми доступными средствами имена жертв и героев самой масштабной и кровопролитной войны в истории человечества, целенаправленно содействует примирению народов и предотвращению войн, столь пагубных для человечества и цивилизации.

- ¹ Макс Петитпирр (26 февраля 1899 — 25 марта 1994) швейцарский политик, министр иностранных дел, возглавлял учреждение федерального президента.
- ² Schicksal in Zahlen. Informationen zur Arbeit des Volksbundes Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V. Kassel. 2000. S. 51–53.
- ³ О ратификации Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 апреля 1954 г. // Сборник законов СССР, 1938–1975. Т. 2. М., 1975. С. 249–250; Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. Раздел III. Лица, пропавшие без вести и умершие. Б/г. С. 228–230.
- ⁴ Женева, 8 июня 1977 г.
- ⁵ СССР подписал Протокол I, касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов 12 декабря 1977 г. Вступил в силу 7 декабря 1978 г. (Вестник МИД СССР, 1989. № 17. С. 15). Протокол вступил в силу для СССР 29.03.1990 г.
- ⁶ Российская газета. 1995. 9 нояб. С. 6.
- ⁷ *Быстрицкий А.Н.* Ассоциация «Военные мемориалы», ее задачи и первые итоги // *Конасов В.Б., Судаков В.В., Быстрицкий А.Н.* ...Пока не похоронен последний солдат: Очерки и документы. Вологда М., 1997; *Садовников С.И.* Поиск, ставший судьбой. М., 2003. С. 43–47.
- ⁸ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 21.12.1992. № 25; Bundesgesetzblatt, Jahrgang 1994, Teil II. S. 598–604.
- ⁹ Presse-Information. Народный союз Германии по уходу за военными могилами. Краткая информация. Кассель, 2008.
- ¹⁰ Schicksal in Zahlen. Informationen zur Arbeit des Volksbundes Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V. Kassel, 2000. S. 97; Народный Союз Германии по уходу за воинскими могилами. Краткая информация. 2015. Архив автора.
- ¹¹ Электронный ресурс: www.voennie-memorialy.ru
- ¹² Служебная инструкция службы перезахоронения Народного союза Германии по уходу за воинскими могилами. Кассель, 1996. С. 13. (пер. с нем.).
- ¹³ *Орешкина Г.А.* Россошинский мемориал. Волгоград, 2009. С. 3.
- ¹⁴ Справка о деятельности Народного союза Германии по уходу за военными могилами. Архив автора.
- ¹⁵ Международный коллоквиум в Центральном музее Вооружённых Сил РФ // Военная археология. 2016. № 1(40). С. 3
- ¹⁶ Советские воинские захоронения на территории Германии. Кассель, 2006. С. 5.
- ¹⁷ Из приветственного слова Гюнтера Заатхоффа, члена Правления Фонда «Память, ответственность и будущее». 26 ноября 2015 г. Центральный музей Вооружённых Сил, г. Москва.
- ¹⁸ Указ Президента РФ от 01.10.2007 N 1313 «О представительствах Министерства обороны Российской Федерации в иностранных государствах, на территориях которых имеются российские воинские захоронения»
- ¹⁹ Отдел по военно-мемориальной работе Посольства Российской Федерации в ФРГ. Краткая информация. Листовка. Архив автора.
- ²⁰ В Германии состоялась поисковая экспедиция // Военная археология. 2015. № 6(39). С. 5–6;
- ²¹ *Птухин Э.* Помним и гордимся // Военная археология. 2014. № 6(33). С. 6;
- ²² Отдел по военно-мемориальной работе Посольства Российской Федерации в ФРГ. Краткая информация. Листовка. Архив автора.
- ²³ *Мартынов В.Е., Меженько А.В., Садовников С.И., Толочко В.В.* Проведение поисковых и эксгумационных работ воинских захоронений защитников Отечества и иностранных военнослужащих. Методические рекомендации. М., 1995; *Мартынов В.Е., Меженько А.В., Садовников С.И., Соколов Д.К., Толочко В.В.* Руководство по поисковым и эксгумационным работам. М., 1997.
- ²⁴ *Быстрицкий А.Н., Толочко В.В.* Военно-мемориальная работа и проблемы поиска. Материалы межрегиональной науч.-практич. конф. «Воинский подвиг защитников Отечества»: традиции, преемственность, новации. Ч. 3. Вологда, 2000. С. 214–224.

- ²⁵ *Лебедев Ю.* Примирение над могилами: историко-психологический аспект <<http://www.clubvi.ru/news/2009/09/26/1/>>.
- ²⁶ В Волгоградской области открывается международный молодежный лагерь по уходу за воинскими захоронениями <<http://www.rian.ru/society/20040718/635669.html>>; *Сотникова А.* В Курске подвели итоги интернационального молодежного лагеря по уходу за воинскими захоронениями <www.kurskcity.ru/archive.php?year=2009>; *Орешикина Г.А.* Указ. соч. С. 6.
- ²⁷ *Кленов Ю.* Печальный след войны. На местах боев встретились военно-служащие России и ФРГ <<http://www.lomuza.spb.ru/.../index.php?>>; 90-й отдельный специальный поисковый батальон // Военная археология. 2010. № 5(8). С. 8; Общая память // Военная археология. 2010. № 5(8). С. 34–41; Военнослужащие Министерства обороны РФ посетили Германию // Военная археология. 2014. № 6(33). С. 7.
- ²⁸ *Мамонтов Б.* Угра (путевые заметки). // Окская провинция. 1993. 25 сент. С. 4–5.
- ²⁹ *Стешин Д.* Земля на всех одна? // Комсомольская правда. 2000. 12 сент.; *Лебедев Ю.* Указ. соч.
- ³⁰ *Карлов А.Г.* Страна помнит своих героев: о военно-мемориальной работе за рубежом // Международная жизнь. — 2010. № 3. С. 90–96.
- ³¹ *Диттинг В., Херман Х., Клатт Х.И. и др.* Советские воинские кладбища и мемориальные памятники в Германии. М., 2008; *Торгашев А.* Зееловские высоты. Взгляд сквозь время // Военная археология. 2010. № 6(9). С. 27–38; *Птухин Э.* Помним и гордимся // Военная археология. 2014. № 6(33). С. 5; *Птухин Э.* Временная выставка в музее «Зееловские высоты» // Военная археология. 2012. № 4(12). *Бальзам Р.* Обратно в Россию // Военная археология. 2013. № 4(25). С. 50–55; С. 3–5; *Птухин Э.* Международная общественная организация «Обелиск интернационал» // Военная археология. 2015. № 1(34). С. 2–3; В Германии состоялась поисковая экспедиция // Военная археология. 2015. № 6(39). С. 5–6.
- ³² См., напр.: *Каржавин Б., Фурман Г.* Немецкая подводная лодка U-250. Санкт-Петербург — Йена, 1994–1996. 71 с. (пер. с нем.); *Черненко Е, Седаков П., Рагозин Л., Рыклина В.* Хоронить вечно // Русский Newsweek. 2008. № 18–19. С. 20–28; *Кудрявцев А.* Инициатива снизу // Военная археология. 2009. № 2. С. 15–17; *Птухин Э.* Судьба свободолюбивого пленника // Военная археология. 2012. № 2(17). С. 18–21; *Мауэр К.В.* В поиске следов // Военная археология. 2016. № 1(40). С. 8–13; *Ромашова О.* Фронтные письма ищут адресатов // Военная археология. 2016. № 1(40). С. 15–19.

Сведения об авторах

- Афиани Виталий Юрьевич**, кандидат исторических наук, Архив РАН, директор, г. Москва; 8-499-129-19-10; academ_archive@mail.ru
- Ащеулов Олег Евгеньевич**, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник, г. Москва, 8-916-228-22-86; olea80@mail.ru
- Бойко Надежда Владимировна**, кандидат исторических наук, Архив РАН, старший научный сотрудник, ученый секретарь редколлегии серии «Научное наследство», г. Москва, 499-129-3488; nv-boyko@mail.ru
- Бровина Александра Александровна**, кандидат исторических наук, Коми НЦ УрО РАН, зав. отделом гуманитарных междисциплинарных исследований, г. Сыктывкар; 8-912-117-64-15; brovina72@mail.ru
- Бухерт Владимир Генрихович**, кандидат исторических наук, Архив РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 499-129-34-88; buhert-1955@mail.ru
- Быстрова Ольга Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 916-232-10-45; bystrova63@mail.ru
- Гуськов Андрей Геннадьевич**, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, руководитель Информационно-аналитического отдела, г. Москва; 926-168-29-35; iad_iriran@mail.ru
- Дроздов Константин Сергеевич**, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, научный сотрудник, зав. научным архивом, г. Москва; 8-926-915-47-04; K-Drosdow@yandex.ru
- Елина Ольга Юрьевна**, доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, главный научный сотрудник, г. Москва; 8-985-997-55-78; olga.elina25@gmail.com
- Иноземцева Зинаида Петровна**, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ; журнал «Вестник архивиста», зам. главного редактора, г. Москва; 8-917-586-76-72; zinaida33@bk.ru
- Киселев Михаил Юрьевич**, кандидат исторических наук, Архив РАН, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, г. Москва; 499-129-37-66; kiss_ran@mail.ru
- Косырева Екатерина Вячеславовна**, кандидат исторических наук, Архив РАН, руководитель Центра комплектования, г. Москва; 499-129-01-22; katya_ran@mail.ru
- Крамаренко Ирина Борисовна**, Архив РАН, младший научный сотрудник, г. Москва; 499-129-52-51; irina2015.kramarenko@yandex.ru
- Кузьменко Татьяна Андреевна**, Архив РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 499-129-07-66; takuzmenko@mail.ru
- Лаптева Татьяна Николаевна**, Архив РАН, научный сотрудник, г. Москва; 499-129-53-39; lapti-stv@yandex.ru
- Лисевич Нина Григорьевна**, Коми НЦ УрО РАН, главный архивист отдела гуманитарных междисциплинарных исследований, г. Сыктывкар; 821-224-50-14; lisevich@presidium.komisc.ru
- Мельников Андрей Васильевич**, кандидат исторических наук, Архив РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 499-129-34-88; avserbor@yandex.ru

- Мельтюхов Михаил Иванович**, доктор исторических наук, Всероссийский НИИ документоведения и архивного дела, старший научный сотрудник, г. Москва; 495-613-70-81, spomch@yandex.ru
- Миронова Наталья Петровна**, кандидат исторических наук, Коми НЦ УрО РАН, научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований, г. Сыктывкар, 908-328-18-58, sidnap@mail.ru
- Осипова Надежда Михайловна**, кандидат исторических наук, Архив РАН, ученый секретарь, г. Москва; 499-129-35-66; osunoba@mail.ru
- Пивовар Ефим Иосифович**, член-корр. РАН, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, президент, г. Москва; rggu@rggu.ru
- Полонский Дмитрий Георгиевич**, кандидат технических наук, Архив РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 499-129-34-88; dpolon@gmail.com
- Рахаев Джамал Якубович**, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник, г. Москва, 906-742-14-89; jamal_rv@mail.ru
- Садовников Сергей Иванович**, кандидат исторических наук, журнал «Военная археология», редактор, г. Москва; 985-636-97-07; Sadovnikovs@yandex.ru
- Самоделова Елена Александровна**, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 495-393-99-74; helsa@rambler.ru
- Сенявская Елена Спартаковна**, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, г. Москва; 916-844-26-38; senyavsky@yandex.ru
- Серазетдинов Борис Уразбекович**, кандидат исторических наук, доцент, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, г. Москва; 926-015-04-26; sbu54@bk.ru
- Тихонов Виталий Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 905-515-25-23; tihonovvitaliy@list.ru
- Федоров Максим Львович**, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы РАН, старший научный сотрудник, г. Москва; 926-208-42-94; maksimfyodorov@yandex.ru
- Хартанович Маргарита Федоровна**, доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), заведующая Отделом (Музей М. В. Ломоносова), г. Санкт-Петербург; 921-922-52-91; mkhart@yandex.ru

Научное издание

Великая Отечественная война
в современном общественно-историческом сознании
(историческая память, восприятие, увековечение):
Материалы Всероссийской научной конференции,
г. Москва, Архив РАН, 16 мая 2016 г.

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

Подписано в печать ???.?.2016. Формат 70х100/16. Печать офсетная
Гарнитура PetersburgTT
Тираж 300 экз. Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 13,5. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

ISBN 978-5-9902500-0-0

9 785990 250000